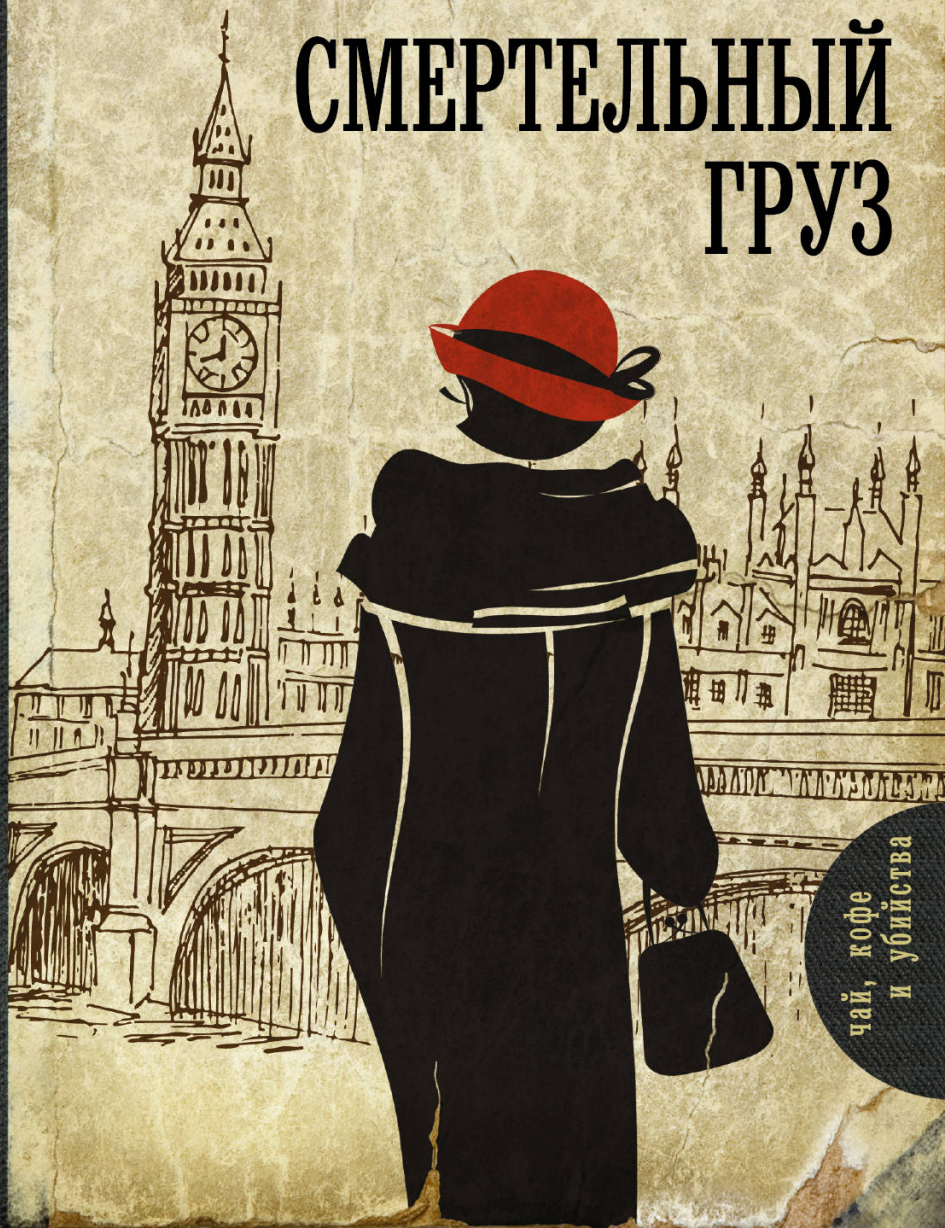

Ф.У. КРОФТС

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ГРУЗ

чай, кофе
и убийства

Ф.У. КРОФТС

чай, кофе
и убийства

Ф.У. КРОФТС

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
ГРУЗ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К83

Серия «Чай, кофе и убийства»

Freeman Wills Crofts

THE CASK

Перевод с английского *И.Л. Моничева*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of Freeman Wills
Crofts c/o The Society of Authors.

Крофтс, Фримен Уиллс.

К83 Смертельный груз : [роман] / Фримен Уиллс
Крофтс ; [пер. с англ. И.Л. Моничева]. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Чай, кофе
и убийства).

ISBN 978-5-17-093759-2

Самая известная книга Фримена Уиллса Крофтса – классика «золотого века» английского детектива!

Необычный груз приходит из Парижа в Лондонский порт: из бочки с биркой «скульптура» высыпаются золотые монеты, а в глубине видна изящная женская рука, но не из мрамора, а из плоти. Полиция незамедлительно приезжает в порт, но бочка исчезла...

Дело ведет инспектор Бернли из Скотленд-Ярда. Чтобы узнать личность таинственной жертвы и поймать убийцу, ему предстоит проследить весь запутанный маршрут бочки между Парижем и Лондоном по морю и железной дороге.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093759-2

© Freeman Wills Crofts Cambridge, 1920
© Перевод. И.Л. Моничев, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Посвящается доктору Адаму Мэтерсу
в знак высокой оценки
его дружеской критики и помощи*

Часть 1 ЛОНДОН

Глава 1 СТРАННЫЙ ГРУЗ

Мистер Эвери, исполнительный директор компании «Островное и континентальное пароходство», только что прибыл в свою контору. Он просмотрел входящую почту, список назначенных на сегодня дел и изучил данные о передвижении принадлежавших компании пароходов. Затем после недолгого размышления вызвал к себе старшего клерка Уилкокса.

— Я заметил, что «Снегирь» прибыл этим утром из Руана, — сказал он. — Полагаю, он доставил партию вин для фирмы «Нортон и Бэнкс»?

— Так и есть, — ответил старший делопроизводитель. — Я только что позвонил в портовое управление, где получил подтверждение.

— Нам следует проконтролировать все самим. Помните, сколько проблем возникло из-за их предыдущей поставки? Можете отправить туда нашего человека понадежнее? Кто у вас сейчас свободен?

— Броутон годится для такой задачи. Он уже делал подобное прежде.

— Тогда займитесь этим, пожалуйста, и попросите зайти ко мне мисс Джонсон, чтобы я вместе с ней собрал письма и подготовил ответы.

Штаб-квартира компании «Островное и континентальное пароходство», более известной под сокращенным названием «ОКП», располагалась на третьем этаже одного из зданий в составе огромного комплекса

Смертельный
груз

в западном конце Фенчерч-стрит. Компания была достаточно солидной и владела флотом из тридцати пароходов грузоподъемностью от 300 до 1000 тонн, курсировавших между Лондоном и мелкими портами на континенте. Компания привлекала клиентов своими низкими тарифами, не соревнуясь в скорости доставки с более крупными судовладельцами на выгодных маршрутах. Это тем не менее позволяло «ОКП» сохранять высокую рентабельность, занимаясь перевозками самых разнообразных товаров, исключая только скоропортящиеся.

Мистер Уилкокк взял со своего стола бумаги и направился к рабочему месту Тома Броутона.

— Броутон, — обратился он к подчиненному, — мистер Эвери распорядился, чтобы вы немедленно отправились в порт и проверили груз вин, доставленный для «Нортон и Бэнкса». Он прибыл ночью на борту «Снегиря» из Руана. Эти получатели вызвали у нас в прошлый раз сильную головную боль, оспаривая наши цифры, а потому вам следует уделить особое внимание. Вот счета-фактуры, не верьте никому на слово и лично убедитесь в наличии и сохранности каждой бочки.

— Так точно, будет сделано, сэр, — ответил Броутон, молодой человек двадцати трех лет с открытым лицом, понятливый и легкий на подъем. Он ничего не имел против того, чтобы нарушить монотонность конторских обязанностей, променяв их на кипучую атмосферу, царившую в гавани. Том отложил в сторону свои записи, аккуратно убрал в карман пачку счетов, схватил с вешалки шляпу и проворно сбежал по лестнице к выходу на Фенчерч-стрит.

Стояло ясное апрельское утро. После затяжного периода холодов и дождей в воздухе наконец-то запахло скорым летом, и контраст оказался настолько разительным, что поневоле хотелось радоваться жизни. Струился прозрачный солнечный свет и ощущалось свежее тепло, какое бывает только после долгих ливней. В приподнятом настроении Броутон шел по оживленным улицам и наблюдал за бесконечным потоком транспорта, двинувшегося по городским артериям, которые вели к многочисленным гаваням порта.

Его целью была пристань Святой Екатерины, где пришвартовался «Снегирь», и Броутону пришлось пройти вдоль холма, на котором высился Тауэр, и обогнуть угол мрачной старинной крепости, прежде чем он увидел небольшой залив, где стоял пароход. Это было длинное судно с низкой осадкой, перевозившее до 800 тонн, с двигателями в средней части и с единственной черной трубой, украшенной двумя зелеными полосами — эмблемой всех кораблей пароходства. Недавно после ежегодного косметического ремонта «Снегирь» выглядел чистеньким и опрятным, покрытый новым слоем черной краски. Разгрузка уже началась, и Броутон поспешил подняться на борт, чтобы присутствовать при переправке на берег первой партии товара.

Он поспел как раз вовремя, потому что крышки люков носового трюма, в котором перевозились бочки, успели открыть и начали убирать в сторону. Дожидаясь окончания этой процедуры, Броутон встал на верхней палубе у капитанского мостика и осмотрелся.

В этом же заливе временно нашли пристанище еще несколько пароходов. Сразу позади кормы «Снегирия» возвышался округлый нос «Дрозда» — самого крупного судна их компании, которое уже сегодня днем отплывало в Ла-Корунью и в Виго. Напротив причалил транспорт судоходной фирмы «Клайд», тоже отправлявшийся в рейс сегодня, но только в Белфаст и в Глазго — из его трубы в безоблачное небо лениво поднимался черный дымок. Рядом стоял «Арктур», принадлежавший основным конкурентам «ОКП» — судовладельцам Бэбкоку и Миллману. Его капитан носил прозвище Черный Мак для отличия от другого капитана из той же компании с одинаковой фамилией Мактавиш, который командовал на «Сириусе» и за цвет волос получил прозвище Рыжий Мак. Для Броутона все эти суда были частью таинственного и недостижимого мира морской романтики. Он не мог бесстрастно наблюдать, как они выходят из гавани, испытывая мучительное желание тоже отправиться в Копенгаген, Бордо, Лиссабон, Специю или в любое другое место со столь же сладкозвучным названием.

Как только первый люк полностью открылся, Броутон спустился в трюм, вооруженный карандашом и блокнотом, после чего разгрузка началась. Бочки крепили по четыре с помощью крепких канатных строп. Когда очередные четыре бочки переносили на пирс, клерк делал пометку в блокноте, чтобы потом сверить свои записи с цифрами в счетах-фактурах.

Работа спорилась, грузчики напрягали мышцы, подкатывая тяжелые бочки к месту, куда опускались стропы. Постепенно пространство под люком и вокруг очистилось, а грузы приходилось теперь катить из более отдаленных частей трюма.

Преыдущие две связки бочек только что переместили на пирс, и Броутон как раз обернулся, чтобы осмотреть на следующую, когда неожиданно раздался крик:

— Эй, осторожнее там! Берегитесь!

Он почувствовал, как чьи-то руки грубо схватили его и оттащили назад. Броутон успел обернуться и увидел, как эту связку развернуло, бочки вывалились из строп и с грохотом упали на дно трюма. К счастью, их успели приподнять всего на три или четыре фута, но они все равно были достаточно тяжелые, чтобы рухнуть с оглушительным шумом. Две нижние оказались слегка повреждены, и между досками стало сочиться вино. Падение верхних бочек смягчилось, и они почти не пострадали, как и грузчики, которые успели отскочить. Никто из людей не получил ни царапины.

— Ну-ка, парни, быстрее переверните бочки, — командовал бригадир, изучив понесенный ущерб, — пока из них все вино не вытекло.

Две давших течь бочки быстро переставили так, чтобы пострадавшая часть оказалась сверху, и отодвинули в сторонку, собираясь временно залатать. Третья бочка была совершенно целой, но вот четвертая не избежала последствий падения.

Четвертая бочка даже внешне отличалась от всех остальных, и Броутон пометил ее в блокноте как не относившуюся к грузу, предназначенному для фирмы «Нортон и Бэнкс». Она была крепче и более добротно сделана, выкрашена под цвет светлого дуба и покрыта

лаком. Кроме того, сразу стало очевидно, что перевозили в ней не вино, потому что первым делом бросилась в глаза кучка опилок, высыпавшаяся из трещины.

— Странно выглядит это бочка. Вы когда-нибудь видели похожую? — обратился Броутон к бригадиру и мастеру погрузочно-разгрузочных работ «ОКП» Харкнессу. Тот вовремя отташил клерка в сторону от опасного места при падении груза. Это был высокий мужчина крепкого телосложения с четко очерченными скулами, с квадратным подбородком и песочного оттенка усами. Броутон знал его уже довольно давно и ценил как человека неглупого и умелого, хорошо справлявшегося со своей работой.

— Никогда не видал ничего похожего, — ответил Харкнесс. — Скажу вам больше, сэр: эту тару будто бы нарочно сработали так, чтобы она выдержала самое неаккуратное обращение.

— Похоже на то. Откатите ее в сторону и переверните стоймя, чтобы стало видно, серьезны ли повреждения.

Харкнесс уперся в бочку и не без труда перекатил ее ближе к борту судна, где она уже не могла помешать разгрузке, но стоило попытаться поставить бочку вертикально, как выяснилось, что одному ему не справиться.

— Видать, внутри не только опилки, — сказал он. — Тяжелее бочки мне не встречалось. Сдается, что это из-за ее непомерной тяжести нарушилось равновесие всей связки, и та сорвалась со строп.

Харкнесс подозвал помощника, чтобы вместе с ним привести бочку в стоячее положение. Затем Броутон попросил бригадира временно заняться подсчетами, пока он сам задержится на некоторое время для осмотра трещины.

Пока он шел несколько ярдов, возвращаясь к мастеру, его взгляд упал на горсть высыпавшихся опилок, и внимание привлек блеснувший среди них предмет. Можно только представить его изумление: это был совершен!

Броутон украдкой посмотрел по сторонам. Из всех присутствовавших при разгрузке людей только Харкнесс заметил его находку.

— Поройтесь в этой кучке еще, сэр, — сказал бригадир, ошеломленный не меньше, чем молодой клерк. — Вдруг там сыщутся дугие.

Смертельный
груз

Броутон просеял опилки сквозь пальцы, и его изумление только возросло, когда посреди относительно небольшой горки действительно обнаружили еще два совершенна. Он все еще в недоумении рассматривал три золотых монеты у себя на ладони, как вдруг услышал сдавленное восклицание Харкнесса, склонившегося и что-то доставшего из щели между досок в полу трюма.

— А вот еще, будь я проклят! — негромко произнес бригадир. — И еще!

Он опять наклонился и поднял очередную монету рядом с местом, где стояла бочка.

— Чтоб мне провалиться! Мы с вами, похоже, напали на золотую жилу.

Броутон сунул пять совершенов в карман, и они с Харкнессом продолжили незаметно для всех осматривать дощатое дно трюма. Но после самых тщательных поисков других монет не обнаружили.

— Вы не могли обронить их сами, когда я оттаскивал вас в сторону? — спросил Харкнесс.

— Я? Нет. Как ни хотелось бы, но никогда не доводилось носить при себе золота.

— Значит, они принадлежали кому-то из моих парней. Быть может, Питерсу или Уилсону. Оба спрыгнули точно сюда.

— Это маловероятно. Молчите пока. Я уверен, что монеты выпали из бочки.

— Из бочки? Но кто кладет совершены в бочки для перевозки, сэр?

— Вы правы — никто. Готов согласиться. Но тогда как они оказались в кучке опилок, высыпавшихся из нее?

— Это верно, — задумчиво вымолвил Харкнесс. — Вот что я вам скажу, мистер Броутон. Только дайте команду, сэр, и я чуть расширю щель, чтобы мы смогли заглянуть внутрь.

Клерк понимал, что это было несколько против правил их фирмы, но возбужденное до крайности любопытство заставило его поколебаться.

— Я не оставлю ни одной отметины, которую потом нельзя будет списать как результат падения, — продолжил искуситель, и Броутон сдался.

— Да, думаю, нам надо все выяснить, — сказал он. — Это золото может оказаться краденым, и возникнет необходимость в расследовании.

Мастер улыбнулся, ненадолго ушел и вернулся с молотком и зубилом. Возникшая трещина полностью отделила кусок доски от остальной ее части, но этот обломок удерживался одним из металлических обручей. Именно его Харкнесс не без труда приподнял чуть выше, тем самым увеличив разлом. Пока он делал это, из бочки снова просыпались опилки, и вместе с ними выпали еще несколько соверенов, раскатившихся по доскам трюма.

В это время внимание всех остальных грузчиков было полностью поглощено процессом подъема очередных четырех бочек из люка, после случившегося инцидента нервы у них были напряжены, и они целиком сосредоточились на работе. Поэтому никто не смотрел по сторонам и не видел, что происходит в углу трюма, где Броутон с Харкнессом без помех собрали раскатившиеся монеты. Из бочки выпали еще шесть соверенов, и клерк добавил их к пяти найденным ранее. Не обнаружив больше монет, они вернулись к бочке заинтригованные.

— Приоткройте щель еще немного, — сказал Броутон. — Что вы обо всем этом думаете?

— Будь я проклят, если знаю, что и думать! Ума не приложу, — ответил бригадир. — Но ясно одно. Нам с вами попалось что-то очень странное. Ну-ка, подержите мою кепку под трещиной, а я еще расшатаю отломанный кусок доски.

С помощью молотка и зубила он приподнял сломанную доску еще выше, и отверстие увеличилось до шести дюймов в высоту и до четырех дюймов в ширину. Кепка наполовину заполнилась просыпавшимися опилками, а клерк добавил еще немного, очистив края треснувшего дерева. Потом он положил кепку поверх бочки, и мужчины с нетерпением принялись рыться в опилках.

— Господи Иисусе и Пресвятая Дева Мария, — возбужденно прошептал Харкнесс. — Да здесь полно золота!

И в самом деле могло сложиться такое впечатление, потому что они вынули из кепки еще семь соверенов.

— Пока всего восемнадцать, — подытожил Броутон не менее взволнованно, убирая монеты в карман, где уже лежали остальные. — Если ими набита вся бочка, то этот груз стоит тысячи фунтов.

Они стояли и не сводили глаз с обычной на первый взгляд бочки, которую отличали от остальных только особая крепость конструкции и тщательность отделки. Неужели под этой не особенно броской упаковкой и впрямь могло таиться то, что представлялось им целым состоянием? Затем Харкнесс присел на корточки и заглянул внутрь бочки сквозь расширившееся отверстие, но тут же вскочил на ноги, прошептав невнятное ругательство.

— Взгляните сами, мистер Броутон! — приглушенным голосом воскликнул он. — Посмотрите, что там такое.

Броутон тоже склонился и всмотрелся в глубь дыры. А потом точно так же отшатнулся, заметив среди массы опилок торчавшие пальцы.

— Это ужасно, — прошептал он, убежденный теперь, что они попали на след какой-то трагедии, и ругавший себя последними словами за дурацкое поведение в подобной ситуации. Но потом его осенило: — Ерунда! Здесь всего-навсего скульптура. Статуя.

— Статуя? — резким тоном переспросил Харкнесс. — Это пальцы мертвяка, не сомневайтесь. Ошибиться невозможно.

— Там слишком темно, чтобы разглядеть все как следует. Достаньте фонарь, и только тогда мы во всем окончательно убедимся.

Когда мастер вернулся с фонариком, Броутон снова посмотрел внутрь и сразу понял, что первое впечатление его не обмануло. Это, вне всякого сомнения, были женские пальцы: маленькие, с чуть заостренными ногтями, нежные и унизанные кольцами, блеснувшими в луче света.

— Очистите опилки вокруг, Харкнесс, — сказал молодой человек, снова поднимаясь на ноги. — Нам нужно все выяснить сейчас же.

Как и прежде, он держал под отверстием кепку, пока мастер зубилом осторожно разгребал опилки рядом с пальцами. По мере того как опилок становилось

меньше стала видна вся кисть руки и очертания запястья. И как ранее заметил Броутон: рука была красивой и ухоженной.

Броутон высыпал содержимое кепки на крышку бочки. Среди опилок обнаружилось еще три соверена, также отправившиеся в карман. Затем он вернулся к более внимательному осмотру бочки.

Ее размеры изрядно превышали габариты обычной бочки для вина. Высота равнялась примерно трем футам и шести дюймам, а диаметр по центру достигал почти двух футов и шести дюймов. Как уже упоминалось, бочка отличалась повышенной прочностью. Если судить по сколу, доски были толщиной без малого в два дюйма. Любому самому умелому бочару оказалось бы трудно согнуть такое дерево, и из-за этого бочка имела почти цилиндрическую форму, а дно стало непомерно тяжелым. Вот почему Харкнесс не смог без посторонней помощи поднять бочку в вертикальное положение. Металлические обручи, стягивавшие доски вместе, при близком рассмотрении оказались мощными стальными кольцами.

С одной стороны между двумя такими кольцами была прикреплена сопроводительная бирка с адресом, явно написанным почерком иностранца: «Мистеру Леону Феликсу. Лондон, почтовый индекс W, район Тоттенхэм-Корт-роуд, Уэст-Джабб-стрит, дом 141. Доставка морским путем через Руан». Рядом с графой для обозначения содержимого груза стоял штамп «Скульптура». На бирке значился также и адрес отправителя: «Фирма “Дюпьер и Си”, производители монументов, скульптур и статуй. Париж, Гренель, между рю Прованс и рю де ла Конвенсьон». На досках жирными черными буквами вывели слова: «Тару вернуть владельцам» — на французском, английском и немецком языках с указанием того же адреса в Париже и названия той же фирмы. Броутон внимательно изучил бирку, надеясь заметить что-нибудь необычное в почерке. Но его постигло разочарование. Зато когда он поднес фонарь совсем близко, то обнаружил нечто иное, вызвавшее интерес.

Бирка делилась на части. Вверху располагался декоративный узор и рекламный вензель фирмы, а цент-

Смертельный
груз

ральная часть предназначалась для указания адресов отправителя и получателя груза. Но по какой-то причине посередине бирки отчетливо виднелась черная полоса, причем сначала внимание Броутона привлекла лишь ее неровность. При более тщательном рассмотрении выяснилось, что из центральной части бирки кто-то вырезал одну полосу и вклеил другую. Таким образом, адрес мистера Феликса был написан на наклейке, а не на самой оригинальной бирке. Изменение внесли так бережно, что сразу его заметить оказалось бы совершенно невозможно. Броутон какое-то время пребывал в недоумении, но потом ему на ум пришло правдоподобное объяснение: вероятно, у фирмы закончились чистые бланки бирок, и они вторично воспользовались одной из ранее использованных. Для этого и понадобилось вклеить новый адрес и имя получателя.

— Бочка с деньгами и, вероятно, трупом, — принялся размышлять он вслух. — Все это более чем странно, и мы не можем это проигнорировать.

Он смотрел на бочку, обдумывая свои дальнейшие действия. Возникли обоснованные подозрения, что было совершено серьезное преступление. Броутон почти уверил себя в этом, и его долг заключался прежде всего в том, чтобы доложить о сделанном открытии. Да, но на нем еще оставалась обязанность проследить за разгрузкой партии вин. Его прислали в гавань именно с этой целью, и он не был уверен, что поступит правильно, оставив работу незавершенной.

Впрочем, дело представлялось достаточно важным, чтобы оправдать его поступок. И потом, подсчет прибывших бочек не окажется без внимания. На пирсе присутствовал их приемщик, которого Броутон знал как человека придиричивого. Кроме того, ему наверняка удастся заручиться помощью одного из служащих управления порта. Он принял решение. Ему надлежало немедленно отправиться на Фенчерч-стрит с рапортом для мистера Эвери, исполнительного директора пароходства.

— Харкнесс, — сказал он. — Я отправляюсь в наш главный офис, чтобы доложить о происшествии. Вам же надлежит как можно более тщательно заделать отверстие,

а потом оставаться на месте и следить за бочкой. Ни под каким предлогом не сводите с нее глаз, пока не получите инструкций от мистера Эвери.

— Слушаюсь, мистер Броутон, — ответил бригадир. — По мне, вы поступаете верно.

Они засыпали обратно в бочку почти все опилки, а Харкнесс вставил отломанный кусок доски на место, проворно закрепив его гвоздями.

— Что ж, тогда я пошел, — сказал Броутон, но не успел сделать и шага, как в трюм спустился незнакомый джентльмен и обратился к нему.

Это был мужчина среднего роста со смуглым лицом и с черной острой бородкой, на вид иностранец, одетый в добротный костюм из синей ткани и в белые гетры, в жесткой фетровой шляпе. Он с улыбкой поклонился Броутону.

— Прошу прощения, но, как я полагаю, именно вы являетесь здесь главным представителем «ОКП»? — спросил он на безукоризненном английском языке с чуть заметным акцентом.

— Да, я один из клерков главной конторы пароходства, — ответил Броутон.

— Превосходно. В таком случае вы, наверное, способны снабдить меня необходимой информацией. Этим пароходом я ожидал доставки из Парижа бочки со скульптурами от расположенной там фирмы мсье Дюпьера. Не могли бы вы подтвердить прибытие груза? Он адресован мне лично. — И мужчина подал Броутону визитную карточку, на которой было напечатано: «Мистер Леон Феликс. Лондон, почтовый индекс W, район Тоттенхэм-Корт-роуд, Уэст-Джабб-стрит, дом 141».

И хотя клерк сразу же узнал имя и адрес, указанные на бирке бочки, он сделал вид, что внимательно изучает карточку, чтобы дать себе время обдумать ответ. Ясно, что именно этот человек — получатель бочки, и если его уведомить о ее доставке, он, несомненно, вправе потребовать незамедлительной выдачи груза. Броутон пока не мог придумать причины для отказа, но все равно преисполнился решимости не разрешать выгрузку бочки из трюма. Он уже собрался заявить, что

Смертельный
груз

указанный груз пока не обнаружен, но его непременно разыщут после полной проверки судна, как ему в голову пришла весьма неприятная мысль. Поврежденную бочку поставили к борту корабля, и любой, кто стоял на пирсе рядом с люком, мог заметить ее. А значит, есть основания полагать, что джентльмен по фамилии Феликс мог наблюдать за всем происходившим в трюме: как отверстие расширяли, как собирали выпавшие наружу соверены. И если он узнал свою собственность, находившуюся сейчас буквально в двух шагах от него, то мог, указав на бирку, обвинить Броутона во лжи. А потому клерк подумал, что честность в данном случае окажется предпочтительнее уловок и хитростей.

— Да, сэр, — признался он, — ваша бочка прибыла на борт этого судна. И по занятому совпадению, она как раз сейчас стоит совсем близко от нас. Мы отделили ее от бочек с вином, когда поняли, что она предназначена для другого грузополучателя.

Мистер Феликс окинул молодого человека подозрительным взглядом, но вежливо произнес:

— Спасибо. Я коллекционер произведений искусства, и мне не терпится взглянуть на присланные скульптуры. В моем распоряжении имеется повозка, а потому, как я полагаю, могу забрать бочку незамедлительно, не так ли?

Броутон ожидал этого, но успел продумать свой план действий.

— Вероятно, вы правы, сэр, — ответил он предупредительно. — Однако это не в моей компетенции, но уверен, что вы получите свой груз сразу же, если проследуете в управление порта для необходимых формальностей. Я как раз направляюсь туда и сочту за удовольствие показать вам дорогу.

— О, спасибо большое. Конечно, мы так и поступим, — согласился незнакомец.

Но они не успели еще подняться из трюма, как у Броутона возникли сомнения, правильно ли понял Харкнесс суть его разговора с мистером Феликсом. Если последний чуть позже вернется с какой-то правдоподобной историей, мастер может выдать ему груз. А потому он обернулся и окликнул Харкнесса:

— Надеюсь, вы поняли, бригадир, что не должны ничего предпринимать до получения личных указаний от мистера Эвери.

Харкнесс взмахом руки показал: ему все предельно ясно.

Теперь молодому клерку предстояло выполнить непростую задачу. Во-первых, он должен был добраться до Фенчерч-стрит и доложить обо всем исполнительному директору пароходства. Во-вторых, следовало проследить, чтобы бочка оставалась в их распоряжении до тех пор, пока начальник не примет решения, как действовать дальше. И в-третьих, необходимо было исполнить первые два пункта плана, не вызвав подозрений ни у мистера Феликса, ни у служащих портового управления. Дело выглядело трудным, и поначалу Броутон даже несколько растерялся. Однако стоило им войти в здание управления, как клерк неожиданно нашел решение. Повернувшись к своему спутнику, он сказал:

— Прошу вас подождать здесь буквально минуту, сэр. Я разыщу чиновника, решающего подобные вопросы, и сразу же направлю его к вам.

— Буду весьма признателен.

Броутон прошел через дверь, разделявшую внешнюю стойку от внутренних кабинетов, и, добравшись до рабочего места управляющего, негромко заговорил с ним:

— Мистер Хьюстон, снаружи дожидается мужчина по фамилии Феликс, для которого на борту «Снегиря» была доставлена бочка, и он требует немедленной выдачи ему груза. Бочка действительно прибыла, но у мистера Эвери возникло подозрение, что с ней не все в порядке. Вот почему он послал меня с просьбой по возможности отложить выдачу, пока не свяжется с вами дополнительно. Мистер Эвери настоятельно просил воспользоваться любым благовидным предлогом, но ни при каких обстоятельствах не осуществлять передачу бочки получателю. Примерно через час он лично позвонит вам после того, как досконально изучит вопрос.

Мистер Хьюстон посмотрел на молодого клерка с некоторым недоумением, но кивнул:

— Хорошо, я выполню вашу просьбу.

Смертельный
груз

После чего вместе с Броутоном вышел к Феликсу, и они были представлены друг другу.

Броутону пришлось еще на несколько минут задержаться в управлении, договариваясь с одним из коллег, чтобы тот взял на себя его обязанности при разгрузке «Снегиря» на время неизбежного отсутствия. Проходя мимо стойки, рядом с которой разговаривали управляющий и мистер Феликс, он услышал озлобленный голос последнего:

— Что ж, отлично! Я тотчас отправлюсь на встречу с этим вашим мистером Эвери и, будьте уверены, заставлю его возместить мне материальные и моральные издержки, возникшие из-за этих затруднений!

«Мне нужно во что бы то ни стало добраться до конторы первым», — подумал Броутон и поспешил покинуть территорию управления порта и поймать такси. Ни одной машины не оказалось поблизости. Он остановился в задумчивости. Если Феликса поджидал автомобиль, то тот окажется на Фенчерч-стрит, пока он, Броутон, будет здесь беспомощно озираться по сторонам в поисках кеба. Необходимо придумать что-то еще.

Он торопливым шагом дошел до почтового отделения на Литтл-Туаэр-Хилл и позвонил в свою контору мистеру Эвери. В нескольких словах он объяснил боссу, как совершенно случайно обнаружил свидетельство возможного серьезного преступления, сообщил, что обо всем известно некоему мистеру Феликсу, который вот-вот явится для встречи с мистером Эвери. А потом продолжил:

— А теперь, сэр, если позволите мне высказать предложение, то я бы рекомендовал вам избежать встречи с этим Феликсом, когда он заявится в нашу контору. Я же поднимусь по задней лестнице, чтобы не столкнуться с ним в холле, и попаду прямо к вам в кабинет. Тогда вы, сэр, сможете выслушать мою историю во всех подробностях и принять решение, что делать дальше.

— Все это звучит не совсем понятно и даже загадочно, — ответил ему далекий голос по телефону. — Разве вы не можете мне сейчас рассказать, что конкретно вы обнаружили?

— Только не отсюда, сэр. Кругом много посторонних. Если вы хотя бы немного мне доверяете, то, когда все узнаете, поймете, что я поступил правильно.

— Хорошо. Приезжайте.

Брутон вышел с почты, и, конечно же, если ты никуда не торопишься, такси появляется мгновенно. Он сел в машину, доехал до Фенчерч-стрит, поднялся по служебной лестнице и вбежал в кабинет начальника через заднюю дверь.

— Присаживайтесь, Брутон, — сказал мистер Эвери, после чего вышел в общий зал и обратился к Уилкоксу: — Я только что имел важный разговор по телефону, а теперь мне необходимо составить и отослать несколько не менее важных сообщений. В течение получаса я буду очень занят. Прошу не тревожить.

Затем он закрыл дверь кабинета на задвижку.

— Видите, я сделал все, о чем вы просили, и готов вас выслушать. Надеюсь, вы не причинили мне эту уйму неудобств попусту?

— В этом можете быть уверены, сэр. И прежде всего я должен выразить благодарность, что вы пошли мне навстречу. Теперь расскажу о происшествии в гавани.

Брутон в деталях поведал о том, как пришел на пристань, об инциденте с падением бочек, обнаружении соверенов и женской руки, о появлении мистера Феликса и его поведении в портовом управлении. А когда закончил, выложил двадцать одну золотую монету ровным рядом на стол начальника.

Он замолчал, и тишина воцарилась в кабинете на несколько минут, пока мистер Эвери взвешивал все услышанное. Конечно, история выглядела предельно странной, но, зная характер Брутона, его прямодушие и честность, приходилось поневоле верить каждому слову клерка. Сначала босс рассмотрел ситуацию с точки зрения вовлеченности в нее своего пароходства. С одной стороны, если компании поручали доставить хорошо упакованный груз, ее не должно интересовать содержимое — будь то мрамор, золото или железнодорожные рельсы — при условии правильного оформления накладных и уплаты положенного тарифа. Контракт предусматривал мор-

Смертельный
груз

скую перевозку груза из одного пункта в другой и передачу его получателю в том же виде, в каком он был отправлен. И если кому-то пришлось в голову положить в бочку под видом скульптур крупную партию золотых соверенов, то разбираться в этом должна таможня, но никак не перевозчик.

Но, с другой стороны, если компании становились известны факты, указывавшие на серьезное правонарушение, то долг руководства — непременно сообщить об этом в полицию. Женская рука в бочке могла быть именно такой уликой, хотя совершенно необязательно. Однако основания для подозрений имелись, а значит, ничто не могло оправдать их сокрытия от органов охраны правопорядка. И мистер Эвери принял решение.

— Должен заметить, Броутон, — отметил он, — что вы вели себя очень умно от начала до конца. Сейчас же отправимся в Скотленд-Ярд, где вы повторите свой рассказ властям. И тогда мы сможем сбросить с себя всякое бремя ответственности. Уходите отсюда тем же путем, поймайте такси и подождите меня на Фенчерч-стрит у перекрестка с Марк-лейн.

Мистер Эвери проводил молодого человека, запер заднюю дверь кабинета, надел плащ и шляпу, а потом вышел во внешний зал конторы компании.

— Мне необходимо на пару часов уехать, Уилкокс, — сказал он.

Старший делопроизводитель кивнул, но воспользовался случаем, чтобы передать письмо.

— Все понял, сэ. Должен сообщить, что в половине двенадцатого вас хотел видеть джентльмен по фамилии Феликс. Он не стал дожидаться, когда вы освободитесь, а попросив лист бумаги и конверт, написал для вас записку. Вот она.

Исполнительный директор вернулся в свой кабинет, чтобы прочитать адресованное ему послание. Он был слегка озадачен, ведь в 11.15 предупредил, что будет занят ровно полчаса. Следовательно, мистеру Феликсу оставалось подождать каких-то пятнадцать минут. Вскрывая конверт, мистер Эвери гадал, почему визитер не мог потерпеть до встречи, проделав сюда немалый путь от порта. Но в еще большее изумление мистер

Эвери оказался повергнут, обнаружив, что конверт совершенно пуст!

Он стоял в задумчивости. Неужели что-то настолько испугало или поразило мистера Феликса, когда тот писал свою записку, что забыл он вложить ее в конверт? Или же этот человек просто ошибся? А быть может, его замысел более таинственен и имеет определенную, пока неясную цель? Что ж, послушаем мнение на этот счет детективов Скотленд-Ярда.

Мистер Эвери сложил конверт пополам, поместил его в карманную записную книжку и спустился на улицу к такси, в котором его ждал Броутон. Пока они медленно продвигались по запруженным транспортом улицам, исполнительный директор рассказал клерку о конверте.

— Это воистину странно, сэр, — сказал Броутон. — Потому что мне мистер Феликс при встрече показался совершенно спокойным, уравновешенным человеком. Хладнокровным и ясно мыслящим.

Годом ранее их пароходство стало жертвой серии ловко спланированных ограблений, и по ходу расследования мистер Эвери достаточно хорошо познакомился с несколькими инспекторами Скотленд-Ярда. Одного из них он особенно выделил как проницательного, энергичного детектива и к тому же человека доброго нрава, с которым приятно было работать вместе. А потому по прибытии в Скотленд-Ярд мистер Эвери попросил о встрече со старым знакомым и, к своему удовольствию, обнаружил, что тот как раз сейчас свободен.

— Доброе утро, мистер Эвери, — сказал инспектор Бернли, когда они вошли в его кабинет. — Каким ветром занесло вас сегодня в наши края?

— Доброе утро, инспектор. Позвольте представить мистера Броутона, одного из наших служащих, который должен безотлагательно рассказать вам свою историю. Она, как мне кажется, непременно заинтересует вас.

Инспектор пожал им руки, закрыл дверь и придвинул к своему столу два стула для гостей.

— Присаживайтесь, джентльмены, — сказал он. — Меня всегда интересуют занимательные истории.

— Теперь, Броутон, поделитесь с инспектором подробностями своих приключений.

Броутон повторил все слово в слово, начав с прибытия в порт, и поведал затем о повреждении крепко изготовленной бочки, об обнаружении в ней соверенов, женской руки и о своей беседе с мистером Феликсом. Инспектор слушал его с серьезным видом, сделал пару записей в блокноте, но не вмешивался до тех пор, пока клерк не закончил. Потом произнес:

— Должен с удовлетворением отметить, мистер Броутон, что нечасто приходится слышать столь четко сформулированные показания.

— К которым и мне есть что добавить, — вставил реплику мистер Эвери, рассказав о визите мистера Феликса в контору своей компании и передав сыщику полученный конверт.

— Конверт вам оставили в 11.30, — сказал инспектор, — а сейчас уже почти 12.30. Боюсь, дело действительно имеет чрезвычайное значение, мистер Эвери. Вы можете отправиться в порт прямо сейчас?

— Разумеется.

— Тогда не станем терять времени. — Он подвинул к Броутону лондонский адресно-телефонный справочник. — Поищите в нем этого Феликса, будьте любезны, пока я кое-что улажу.

Броутон принялся искать Уэст-Джабб-стрит, но такой в районе Тоттенхэм-Корт-роуд не обнаружилось.

— Я так и думал, — сказал Бернли, закончив говорить по телефону. — Отправляемся немедленно.

Они только вышли во двор, как подъехало такси, в котором помимо водителя уже сидели двое полицейских в штатском. Бернли открыл дверь, они забрались внутрь, и машина быстро выехала на улицу.

Бернли вновь обратился к Броутону:

— Опишите, пожалуйста, внешность человека по фамилии Феликс как можно подробнее.

— Он среднего роста, худощавый, но при этом гармоничного телосложения. Выглядел как иностранец. Я бы посчитал его французом или даже испанцем, если судить по смуглому лицу, темным глазам и черным

волосам. Носит небольшую бородку клинышком. На нем был синий костюм очень хорошего качества, темно-зеленая или коричневая фетровая шляпа, черные ботинки и светлые гетры. Я, признаться, не обратил особого внимания на его воротничок и галстук, но у меня создалось впечатление, что и эти детали соответствовали определению: хорошо одетый мужчина. На мизинце его левой руки я заметил кольцо.

Офицеры внимательно выслушали этот словесный портрет, а потом несколько минут о чем-то приглушенно совещались с инспектором, пока два других пассажира молчали.

Они вышли из машины напротив причала, где был пришвартован «Снегирь», и Броутон повел всех за собой.

— Перед вами наш пароход, — сказал он. — По тем сходням можно попасть на борт и к носовому трюму.

Полисмены в штатском присоединились к ним, и впятером они направились в указанном направлении. По трапу перебрались на судно, приблизились к люку и заглянули в трюм.

— А вот и наша бочка, — начал Броутон, развернулся, указывая вниз, но вдруг изумленно замер на месте.

Остальные тоже всмотрелись в глубь трюма. Он был совершенно пуст. Харкнесс и бочка исчезли!

Глава 2

ИНСПЕКТОР БЕРНЛИ ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Первым напрашивалось, конечно же, предположение, что Харкнесс переместил бочку в какое-то более надежное место, и они решили проверить это.

— Соберите сюда бригаду, участвовавшую в разгрузке корабля, — распорядился инспектор.

Броутон поспешно ушел и вернулся с портовым мастером, отвечавшим за погрузочно-разгрузочные работы, который сообщил, что трюмы парохода его люди полностью освободили примерно десять минут назад и, справившись с делом, отправились обедать.

Смертельный
груз

— Где они обычно обедают? Мы можем разыскать их сейчас же? — спросил Эвери.

— Только некоторых, как я думаю, сэр. Большинство уходят поесть в город, но несколько человек пользуются комнатой ночного сторожа, где есть очаг.

— Пойдемте туда и проверим, — сказал инспектор.

Вслед за портовым мастером они направились вдоль пристани к небольшому кирпичному строению, стоявшему отдельно от складов, и обнаружили большую группу мужчин. Некоторые из них ели из дымившихся котелков, а другие уже курили свои короткие трубки.

— Привет, ребята! Кто-нибудь из вас разгружал «Снегиря»? — спросил мастер. — С теми, кто работал там, хочет недолго побеседовать босс компании.

Трое грузчиков медленно поднялись и подошли поближе.

— Нам нужно выяснить, — сказал исполнительный директор, — что вам известно о бригадире «ОКП» Харкнесе и о поврежденной бочке. Ему было приказано дожидаться рядом с ней нашего прибытия.

— Так ить он с нею укатил куда-то, — ответил на своем кокни один из грузчиков. — Полчаса не прошло, как укатил.

— Уехал вместе с бочкой?

— Ага. Какой-то заправский щеголь с черной бородкой и в синем прикиде явился и всучил ему бумагу. Он прочитал ее, а потом и говорит нам: «Эй, парни, помогите мне совладать с этой бочарой». Так и сказал. Мы подобрали погрузить ее на четырехколесную повозку с лошастью. И они отчалили отсель. Ваш Харкнесс и тот пижон в синем шли следом за телегой.

— На повозке было написано какое-нибудь название фирмы? — спросил Эвери.

— Чтой-то было, но, разрази меня гром, если я помню, — отвечал грузчик. — Вона спросите лучше у старины Билла. Он чегой-то говорил про надпись. Что ты там заприметил, Билли?

Вмешался его товарищ:

— Там был адрес у Тоттенхэм-Корт-роуд. Но названия улицы я не признал, хотя прожил в тех местах почитай всю жизнь.

— Ист-Джон-стрит? — прищурившись, спросил инспектор Бернли.

— Да, смахивало на энто. Но только я такой улицы знать не знаю. Да, Ист или Уэст. Кажись, Уэст. И имя типа Джон. То есть не Джон, а навроде того.

— Какого цвета была повозка?

— Синяя, видать, недавно покрашенная, чистенькая такая.

— Кто-нибудь заметил масть лошади?

Но для этих работяг такое было бы уже лишнее. На лошадей они не привыкли обращать внимания. Масти не приметил никто.

— И на том спасибо, — сказал Эвери со вздохом. — Вот вам, парни, немного мелочи на пиво.

Инспектор Бернли подозвал к себе Броутона.

— Вы должны дать описание внешности вашего бригадира. Этого самого Харкнесса.

— Высокий мужчина с песочного цвета усами, скуластое лицо с тяжелой нижней челюстью. В коричневом комбинезоне и в матерчатой кепке.

— Слышали? — Инспектор обернулся к своим подчиненным в штатском. — У них преимущество в полчаса, но все же постарайтесь отследить их. Начните с северного и восточного направлений. Едва ли они бы поехали на запад, опасаясь встретиться с нами. Обо всем докладывайте в штаб-квартиру.

Сыщики поторопились начать поиски.

— А мне срочно нужен телефон, — продолжал инспектор. — Вероятно, я смогу воспользоваться аппаратом в управлении порта?

Они дошли до здания управления, где мистер Эвери договорился, чтобы инспектору дали возможность поговорить без помех из личного кабинета начальника.

Несколько минут спустя Бернли вернулся.

— Так, это пока все, что мы можем предпринять, — пояснил он. — Описание мужчин и транспортного средства будет немедленно передано по телеграфу во все наши участки, и уже вскоре каждый лондонский констебль получит указание особенно внимательно присматриваться к синим четырехколесным повозкам.

— Очень хорошая работа, — одобрительно заметил исполнительный директор.

Инспектора подобная оценка несколько удивила.

— Ничего особенного, — сказал он. — Всего лишь обычные, рутинные меры. Но раз уж я оказался здесь, то хотел бы навести еще кое-какие справки. Вероятно, будет лучше, если вы предупредите здешний персонал, что я действую по вашему поручению. Тогда они охотнее станут делиться со мной информацией.

Мистер Эвери обратился к управляющему портом Хьюстону:

— Послушайте, Хьюстон, я хотел бы вам представить инспектора Бернли из Скотленд-Ярда. Он ведет расследование в отношении той бочки, о которой вы уже слышали. Я буду весьма признателен, если ему здесь окажут всемерную поддержку. — Затем Эвери вновь повернулся к инспектору: — Что ж, насколько я понимаю, сейчас больше вам ничем помочь не смогу, а потому хотел бы вернуться в Сити. Если у вас нет возражений, разумеется.

— Спасибо, мистер Эвери. Действительно, у меня к вам больше нет вопросов. Я же сам немного покручусь здесь. И буду держать вас в курсе развития событий.

— Отлично. Что ж, позвольте тогда попрощаться.

Взяв инициативу в свои руки, инспектор позвал Броутона, и они вместе поднялись на борт «Снегиря», где клерку пришлось повторить свой рассказ в гораздо больших подробностях, в точности указывая места, где произошел тот или иной эпизод. Детектив лично еще раз обыскал трюм в поисках случайно оброненных предметов, но не преуспел в этом. Затем он обошел разные точки на пристани и на пирсе, откуда незаметно можно было бы наблюдать за перемещением бочки. В результате Бернли имел полную картину происшествия, увидев все своими глазами. К тому времени, когда обследование было закончено, остальные грузчики, работавшие на «Снегире», вернулись после обеденного перерыва, и он опросил каждого, но не получил больше никакой полезной информации.

Инспектору ничего не оставалось, как вернуться в управление порта.

— Я попросил бы теперь, — обратился он к мистеру Хьюстону, — показать мне всю документацию, имеющуюся у вас относительно этой бочки: накладную, счет-фактуру, любые сопроводительные бумаги.

Мистер Хьюстон исчез, вернувшись с листками. Бернли изучил документы.

— Из них следует, что бочка была передана для перевозки французской государственной железной дорогой на товарной станции на рю Кардине рядом с вокзалом Сен-Лазар в Париже фирмой «Дюпьер и Си» с оплатой доставки груза, осуществленной авансовым платежом. Далее бочку перевезли в Руан, где погрузили на ваш пароход «Снегирь».

— Все выглядит именно так.

— Как я догадываюсь, вы не можете сказать, была ли бочка доставлена на станцию с помощью транспорта, принадлежавшего французской железной дороге?

— Нет, не могу, но готов предположить, что это не тот случай. Иначе стоимость перевозки до станции тоже была бы включена в общую сумму фрахта.

— Можно ли с уверенностью утверждать, что вся сопроводительная документация оформлена полностью и правильно?

— Бумаги в полном порядке.

— А как вы объясняете факт, что таможня пропустила бочку, не пожелав ознакомиться с ее содержимым?

— Груз не вызвал никаких подозрений. На нем присутствовала бирка хорошо известной компании с надежной репутацией. Содержимое же было описано в накладной, как и в надписи на самой бочке: «Скульптура». Использованная тара подходила для перевозки подобных вещей, и вес примерно соответствовал ожидаемому. Подобные грузы редко вскрывают, если не возникает каких-либо странных или чрезвычайных обстоятельств.

— Благодарю вас, мистер Хьюстон. Пока у меня больше нет вопросов. Но я желал бы теперь переговорить с капитаном «Снегиря».

— Пойдемте, я вас с ним познакомлю.

Капитан Макнаб оказался рослым и ширококостным уроженцем Ольстера с крючковатым носом и со

светлой шевелюрой. Он сидел в своей каюте и что-то писал.

— Заходите, сэр, рад знакомству, — сказал капитан, когда Хьюстон представил ему инспектора. — Чем могу быть полезен?

Бернли объяснил суть дела и задал несколько вопросов.

— Как обычно осуществляется погрузка товаров на ваше судно с железной дороги в Руане?

— Вагоны выкатывают прямо на пирс, где мы швартуемся. А потом местные грузчики перемещают все либо с помощью передвижного подъемного крана, либо используя простые лебедки.

— Существует ли вероятность, что кто-то мог получить доступ к содержимому бочки, когда она уже оказалась у вас в трюме?

— Что вы имеете в виду? Какой доступ? Уж не думаете ли вы, что мой экипаж отливает для себя немного винца? Хотя ничего исключить нельзя. Соблазн велик.

— Может ли бочка быть подменена на другую или же опустошена и заполнена иным товаром?

— Нет.

— Весьма признателен, капитан. Всего хорошего.

Инспектора Бернли, если не нашлось бы другого, более подходящего определения, следовало назвать дотошным и скрупулезным. Он поочередно опросил матросов, механиков, даже кока, и к шести часам вечера не осталось ни одного члена команды «Снегиря», совершившего плавание из Руана, с кем бы он не успел побеседовать. К сожалению, положительных результатов получено не было. Никто ничего не знал о злополучной бочке. Она не привлекла к себе никакого внимания, не вызвала вопросов.

Не возникло ни малейшего повода особо осматривать ее, поскольку внешне она если и отличалась от остальных, то не слишком разительно.

Озадаченный, но не обескураженный, инспектор Бернли, все еще обдумывая загадочное происшествие, вернулся в Скотленд-Ярд. Его блокнот пополнился описанием множества фактов самого разного рода — о «Снегире», его грузе и экипаже.

Его ожидали два сообщения. Первое поступило от Ралстона, сыщика в штатском, который повел поиск от порта в северном направлении. «Отследил указанный объект до северной оконечности Леман-стрит. Дальнейший его маршрут установить не удалось».

Вторую телефонограмму приняли из полицейского участка на Аппер-Хед-стрит:

«Указанные вами лица были замечены при повороте с Грейт-Истерн-стрит на Кертайн-роуд примерно в 1 час 20 минут пополудни».

— Гм, двигаются на северо-запад? Очень похоже на то, — вслух принялся размышлять инспектор, доставая крупномасштабную карту района. — Посмотрим. Вот Леман-стрит. Она идет на север от пристани Святой Екатерины примерно полмили или чуть больше. Так, а где же другая улица? — Он сверился с текстом телефонограммы. — Кертайн-роуд должна находиться примерно вот тут. Точно, так и есть. Формально это продолжение той же магистрали, но только уходящее на запад в полутора милях от порта. Стало быть, они двигаются практически по прямой, немного смещаясь влево, и пользуются широкими дорогами. Гм, гм... Интересно, куда же они путь держат? Попытаемся догадаться.

Инспектор раздумывал еще некоторое время, пока не пробормотал:

— А, к черту это пустое занятие! Придется подождать до завтра.

После чего приказал своим помощникам закончить на сегодня работу и поехал домой.

Но, как выяснилось, его собственный рабочий день еще отнюдь не закончился. Не успел инспектор Бернли поужинать и раскурить одну из своих излюбленных крепких сигар, свернутых из темных листьев табака, как его вновь вызвали в Скотленд-Ярд. Там его дожидались Броутон и высокий мужчина с квадратным подбородком — мастер погрузочно-разгрузочных работ компании «ОКП» Харкнесс.

Инспектор предложил им два кресла:

— Присаживайтесь, джентльмены. — А вслед за тем, как Броутон представил своего спутника, попросил: — Выкладывайте, как все произошло.

Смертельный груз

— Вы, конечно же, удивлены, инспектор, увидев меня снова так скоро, — начал Броутон. — После того как мы с вами расстались, я вернулся в контору пароходства узнать, нет ли для меня новых указаний. И представьте мое изумление, когда я застал только что появившегося там нашего мастера Харкнесса. Он хотел видеть мистера Эвери, но босс давно отправился домой. Услышав историю похождения Харкнесса, мне стало понятно, что начальник непременно отправил бы его к вам. Вот поэтому и решил: будет лучше всего, если я лично и без промедления препровожу его сюда.

— И вы поступили абсолютно правильно, мистер Броутон. — А теперь, мистер Харкнесс, мне будет крайне любопытно узнать, что же стряслось с вами.

Мастер попытался чуть удобнее устроиться в своем кресле.

— Должен сказать, сэр, — произнес он, опустив голову, — что перед вами сейчас сидит самый большой дурак, какого можно сыскать отсель и до собора Святого Павла. Мне натянули нос сегодня, обвели вокруг пальца, как мальчонку. Причем не однажды, а два раза подряд. Но вам, верно, надобно услышать все с самого начала. — Он снова заерзал в кресле. — Значится, так. Когда мистер Броутон и мистер Феликс ушли, я остался на месте и следил за порученной моим заботам бочкой. Я взял инструменты и сделал вид, что починяю ее, чтобы остальные парни не лезли с расспросами, чего ради я там околачиваюсь. Так продолжалось примерно час, как вдруг этот самый Феликс вернулся. «Вас ведь величают мистером Харкнессом?» — говорит. «Да, — отвечаю, — такая моя фамилия». «У меня для вас письмо от мистера Эвери. Сделайте одолжение, прочитайте его сразу», — говорит он.

Харкнесс сделал паузу и откашлялся.

— Гляжу, а это и впрямь бумага из нашей конторы, которую подмахнул мистер Эвери. Дескать, он уже потолковал с мистером Броутоном, с бочкой все в порядке, и мне, стало быть, надлежит выдать ее Феликсу не мешкая. Там еще было написано, что раз уж мы обязались доставить груз по адресу, то я должен поехать с ним, а потом рапортовать по всей форме о благополуч-

ной доставке. «В таком случае будь по-вашему, сэр», — ответил я, позвал пару ребят в помощь, чтобы поднять бочку из трюма на пирс, а потом поставить на телегу Феликса. Она уже поджидала рядом. С ним приехали еще два человека. Один такой здоровый верзила с рыжими волосами, а второй помельче, чернявый, — он был за кучера. Из ворот гавани мы повернули к востоку, проехали по Леман-стрит и двинули дальше в ту часть города, какую я совсем не знаю.

Так мы тащились милую или даже больше, а рыжеволосый громила вдруг говорит, мол, страсть как хочу выпить. Феликс сначала ни в какую: едем дальше, и все тут. Но потом сдался, и мы остановились прямо против паба. Того, кто был поменьше, звали Уотти. Вот Феликс его и спрашивает: «Оставишь лошадь без присмотра, Уотти?» Тот отвечает: «Да ни в жисть!» Тогда Феликс говорит, мол, пусть он посидит на козлах, пока мы вдвоем выпьем пивка, а попозже сам выйдет и сменит кучера, чтобы Уотти тоже мог промочить горло. На том и порешили. Я, Феликс и рыжий зашли в паб. Феликс заказал четыре бутылки пива и заплатил за них. Он свою бутылку быстро опустошил, а потом сказал нам ждать, что выйдет и пришлет к нам за стол Уотти. И с этими словами ушел.

Не успел Феликс удалиться, как рыжий верзила склонился ко мне и стал нашептывать: «Скажи мне как на духу, приятель, что за игру этот мистер Феликс затеял со своей бочкой? Ставлю пять к одному — дело тут нечисто». «С чего ты решил? — спрашиваю. — Мне ничего про это неведомо». Понимаете, сэр, я ведь и сам прежде думал так же, но если мистер Эвери написал, что с бочкой все в порядке, то так оно и было. Стал бы мистер Эвери писать такое, коли бочка вызывала опасения? Нет, конечно. А рыжий не унимался. «Пойми, — говорит, — ежели мы с тобой кое на что закроем глаза, то, может статься, положим в карманы по паре фунтов».

«За что ж нам платить?» — интересуюсь я, прикидываясь простачком. «А ты раскинь умишком, — талдычит рыжий. — Ежели у него с этой бочкой какая-то махинация, то он не захочет, чтоб чужаки пронюхали про это. А мы с тобой уже при деле — вот и можно на-

мекнуть, что наше молчание хорошо бы подкрепить личными».

Харкнесс вздохнул.

— Тут я призадумался не на шутку. Сначала рассудил так. Может быть, этот тип знает про тело в бочке, и мне тогда надо все у него выведать, а себя не выдать. Но потом я испугался, вдруг он на их стороне, а меня просто прошупывает, хочет понять, что мне известно. Тогда я решил и дальше подыгрывать ему. «А Уотти тоже будет в доле?» — спрашиваю. «Нет, — отвечает он. — Третий здесь лишний». Мы еще потрепались на эту тему. И только потом я заметил, что бутылка для Уотти так и стоит открытая, но полная, и не мог взять в толк, почему он до сих пор не пришел к нам.

«Пиво того гляди выдохнется, — говорю. — Если этот растяпа хочет его выпить, пора бы ему явиться». Рыжий подскочил, услышав мои слова. «И то правда. Куда он запропастился? Пойду посмотрю». Сам не знаю, почему, джентльмены, но тут я почувствовал, будто в воздухе витает что-то неладное, и вышел с ним вместе. Повозка как испарилась. Смотрим в одну сторону улицы — нет ее, смотрим в другую — не видать. Пропала вместе с Феликсом и Уотти.

«Будь я проклят, если нас не облапошили! — орет рыжий. — Давай их искать. Ты пойдешь туда, а я сюда, и один из нас на углу заметит чертову телегу». Тут я только уразумел всю их хитрость. Эти трое вступили в сговор, чтоб избавиться от трупа, и им вовсе не хотелось иметь свидетеля вроде меня, когда они начнут копать могилку. Задумка с выпивкой для того и понадобилась. Я остался с их подельником, а двое спокойно поехали дальше. Рыжий специально капал мне на мозги и отвлекал внимание. Ладно, думаю, двое сбежали, но зато третий все еще здесь.

«Нет уж, приятель, — сказал я ему, — нам лучше не расставаться». Взял его за руку и потащил в ту сторону, куда он хотел пойти один. Но только за углом никакой повозки мы не увидели. Они все провернули чисто.

Харкнесс помолчал, а потом продолжил:

— Рыжий, конечно дело, продолжал разыгрывать спектакль. Просто рвал и метал. Раскричался, мол, кто теперь оплатит ему день работы? Тут уж я стал выспрашивать, как зовут его и кто его нанял, но только он не желал отвечать на мои вопросы. Я же от него не отставал ни на шаг. Понимал, что ему скоро придется возвращаться домой, а если узнать, где он живет и кем работает, то, быть может, так мы и до Феликса доберемся. Он пару раз пытался сбежать и просто взбесился, когда не получилось. Так мы и ходили с ним больше трех часов бок о бок, пока пять не пробило. Даже зашли еще пивка выпить. Вываливаемся потом из бара, стоим на углу среди толпы, а я все голову ломаю, как мне быть. Вдруг рыжий со всей силы толкнул меня, и я чуть не сбил с ног проходившую мимо старушку. Я, конечно, удержал ее от падения — как можно было поступить иначе? — потом оглянулся, а треклятый рыжий детина исчез. Я бросился бегом по одной улице, по другой, вернулся к тому же бару, но только больше его уже не видал. Отругал себя последними словами, назвал болваном безмозглым, а потом решил вернуться в контору и рассказать мистеру Эвери, как все обернулось. Так я оказался на Фенчерч-стрит, встретил мистера Броутона, и он привел меня к вам.

Наступила продолжительная тишина, как только мастер закончил свой рассказ. Бернли задумался, оценивая только что услышанные показания и свидетельства Броутона, сделанные ранее днем. Он анализировал цепочку событий во всех деталях, стремясь в первую очередь отделить четко установленные факты от того, что казалось всего лишь поверхностными впечатлениями или личными мнениями рассказчиков. Если верить этим двоим мужчинам, а у Бернли не находилось оснований подвергать их слова сомнению, факты, связанные с обнаружением бочки и ее дальнейшим исчезновением, следовало занести в разряд доказанных. За одним исключением. Пока невозможно было проверить, действительно ли в бочке находился труп.

— Мистер Броутон сообщил мне, что внутри бочки он видел тело человека. Вы подтверждаете это, мистер Харкнесс?

— Да, сэр, так оно и есть, богом клянусь! Мы оба разглядели женскую руку.

— Но разве это не мог быть фрагмент статуи? В конце концов, на бочке имелась надпись «Скульптура», если я все правильно понял.

— Нет, сэр, никакая в бочке не статуя. Мистер Броутон тоже сначала так подумал, но потом пригляделся и признал, что моя правда: человеческая рука, или пусть у меня язык отсохнет!

Дальнейшие расспросы показали, что оба свидетеля настаивали на реальности увиденной ими женской руки, хотя обосновывали это не совсем веским доводом: «Что мы, по-вашему, уж и человеческую руку распознать не смогли бы?» Инспектор не считал возможным в данный момент признать их точку зрения как окончательно верную, но и не отметал ее полностью. Как невозможно было исключить и такую странную на первый взгляд вероятность, что в бочке находился не целый труп, а всего лишь рука или даже только кисть, подsunутая туда какими-нибудь студентами-медиками в качестве дурной и очень злой шутки. Но он отбросил свои рассуждения и вновь обратился к Харкнессу:

— Вы сохранили письмо, которое Феликс вручил вам на борту «Снегиря»?

— Да, сэр, — ответил мастер и передал ему письмо.

Оно оказалось написанным почерком типичного мелкого клерка на листе бумаги с грифом пароходства и внешне не вызывало подозрений.

*Мистеру Харкнессу 5 апреля 1912 г.
Доставить на борт судна «Снегирь»
Гавань Святой Екатерины.*

Тема: К вашему разговору с мистером Броутоном по поводу бочки, прибывшей для мистера Феликса.

Я обсудил суть дела с мистером Броутоном и мистером Феликсом при личной встрече. В ходе беседы все вопросы были нами исчерпывающе решены, и потому груз должен быть выдан мистеру Феликсу незамедлительно.

По получении данной записки прошу осуществить передачу бочки получателю без дальнейших проволочек.

Поскольку в обязанности нашей компании входит доставка груза по указанному на нем адресу, пожалуйста, сопроводите его в качестве официального представителя «ОКП», чтобы впоследствии доложить мне об окончательном исполнении заказа.

*От имени руководства «ОКП Лимитед»
Х Эвери, исполнительный директор
(Написано делопроизводителем ХХ.)*

Уверенный почерк делопроизводителя изменил ему, когда он дошел до инициала имени Эвери, получившегося неразборчивым (и воспринимавшимся как ничего не значившая буква «Х»), хотя фамилия была выведена четко той же рукой.

— Как я вижу, — сказал инспектор, повернувшись к Броутону, — это написано на листе, принадлежащем вашей компании. Гриф с эмблемой едва ли можно подделывать, не так ли?

— Да, это действительно бланк нашего пароходства, — ответил клерк, — но записка все равно явно фальшивая.

— Я почему-то так сразу и подумал, но чем вы подтвердите свое мнение? Почему так считаете?

— У меня есть для этого несколько причин, сэр. Во-первых, мы никогда не используем бумагу столь высокого качества для внутренней переписки между сотрудниками. У нас есть более дешевые бланки, предназначенные для такого рода сообщений. Во-вторых, у нас все печатается на пишущих машинках. И последнее — вот это «ХХ» не является подлинной подписью ни одного из делопроизводителей «ОКП».

— Весьма убедительно. Человек, написавший фальшивку, не знал ни имени вашего исполнительного директора, ни инициалов делопроизводителя. Ему стала известна лишь фамилия Эвери, а именно этой информацией, согласно вашим показаниям, и обладал мистер Феликс.

— Но как, черт возьми, он раздобыл наш бланк?

Смертельный груз

Бернли чуть заметно улыбнулся:

— Ответ на ваш вопрос предельно прост. Разве не ваш главный клерк вручил лист бумаги Феликсу?

— Вот те на! А ведь верно, сэръ! Теперь все понятно. Он попросил лист бумаги и конверт, чтобы написать жалобу мистеру Эвери. Конверт он оставил пустым и удалился с бланком пароходства в руках.

— Разумеется. Мне это пришло в голову, как только мистер Эвери рассказал о полученном пустом конверте. Я догадался, что Феликс будет делать, а потому поспешил в гавань, надеясь опередить его. Но не вышло. А теперь давайте вернемся к сопроводительной бирке на бочке. Хотелось бы, чтобы вы описали ее еще раз как можно подробнее.

— Это была карточка шести дюймов по вертикали и четырех по горизонтали, прикрепленная металлическими скобками. Наверху значилось название фирмы Дюпьера и эмблема со слоганом, а ниже шла полоса с графами для адреса получателя. На ней явно выделялась неровная черная линия. Бирку в этом месте взрезали и вставили другой кусок карточки. Именно на этой вставке, а не на оригинальной бирке и значилась фамилия Феликса вместе с его адресом.

— Занятная деталь. Вы нашли для нее хоть какое-то объяснение?

— Я подумал, что, вероятно, у Дюпьера неожиданно закончились бирки для грузов, и в компании решили прибегнуть к уже использованной ранее.

Бернли в ответ пробурчал что-то неопределенное, обдумывая эту деталь. Разумеется, предположение, высказанное клерком, казалось вполне правдоподобным. Более того, если в бочке действительно перевозили скульптуру, оно выглядело наиболее вероятным. Правда, если в ней находился труп, то требовалось продолжить искать причину подмены адреса. В этом случае, заключил инспектор, груз вообще мог поступить не от Дюпьера. И ему пришла в голову весьма вероятная версия. Предположим, некто получил от Дюпьера статую в бочке, но прежде чем вернуть упаковку, совершил убийство. Тогда он решил избавиться от мертвого

тела, отправив его куда-нибудь, используя пустую тару. Как ему следовало поступить с биркой? Именно подобным образом. Он должен был оставить название фирмы Дюпьера для облегчения прохождения грузом таможи, но заменить имя и адрес получателя. Инспектор не видел лучшего способа проделать такую манипуляцию, чем тот, который и осуществили на практике. Он снова обратился к своим посетителям:

— Что ж, джентльмены, должен выразить вам благодарность за оперативное обращение и переданную информацию. А теперь мне осталось только записать ваши домашние адреса, и, думаю, на сегодня мы закончим.

Инспектор во второй раз отправился домой, но этим вечером ему не суждено было отдохнуть. Примерно в половине десятого его снова вызвали посыльным в Скотленд-Ярд. Кому-то срочно понадобилось поговорить с ним по телефону.

Глава 3

НАБЛЮДАТЕЛЬ НА СТЕНЕ

В то время, когда инспектор Бернли беседовал у себя в кабинете с Броутоном и Харкнессом, иные события, связанные с той же бочкой, происходили в противоположном конце Лондона.

Полицейский констебль с табельным номером Зед-76, которого звали Джоном Уолкером, был в правоохранительных органах новичком. Умный и старательный молодой человек, не лишенный способностей, он крайне серьезно относился к себе самому и к своей работе. Строил амбициозные планы на будущее, целью которых было как можно быстрее дослужиться до звания детектива. Но подлинной его мечтой оставался тот день, когда он, достигнув головокружительной высоты, будет назначен инспектором Скотленд-Ярда. Он взхлеб читал Конан Дойла, Ричарда О. Фримена и других мастеров криминального жанра, и их произведения дополни-

Смертельный
груз

тельно распяляли его воображение. Попытки подражать любимым персонажам добавляли интереса в его жизни, и если не приносили большой пользы, то и вреда от них не было никакого.

Примерно в половине седьмого констебль Уолкер, получив увольнительную для отдыха и уже переодевшись в штатское, неторопливо шел по Холлоуэй-роуд. Он успел выпить чаю и теперь убивал время в ожидании просмотра второй серии захватывающей драмы «Любовный соблазн» в синематографе «Ислингтон». И хотя его уже охватило предвкушение удовольствия от предстоявшего сеанса, он продолжал практиковаться в наблюдательности и дедукции. Уолкер приобрел привычку отмечать особенности во внешности попадавшихся ему навстречу людей, неизменно стараясь по отдельным приметам распознать, кто они такие. И если пока не столь преуспел в этом занятии, как Шерлок Холмс, то надеялся в один прекрасный день стать ровней знаменитому сыщику.

Вот и сейчас констебль разглядывал людей, двигавшихся вдоль тротуара, но никто из них не представлял явного интереса для более пристального изучения. Однако стоило ему перевести взгляд на проезжую часть, как кое-что сразу же привлекло его внимание.

В противоположном ему направлении двигалась четырехколесная повозка с запряженной в нее гнедой лошадью. На повозке стояла довольно крупных размеров бочка. На козлах сидели двое мужчин. Один из них — худощавый и узколицый — держал в руках поводья. Другой, тоже не очень высокого роста и не слишком внушительного сложения, откинулся спиной на бочку, словно в изнеможении. Его выделяла черная борода.

Сердце констебля Уолкера забилось чаще. Он неизменно стремился тщательно запоминать приметы объявленных в розыск людей, а только сегодня после обеда читал поступившую из штаб-квартиры полиции телеграмму, в которой описывался именно такой экипаж. Его разыскивали, причем поискам придавалась чрезвычайная важность. Неужели он сумел обнаружить его? Подобный вопрос только усилил волнение констебля Уолкера.

Стараясь делать все как можно незаметнее, он повернулся и зашагал в том же направлении, куда двигалась телега, вспоминая каждую деталь прочитанного описания. Четырехколесная повозка — верно. С одной лошадейю — и это совпадало. Бочка из прочной древесины, скрепленная стальными обручами, у которой конец одной из досок был отломлен, а потом прибит на прежнее место гвоздями. Констебль еще раз пригляделся к поравнявшейся в тот момент с ним повозке. Да, бочка казалась необычно крепко изготовленной и скрепленной настоящей сталью, но разглядеть поврежденную доску пока не представлялось возможным. Сама телега, судя по описанию, была покрыта ярко-синей краской, и на борт ее нанесли адрес в районе Тоттенхэм-Корт-роуд. Здесь констебля подстерегало разочарование. Повозка имела рыжевато-коричневый цвет, а надпись гласила, что транспортное средство принадлежит фирме «Джон Лайонз и сын», расположенной по адресу: Лоуэр-Бичвуд-роуд, Мэддокс-стрит, дом 127. Это стало для Уолкера подлинным ударом. Он уже почти поверил в удачу, и вот тебе... И все же повозка в точности соответствовала описанию, если не считать цвета.

Констебль пригляделся к землистому оттенку коричневой краски. Местами краска казалась свежей и даже еще блестящей, а по краям была тусклой, и создавалось впечатление, что нанесли ее уже давно. И полицейским снова овладело лихорадочное возбуждение. Он понял, что это значило.

Еще мальчишкой он любил наблюдать за работой в малярной мастерской, находившейся в той деревне, где он вырос, и успел немало узнать о свойствах красящих материалов. Например, если требовалось побыстрее высушить краску, то необходимо было разбавить ее не маслом, а скипидаром или другим подобным ему химикатом. Такая краска высыхала уже через час, но выглядела тускло, не имела привлекательного глянца. Однако, если разбавленную краску наносили на поверхность, прежде покрашенную масляным красителем, она быстро не сохла, и тогда создавался эффект неравномерности — высохшие участки казались матовыми, а сырые все еще поблескивали. Теперь констеблю Уолкеру

стало совершенно очевидно, что повозку совсем недавно покрыли разбавленной коричневой краской, которая успела полностью высохнуть только по краям.

Как только его осенила эта мысль, констебль пристальнее взгляделся в боковину повозки. Да, так оно и было. Смутно сквозь коричневую краску проступали очертания прежних белых букв, ярко выделявшихся когда-то на синем фоне. Уолкер обрадовался, почувствовав несокрушимую уверенность. Ошибки быть не могло!

Констебль позволил телеге проехать немного дальше, все еще радуясь своей удаче. Но потом вспомнил, что при повозке должны были находиться четверо. Перечислялись высокий мужчина с песочного цвета усами, скуластый и с тяжелой нижней челюстью; среднего роста худощавый и похожий на иностранца человек с черной бородкой клинышком; и еще двое, чьи словесные портреты не приводились. Мужчина с бородкой сидел на козлах, но рослого и светловолосого рядом не наблюдалось. Кучер, по всей видимости, был из тех двоих, чью внешность описать не удалось.

Внезапно констеблю Уолкеру пришло в голову, что двое других могли пешком сопровождать повозку. Поэтому он позволил телеге продвинуться чуть вперед и стал внимательно изучать пешеходов, идущих в том же направлении. Он перешел на другую сторону улицы, потом вернулся обратно, но нигде не заметил никого, подходившего под словесный портрет светловолосого усача.

Между тем повозка продолжала неуклонно ехать на северо-запад, и констебль Уолкер следовал за ней, держась на достаточном расстоянии. Когда Холлоуэй-роуд закончилась, телега миновала Хайгейт и проследовала дальше по Грейт-роуд. К этому времени начали сгущаться сумерки, и констеблю пришлось сократить отставание, чтобы случайно не упустить объект из поля зрения при неожиданном повороте.

Так преследование продолжалось примерно четыре мили. Было уже около восьми часов, и констебль Уолкер с мимолетным сожалением отметил, что показ второй серии «Любовного соблазна» давно уже начался. Густонаселенные районы города остались позади. Пейзаж

теперь стал больше напоминать пригородный, если не сельский. По обеим сторонам дороги тянулись богатые особняки, виллы, либо дома, рассчитанные на две семьи, между которыми попадались огороженные пустыри с объявлениями «Земельный участок сдается под застройку». Вечер был теплым и очень тихим. На западе еще краснела полоска закатного солнечного света, но ближе к востоку на небе показались звезды. Скоро должно было совсем стемнеть.

Внезапно повозка остановилась, и кучер спрыгнул на землю, чтобы открыть въездные ворота с правой стороны от дороги. Констебль поспешил спрятаться за живой изгородью в пятидесяти ярдах позади и замер. Вскоре он услышал, как телега снова пришла в движение, но жесткий, грохочущий шум колес по мостовой сменился более мягким, шуршащим звуком, когда они покатались по гравию. Уолкер прокрался вперед вдоль изгороди и видел, как висящий на повозке фонарь перемещается дальше вправо.

Узкий проселок ответвлялся от дороги в том же направлении прямо перед началом территории участка, на который заехала телега. Более того, подъездная дорожка проходила в каких-то тридцати футах от проселка, и, насколько мог судить констебль, дорожка и проселок находились под прямым углом к главной дороге и шли параллельно друг другу — дорожка в пределах частных владений, а проселок вне их. Констебль бесшумно шел вдоль густой изгороди.

Еще не окончательно стемнело, и полицейский смог разглядеть приземистые очертания черневшего на фоне неба дома. Его входная дверь располагалась под фронтонной крыши со стороны дороги. Она была распахнута, хотя внутри дома не виднелось ни огонька. Вдоль дома, примыкая к нему параллельно проселочной дороге, стояла стена высотой примерно в восемь футов. Она продолжалась дальше вдоль грунтовки, и в ней были устроены еще одни ворота. Дом находился совсем близко от проселка и не более чем в сорока футах от того места, где сейчас притаился констебль. За живой изгородью и почти вплотную к ней рос ряд невысоких деревьев.

Повозка стояла перед воротами в стене, и один из мужчин держал лошадь под уздцы. Приблизившись, констебль различил скрип отодвигаемого засова, и ворота открылись. Ни слова не говоря, мужчина провел лошадь с повозкой в глубь двора за домом. И створки ворот снова сомкнулись.

Дух авантюриста и искателя приключений взыграл в констебле, и он почувствовал неодолимое желание подобраться еще ближе и посмотреть, что будет происходить. Почти прямо против входной двери дома он заметил в живой изгороди узкую калитку. Стараясь не шуметь, добрался до нее, осторожно открыл и вошел внутрь. Потом, держась в тени изгороди и деревьев, проскользнул вперед и осмотрелся.

Забор вдоль дома протянулся еще футов на пятьдесят, где упирался в другую живую изгородь, устроенную под прямым углом к той, в тени которой прятался полицейский. Констебль все также осторожно прошел до поперечной изгороди и вдоль нее, пока не оказался рядом с забором.

В самом углу между стеной и живой изгородью стоял небольшой и очень грубо сколоченный летний домик, незаметный в густых сумерках, так что Уолкер попросту уперся в него. Когда констебль осмотрел его, ему в голову пришла идея.

С максимальными предосторожностями он начал взбираться по боковой стене летнего домика, тщательно проверяя прочность каждой доски, прежде чем поставить на нее ногу. Он медленно карабкался вверх и теперь, вытянув шею, понял, он может заглянуть даже за этот высокий забор.

Задний двор оказался изрядной длины, простираясь от угла, где сейчас находился констебль, вдоль дома и дальше на добрых семьдесят или восемьдесят футов. Зато в ширину он не превышал тридцати футов. Вплотную к противоположной стороне забора выстроился ряд подсобных построек. Большие двери одной из них — с виду похожей на конюшню или каретный сарай — были сейчас распахнуты, и оттуда лился свет. Перед дверным проемом стояла повозка.

Поскольку конюшня находилась в дальнем от него углу двора, Уолкер не мог видеть происходившего внутри. Он решил перебраться с крыши летнего домика на широкий каменный забор и крайне медленно, чтобы не наделать шума, прополз вдоль него ближе к главному дому. Констебль понимал невыгодность своей позиции, но потом сообразил, что находится в юго-восточной стороне двора и позади лишь полоса совершенно потемневшего неба и ряд деревьев, еще более затенявших его местоположение. Осознав, что едва ли может быть замеченным, Уолкер осмелел и продолжил ползти, пока не очутился почти напротив конюшни. Он постарался распластаться по стене и спрятать лицо, чтобы белая кожа не отражала свет лампы. Уолкер прикрылся рукавом своего красно-коричневого плаща и стал ждать.

Вскоре он все-таки заглянул внутрь конюшни, которая скорее напоминала каретный сарай. Это было совершенно пустое и просторное помещение с белеными стенами и цементным полом. На вбитом в стену кронштейне висел морской штормовой фонарь, и в его свете четко вырисовывалась фигура бородатого мужчины, спускавшегося со стремянки, установленной по центру. Его худощавый спутник стоял рядом.

— С крюком все в порядке, — сказал бородатый. — Я надежно прикрепил его к несущей балке. Теперь займусь подъемником.

Он исчез в соседней комнате, вернувшись с набором блоков и цепей. Со всеми этими нехитрыми техническими приспособлениями он снова взобрался на лестницу, что-то проворно делая под самым потолком. Затем стремянку убрали, и констеблю Уолкеру чуть ниже притолоки двери стал виден крюк подъемного устройства, висевшего на тонкой стальной цепи.

— Теперь загони телегу, — распорядился бородатый мужчина.

Повозка закатилась внутрь сарая, пока стоявшая на ней бочка не оказалась точно под крюком подъемника. Обоим мужчинам пришлось приложить немалые усилия, чтобы сначала обмотать бочку канатом, а потом, потянув за конец цепи, медленно поднять ее над телегой.

Смертельный
груз

— Сойдет, — сказал бородач, когда бочка зависла над повозкой примерно в шести дюймах. — Можно выезжать.

Костлявый мужчина снова взял лошадь под уздцы и выкатил повозку из помещения, остановившись у ворот двора. Захватив с собой фонарь и оставив бочку висеть в воздухе, бородачатый последовал за ним. Он закрыл двери каретного сарая, запер сначала на засов, а потом и на подвесной замок. Затем прошел к воротам и принялся возиться с их запором. Оба они оказались сейчас в каких-то пятнадцати футах от констебля, а он лежал, вытянувшись в струнку, едва осмеливаясь дышать.

Худощавый кучер впервые подал голос:

— С вас еще причитается, мистер. Как там насчет остальных наших деньжат? Надоть с нами расплатиться. А то как же?

— Хорошо, — сказал второй мужчина. — Тебе я отдам деньги сразу. А твоему приятелю заплачу, когда он сам сюда явится.

— Так у нас дело не сладится, — ответил худощавый агрессивно. — Я заберу долю своего дружка тоже. Когда еще он соберется в ваши края?

— Если я отдам его часть тебе, кто мне даст гарантию, что он не заявит, будто ничего от тебя не получал и не требует денег снова?

— Какая вам там еще нужна харантия? Я дал слово, и все тут. Бросайте ломаться, мистер. Гоните монету, и я отправлюсь восвосяси. Токмо не берите в голову, что обойдетесь двумя фунтами. Мы подряжались для другой работы. Так что слушайте меня. Ежели хотите, чтобы мы про все помалкивали, придется раскошелиться. Вот и весь треп.

— Неслыханная наглость! Какого дьявола ты из себя строишь? На что намекаешь?

Кучер усмехнулся:

— Все только и знают, что ругаться на простого работника. Только не надо строить из себя святую невинность. Мы же с вами не детишки сопливые и понимаем друг друга преотлично. Вам надоть, чтобы кой-то начал задавать лишние вопросы? По десять монет на душу мне с приятелем, и мы забудем, как вас звать-величать, словно никогда в глаза не видели.

— Мой добрый друг! Ты, как я погляжу, совсем из ума выжил. Мне нечего скрывать. Все мои дела совершенно законны.

Но худошавый не унимался. Он игриво подмигнул собеседнику и сказал:

— Конечно, у вашей милости все законно. А то как же? Вот только выкладывайте по десять монет. Тогда оно выйдет еще законнее.

На какое-то время воцарилось молчание, которое вскоре нарушил бородатый иностранец:

— Ты, как я понял, вбил себе в голову, что с бочкой что-то неладно, так? Уверяю тебя, ты ошибаешься. Здесь все чисто. Но, должен признать, если ты начнешь болтать раньше следующего четверга, то я проиграю свое пари. Так что давай уговоримся: я плачу вам по пять фунтов каждому, и ты можешь забрать долю своего друга.

И он отсчитал несколько монет, зазвеневших у него на ладони.

— Можешь взять или уходить ни с чем. Больше не получишь. Мне тогда дешевле обойдется уступить в своем споре.

Сухошавый кучер помедлил, жадно разглядывая деньги. Потом уже открыл рот, чтобы снова начать спорить, но, видимо, какая-то внезапно возникшая мысль заставила его передумать. Он стоял теперь в нерешительности, поглядывая на собеседника вопрошающим взглядом. Констебль Уолкер отчетливо видел в свете фонаря лицо с едва скрываемой сардонической усмешкой. Затем, с видом человека, обдумавшего проблему и принявшего трудное решение, кучер взял деньги и вернулся к своей лошади.

— Будь по-вашему, мистер, — сказал он, трогая повозку с места. — Коли считаете, что так выйдет по-честному, то я уж вас не подведу.

Бородатый мужчина закрыл за ним ворота и запер их, после чего вместе с фонарем скрылся внутри дома. Прошло еще несколько секунд, и удалявшееся шуршание колес телеги по гравию окончательно затихло. Наступила полнейшая тишина.

Пролежав без движения еще несколько минут, констебль Уолкер сполз с вершины стены и мягко призем-

лился на обе ноги. Он на цыпочках прошел вдоль живой изгороди, прошмыгнул в калитку и вновь оказался на дороге.

Глава 4

ПОЛУНОЧНАЯ БЕСЕДА

В проулке констебль ненадолго задержался, обдумывая ситуацию. До этого момента он считал, что проделал все великолепно, мысленно поздравляя себя с редкостной удачей. Однако ему оставалось совершенно неясно, как поступить дальше. Разыскать ближайший полицейский участок и доложить обо всем местному начальнику? Или лучше позвонить в Скотленд-Ярд? А быть может, лично напрямик отправиться туда? Открывалась и другая — самая сложная, как и не слишком манящая возможность: остаться на месте, чтобы проследить за дальнейшим развитием событий.

Минут пятнадцать он не мог решиться, обдумывая все варианты. Наконец созрело разумное намерение позвонить для начала в свой участок и получить руководящие указания, но как раз в этот момент донеслись звуки чьих-то шагов. Не желая быть замеченным, он поспешно метнулся к калитке, прошел на противоположную сторону живой изгороди и занял позицию за тонким стволом одного из деревьев. Звуки слышались все ближе. Но кто бы ни приближался к нему, делал он это очень осторожно и, казалось, тоже шел на цыпочках. Человек миновал место, где скрывался полицейский, которому смутно удалось разглядеть фигуру мужчины среднего роста. Через несколько секунд шаги сначала полностью затихли, а потом мужчина, все так же крадучись, вернулся и остановился теперь рядом с калиткой. Наступила такая тишина, что констебль отчетливо расслышал, как незнакомец сначала зевнул, а потом сдержанно откашлялся, прочистив горло.

Последний вечерний отсвет пропал с почерневшего неба, но ярко засияли звезды. Ночь наступила безве-

тренная, хотя воздух быстро остыл. Временам доносились обычные для такого времени суток звуки: отдаленный лай собаки, шуршание какого-то зверька в траве, изредка шум мотора автомобиля, проехавшего по основному шоссе.

Проблема, стоявшая перед констеблем, со временем решилась сама собой. Он не мог двинуться с места, пока у калитки дежурил другой наблюдатель.

Уолкер прикинул, который может быть сейчас час. Уже половина девятого или даже позднее. Ведь было примерно восемь, когда повозка свернула с дороги, а с того момента, он был уверен, минуло никак не меньше получаса. Его отпустили для отдыха до десяти часов вечера, и ему вовсе не хотелось опаздывать на службу, хотя при сложившихся обстоятельствах у него было веское оправдание. Но все же он невольно начал воображать сцену своей явки с опозданием, холодную злость сержанта, угрозу подать на него докладную, а потом объяснения и полная перемена в манере поведения командира...

Легкий шелчок со стороны ворот, которые вели к подъездной дорожке, заставил констебля вздрогнуть и вернуться мыслями к своему реальному положению. По гравию захрустели уверенные и тяжелые шаги быстро шедшего человека, приближавшегося к дому.

Констебль Уолкер обошел дерево, чтобы не попасть под луч света, какой мог появиться из-за двери. Между тем визитер добрался до крыльца и позвонил.

Несколько секунд спустя над входом включилась лампочка, и дверь открыл бородатый брюнет. На ступенях перед ним стоял крупный, широкоплечий мужчина в темном плаще и мягкой фетровой шляпе.

— Привет, Феликс! — воскликнул гость. — Рад видеть тебя снова дома. Когда ты вернулся?

— А, это ты, Мартин! Входи. Я приехал в воскресенье вечером.

— Я у тебя не задержусь. Наоборот, нужно, чтобы ты пошел к нам четвертым для партии в бридж. С нами Том Брайс, и он привел с собой друга, молодого юриста из Ливерпуля. Ты ведь придешь, верно?

Человек, которого называли Феликсом, недолго колебался, прежде чем ответить:

— Спасибо, приду обязательно. Но я сейчас без прислуги и не успел переодеться. Войди на минутку и подожди меня.

— Тогда вопрос по существу: поужинал ли ты, если никого нет из прислуги?

— Я поел в городе. А домой вернулся только что.

Они вошли в дом, и дверь закрылась. Через несколько минут оба появились снова и, заперев за собой замок, исчезли во мраке дорожки, а новый щелчок ворот возвестил о том, что они вышли за пределы участка.

Как только донесся этот звук, незнакомый наблюдатель в проулке тихо устремился им вслед, и констебль Уолкер остался в полном одиночестве. Когда горизонт оказался чист, он тоже вернулся на проселок, дошел до перекрестка с шоссе и свернул на него в сторону Лондона. При этом церковные часы где-то в отдалении пробили девять.

Добравшись до первой попавшейся гостиницы, он заказал кружку эля и в разговоре с хозяином заведения выяснил, что находится рядом с деревней Brent, стоящей у Грейт-Норт-роуд, а поместье мистера Феликса носит название «Сен-Мало». Он также поинтересовался, где находится ближайший общественный телефон, который, по счастью, оказался совсем рядом.

Уже через несколько минут констебль разговаривал со Скотленд-Ярдом. Ему пришлось некоторое время ждать, пока на службу вызовут уехавшего домой инспектора Бернли. Через пятнадцать минут Уолкер сумел все доложить и попросить дальнейших указаний.

Инспектор подробно расспросил его о местонахождении дома, а потом приказал вернуться на прежнюю позицию под прикрытием деревьев и следить за развитием событий.

— Я выезжаю со своими людьми немедленно. Встретимся с вами у калитки в живой изгороди, описанной вами.

Констебль Уолкер поторопился обратно, и когда снова оказался на месте, часы пробили десять. Он отсутствовал ровно час. А инспектор Бернли тем временем вызвал такси, тщательно изучил маршрут и расположение поместья «Сен-Мало» на подробной карте,

а потом вместе с тремя другими полицейскими отправился в путь. По дороге они сделали крюк, чтобы заехать в район Уолпол-Террас на Куин-Мэри-роуд, где обитал Том Броутон. Молодой человек пришел в полный восторг, когда его пригласили присоединиться к группе. Пока они ехали, инспектор подробно объяснил местоположение дома и примыкавшего к нему участка, указав каждому из подчиненных, где он должен будет находиться и как действовать при различных изменениях обстановки. Улицы даже в такой час оказались забиты транспортом и людьми, но машина все же добралась до начала Грейт-Норт-роуд задолго до одиннадцати часов.

Преодолев значительное расстояние, инспектор рассудил, что они находятся уже где-то неподалеку от усадьбы. Такси прижалось к обочине, и водитель заглушил двигатель. Пятеро мужчин пошли дальше пешком в полном молчании.

— Ожидайте здесь, — шепнул инспектор и пропал в темноте.

Он обнаружил описанный ему проселок и, ступая бесшумно, добрался до калитки, в которую вошел, застав констебля Уолкера по-прежнему притаившимся за деревом.

— Я инспектор Бернли, — все так же шепотом представился он. — Кто-нибудь заходил за это время в дом или выходил из него?

— Никак нет, сэр.

— Тогда оставайтесь на посту, пока я расставляю своих людей.

Он вернулся к общей группе и приглушенным голосом уточнил прежние инструкции.

— Вам надлежит занять указанные точки для наблюдения. Свисток будет означать приказ немедленно пройти к дому. Вы, мистер Броутон, следуйте за мной, но соблюдайте полную тишину.

Инспектор и его молодой спутник вернулись на проселок и остановились у калитки. Остальные трое полицейских разместились по периметру прилегавшей к усадьбе территории. И все замерли в ожидании.

Броутону показалось, что прошла целая вечность до того, как часы вдалеке пробили двенадцать. Они с ин-

спектором стояли рядом, скрытые изгородью. Несколько раз он порывался что-то сказать шепотом, но Бернли никак не реагировал на его слова. Стало по-настоящему холодно, а звезды засияли на небе еще ярче. Поднялся легкий ветерок, зашелестев в ветвях изгороди и в листьях деревьев. Неугомонная собака по-прежнему временами поднимала лай где-то по соседству, чуть правее их местоположения. По дороге проехала телега, колеса которой раздражающе скрипели. Противный звук доносился еще очень долго, причем создавалось впечатление, что его источник находится сразу в нескольких местах одновременно. Затем быстро проехал автомобиль, бросив отсвет фар на деревья. Но по-прежнему ничего больше не происходило.

Казалось, минула вечность, и часы пробили час ночи. Залился лаем еще один соседский пес. Ветер усилился, и Броутон пожалел, что не догадался надеть теплое пальто. Ему отчаянно хотелось пройтись по проселку, чтобы размять затекшие и замерзшие ноги. Но засов ворот, располагавшихся ближе к дороге, заскрежетал, и по гравию зазвучали шаги.

Они выжидали не шелохнувшись, чтобы шаги приблизились. Вскоре показалась черная тень человека, направлявшегося к двери дома. Раздался звон ключей, потом шелчок открывшегося замка. Проем входа на мгновение загородила та же черная фигура, которая почти сразу пропала внутри дома, закрыв за собой дверь.

Теперь уже Бернли горячо зашептал на ухо Броутону:

— Я сейчас позвоню в дверь, а когда он откроет, направлю луч фонарика прямо ему в лицо. Смотрите внимательно, и если будете уверены — убеждены на сто процентов, — что это Феликс, произнесите слово «да». Больше ничего, только «да». Вы меня поняли?

Затем они оба вошли в калитку и, не скрываясь, подошли к двери. Бернли громко постучал в нее, не пользуясь звонком.

— Помните, что вам не следует открывать рот, если не почувствуете полнейшей уверенности, — напомнил он.

В окне блеснул свет, и дверь открылась. Луч не слишком яркого фонарика осветил лицо стоявшего за

порогом мужчины, выделив те самые приметы — смуглый цвет лица и черную бороду, — которые отметил в своем отчете констебль Уолкер. Слово «да» само сорвалось с губ Броутона, и инспектор сказал:

— Мистер Леон Феликс? Я — инспектор Бернли из Скотленд-Ярда. К вам прибыл по весьма неотложному делу и был бы признателен, если бы вы уделите для беседы со мной несколько минут.

Чернобородый мужчина выглядел искренне пораженным.

— Ах, ну конечно, — ответил он после недолгого замешательства, — хотя не уверен, что такое время является подходящим для разговоров. Проходите в дом, пожалуйста.

— Спасибо. Сожалею о позднем визите, но должен сказать в свое оправдание, что мне пришлось дожидаться вас достаточно долго. Надеюсь, вы разрешите моему сопровождающему посидеть в холле, чтобы не мерзнуть понапрасну?

После этого Бернли подозвал одного из своих людей, расположившегося ближе всех — рядом с летним домиком.

— Посидите в прихожей, Гастингс, пока я побеседую с мистером Феликсом, — сказал он, подав подчиненному условный знак быть готовым немедленно явиться на свой зов.

Оставив Броутона, констебля Уолкера и еще двоих полицейских за порогом дома, он проследовал за Феликсом в комнату слева.

Помещение оказалось комфортабельным, хотя отнюдь не роскошно обставленным кабинетом. Прямо посередине стоял современный письменный стол. Два глубоких, обитых кожей кресла располагались по обе стороны от камина, где еще догорали последние угольки. Прихотливо изготовленная подставка для бутылок возвышалась рядом с коробкой сигар на маленьком столике. На стенах, где их не загорали книжные шкафы, висело несколько весьма изысканных гравюр. Феликс включил настольную лампу, предназначенную для чтения, и повернулся к Бернли.

— Полагаю, у нас будет достаточно продолжительный разговор? — спросил он, предлагая присесть в одно из кресел.

Инспектор занял его, а Феликс опустился в кресло, что стояло напротив.

— Мне бы хотелось, мистер Феликс, — начал детектив, — навести у вас справки относительно бочки, доставленной вам сегодня утром на пароходе «Снегирь». Или уже следует говорить — вчера утром, поскольку незаметно наступил вторник? Как я предполагаю, груз все еще находится у вас.

— Да. И чем же вызван ваш интерес к нему?

— Представители компании считают, что произошла ошибка, и выданная вам бочка не предназначалась для вас. То есть вы получили не тот груз, которого ожидали.

— Ничего подобного. Полученная мной бочка является моей собственностью. Она была адресована именно мне, фрахт полностью оплачен. Чего еще могут требовать от меня представители пароходства?

— Да, но получателем бочки значились не вы. На ней указали адрес некоего мистера Феликса с Уэст-Джабб-стрит в районе Тоттенхэм-Корт-роуд.

— И все же бочку отправили лично мне. Допускаю, что приятель, отправивший груз, мог неправильно указать адрес, но все же он предназначался для меня.

— А если мы привезем сюда другого мистера Феликса — того, кто проживает на Уэст-Джабб-стрит, — то, как я понимаю, вам придется отказаться от своих притязаний, не так ли?

Чернобородый мужчина неловко поежился в своем кресле. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но передумал, пребывая в явном сомнении. Инспектор догадался: собеседник в самый последний момент сообразил, что его заманивают в ловушку.

— Если вы привезете сюда такого человека, — сказал он после паузы, — то, уверяю вас, я сумею легко убедить всех, что бочка была отправлена не ему, а мне.

— Хорошо, мы разберемся с этим позднее. А сейчас позвольте задать другой вопрос. Что должно было находиться в бочке, прибытия которой вы ожидали?

— Скульптуры.

— Уверены?

— Разумеется, уверен. И, право же, инспектор, теперь уже мне хотелось бы выяснить, по какому праву я подвергаюсь этому странному допросу.

— Охотно отвечу, мистер Феликс. У Скотленд-Ярда появились причины подозревать, что с этой бочкой не все в порядке, и нами было начато расследование. По ряду фактов, вы стали первым из тех, кого нам надлежало допросить, но поскольку бочка предназначалась не вам, то придется...

— То есть как не мне? Что вы имеете в виду? Кто утверждал, что не я — ее получатель?

— Извините, но вы косвенно только что сами заявили об этом. По вашим словам, вы ожидали бочку со скульптурой внутри. Нам же известно, что полученный вами груз был вовсе не скульптурой. Таким образом, вы стали получателем ошибочно.

Феликс побледнел, и в его глазах теперь читалась неподдельная тревога. Бернли наклонился вперед и положил ладонь ему на колено:

— Вижу, вы уже поняли, мистер Феликс, что если дело окажется серьезным, вам придется каким-то образом объяснить все его несообразности. Заметьте, я пока не говорю, что у вас нет рациональной версии случившегося. Более того, наверняка она имеется. Но если вы откажетесь давать показания, возникнут самые неприятные подозрения.

Феликс надолго замолчал, а инспектор намеренно не пытался прерывать его размышлений.

— Что ж, вы правы, — сказал Феликс после чересчур затянувшейся паузы. — Хотя мне действительно нечего скрывать. Не люблю только, когда со мной хитрят. Я стараюсь по мере сил удовлетворить ваше любопытство. Но прежде хотелось бы убедиться, что вы действительно офицер Скотленд-Ярда.

Бернли предъявил ему удостоверение личности, и Феликс кивнул:

— Хорошо. Тогда вынужден признать, что невольным ввел вас в заблуждение относительно содержимого бочки, хотя с формальной точки зрения я сказал вам чистую правду. Бочка полна скульптурными барельефа-

ми круглой формы с изображениями королей и королев. Разве это не скульптура? А если подобные барельефы очень мелкие, отлиты из золота и именуются соверенами, то неужели это многое меняет и они перестают относиться к произведениям скульптуры? В бочке, инспектор, найдутся соверены. Девятьсот восемьдесят восемь фунтов золотом.

— А еще?

— Больше ничего.

— Бросьте, мистер Феликс! Мы установили, что в бочке перевозились соверены. Но, как нам стало известно, в ней присутствовало и нечто иное. Подумайте хорошенько.

— О, разумеется, там должен быть какой-то упаковочный материал. Я пока не вскрывал бочку и не видел, какой именно. Но девятьсот восемьдесят восемь фунтов в золотых монетах слишком мало, чтобы заполнить всю емкость. Туда могли насыпать песка, алебастровой крошки или чего-то подобного.

— Я не имел в виду упаковочный наполнитель. Вы точно утверждаете, что в бочке не перевозили некий весьма специфический груз?

— Совершенно определенно, но, наверное, будет лучше рассказать вам всю историю с самого начала.

Он сгреб кочергой тлеющие в камине угли в одну кучку, подбросил пару новых поленьев, а потом поудобнее развалился в своем кресле.

Глава 5

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ МИСТЕРОМ ФЕЛИКСОМ

— Вам, быть может, уже известно, что по национальности я француз, — начал Феликс, — хотя много лет прожил в Лондоне, часто бывая во Франции как по делам, так и удовольствия ради. Во время одного из таких визитов я заглянул в кафе «Золотое руно» на рю Руаяль, где встретил компанию знакомых. Разговор зашел о французских государственных лотереях, и один

из моих приятелей, мсье Ле Готье, который считал эти лотереи весьма перспективной системой, предложил: «Отчего бы нам не сыграть с тобой вместе?» Я сначала отнекивался, но потом передумал и заявил, что готов потратить пятьсот франков, если он сделает то же самое. Мы ударили по рукам, и я вручил ему мою долю в двадцать фунтов. Он все должен был оформить от своего имени, уведомить меня о результатах и поделить выигрыш, если он нам выпадет. Но я напрочь забыл о нашем проекте до того момента, когда на прошлой неделе вечером приехал домой и обнаружил письмо от Ле Готье, которое удивило, обрадовало, смутило и разозлило меня в равной степени.

Мистер Феликс достал из выдвижного ящика стола письмо и подал его инспектору. Послание было напечатано по-французски. Хотя детектив обладал некоторым знанием этого языка, подобный текст оказался слишком сложен для него, и мистер Феликс перевел:

Мой дорогой Феликс!

У меня самые восхитительные новости! Мы выиграли! Результат розыгрыша превзошел мои самые смелые ожидания, и наша тысяча франков принесла 50 000 — то есть по 25 000 каждому! Жму обе твои руки и поздравляю!

Деньги я уже получил и незамедлительно отправляю тебе твою долю. Но обещаю, старина, что не будешь на меня в обиде за небольшой розыгрыш с моей стороны. Заранее прошу прощения за эту шалость.

Ты должен помнить Дюмарше. Уверен, что помнишь. Так вот, у нас с ним на прошлой неделе вышел спор по твоему поводу. Мы рассуждали об изобретательности и необычной ловкости преступников, легко обманывающих полицию. Каким-то образом всплыло твоё имя, и я осмелился заявить, что из тебя получился бы превосходный преступник, настолько ты ловок и находчив. «Нет, — возражал он, — Феликс слишком честен и простодушен, чтобы перехитрить полицейских». Мы оба горячились, отстаивая каждый свою точку зрения, и в итоге решили провести небольшой тест. Я упаковал твою долю в бочку, обменяв на английские соверены — всего их 988 — и отправляю её тебе, оплатив фрахт судном компании «Островное и кон-

тинентальное пароходство», которое прибудет из Руана в Лондон приблизительно 5 апреля. Но при этом я адресую груз так: «Мистеру Леону Феликсу. Лондон, почтовый индекс W, район Тоттенхэм-Корт-роуд, Уэст-Джабб-стрит, дом 141», а в качестве содержимого указываю «Скульптура» якобы производства фирмы «Дюпьер и Си», монументалистов из района Гренель. От тебя потребуется известная изворотливость, чтобы получить груз с фальшивым адресом и неверным описанием, не вызвав подозрений у чиновников порта. В этом и заключается суть теста. Я поспорил с Дюмарше на круглую сумму в 5000 франков, что тебе это раз плюнуть. Он же уверен: тебя непременно поймают.

От всей души поздравляю, дружище, с огромной для тебя удачей, осязаемые плоды которой ты получишь в бочке. А мне остается сожалеть только об одном. Я не смогу лично увидеть, как ты вскроешь ее.

Прими также и мои глубочайшие извинения.

Искренне твой

Альфонс Ле Готье.

Р. С. Извини, что воспользовался пишущей машинкой, но сам писать не могу из-за повреждения руки.

— Даже не знаю, какая эмоция во мне возобладала в первую очередь: радость по поводу приобретения целой тысячи фунтов или гнев на Ле Готье с его идиотским тестом и отправляемой морем бочкой с деньгами. И чем больше я думал об этой затее, тем сильнее она меня беспокоила. Одно дело, когда мои приятели развлекаются, затевая споры, выдвигая дурацкие теории, и совсем другое, если они делают при этом меня жертвой розыгрыша и возможным козлом отпущения из-за какой-то сущей чепухи.

Сложность для меня создавали два момента, и последствия могли стать более чем тяжелыми. Если бы выяснилось, что в бочке с надписью «Скульптура» на самом деле перевозили золото, меня могли привлечь к ответу. А обнаружение фальшивого адреса также привело бы к большим неприятностям. Реальное содержимое бочки мог выдать ее вес, но я надеялся, что мой приятель знает способ этого избежать. Что касается

придуманного им адреса получателя, то такая подробность вскрылась бы, будь у пароходства неперменное правило посылать получателям грузов предварительные уведомления. Кроме того, существовала возможность совершенно непредсказуемых инцидентов.

Я пришел в крайнее возбуждение и преисполнился решимости ранним утром отправить Ле Готье телеграмму, требуя отозвать груз и обещая лично прибыть для получения доли выигрыша в лотерею. Но все мои намерения пошли прахом, когда утром я получил из Франции открытку с сообщением, что бочка уже на пути ко мне.

Феликс перевел дух.

— Мне стало ясно, — продолжил он, — что необходимо принять меры и забрать бочку немедленно по прибытии парохода, не дав портовым чиновникам времени затеять какую-либо проверку. Соответственно, я начал строить планы, и постепенно мое раздражение улетучилось. Меня не на шутку захватило желание выиграть спор для своего приятеля, мною овладел азарт авантюриста. Сначала я заказал себе несколько визитных карточек с ложным адресом. Потом нашел сомнительной репутации транспортную фирму, в которой нанял четырехколесную повозку с лошадей и двумя работниками. Там же мне предоставили пустовавший сарай на три остававшихся дня.

После небольшой паузы он вздохнул и возобновил рассказ:

— Выяснив, что пароход прибывает в следующий понедельник, я попросил работников поместить телегу в сарай и приготовить для моих целей. Чтобы они охотнее со мной сотрудничали и не заподозрили ничего странного, рассказал работягам упрощенную версию истории с Ле Готье. Дескать, я заключил пари, и мне нужна их помощь для победы над соперником. Некая бочка доставлялась из Руана, адресованная моему приятелю, и я поспорил с ним на солидную сумму: он утверждал, что я не смогу забрать чужую бочку и отвезти к себе домой, а я брался проделать этот трюк. Суть нашего спора якобы состояла в проверке эффективности системы безопасности при перевозке грузов. Я заверил помощников, что если потерплю неудачу, возникнут не-

Смертельный
груз

приятности и кто-то обвинит меня в воровстве, то на этот случай приятель выдал мне письмо с разрешением получить его бочку, которое в нужный момент следует предъявить. Я сам написал такую записку заранее и показал этим работникам. И, кроме того, посулил по два фунта каждому в случае успеха. Потом купил две банки синей и белой быстросохнущей краски, заменил адрес на повозке, указав тот же, что мой парижский друг написал на бирке бочки. Малярное ремесло мне знакомо, и я все проделал собственноручно.

В понедельник утром мы поехали в порт, и я узнал, что «Снегирь» только что прибыл с парижскими грузами на борту. Бочки как раз начали выгружать из трюма, а я прошел вдоль пристани, чтобы проследить за ходом работы. На пирс стружали пока только винные бочки, но я заметил еще одну. Она стояла в трюме отдельно, и над ней склонился один из докеров вместе с молодым человеком, похожим на клерка. Оба выглядели сосредоточенными, и я, разумеется, подумал: «Не моя ли это бочка и не обнаружили ли в ней соверены?» Я поговорил с молодым человеком, выяснил, что бочка действительно моя, и спросил, могу ли сразу забрать ее. Он вел себя предельно корректно, но не помог мне, а направил в управление порта, предложив проводить туда и найти чиновника, который займется моим грузом. Когда же мы уходили, он окликнул остававшегося рядом с бочкой мужчину: «Вы поняли, Харкнесс? Ни под каким предлогом не сводите с нее глаз, пока не получите инструкций от мистера Эвери».

В портовом управлении молодой человек оставил меня ждать в общем зале, а сам зашел в служебные помещения, чтобы, как он заверил, найти нужного мне человека. Но вернулся он не с простым клерком, а с управляющим, и я сразу сообразил, что дело неладно. И еще больше утвердился в своем мнении, когда тот стал выдвигать одно возражение за другим, объясняя, почему не может выдать мне груз немедленно. Косвенными вопросами я установил, что упомянутый ранее «мистер Эвери» был исполнительным директором пароходства, чей офис располагался на Фенчерч-стрит. Я вышел из

здания управления порта, сел на какие-то ящики и обдумал ситуацию.

Было очевидно: что-то вызвало у клерка и портового работника подозрения. Последнего звали Харкнесс, и он получил приказ ничего не предпринимать без инструкций от мистера Эвери, а значит, вопрос следовало решать именно с этим джентльменом. «Не сводить» глаз звучало недвусмысленно: не выдавать бочку никому. Я понял, что получу ее только в том случае, если сам доставлю нужные «инструкции».

Отправившись в контору на Фенчерч-стрит, я попросил о встрече с мистером Эвери. К счастью, он оказался занят, и я с полным основанием заявил: ждать не могу, прошу выдать мне лист бумаги и конверт для написания мистеру Эвери письма. Потом проделал элементарную операцию, запечатав и оставив в конторе пустой конверт, а с собой унося чистый бланк с грифом пароходства.

Феликс усмехнулся:

— Я зашел в соседний бар, заказал кружку эля, одолжил чернильницу и перо. Затем быстро составил текст письма Харкнессу от имени мистера Эвери с разрешением выдать мне бочку незамедлительно. Но пока я писал записку, до меня дошло: если подозрения серьезны, этот рабочий непременно пожелает сопровождать груз и отследить меня до самого дома. Мне потребовалось еще минут пятнадцать, чтобы обмозговать и решить эту проблему. Идея осенила меня внезапно. Я добавил к записке абзац о том, что раз уж компания несет ответственность за сохранность груза и его доставку, то ему, Харкнессу, надлежит сопровождать бочку и убедиться в ее благополучном прибытии на место.

Письмо я постарался написать округлым и правильным почерком клерка, сделав его неразборчивым, только при имитации неизвестного мне имени мистера Эвери, а также инициалов ответственного делопроизводителя. Я рассчитывал тем самым ввести Харкнесса в заблуждение, если ему была случайно знакома подпись исполнительного директора.

Мой план заключался в том, чтобы заставить Харкнесса покинуть гавань вместе с бочкой, а потом най-

Смертельный
груз

ти какой-то способ избавиться от него. Этого мне удалось добиться легко. Я подговорил одного из своих помощников потребовать остановки у паба и непременно выпить по кружке пива. Другой — по кличке Уотти — должен был отказаться оставить лошадь без присмотра и без привязи, когда я согласился всей компанией зайти и промочить горло. Уотти, таким образом, ждал снаружи, а я нашел предлог оставить двоих мужчин в пабе и вместе с ним уехал на повозке. Мы сразу же направились в сарай, где я восстановил первоначальный коричневый цвет телеги и замазал буквы фальшивого адреса. Вечером мы добрались до моего дома, специально прибыв сюда уже с наступлением темноты, а затем сняли груз с повозки в одном из подсобных помещений, где бочка находится и сейчас.

Феликс закончил свой рассказ, и двое мужчин несколько минут сидели в молчании, пока Бернли прокручивал в уме все услышанное. Безусловно, описанные события выглядели странно, но история звучала правдоподобно, и инспектор не отметил ни одной детали, которая уличала бы Феликса во лжи. Возможно, молодой господин в самом деле поверил содержанию письма французского друга, как он утверждал, и тогда его дальнейшие действия становились объяснимыми. Если в бочке находились всего лишь монеты, то их с большой натяжкой можно назвать «Скульптурой», а это хотя и противозаконно, но не является тяжким преступлением. Если же в бочке обнаружится труп, то письмо окажется явной фальшивкой, частью какого-то заговора, в котором Феликс мог вполне сознательно принимать участие или оказаться вовлеченным против воли.

Постепенно по ходу своих размышлений инспектор выделил в деле три важнейших аспекта.

Прежде всего обращали на себя внимание сама личность и манера поведения Феликса. На протяжении своей долгой карьеры Бернли накопил немалый и разнообразный опыт общения с людьми, говорившими правду, и теми, кто беззастенчиво лгал. Внутреннее ощущение сейчас подсказывало ему, что этому человеку можно верить. Прекрасно понимая, что слепое подчинение чувствам приводит к ошибкам — такое с ним

тоже случалось в прошлом не раз, — он одновременно не мог так просто отмахнуться от впечатления, что во всех своих проявлениях Феликс казался истинным джентльменом, мужчиной искренним и честным. Подобное соображение ни в коем случае не стало бы для инспектора решающим фактором, но его, несомненно, нельзя было полностью сбрасывать со счетов.

Второй аспект касался отчета Феликса о его действиях в Лондоне. Правдивость показаний инспектор мог проверить, уже имея в своем распоряжении свидетельства из других, независимых источников. Бернли вновь перебрал последовательность событий и даже удивился, сколь мало в рассказе Феликса обнаруживалось деталей, никем больше не подтвержденных. Его первое появление на борту «Снегиря» почти теми же словами описали и Броутон, и Хьюстон из портового управления. Приезд Феликса в контору на Фенчерч-стрит и хитрость, с помощью которой он добыл лист гербовой бумаги пароходства, не остались незамеченными мистером Эвери и старшим делопроизводителем Уилкоксом. Описание записки для Харкнесса инспектор не подвергал сомнению, поскольку видел ее своими глазами. История с изъятием бочки и с побегом от Харкнесса звучала точно так же из уст последнего. А финал с доставкой бочки в каретный сарай, как и разгрузку, полностью проследил констебль Уолкер.

Вот и получалось, что в версии Феликса не оставалось ни одной важной подробности, не подкрепленной другими свидетельствами. Если вдуматься, то инспектор Бернли едва ли мог вспомнить другое дело, где показания подозреваемого в такой степени были бы подкреплены неоспоримыми доказательствами. Взвешивая факты пункт за пунктом, он пришел к выводу, что может поверить почти каждому слову Феликса.

Но это касалось лишь событий, происшедших в Лондоне. Оставался третий из упомянутых аспектов — парижская часть истории, кульминацией которой стало письмо от французского приятеля. Оно становилось важнейшей уликой. Было ли послание действительно написано при изложенных обстоятельствах? Стал ли его автором некто по фамилии Ле Готье?

Да и существовал ли пресловутый Ле Готье на самом деле? Впрочем, подумал инспектор, все это не составит труда проверить. Ему нужно лишь получить дополнительную информацию у Феликса, а потом, если возникнет такая необходимость, совершить краткий визит в Париж, чтобы окончательно все выяснить. И он нарушил молчание:

— Кто такой мсье Ле Готье?

— Младший совладелец виноторговой фирмы «Ле Готье и сыновья», расположенной на улице Генриха Четвертого.

— А мсье Дюмарше?

— Биржевой маклер.

— Вы можете дать мне и его адрес тоже?

— Его домашний адрес мне не известен. Контора, где он работает, расположена, кажется, на бульваре Пуассонье. Но я легко узнаю его адрес через мсье Ле Готье.

— Будьте любезны, посвятите меня в подробности своих отношений с этими джентльменами.

— Я знаком с ними обоими многие годы. Мы хорошие друзья. Однако признаю, что не вступал с ними прежде ни в какие сделки, связанные с деньгами, до того эпизода с лотереей.

— Описание этого эпизода в письме соответствует действительности?

— О да. Оно абсолютно верно.

— Не могли бы вы припомнить, где именно состоялся ваш разговор о государственных лотереях?

— На первом этаже в кафе. Мы сидели у окна справа от входа, но я располагался спиной к витрине.

— Вы упомянули о присутствии других джентльменов.

— Да, компания собралась большая, и в беседе участвовали все.

— Означает ли это, что остальные слышали, как вы договаривались принять участие в лотерее?

— Да, мы все обсуждали условия с большим интересом, хотя кое-кто добродушно посмеивался над нами.

— И вы можете перечислить всех присутствовавших?

Мистер Феликс помолчал.

— Не уверен, что смогу, — сказал он потом. — Компания подобралась случайная и пестрая, а я про-

был вместе с ними не так уж долго. Разумеется, там был Ле Готье. Помню еще мужчину по фамилии Добины, Анри Буассона и, по-моему, Жака Роже, но относительно него могу ошибаться. Впрочем, я все равно перечислил отнюдь не каждого.

Феликс отвечал на вопросы охотно, а инспектор записывал его слова в блокнот. Он был склонен считать историю с лотереей правдивой. В любом случае можно навести справки в Париже и быстро установить истину. Но ничто пока не подтверждало, что именно Ле Готье написал письмо. Большая группа людей участвовала в разговоре, и любой мог написать его, включая и самого Феликса. Вот! Блестящая идея! Разве не мог Феликс быть автором письма? Есть ли способ оперативно проверить это? Инспектор обдумал варианты, прежде чем снова заговорил:

— У вас сохранился конверт, в котором пришло письмо из Парижа?

— Э-э-э... Конверт? — повторил Феликс. — Не думаю, а что? У меня нет привычки хранить такие мелочи.

— А открытка, о которой вы тоже упоминали?

Феликс перевернул лежавшие на столе бумаги и порылся в ящиках.

— Нет, — ответил он. — Не могу ее найти. Скорее всего, я выбросил и открытку тоже.

Не было никаких доказательств, что Феликс получил эти два послания по почте. Но, с другой стороны, не существовало и особых причин для сомнений. Инспектор всегда старался придерживаться широких взглядов, допуская любую возможность. И он решил вернуться непосредственно к письму.

Оно было напечатано на довольно тонком листе матовой бумаги, и, хотя Бернли не считал себя специалистом в подобных делах, похоже изготовленной за границей. Некоторые признаки износа отдельных букв и особенности их расположения могли помочь идентифицировать пишущую машинку. N и r имели легкий наклон вправо, t и e печатались чуть ниже общей строки, а I потеряла верхнюю горизонтальную перекладину. Он поднял лист, чтобы взглянуть на просвет. Водяные знаки почти полностью скрыл текст, но постепенно их

удалось разглядеть. Бумага была явно французского производства. Конечно, не следовало придавать этому особого значения, поскольку Феликс, по его же признанию, часто посещал Францию, но факт оставался фактом.

Инспектор еще раз перечитал письмо. Оно было разделено на четыре абзаца, и сыщик внимательно обдумал каждый из них. В первом говорилось о лотерее. Бернли понятия не имел о французских государственных лотереях, но сделанное в письме заявление легко поддавалось проверке. С помощью полиции Франции они узнают о результатах последних тиражей и о выплатах. Список счастливых, разумеется, существовал. А уж человека, сорвавшего куш в пятьдесят тысяч франков, жившего в Париже или в его окрестностях, отыскать не составит труда.

Второй и третий абзацы были посвящены пари и отправке бочки. Бернли снова прокрутил в сознании все подробности. Выглядела ли история правдоподобной от начала до конца? Он вынужденно признал: нет, не выглядела. Даже если двое людей действительно заключили настолько странное пари, то тест, затеянный ими, получился поистине нелепым. Неужели человек, придумавший вообще весьма сложный план с бочкой, не мог изобрести чего-то более разумного? Но опять-таки — Бернли не мог стопроцентно утверждать, что все это невозможно.

Инспектора внезапно посетила поразившая его мысль. Он, вероятно, слишком сосредоточился на девятистах-восьмидесяти восьми фунтах и потому совершенно забыл о женской руке. Предположим, в бочке действительно находился труп некой дамы. Что тогда?

Подобное допущение делало событие куда как более серьезным и отчасти объясняло побудительные мотивы для отправки бочки, но не проливало света на странный способ доставки груза. Хотя стоило перейти к четвертому абзацу, как стала очевидной возможность двух различных интерпретаций. Он прочитал его заново:

От всей души поздравляю, дружище, с огромной для тебя удачей, осязаемые плоды которой ты получишь в бочке. А мне остается сожалеть только об одном. Я не смогу лично увидеть, как ты вскроешь ее.

На первый взгляд здесь содержалось поздравление с выигрышем в лотерею, «осязаемыми плодами» которого были девятьсот восемьдесят восемь фунтов золотом, прибывшие в бочке. Но что, если на самом деле имелось в виду нечто совершенно иное? Разве не могли слова письма восприниматься в поистине зловещем смысле? Допустим, «осязаемыми плодами» должны были послужить не деньги, а труп? Предположим, чья-то смерть стала результатом — пусть даже косвенным — каких-то действий, предпринятых Феликсом? Если отправлялись всего-навсего деньги, то с чего бы Ле Готье сожалеть о невозможности лично присутствовать при вскрытии бочки? Но если в бочку в качестве нежданного сюрприза поместили мертвое тело, не проясняется ли в таком случае подобное высказывание? Бесспорно, многое указывало на это. Лишь одно не подлежало сомнению: если Феликсу отправили труп, он не мог не знать хотя бы некоторых обстоятельств, приведших к его появлению. Покончив с такими размышлениями, инспектор вновь обратился к хозяину дома:

— Весьма признателен за ваши показания, мистер Феликс, которые, я пока воспринимаю как правдивые. Боюсь, однако, вы сообщили мне не обо всем.

— Я рассказал о том, что имеет непосредственное отношение к делу.

— Тогда должен выразить опасения, что мы с вами несколько по-разному трактуем суть дела и детали, имеющие к ней отношение. Как бы то ни было, но я вынужден вернуться к своему изначальному вопросу: что именно содержится в бочке?

— Разве вас не удовлетворяет мое заявление о присланных в ней деньгах?

— Ваше мнение, что там деньги, я принимаю. Но только у меня есть сомнения относительно вашей осведомленности об истинном характере полученного груза.

— В таком случае, — Феликс порывисто вскочил на ноги, — хочу напомнить, что бочка находится в каретном сарае, и нам ничто не мешает прямо сейчас отправиться туда и вскрыть ее. Иного выхода я не вижу. Признаюсь, что не собирался делать этого сегодня

ночью, поскольку не хотел сваливать груду золота где попало. Но теперь мне ясно, что только так я смогу окончательно убедить вас.

— Благодарю вас, мистер Феликс. Я ожидал именно такого предложения. По вашему справедливому замечанию, только так можно окончательно снять все вопросы. Я приглашу в качестве понятого сержанта Гастингса, и мы немедленно пойдем туда.

Ничего больше не говоря, Феликс взял фонарь и повел полицейских за собой. Они вышли через дверь в задней части дома, пересекли двор и остановились у ворот сарая.

— Подержите, пожалуйста, фонарь, чтобы я мог найти нужный ключ.

Бернли направил луч света на длинный металлический засов, запиравший обе створки ворот. Его рукоятка крепилась к скобе в стене навесным замком. Феликс вставил ключ в замочную скважину, но при первом же прикосновении дужка замка неожиданно сама открылась.

— Дьявол! Да здесь не заперто! — воскликнул Феликс. — Но ведь я лично закрыл замок на ключ всего несколько часов назад!

Он полностью снял замок и отодвинул засов, открыв ворота. Бернли посветил внутрь фонарем.

— Бочку вы оставили в этом помещении? — спросил он.

— Да. Подвешенной на крюк в потолочной балке, — ответил Феликс. Он закрыл ворота, повернулся, и по мере того, как всматривался в полумрак, у него все больше отвисала челюсть.

— Боже мой! — произнес он сдавленным голосом. — Ее нет! Бочка пропала!

Глава 6

ИСКУССТВО ИСКАТЬ И НАХОДИТЬ

Хотя неожиданный поворот событий удивил Бернли в не меньшей степени, он не забывал пристально следить за поведением Феликса. В том, что тот онемел от

непостижимости случившегося, инспектор нисколько не сомневался. Шок выглядел неподдельным и нисколько не походил на притворство, к нему еще примешивались осязательные злость и раздражение от вероятной потери крупной суммы денег, столь же искренние.

— Но я же сам запер сарай, — без конца повторял он. — Бочка была здесь в восемь часов вечера, и я не понимаю, кто мог за это время добраться до нее. Помимо всего прочего, только я один знал о ней. Как сумел узнать про нее кто-то еще?

— Именно это нам и предстоит установить, — ответил инспектор. — Давайте вернемся в дом, мистер Феликс, и все обсудим. Так или иначе, нам ничего не удастся сделать до наступления рассвета.

— Вы, быть может, ни о чем не догадывались, — продолжал он, — но за тем, как доставили и поместили бочку в сарай, проследил один из наших людей. Он дождался момента, когда вы, мистер Феликс, покинули дом со своим другом Мартином примерно в девять часов вечера. Потом ему самому пришлось уйти с поста, чтобы обо всем доложить мне, но он вернулся к дому около десяти часов. С десяти до начала двенадцатого он единолично продолжал нести вахту, а затем я окружил все ваше владение с помощью группы своих подчиненных, поскольку опасался, что нам придется иметь дело с целой бандой, а не с одним человеком. Таким образом, кто бы ни похитил бочку, он мог сделать это только между девятью и десятью часами вечера.

Феликс уставился на собеседника, сраженный новой неожиданностью.

— Разрази меня гром! — сказал он. — Я поражен. Каким образом, черт возьми, вам удалось напасть на мой след?

Бернли улыбнулся:

— Наши методы — профессиональный секрет. Добавлю только, что нам прекрасно известно и то, как вы ухитрились вывезти бочку из порта.

— Что ж, тогда я очень правильно поступил, рассказав вам правду.

— Да, вы приняли мудрое решение, мистер Феликс. У меня имелась отличная возможность проверить соот-

ветствие изложенных вами фактов действительности, и, признаюсь, меня порадовали ваша прямота и честность. Однако, сэръ, вы уже скоро поймете, почему они не могут полностью удовлетворить меня, пока я не обследую содержимое бочки.

— Ваше стремление увидеть ее содержимое едва ли сильнее моего собственного, мною движет еще и материальная заинтересованность — я хочу получить свои деньги.

— Вполне естественное желание, — сказал Бернли, — но прежде чем мы возобновим обсуждение дела, я должен попросить у вас прощения и ненадолго отлучиться. Необходимо дать подчиненным новые указания.

Снаружи он собрал всех вместе. Сержанта Гастингса и констебля Уолкера попросил задержаться. Остальных отправил на машине по домам с приказом вернуться к восьми утра. Броутону пожелал спокойной ночи, поблагодарив за помощь и вклад в расследование.

Когда он вернулся в кабинет, Феликс уже успел развести жаркий огонь в камине и достать виски и коробку сигар.

— Спасибо за угощение. Не откажусь. — Сыщик сел в то же кресло. — А теперь, мистер Феликс, давайте поговорим обо всех, кто мог знать про бочку в сарае.

— Спешу вас заверить: никто, кроме меня и кучера.

— Вы, кучер, я и мой коллега Уолкер — для начала четверо.

Настала очередь Феликса улыбнуться.

— Что касается меня, то, как вам известно, я ушел отсюда почти сразу после доставки бочки, а вернулся уже во втором часу ночи. Все это время я находился в обществе доктора Уильяма Мартина и еще нескольких наших общих друзей. Мое алиби легко подтвердится.

Бернли тоже не смог сдержать улыбки.

— Боюсь, что мне придется поверить вам на слово, — в тон ему сказал инспектор. — С десяти часов за домом непрерывно наблюдал Уолкер, и потому мы знаем наверняка — после этого часа ничто не могло произойти, оставшись незамеченным.

— Стало быть, остается кучер.

— Верно, остается нанятый вами возница, и поскольку нам нельзя пренебрегать никакими версиями, я попрошу вас дать мне название и адрес транспортной фирмы, как и любую другую информацию о кучере, какой вы располагаете.

— «Джон Лайонз и сын», Лоуэр-Бичвуд-роуд, Мэддокс-стрит, дом 127 — это данные фирмы. Кучера я знал только под прозвищем Уотти. Низкорослый, шуплый малый со смуглым лицом и небольшими черными усиками.

— Хорошо, мистер Феликс, а теперь напрягите память и вспомните, кто еще знал про бочку?

— Больше никто, — уверенно ответил Феликс.

— Боюсь, мы не можем за это ручаться. По крайней мере, со стопроцентной гарантией.

— Но кто еще мог обо всем узнать?

— Взять, к примеру, вашего французского приятеля. Разве нельзя допустить вероятности, что он написал письмо не только вам, но и кому-нибудь еще?

Феликс резко выпрямился в кресле, словно у него над ухом выстрелили из пистолета.

— Странная мысль! — воскликнул он. — Мне такое и в голову не приходило. Но все же это маловероятно.

— Вся ваша история такая, если на то пошло. Вы, насколько я понимаю, не осведомлены еще об одной подробности: некто неизвестный наблюдал за вашим домом прошлым вечером.

— Боже милостивый, инспектор! О чем вы говорите?

— Неизвестный пришел по проселочной дороге вскоре после вашего прибытия с бочкой. Он выжидал и подслушал, как вы разговаривали со своим другом Мартином. Когда вы вместе ушли, мужчина последовал за вами.

Феликс потер ладонью лоб и побледнел.

— Все это для меня слишком сложно, — признал он. — Мое самое горячее желание — чтобы возня с бочкой поскорее закончилось.

— Так помогите мне раскрыть дело как можно быстрее. Думайте. Есть ли у вашего парижского приятеля знакомые, кому он тоже мог написать письма?

Феликс помолчал.

— Мне известен в этой стране только один такой человек, — сказал он после паузы, — с которым дружен Ле Готье. Это некий мистер Перси Мургатройд, горный инженер, работающий в Вестминстере, но я не могу даже представить себе, чтобы он как-то во всем этом участвовал.

— Мне нужны его данные, включая домашний адрес.

— Лондон, Виктория-стрит, Сент-Джонс-Мэншнз, 4, — продиктовал Феликс, сверившись с записной книжкой.

— Не могли бы вы записать это на листке бумаги и поставить свою подпись?

Феликс улыбнулся.

— Мне казалось, вы обычно все записываете сами.

Бернли разразился смехом.

— Вы очень сообразительны, мистер Феликс! Разумеется, мне также необходим образец вашего почерка. Но уверяю вас — это обычная формальность. Подумайте лучше снова: нет ли кого-то еще?

— Ни одной живой души, с кем знаком я сам.

— Очень хорошо, мистер Феликс. Я хочу задать вам всего один вопрос. Где вы останавливались в Париже?

— В отеле «Континенталь».

— Спасибо. На этом пока закончим. Теперь, если позволите, я немного вздремну в этом кресле до того, как рассветет. А вам я бы посоветовал отправиться спать.

Феликс посмотрел на свои часы:

— Пятнадцать минут четвертого. Что ж, вероятно, так мне и следует поступить. Сожалею, что не могу предложить вам удобной постели, поскольку дом совершенно пуст. Но если вы готовы улечься на полу в гостевой комнате, то...

— Нет, большое спасибо. Мне будет удобно и здесь.

— Как пожелаете. Доброй ночи.

Когда Феликс удалился, инспектор остался сидеть в кресле, покуривая свои крепкие сигары из темного табака и предаваясь размышлениям. Он не спал, хотя застыл в почти неподвижной позе, лишь по временам приподнимаясь, чтобы закурить очередную сигару. Но после того как пробило пять часов, Бернли встал окончательно и посмотрел в окно.

— Наконец-то светает, — пробормотал он и тихо выскользнул через заднюю дверь.

Для начала инспектор тщательно обыскал двор и все подсобные постройки, убедившись, что бочка действительно пропала, а не была просто перенесена из одного места в другое. С этим он справился быстро.

А если бочка в самом деле исчезла, то напрашивался логичный вывод: ее вывезли с помощью какого-то транспортного средства. Его следующей целью стало определить, каким путем оно проникло во двор и не оставило ли следов. И прежде всего рядом с воротами каретного сарая.

Он взял замок и внимательно осмотрел его. Это был обыкновенный, старомодный четырехдюймовый замок. Дужку открыли, применив изрядную физическую силу и одновременно вырвали «с мясом» скобу, в которую входил засов. Оставшиеся отметины показывали, что это проделали с помощью инструмента, использованного как рычаг и вставленного сквозь дужку замка с упором в скобу. Инспектор осмотрелся в поисках подобного инструмента, но рядом с собой ничего не обнаружил. Он сделал запись в блокноте: «Необходимо постараться найти рычаг». Если царапины на нем совпадут с отметинами на замке и на скобе, это может стать важной уликой.

Следующим действием был осмотр ворот двора. Две их створки открывались внутрь, а запирались деревянной балкой, центр которой крепился болтом к краю одной из створок. Пока балка находилась в вертикальном положении, ворота легко открывались, но, повернутая горизонтально, она ложилась концами в пазы, прикрепленные к каждой из створок, и запирала ворота. Ее также можно было для надежности зафиксировать подвесным замком, однако он отсутствовал. Сейчас ворота стояли запертыми, балка лежала поперек створок в предназначенных для нее пазах.

Инспектор внес в блокнот еще одну заметку: «Выяснить у мистера Феликса, запирали ли он ворота сам». Очевидно, что ворота закрыли после того, как транспорт выехал наружу. Но их должен был сперва кто-то открыть. Кто мог сделать это? Неужели Феликс лгал и в доме присутствовал другой человек?

Поначалу подобная возможность казалась вполне вероятной, но затем инспектор принялся рассматривать иную версию. Констеблю Уолкеру удалось забраться на стену. Значит, человек, открывший и заперший ворота, вполне мог сделать то же самое. Инспектор медленно двинулся мимо каменной ограды, осматривая саму стену и землю вдоль нее.

Поначалу он не заметил ничего необычного, но при повторном изучении на обратном пути, в трех ярдах от ворот разглядел на штукатурке стены два едва заметных пятна грязи или пыли. Они располагались примерно в шести футах от земли, а расстояние между пятнами составляло приблизительно пятнадцать дюймов. На мягкой почве, скопившейся поверх мощенного булыжниками двора в этой его части, куда никто обычно не заходил, прямо под пятнами и в футах от стены виднелись два углубления с ровными краями в два дюйма длиной и в полдюйма шириной, находившиеся на одной линии. Кто-то явно воспользовался небольшой лестницей.

Инспектор Бернли постоял, разглядывая отпечатки. Ему пришло в голову, что для следов от лестницы расстояние в пятнадцать дюймов (а он точно установил его, сделав измерения рулеткой) было великовато. По опыту инспектор знал, что подобные лестницы редко делали шире двенадцати дюймов.

Открыв ворота, он вышел и осмотрел стену снаружи. Здесь вдоль нее росла трава, и инспектор склонился в поисках следов, которые соответствовали бы оставленным внутри. Его ожидала удача. Две гораздо более глубоких вмятины, где концы чего-то похожего на лестницу упирались в более мягкую землю. Они не были столь узкими, как углубления во дворе. Имея ту же прямоугольную форму, выглядели крупнее — по его прикидкам, три дюйма на два. Инспектор изучил штукатурку стены и только с помощью увеличительного стекла обнаружил две небольшие царапины точно напротив пятен с внутренней стороны.

Его осенила идея. Он соскреб немного земли, на которой росла трава, вернулся во двор и с помощью лупы сравнил взятый образец с уже подсохшими пятнами

грязи на стене. Как и ожидалось, образец и пятна имели в точности одинаковый цвет и состав.

Теперь Бернли мог приблизительно восстановить картину происшедшего. Некто приставил странной формы лестницу с внешней стороны стены, чтобы перебраться через нее и открыть ворота. Затем лестницу внесли во двор и приставили к стене с внутренней стороны, но, быть может по ошибке, перевернули не тем концом. Вот почему штукатурка снаружи осталась чистой и лишь слегка поцарапанной, а изнутри ее испачкали ножки лестницы, прежде упиравшиеся в землю. Как представлялось инспектору, вор, перелезая через стену после того, как закрыл ворота, втянул лестницу за собой на веревке.

Бернли вернулся к полосе травы для дальнейших поисков. И вскоре нашел еще одно подтверждение своей теории, обнаружив единственное углубление, оставленное ножкой лестницы примерно в двух футах и шести дюймах от стены. Эта вмятина, понял он, образовалась после того, как неизвестный злоумышленник сбросил лестницу со стены, покидая двор. Инспектор заметил еще три отпечатка подошв, но они, к сожалению, оказались настолько смазанными, что не представляли ценности для расследования.

Он снова достал блокнот и сделал зарисовку, указав точные размеры лестницы: длину, ширину и очертания ножек с обеих концов. Затем, воспользовавшись той же стремянкой, что и Феликс для подвески блока и цепи к потолку сарая, инспектор поднялся на стену. Тщательно осмотрел бетонную поверхность, но никаких других отметин не обнаружил.

Поскольку двор был замошен, на нем не осталось следов ни от колес, ни от подошв, но Бернли тем не менее потратил немало времени, несколько раз обойдя его вдоль и поперек в надежде найти любой случайно потерянный предмет. Однажды, расследуя одно из дел, он именно так разыскал среди листвы простую пуговицу от брюк, и эта находка помогла посадить за решетку двух преступников. Но сейчас его постигла неудача — поиски закончились совершенно безрезультатно.

Затем он вышел на подъездную дорожку. Здесь следов оказалось много, хотя, вопреки всем стараниям, инспектору не удалось извлечь из них никакой полезной информации. Поверхность дорожки покрывал густой слой мелкого гравия, на котором виднелись лишь смутные впадины и взрыхления. Он все же методично изучил дорожку. Каждый ее фут был неспешно обследован, пока Бернли двигался в сторону ворот. Чем дальше от дома, тем тоньше был слой гравия, насыпанного на твердое основание, а оно тоже не способствовало сохранению четких отпечатков колес или ботинок. Когда до ворот оставалось уже совсем недалеко, ему повезло.

На лужайке между домом и стеной явно проводились какие-то земляные работы. Бернли показалось, что обустраивали либо теннисный корт, либо площадку для игры в крокет. И из одного угла будущей площадки вела недавно закопанная узкая траншея, пересекавшая подъездную дорожку и уходившая под живую изгородь. Ее назначение было очевидно — здесь недавно проложили дренажную трубу.

Там, где траншея проходила под дорожкой, свежая глинистая почва, которой трубу засыпали, слегка просела. Вмятину заровняли в середине, добавив еще гравия, но, по счастью для инспектора стечению обстоятельств, с того края дорожки, что был ближе к проселку, остался участок глины. И на этом относительно небольшом пространстве четко виднелись два следа от обуви, направленные в сторону дома.

Впрочем, назвать это двумя следами было бы не совсем правильно. Только один из отпечатков оказался полным, зафиксированным глиной во всех деталях, словно гипсовая отливка, — след от грубого рабочего башмака с правой ноги, подбитого крупными сапожными гвоздями с круглыми шляпками. Второй отпечаток, видневшийся впереди и левее, оставили, сделав следующий шаг. Он по большей части пришелся уже на твердую поверхность, а в глине запечатлелся только каблук.

Лицо инспектора Бернли просветлело. Ему редко доводилось видеть более четкие следы. Наконец-то он нашел нечто вещественное. Он присел, чтобы рассмо-

треть отпечатки пристальнее, но внезапно резко поднялся, с досады даже всплеснув руками.

— Ну и дурень же я! — прорычал инспектор, недовольный собой. — Эти следы оставил Уотти, когда заводил лошадь с повозкой и бочкой во двор.

Но он не поленился все же сделать точный, пусть и несколько схематичный рисунок в блокноте с особенностями следов, обозначив расстояние между ними, равно как и размер глинистого участка. Не приходилось сомневаться: Уотти без труда удастся найти через транспортную фирму и убедиться в принадлежности отпечатков. И если вдруг выяснится, что следы оставил не он, тогда в руках инспектора окажется важная ниточка, ведущая к вору.

Бернли уже был готов развернуться и идти дальше, но по укоренившейся привычке тщательно обдумывать все увиденное, он задержался рядом со следами, продолжая вглядываться в них, постепенно замечая упущенное прежде. Его неожиданно поразило, насколько близко друг к другу располагались отпечатки подошв. Он опять достал рулетку и вторично замерил расстояние. Девятнадцать дюймов от пятки до пятки. Это в самом деле выглядело слишком короткой дистанцией. Обычно у мужчины такой комплекции, какой обладал Уотти, длина шага равнялась по меньшей мере тридцати дюймам, к тому же у кучеров с годами вырабатывалась особо размашистая походка. Тридцать два или даже тридцать три дюйма — вот какую цифру следовало ожидать в реальности. Отчего же вдруг такой мелкий, словно семенящий шагок?

Инспектор всматривался и размышлял. В его глазах появился блеск, и он опять склонился над пятном глины.

— Будь я проклят! — пробормотал Бернли. — Будь трижды неладен! Я ведь чуть не проморгал это! Все и прежде указывало на Уотти, а теперь улики сходятся окончательно! Окончательно и бесповоротно!

Щеки его покраснелись, глаза сияли.

— Вот мы, кажется, и распутали один клубок, — произнес инспектор с нескрываемой радостью в голосе.

Но он, несмотря ни на что, продолжил свое методичное обследование остальной части дорожки, протя-

нувшейейся от ворот до шоссе, но не сделал больше никаких открытий.

Бернли посмотрел на часы. Семь утра.

— Остались еще два вопроса, и я здесь закончу, — проговорил он удовлетворенно.

Инспектор свернул на проселок и медленно пошел вдоль него, изучая неровную поверхность столь же внимательно, как делал это с подъездной дорожкой. Трижды он останавливался, чтобы изучить и замерить следы обуви, причем в третий раз совсем рядом с калиткой в живой изгороди.

— С первым вопросом все. Теперь обратимся ко второму, — пробормотал он и вернулся к началу подъездной дорожки, где на некоторое время задержался, всматриваясь в обе стороны шоссе.

Избрав лондонское направление, он прошел с четверть мили, изучая съезды с шоссе в обе стороны и обращая особое внимание на те из них, что вели в глубь полей. Очевидно, не обнаружив того, что искал, на перекрестке он свернул налево, продолжив свой поиск. Не добившись успеха, добрался до второго пересечения дорог, но опять безрезультатно. Поскольку больше перекрестков поблизости не оказалось, Бернли вернулся к проселку и двинулся теперь в противоположном Лондону направлении. Около третьего съезда налево в сторону поля он опять остановился.

Съезд вел к воротам фермы, окруженным с двух сторон высокой и густой живой изгородью, высаженной параллельно шоссе. Поле за воротами покрывала лишь сорная трава, и при въезде висела табличка с объявлением о сдаче земельного участка в аренду или о продаже под строительство. Сразу за воротами простиралась небольшая и чуть заболоченная низина, и от взгляда инспектора не укрылось, что она вся покрыта свежими следами колес.

Ворота не были заперты на замок. Бернли отодвинул засов и зашел на поле. Следы колес он осматривал с величайшим интересом. Они сначала сделали резкий поворот вправо от въезда, затем шли вдоль живой изгороди и остановились у высокого дерева. Помимо колесной колеи, инспектор пристально изучил отпечат-

ки подков лошади и следы тяжелых башмаков, подбитых крупными гвоздями с круглыми шляпками, которые вели в том же направлении.

В благодушном настроении Бернли покинул поле и прошагал обратно к усадьбе «Сен-Мало». У него были все основания быть довольным проделанной этой ночью работой. Сначала ему удалось получить много полезной информации от Феликса и, более того, превратить этого человека в союзника, горевшего желанием помочь сыщику разгадать загадку. И хотя возникло непредвиденное препятствие после того, как обнаружилось исчезновение бочки, инспектор не сомневался, что наблюдения, сделанные им за последние три часа, помогут со всем разобраться.

Когда он приблизился к двери дома, там его уже поджидал Феликс.

— Я увидел, как вы возвращаетесь, — сказал он. — Вам удалось что-нибудь прояснить?

— Все складывается совсем неплохо, — ответил полицейский. — Сейчас я намереваюсь вернуться в город.

— Но как же бочка? Что с ней случилось?

— Я наведу кое-какие справки, которые могут дать определенные результаты.

— О, я вас умоляю, инспектор. Не надо напускать столько дьявольского тумана. Скрытность ни к чему. Вы можете сразу рассказать мне, к каким выводам пришли, потому что, насколько я вижу, у вас уже есть конкретные соображения.

Бернли рассмеялся.

— Что ж, — сказал он, — у меня нет особых возражений. Сообщу вам о своих наблюдениях, а вы попробуйте сами сделать выводы. Я обнаружил, что замок на воротах вашего каретного сарая был взломан с помощью какого-то инструмента, послужившего вору рычагом. Поскольку ничего подобного поблизости найти не удалось, то любая наша версия должна объяснить происхождение и пропажу этого инструмента. На нем, по всей вероятности, остались отметины, соответствующие царапинам на замке и на скобе засова, а это может послужить важной уликой.

Далее. Я также установил, что ваш таинственный гость приехал к воротам двора на повозке, после чего перелез через стену, применив очень странную лестницу. Похоже, он открыл ворота, а затем, погрузив бочку на повозку, вывел ее наружу, запер ворота изнутри и покинул двор тем же способом, что и пришел. Есть основания полагать, что он втащил лестницу за собой, привязав к ней, скорее всего, обыкновенную веревку. Как я упомянул, лестница имела странный вид. Вот ее набросок, который я смог сделать на основании полученных данных. Заметьте, что она короткая, но широкая, а верхний и нижний концы отличаются друг от друга.

Отмечу еще, хотя вам это, вероятно, тоже ясно, как легко было погрузить бочку на повозку, несмотря на ее большой вес. Вору пришлось только подогнать телегу под бочку, а потом отпустить цепь с блока, это мог проделать любой.

Инспектор сделал краткую паузу, давая Феликсу усвоить информацию. После чего продолжал:

— Я изучил подъездную дорожку, но лишь в одном месте нашел нечто весьма любопытное: пару очень необычных следов мужских башмаков. Вы можете увидеть их своими глазами, если пройдете со мной вдоль дорожки. Я вам покажу. Скорее всего, следы оставил Уотти, когда вел лошадь с повозкой в сторону двора за домом, но здесь пока нет полной уверенности. Нужно осмотреть обувь Уотти.

Затем я обследовал проселочную аллею, где в трех местах мне попались следы того же человека. Наконец приблизительно в двухстах ярдах к северу по главной дороге я наткнулся на отпечатки колес телеги, рядом с которой шел этот мужчина.

А теперь, мистер Феликс, сопоставьте все эти факты. Их кажется достаточно лишь для того, чтобы сделать предположения, хотя следы подошв на глине почти исключают возможность ошибки.

К этому моменту они вместе дошли до глинистого участка со следами.

— Вот они, — сказал Бернли. — Что вы о них думаете?

— Я не замечаю ничего из ряда вон выходящего.

— Присмотритесь еще раз.

Но Феликс покачал головой.

— Тогда давайте сделаем так, мистер Феликс. Встаньте на гравий рядом с глинистым участком и поставьте правую ногу на одной линии с первым следом. Хорошо. А теперь сделайте шаг вперед, словно идете к дому. Отлично. Вам и сейчас ничего не приходит в голову?

— Ничего особенного, вот только показалось, что мой шаг получился гораздо шире.

— Но ведь это был ваш обычный шаг, верно?

— Тогда незнакомец почему-то сделал здесь небольшой шаг, вы к этому клоните?

— Но было ли так на самом деле? Вообразите, будто следы оставил все-таки Уотти, как я по-прежнему склонен предполагать. Вы были с ним и наблюдали его походку.

— Это уже слишком, инспектор. Что значит — наблюдал походку? Он, конечно, не шел постоянно мелкими шажками, иначе я бы заметил это, но он вполне мог однажды укоротить шаг незаметно для меня.

— Если на то пошло, сей факт не столь уж важен сам по себе. Он всего лишь свидетельствует о странности сделанного шага. Но согласитесь, пусть это и возможно, но все же маловероятно, что он сделал столь короткий шаг — длиной девятнадцать дюймов вместо положенных примерно тридцати трех, — не споткнувшись и не оступившись.

— Но откуда вы знаете? Быть может, он и в самом деле споткнулся.

— Отпечаток, мой уважаемый друг. Об этом нам свидетельствует отпечаток. След ноги споткнувшегося или оступившегося человека не был бы четким. Он оказался бы либо более глубоким с одной стороны, либо смазанным. Между тем перед нами ровные следы нормально шедшего человека.

— Думаю, вы правы, но только в чем смысл подобных наблюдений?

— Для меня в них заключен весьма существенный смысл, хотя окончательное умозаключение только на этом основании делать не стоило бы. Но есть еще одна

деталь, и она позволяет прийти к почти бесспорному выводу. Посмотрите на эти следы снова, мистер Феликс.

— Воля ваша, но больше я ничего в них не замечаю.

— Сравните оба следа.

— Я могу сравнивать только отпечатки каблуков, и не вижу между ними никакой разницы. Это следы каблуков, оставленные одной и той же парой обуви, — тут Феликс неожиданно задумался, утратив уверенность. Потребовалось некоторое время, чтобы он пришел в себя от изумления и воскликнул: — Черт побери, инспектор! Я наконец понял вашу точку зрения. Отпечатки оставил только один каблук. То есть мы видим два следа правой ноги!

— Так и есть, мистер Феликс. Рад, что вы сами разглядели это. А теперь взгляните пристальнее. Четвертый гвоздь с левой стороны каблука отсутствует. Совпадение? Но сравните степень износа шляпок остальных гвоздей и кожи. Это один и тот же каблук — места для сомнений не остается. — И он указал на несколько неровностей и других дефектов, заметных на обоих отпечатках.

— Но даже если каблук тот же, я не могу понять, что вы заключили из подобного факта.

— Неужели? Тогда вот вам мое объяснение. Как Уотти, если это был все-таки он, оставил подобные следы? Есть только два способа. Скажем, он мог прыгать здесь на одной ноге. Но такое невозможно по ряду причин. Во-первых, начни он прыгать, вы не смогли бы не заметить этого. Кроме того, оставленные им следы имели бы совершенно иной вид — значительно менее четкий. И, наконец, с какой стати ему вдруг вздумалось прыгать? Ни один нормальный человек не стал бы делать этого. А следовательно, остается только второй способ. Какой же, мистер Феликс?

Тот даже вздрогнул.

— Мне становится понятной ваша идея. Он прошел по дорожке дважды.

— Разумеется! Сначала он шел вместе с вами, чтобы сгрузить бочку. А потом вернулся с пустой повозкой и забрал ее. И если это так, то все указывает на Уотти.

— Но зачем Уотти понадобилась бочка? Он никак не мог пронюхать, что внутри деньги.

— Правильно, вот только ему, вероятно, стало ясно: в бочке привезли нечто ценное.

— Не могу выразить, насколько вы обрадовали меня, инспектор. Если бочку увез он, то найти ее наверняка не составит большого труда.

— Тут ничего нельзя предсказать заранее. Главный вопрос заключается в том, действовал ли он исключительно по собственной инициативе.

— А по чьей же еще?

— Мы снова возвращаемся к вашему французскому приятелю. Вам неизвестно, кому еще он мог написать о бочке. И вы не знаете наверняка, что за всеми вашими манипуляциями с ней не следил некто посторонний.

— Прошу вас, не выдумывайте лишних сложностей. Вы же найдете этого Уотти, не так ли?

— Мы, конечно же, разыщем его, хотя это может оказаться сложнее, чем вам представляется. Но поспешу вас успокоить: есть две улики, указывающие, что он орудовал в одиночку.

— Какие же?

— Первая улика связана с таинственным наблюдателем со стороны проселка. Это точно был тот самый человек, который дважды прошел по дорожке к вашему дому. Я уже упоминал, что обнаружил на проселке его следы сразу в трех местах. Он оставил отпечатки подошв рядом с калиткой в живой изгороди и, судя по всему, некоторое время стоял в том месте. Именно тогда наш человек заметил этого наблюдателя. Вторая улика касается лошади с телегой. Она окончательно убедила меня, что наблюдателем был все тот же Уотти. Когда он подслушивал вас, спрятавшись за изгородью у калитки, то где в этот момент находилась запряженная повозка? Если бы с ним был напарник, тот мог позаботиться о лошади и телеге. Но одному Уотти, чтобы провести разведку обстановки, потребовалось бы где-то укрыть свой транспорт. Я обошел окрестности вблизи дороги и с четвертой попытки к северу отсюда обнаружил такое укрытие. После чего ход событий выстроился в своей реальной последовательности. Сгрузив

бочку в каретном сарае, человек покатил повозку по дороге, пока не нашел ворота, за которыми не было фермерского дома. Там простиралось голое поле. И следы видны безошибочно. Он завел телегу через ворота за живую изгородь и привязал лошадь к дереву. Затем дошел до вашего дома и слышал, как вы ушли. Должно быть, он сразу же бросился за своей повозкой, поставил на нее бочку и поспешно скрылся, потому что уже вскоре сюда вернулся наш констебль Уолкер, никого не застав. Как вам все это в качестве рабочей версии?

— Звучит убедительно и очень правдоподобно. И тогда понятно, откуда взялась описанная вами странная лестница.

— Лестница? Что вы имеете в виду?

— Это наверняка был трап для погрузки бочек на повозку. Я заметил его прикрепленным под днищем телеги.

Бернли хлопнул себя по ноге.

— Очко в вашу пользу, мистер Феликс! — воскликнул он. — Вынужден отдать вам должное, сэр. Я ведь даже не догадывался о такой возможности. И это вновь указывает на Уотти.

— Я в свою очередь не могу не поздравить с успехом вас, инспектор. Вам удалось собрать доказательства, ведущие к немедленному раскрытию дела.

— Да, я тоже считаю, что мы на правильном пути. А теперь, сэр, мне нужно вернуться в Скотленд-Ярд. — Бернли чуть замаялся, прежде чем продолжить: — Право, очень жаль, сэр, и боюсь, что это вам не слишком понравится, но скажу прямо: я не могу оставить вас без охраны и наблюдения полиции, пока вся кутерьма с бочкой не уляжется окончательно. Но даю слово, ваш покой никто не потревожит.

Феликс улыбнулся.

— Ничего страшного. Вы всего лишь исполняете свои служебные обязанности. Я же прошу только об одном: держите меня в курсе расследования.

— Надеюсь, у нас будут новости уже к концу сегодняшнего дня.

В начале девятого приехала машина с двумя офицерами, которые вечером были отосланы отдыхать. Бернли

дал им указания о наблюдении за Феликсом, а потом вместе с сержантом Гастингсом и констеблем Уолкером сел в автомобиль, стремительно помчавший их в сторону Лондона.

Глава 7

БОЧКА НАЙДЕНА

Инспектор Бернли добрался до Скотленд-Ярда, высадив по дороге констебля Уолкера у его участка. При этом он напутствовал молодого полицейского такими хвалебными словами, что сердце того зашлось от радости, а воображение стало рисовать яркие картины того времени, когда он, инспектор Уолкер, станет одним из наиболее опытных и уважаемых сыщиков во всем Скотленд-Ярде. По дороге в город Бернли успел продумать план операции и для начала пригласил сержанта Гастингса к себе в кабинет, где разложил карту.

— Смотрите сюда, Гастингс, — сказал он. — Вот здесь расположена фирма гужевого транспорта «Джон Лайонз и сын», в которой трудится Уотти и где была арендована повозка. Как видите, она занимает весьма ограниченное пространство. Рядом пролегает Гул-стрит, а это — районное почтовое отделение. Сориентировались? Отлично. Тогда мне нужно, чтобы сразу после завтрака вы отправились туда и взяли за Уотти как следует. Выясните его полное имя и домашний адрес, сообщив нам данные телеграммой или по телефону. Затем постарайтесь сесть ему на хвост. Как я предполагаю, он держит бочку либо дома, либо в каком-то укромном местечке, а потому рано или поздно приведет вас к ней, если не упустите его из вида. Вполне вероятно, он ничего не сможет предпринять до наступления ночи. Ни во что не вмешивайтесь и по возможности избегайте попадаться ему на глаза, хотя, разумеется, не позволяйте вскрывать бочку, если он еще не влез в нее. И уж тем более не допустите изъятия им хотя бы части содержимого. На каком-то эта-

Смертельный
груз

пе я к вам присоединюсь, и мы решим, как действовать дальше. Почтовое отделение на Гул-стрит сделаем нашим полевым штабом, и вы сможете информировать меня отсюда о развитии событий, скажем, каждый четный час. Оденьтесь, как сочтете необходимым для пользы дела, и приступайте к выполнению задания незамедлительно.

Сержант отсалютовал и вышел из кабинета.

— Пока это все, насколько я понимаю, — сказал Бернли самому себе.

Он широко зевнул и отправился домой завтракать.

Когда некоторое время спустя инспектор Бернли вышел из дома, в его внешности произошла разительная перемена. Он пожертвовал своим обликом подтянутого и молодцеватого офицера Скотленд-Ярда, сделавшись похожим на простого лавочника или мелкого строительного подрядчика. На нем был поношенный костюм в клетку с мешковатыми, пузырившимися на коленях брюками и местами покрытый пятнами грязи плащ. Галстук давно вышел из моды, шляпа нуждалась в щетке, а ботинки потерлись на носках и скособочились ближе к каблукам. Легкая сутулость и шаркающая походка завершали этот не слишком приглядный вид.

Сначала он вернулся в Скотленд-Ярд, поинтересовавшись, нет ли для него сообщений. И действительно, уже поступила телефонограмма от сержанта Гастингса: «Известную вам личность зовут Уолтером Палмером. Лоуэр-Бичвуд-роуд, Феннел-стрит, дом 71». Заручившись ордером на арест «известной ему личности», Бернли заказал полицейский автомобиль с одетым в штатское водителем и направился непосредственно к месту действия.

Был отличный ясный день. Солнце ослепительно сияло с синевы безоблачного неба. В воздухе витала приятная свежесть ранней весны. А потому даже инспектор Скотленд-Ярда, голова которого была забита бочками и трупами, не мог не поддаться очарованию погоды. С чуть заметным вздохом он подумал о собственном саду в деревне, завести который стало для него самой заветной мечтой. Нарциссы уже цвели бы во всей красе, начали распускаться примулы, а сколько приятных

трудоов ожидало его, если он хотел бы заботливо взрастить более поздние сорта цветов...

Бернли распорядился, чтобы автомобиль остановился в самом начале Гул-стрит, и дальше двинулся пешком. Вскоре он достиг своей цели — арки в конце квартала, на которой заметно поблекшими буквами было выведено название: «Джон Лайонз и сын. Гужевые перевозки». Пройдя под аркой и миновав короткий проулок, Бернли попал во двор. Вдоль одной его стены тянулся открытый навес, а к другой была пристроена конюшня, достаточно просторная, чтобы приютить восемь-девять лошадей. Четыре или пять разных повозок стояли под навесом. Прямо в центре двора стояла запряженная телега, сиявшая коричневыми бортами, но стоило Бернли подойти ближе, как под слоем свежей краски смутно проступили очертания каких-то белых букв. Молоденький парнишка показался в дверях конюшни и принялся с любопытством разглядывать Бернли, хотя не вымолвил ни слова приветствия.

— Хозяин на месте? — окликнул его инспектор.

Юноша указал на другую дверь:

— Да, он в конторе.

Бернли развернулся и вошел в небольшой деревянный домик, находившийся при въезде во двор. Статный пожилой мужчина с седой бородой, вносящий записи в бухгалтерскую книгу, поднялся навстречу посетителю.

— Доброе утро, — сказал Бернли. — Могу я взять у вас в аренду повозку?

— Ясное дело, можете, — ответил крепкий старик. — Когда она вам нужна и на какой срок?

— Вот такая история, — ответил инспектор. — Я, понимаете ли, маляр, и мне нужно перевозить материалы с одного места на другое. А у меня, как назло, своя телега сломалась, и мне требуется что-то взамен, пока ее чинят. На это уйдет дня четыре. Я просил приятеля, но он мне отказал.

— Стало быть, лошадь и кучер вам без надобности?

— Да, я бы использовал тех, что у меня есть.

— В таком разе, сэр, боюсь, никак не смогу вам помочь. У меня железное правило. Я никогда не отпускаю транспорт без присмотра своих ребят.

— Тут вы правы, ничего не скажешь, но только ку-чер мне ни к чему. Вот вам мое предложение. Ежели вы сдадите мне повозку, я оставляю вам под залог ее полную стоимость. Тогда, уж будьте уверены, она вернется к вам в целости и сохранности.

Пожилой хозяин поскреб небритую щеку.

— На это я, пожалуй, соглашусь. Никогда не делал такого прежде, но не вижу причин отказываться сейчас.

— Тогда давайте взглянем, что у вас есть для меня, — живо отреагировал Бернли.

Они отправились во двор и подошли к повозке, которую Бернли, соблюдая все формальности, тщательно осмотрел.

— У меня множество небольших банок, — сказал он, — но есть и весьма внушительных размеров бочки с красками. Мне бы хотелось взглянуть на погрузочный трап. Подходят ли его размеры для моих нужд.

Владелец фирмы снял трап с креплений внизу и установил в надлежащее положение.

— Боюсь, он широковат. — Инспектор достал рулетку. — Нужно сделать замеры.

Трап оказался шириной в пятнадцать дюймов, а длиной в шесть футов и шесть дюймов. Ту пару концов, которые упирались в землю, немного заострили, а на противоположной стороне были сделаны железные прямоугольные набойки размером три на два дюйма каждая, позволявшие цеплять трап крюками к повозке. При внимательном взгляде на них виднелись налипшие мелкие комья земли. Бернли остался доволен увиденным. Теперь не приходилось сомневаться, что именно с помощью этого приспособления Уотти перелезал через стену.

— Я ошибся, трап вполне сгодится, — сказал он. — Это ящик для сена или инструментов?

Не дожидаясь разрешения, он проворно открыл крышку и изучил содержимое. В ящике лежали стопор для колес, торба-кормушка для лошади, небольшой моток веревки, изогнутый металлический гаечный ключ и еще какие-мелочи. Инспектор достал ключ.

— А это, как я понимаю, для крепления колес, — сказал он и склонился для проверки. — Да, он как раз подходит под размер гаек.

Укладывая длинный ключ на место, Бернли успел мельком взглянуть на ручку. На ее концах отчетливо виднелись две царапины, и инспектор преисполнился твердой уверенности, что отметины совпадут с повреждениями на замке и скобе ворот каретного сарая, стоит лишь провести следственный эксперимент.

Статный здоровяк следил за ним с выражением плохо скрытого раздражения.

— Вы, случаем, не собираетесь купить телегу? — спросил он с иронией.

— Нет, спасибо, но если вы хотите получить залог, прежде чем передать мне повозку, то и я имею право убедиться, что она меня не подведет.

В контору они вернулись, обсуждая тарифы. Когда же и этот вопрос оказался улажен, сошлись на том, что Бернли сначала еще раз свяжется со своим другом, а уже потом сообщит окончательное решение.

Инспектор покинул двор гужевой компании в отменном настроении. Он получил полный набор улик, подтверждавших правоту его версии. Все указывало на то, что бочку похитил Уотти, воспользовавшись повозкой, доверенной ему хозяином фирмы.

Вернувшись на Гул-стрит, он зашел на почту. Было без десяти двенадцать, но сообщений для него не оказалось, и он стал ждать рядом с входом. Пяти минут не прошло, как появился уличный мальчишка, несколько раз оглядел его снизу доверху, а потом спросил:

— Это вас величают Бернли?

— Да, меня, — ответил инспектор. — Принес записку?

— Тот, другой малый говорил, будто вы мне дадите шестипенсовик за труды.

— На, держи награду, сынок, — сказал Бернли, протянув ему монету, после чего клочок бумаги перекочевал в его руки.

В записке говорилось: «Объект собирается домой ужинать. Нахожусь на улице к югу от въезда во двор транспортной фирмы».

Инспектор дошел до того места, где оставил машину, сел в нее и оперативно добрался до указанного в записке места. Повинуясь его жесту, шофер остановился у обочины дороги, заглушил мотор и проворно выбрался наружу, чтобы открыть капот и склониться над двигателем. Любой сторонний наблюдатель решил бы, что произошла какая-то мелкая поломка.

Высокий, неопрятного вида мужчина в затрапезной одежде, куривший короткую глиняную трубку, вразвалочку подошел к автомобилю, держа руки в карманах. Бернли тихо сказал, даже не глядя на него:

— Я хочу арестовать этого типа, Гастингс. Укажите на него, как только увидите.

— Он пройдет мимо нас уже минут через пять, не позже.

— Отлично.

Мнимый бродяга приблизился и сделал вид, будто с интересом следит за ремонтом мотора. Потом внезапно сделал шаг назад.

— А вот и он, — прошептал переодетый полицейский.

Бернли посмотрел в заднее окно машины и увидел низкорослого, худошавого мужчину, направлявшегося в их сторону вдоль улицы, одетого в синий рабочий комбинезон и с повязанным серым шерстяным шарфом. Когда он поравнялся с автомобилем, Бернли стремительно вышел из него и ухватил мужчину за плечо. Одновременно шофер и «бродяга» тоже встали рядом, замкнув круг.

— Уолтер Палмер, я — инспектор Скотленд-Ярда и беру вас под арест по обвинению в похищении известной вам бочки. Обязан предупредить: все, сказанное вами сейчас, может быть в дальнейшем использовано против вас. Как видите, мы здесь втроем, так что лучше будет не сопротивляться.

И прежде чем ошеломленный мужчина осознал, что происходит, пара наручников уже защелкнулась на запястьях, а его самого достаточно грубо подталкивали ближе к машине.

— Ладно, босс, я поеду добровольно, — сказал он и сел в машину между Бернли и Гастингсом.

Водитель завел двигатель, и автомобиль неспешно двинулся вдоль улицы. Все это заняло не более двадцати

секунд, и ни один случайный прохожий не смог бы понять, насколько серьезное событие случилось у него на глазах.

— Боюсь, Палмер, плохи ваши дела, — сразу начал обрабатывать арестованного Бернли. — Похищение бочки — это одно, а вот ночное проникновение во двор чужого дома уже гораздо серьезнее. Это проходит как кража со взломом и карается минимальным сроком в семь лет заключения.

— Понятия не имею, о чем вы толкуете, босс, — хрипло отозвался арестованный и облизал пересохшие губы. — О какой такой бочке? Я и ведать не ведаю ничего о бочках.

— Я бы не стал на вашем месте усугублять свою вину ложью. Нам все известно. Ваш единственный шанс на снисхождение — раскаяться и признаться в содеянном.

Палмер заметно побледнел, но промолчал.

— Мы знаем, что вы доставили бочку мистеру Феликсу вчера около восьми часов вечера, а потом решили вернуться и взглянуть, нет ли возможности снова завладеть ею. Мы также знаем, что вы оставили повозку в поле неподалеку от дома Феликса, а сами притаились на проселочной дороге, ожидая дальнейшего развития событий. Когда мистер Феликс ушел и вы поняли, что в доме больше никого нет, то привели подводу назад. Мы знаем все о том, каким образом вы перебрались через стену с помощью погрузочного трапа и как взломали колесным гаечным ключом замок на каретном сарае. Нам известно каждое ваше действие, и потому делать вид, будто вы здесь ни при чем, совершенно бессмысленно.

По мере того как инспектор выкладывал свои аргументы, лицо арестанта бледнело все больше, пока не стало совершенно мертвенно-бледным. У него отвисла челюсть, а на лбу выступили крупные капли пота. Он все еще хранил молчание.

Но Бернли видел, что его слова возымели необходимый эффект, а потому склонился ближе и потрепал Палмера по плечу.

— Слушайте меня внимательно, дражайший, — сказал он. — Если вас привлекут к суду, то уже ничто вам не поможет. Придется отсидеть в лучшем случае

пять, а скорее всего, все семь лет. Однако я готов предоставить вам шанс выкарабкаться из труднейшего положения, в которое вы себя поставили. Необходимо только ваше желание им воспользоваться, — при этом взгляд мужчины уперся в лицо Бернли с напряженным вниманием. — Полиция начнет действовать только в том случае, если мистер Феликс заявит о краже со взломом и подаст иск. Но все, что нужно мистеру Феликсу, — бочка. Если вы вернете ее незамедлительно, еще не вскрытой, мистер Феликс может позволить вам уйти от наказания. Что скажете на это?

Теперь самообладание окончательно изменило Палмеру. Он вскинул свои скованные руки вверх жестом отчаяния.

— Господи, сжался надо мной! — воскликнул он. — Но я не могу!

Инспектор даже слегка вздрогнул от неожиданности.

— Не можете? — в свою очередь воскликнул он. — Как это понимать? Чего вы не можете? Объясните толком.

— Я не знаю, где она. Клянусь, не знаю. Понимаете, босс, — слова вдруг полились из него неудержимым потоком, — я теперь готов рассказать вам все как на духу. Расскажу истинную правду, бог свидетель. Только выслушайте меня и поверьте.

Они уже въехали в Сити и быстро приближались к зданию Скотленд-Ярда. Но инспектор отдал распоряжение, и машина отклонилась от прямого маршрута, свернув в лабиринт узких улиц. Бернли склонился к охваченному паникой подозреваемому.

— Возьмите себя в руки и поведайте мне свою историю как можно подробнее. Выкладывайте все без утайки. Искреннее признание — ваша единственная возможность помочь самому себе.

Заявление, сделанное Палмером, если избавить его от словечек на кокни и нелепых живописных прикрас, прозвучало примерно так:

— Насколько я понял, вам все известно о том, как мистер Феликс нанял повозку, — начал он, — перекрасил ее в сарае. Знаете обо мне и о моем приятеле Джиме Брауне. Так? — Инспектор Бернли кивнул, и Палмер

продолжил: — Тогда мне нет нужды повторять эту часть истории. Скажу только, что мы с Джимом с самого начала усекли дурной запашок от дела, в котором вынужденно принимали участие. Что-то здесь было неладно. Мистер Феликс рассказал нам о том, как заключил пари, что сумеет вывезти бочку без помех, но мы на его басню не клюнули. Он решил украсть бочку, не иначе, подумали мы с Джимом. А уж когда он подговорил нас избавиться от того портового бригадира, который сопровождал груз, мы окончательно удостоверились — это чистое воровство. Вы ведь знаете, как все получилось. Мы с Феликсом бросили их с Джимом в пабе, а сами вернулись в сарай и снова перекрасили повозку. Я прав, что вам об этом известно?

— Да, совершенно правы, — подтвердил Бернли. — Продолжайте.

— Мы дождалась в сарае наступления сумерек, а потом довезли бочку до дома Феликса и оставили висеть на цепи в одной из подсобных построек. Заметьте, сэр, я сначала вынужден был не раз просить его заплатить нам деньги, которые были им обещаны. Феликс поспешил со мной расплатиться, и я понял, что он стал меня побаиваться. И тогда мне пришла в голову мысль. С этой бочкой что-то нечисто, рассудил я, и с него можно потребовать еще денег за наше молчание. Потом меня осенила другая идея. Если бы мне удалось завладеть бочкой, то я мог уже сам назвать Феликсу сумму, причитающуюся за ее возврат. Я вовсе не собирался похищать бочку совсем. Честное слово, сэр, это не входило в мои планы. Хотел лишь подержать ее при себе пару дней, пока он не согласится заплатить выкуп.

Палмер сделал паузу.

Инспектор воспользовался ею, чтобы заметить:

— Что тут скажешь? Вы сами могли понять — шантаж едва ли менее тяжкое преступление, чем кража.

— Я всего лишь хочу рассказать вам всю правду, сэр. Как это было на самом деле. Так вот, я решил выведать, в какой части дома спал мистер Феликс, и не было ли там кого-то еще, чтобы оценить возможность незаметно вернуться во двор с повозкой. А потому я спрятал ее за оградой в поле по соседству, как вы сами знаете, и вернулся на проселок у дома. Я бы не решился

ничего предпринимать, но услышал, что Феликс собрался уйти, а больше там никого не оставалось. И тогда до меня дошло, насколько просто проделать нехитрый трюк, если горизонт окажется чист, а бочка будет по-прежнему висеть на цепи в том сарае. Искушение оказалось сильнее меня, а потому я отправился за телегой и проник во двор в точности описанным вами способом. Вы, должно быть, все время находились где-то рядом и следили за мной?

Инспектор предпочел не отвечать на вопрос, и Палмер продолжил:

— Так уж случилось, что я как раз в это время собирался сам переехать в другое жилье. И неподалеку от тех мест мне попался домишко, который полностью меня устраивал. В субботу я получил от него ключ, а в воскресенье успел осмотреть жилище. Ключ остался при мне, потому что не было времени вернуть его. Я собирался подкатить на повозке к дороге, проходившей позади этого дома, сгрузить бочку там, обежать вокруг, войти в главные ворота, вкатить бочку во двор и только потом уже на пустой телеге въехать внутрь. Затем я бы нашел предлог пару дней не возвращать ключ домовладельцу, пока не получу с Феликса денег.

Он вздохнул.

— А дальше вышло вот что, сэр. Я действительно подогнал повозку с бочкой за дом, но случилось нечто непредвиденное. Сгрузить бочку оказалось совершенно невозможно. Она была слишком тяжелой. Как я ни упирался в нее плечом, как ни старался подsunуть вниз что-нибудь, чтобы завалить ее набок, она не двигалась с места. Я весь взмок, применил все возможные приспособления, годившиеся как рычаг, но она не поддавалась. Пришлось перебрать в уме своих друзей и знакомых, кто смог бы мне подсобрать, но рядом никто не жил, а довериться первому встречному было бы опрометчивым поступком с моей стороны. Здесь нельзя было обойтись без человека, которому я доверял. Джим сгодился бы в помощники, да только он жил в двух милях оттуда, и я не очень-то хотел тревожить его в столь поздний час.

Но мне больше ничего не приходило в голову. А потому я запер дом и поехал на повозке к Джиму. Вот толь-

ко меня поджидала еще одна неприятная неожиданность. Джим сам уехал часом ранее, и его жена не могла сказать, куда он направился и скоро ли вернется.

Я проклинал себя за злополучную затею. Теперь мне сильнее хотелось избавиться от бочки, чем завладеть ею. Но потом, как мне показалось, я нашел выход из положения. Нужно добраться до двора нашей фирмы и бросить там бочку на повозке до утра, когда я смогу взять с собой Джима и доставить бочку снова к пустующему дому. На все вопросы я мог ответить, что сам Феликс велел мне оставить бочку на ночь, чтобы на следующий день отвезти ее по другому адресу. Я даже был готов передать хозяину десять шиллингов, якобы оставленных Феликсом в уплату за лишние хлопоты.

И я поехал к нам на двор, но потом все пошло наперекосяк. Во-первых, босс оказался все еще у себя, причем в самом скверном настроении. Я только потом узнал, что случилось. Одна из наших подвод тем вечером столкнулась с грузовым автомобилем, получила серьезные повреждения, и это вывело хозяина из равновесия.

«Что это у тебя на повозке?» — спросил он, заметив бочку.

Я рассказал ему придуманную историю о том, как Феликс велел утром доставить ее в другое место, и отдал десять шиллингов.

«Куда ее нужно отвезти?» — не отставал босс.

Вот ведь незадача! Я не ожидал застать никого, кому придет в голову задавать такие вопросы, и не заготовил ответа заранее. И придумал адрес на ходу. Но смекнул, что нужно назвать какую-то большую улицу с многочисленными магазинами и складами милях в четырех от нас — то есть слишком далеко, чтобы босс знал место как следует. Я вспомнил название как раз такой улицы, а номер дома дал вымышленный.

«На Литтл-Джордж-стрит, в дом 133», — ответил я.

Хозяин взял кусок мела и записал адрес на специальной доске, которая висит у него для таких целей. Затем вернулся к осмотру покореженной повозки, а я распряг лошадь и отправился домой. Меня слегка беспокоил придуманный адрес, но я решил, что от этого ни-

чего не изменится. Утром я преспокойно доставлю бочку в пустой дом, как и собирался сделать.

На следующий день я добрался до Джима как можно раньше и все ему рассказал. Сначала он просто взбесился от злости и обзывал меня последними словами за мою глупость. Но я только твердил, что дело для нас совершенно безопасное. Мы оба догадывались, что Феликс не станет поднимать шума и обращаться в полицию. В конце концов Джим согласился мне помочь. Мы договорились, что он заранее отправится в пустой дом, а я заберу подводу с бочкой. Свою неявку на работу он всегда мог объяснить, сказавшись больным.

Обычно мы приходили на работу задолго до появления босса, но в то утро он уже был там, причем настроение у него несколько не улучшилось.

«Эй, ты! — окликнул он меня. — Вечно тебя приходится дожидаться. Думал, ты уже вообще не придешь. Запрягай нашего серого тяжеловоза в телегу с высокими бортами и отправляйся вот по этому адресу, — он подал мне листок бумаги. — Им нужно перевезти пианино».

«Но как же бочка?» — промямлил я.

«Занимайся порученной тебе работой и не лезь не в свое дело. С той бочкой я сам разобрался».

Я оглядел двор. Повозки с бочкой нигде не было видно. Но отправил он ее Феликсу или по другому адресу, я понятия не имел. Вот уж когда я действительно все проклял, особенно подумав о Джиме, который напрасно дожидался меня в том доме. Но мне ничего не оставалось. Я запряг коня в телегу и тронулся в путь. Добрался до Джима и сообщил новости. Более разъяренного человека мне в жизни встречать не приходилось. Но теперь уже уговорить его никак не получалось. Пришлось оставить приятеля и отправиться за пианино. И вот только я вернулся, чтобы пойти домой ужинать, как вы набросились на меня...

Когда арестованный упомянул Литтл-Джордж-стрит, Бернли тут же отдал краткое распоряжение водителю, и к моменту окончания покаянного рассказа машина уже сворачивала на эту улицу.

— Значит, дом 133, так вы сказали?

— Именно так, сэр.

Под номером 133 находился крупный магазин скобяных изделий. Бернли попросил о встрече с владельцем.

— Да, — ответил на его вопрос тот, — бочка у нас, и должен заметить, что я был очень недоволен своим управляющим, принявшим неизвестный груз без предварительного уведомления и без всяких сопроводительных документов. Можете забирать ее немедленно, только позвольте мне убедиться, что вы в самом деле из Скотленд-Ярда.

Все сомнения были мгновенно развеяны, и хозяин магазина провел прибывшую группу на свой товарный двор.

— Это она, Палмер? — спросил Бернли.

— Да, сэр. А то как же?

— Хорошо. Гастингс, оставайтесь здесь, пока я не пришлю транспорт. Погрузите бочку и лично проследите за ее доставкой к нам в Скотленд-Ярд. Потом можете закончить дежурство и отправляться отдыхать. А вы, Палмер, следуйте за мной.

Снова сев в машину, Бернли доставил своего подозреваемого по известному адресу, где передал его другому офицеру.

— Если мистер Феликс не станет подавать иск, — сказал он, когда арестанта уводили в камеру, — то вас сразу же освободят.

Инспектор дождался прибытия повозки с бочкой и, убедившись собственными глазами в ее сохранности, отправился в любимый ресторан, где смог сполна насладиться столь долго откладывавшимся обедом.

Глава 8

ВСКРЫТИЕ БОЧКИ

Ближе к пяти часам вечера инспектор Бернли, чувствуя себя вновь полным энергии, которой придали ему вкусная еда и вино, вышел на улицу. Поймав такси, он сказал шоферу адрес усадьбы «Сен-Мало» на Грейт-Норт-роуд.

Теперь посетим нашего друга Феликса, подумал он, прикуривая одну из своих сигар. Он все же чувствовал усталость и с удовольствием развалился на мягких подушках заднего сиденья, расслабившись, пока машина медленно пробиралась сквозь густой транспортный поток. Несмотря на, казалось бы, давнее и близкое знакомство с жизнью Лондона, ему никогда не надоело обозревать панораму улиц города, нескончаемое движение, калейдоскопическую пестроту освещения. Вид пешеходов на тротуаре, шуршание шин по асфальту, даже запах выхлопных газов — все это сливалось для него в единую картину, которую он навсегда полюбил.

Они миновали Хеймаркет, проехали по Шафтсбери-авеню, свернули на Тоттенхэм-Корт-роуд. Здесь движение оказалось уже не столь оживленным, и такси сумело набрать скорость. Бернли сдернул с головы шляпу и позволил прохладному ветерку обвевать голову. Расследование продвигалось успешно. У него имелись все основания для удовлетворения.

Через час он позвонил в дверь «Сен-Мало». Ему открыл сам Феликс, хотя у него за спиной в полумраке прихожей маячила фигура приставленного к нему телохранителем сержанта Келвина.

— Какие у вас новости, инспектор? — воскликнул Феликс, узнав гостя. — Скажите мне, что вам сопутствовала удача!

— Мы нашли бочку, мистер Феликс. Ее доставили нам пару часов назад. Меня ждет на дороге такси, и если вам это не причинит неудобств, мы могли бы сразу же отправиться в Лондон, чтобы вскрыть ее.

— Разумеется. Готов ехать немедленно.

— Вам также, Келвин, следует сопровождать нас, — обратился инспектор к подчиненному.

Феликс снял с вешалки плащ и шляпу, после чего трое мужчин направились к такси.

— В Скотленд-Ярд, — сказал инспектор шоферу.

Машина развернулась и устремилась в сторону города.

В дороге инспектор кратко пересказал своим спутникам события прошедшего дня. Феликс выглядел чуть

взвинченным, обеспокоенным и признал, что ему бы очень хотелось поскорее покончить с этим неприятным, но важным делом. В придачу к прочим обстоятельствам выяснилось, что его не в последнюю очередь волновала ожидаемая сумма денег. Тысяча фунтов позволила бы ему расплатиться по ипотеке за усадьбу, которая лежит на нем достаточно тяжелым бременем. Бернли сразу окинул его пристальным взглядом.

— Ваш французский друг знал об этом? — спросил он.

— Ле Готье? Нет. Уверен, ему ничего не известно.

— Если мой совет хоть что-то значит для вас, мистер Феликс, то прислушайтесь к нему и не слишком рассчитывайте на содержимое бочки. Скажу больше: приготовьтесь увидеть нечто весьма неприглядное.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Феликс. — Это намек, что в бочке, по вашему мнению, лежат не только предназначенные мне деньги? О чем же еще идет речь?

— Простите, но я пока не вправе ответить на ваш вопрос. Сейчас это всего лишь подозрения, не более того. А поскольку мы все узнаем достаточно скоро, не стоит сейчас обсуждать.

Бернли необходимо было сделать остановку, связанную с другим расследованием, и потому они возвращались в столицу иным маршрутом, спустившись к реке у Лондонского моста. Солнце быстро заходило, и его желтыми отсветами поблескивали теперь окна как роскошных отелей, так и совсем скромного жилья на противоположном, южном берегу. Они быстро проехали по относительно опустевшей набережной, и Биг-Бен пробил четверть восьмого, когда машина остановилась у здания Скотленд-Ярда.

— Пойду посмотрю, у себя ли наш шеф, — сказал Бернли, когда они дошли до его кабинета. — Он выразил желание лично присутствовать при вскрытии бочки.

Шеф уже собирался отправляться домой, но изменил намерения, как только появился Бернли. С мистером Феликсом он поздоровался со всей подобающей вежливостью.

— Исключительно интересная ситуация, мистер Феликс, — сказал он, пожимая гостю руку. — Хотелось бы надеяться, что она всего лишь такой и останется.

— Вы напускаете вокруг нее столько таинственности, — заметил Феликс в ответ. — Я пытался хотя бы что-то прояснить у инспектора относительно его загадочных подозрений, но он уклонился от объяснений.

— Через считанные минуты мы все сами увидим.

Ведомые Бернли, они прошли длинным коридором, спустились по лестнице и миновали еще несколько проходов, пока не оказались в небольшом открытом дворике, со всех сторон окруженном высокими стенами здания со множеством окон. Очевидно, в дневное время это место представляло собой нечто вроде шахты, чтобы проникал солнечный свет. Но сейчас, когда ступились сумерки, ее приходилось освещать с помощью мощных дуговых фонарей, ярко светивших лучи на выложенный искусственным камнем пол. В центре стояла бочка с поврежденной доской сверху.

Небольшая группа состояла из пяти человек. Присутствовали шеф полиции, Феликс, Бернли, сержант Келвин и еще один неприметный с виду мужчина. Бернли вышел вперед и заговорил:

— Поскольку бочка изготовлена очень прочно, я бы сказал, излишне прочно, мне пришлось пригласить для ее вскрытия нашего штатного плотника. Полагаю, мы можем начинать?

Шеф кивнул, и по-рабочему одетый мужчина принялся за дело, очень скоро он сумел вынуть крышку и приподнял кусок дерева для всеобщего обозрения.

— Обратите внимание, джентльмены. Доска имеет толщину почти в два дюйма, то есть крышка более чем вдвое прочнее, чем у обычных винных бочек.

— Открыть крышку — это все, что от вас пока требуется. Если понадобится, я вызову вас снова, — сказал Бернли.

Плотник прикоснулся пальцами к своей шляпе и поспешил удалиться.

Четверо остальных плотным кольцом окружили бочку. Она почти до краев была заполнена опилками. Берн-

ли стал пригоршнями вынимать их, просеивая сквозь пальцы.

— Вот первый, — начал отсчет он, когда соверен упал на пол и откатился в сторону. — А вот еще! И еще!

Из соверенов скоро образовалась небольшая горка.

— Но внутри находится нечто другое, имеющее неровную форму, — объявил инспектор. — По центру бочки слой опилок не толще половины дюйма, но они осыпаются гораздо глубже по бокам. Помогите мне, Келвин, только будьте осторожны. Не слишком усердствуйте и не применяйте чрезмерной силы.

Распаковка продолжилась. Горсть за горстью они вынимали опилки, которые просеивали в кучу, быстро росшую рядом с пирамидой из соверенов. По мере углубления их действия становились все более аккуратными и медленными. Пространства, откуда еще удавалось извлечь опилки, сузились так, что в них с трудом проходила рука. Были найдены лишь несколько соверенов, а это позволяло сделать вывод: их положили сверху уже после того, как в бочку поместили основной груз.

— Мы достали почти все опилки, — сказал Бернли и, понизив голос, добавил: — Думаю, что в бочке находится труп. Я только что нащупал руку.

— Рука? Труп? — воскликнул Феликс, который заметно побледнел, а в глазах появилось выражение неподдельного страха.

Шеф встал ближе к нему, а Бернли и Келвин склонились, внимательнее разглядывая содержимое бочки.

Двое мужчин некоторое время усердно работали молча, а потом Бернли снова отдал распоряжение:

— Теперь поднимаем. Как можно бережнее.

Они совсем низко нагнулись в глубь бочки, а затем неожиданно легко вынули из нее нечто обернутое в бумагу, и осторожно положили на каменный пол.

— О, мой бог! — вырвалось у Феликса еще одно порывистое восклицание, и даже ко всему привыкший, закаленный многолетним опытом шеф Скотленд-Ярда издал звучный вздох.

Это было тело женщины, голову и плечи которой обмотали лентой из коричневой бумаги. Оно лежало

Смертельный
груз

в том же скрюченном положении, в каком было помещено в бочку. Изящная рука с тонкими, ухоженными пальцами прорвала бумагу и омертвело застыла, направленная вверх, к замотанному бумажной лентой округлому плечу.

Не в силах сдвинуться с места, мужчины стояли и смотрели на окоченевшее тело, лежавшее у их ног. Феликс окаменел, полностью лишившись красок на лице, искаженным ужасом.

— Снимите бумагу, — чуть слышно приказал шеф.

Бернли ухватился за отчетливо видневшийся конец ленты и легкими прикосновениями сумел размотать ее. Теперь тело полностью оказалось на виду.

Оно принадлежало совсем еще молодой женщине в элегантном бледно-розовом вечернем платье со старинной работы кружевами и глубоким вырезом. Пышные темные волосы облегли голову, скрепленные заколками. При ярком свете на пальцах сверкали кольца с драгоценными камнями. На ногах — шелковые чулки, но туфли отсутствовали. А к платью булавкой был прикреплен конверт.

Но мужчины не могли отвести взор прежде всего от ее лица и шеи. Казалось совершенно очевидным, что прежде это лицо отличала необычайная красота, но теперь оно пугающе почернело и опухло. Темные глаза оставались открытыми и чуть заметно выкатились из орбит. В них отчетливо отражался ужас предсмертной агонии. Губы разошлись, обнажив ровные и белые зубы. А ниже на шее виднелись два уже посеревших синяка, располагавшихся рядом друг с другом по обе стороны от трахеи — отпечатки, оставленные тем зверем, который сильными и безжалостными руками буквально выдавил жизнь из этого прекрасного тела.

В тот момент, когда бумагу сняли с лица, глаза Феликса еще более округлились.

— О господи! — визгливо вскрикнул он. — Это же Аннетта!

Он еще мгновение стоял, конвульсивно дергаясь, а потом медленно повернулся и рухнул на пол без чувств.

Шеф успел подхватить его, прежде чем голова ударилась о землю.

— Помогите мне, — попросил он.

Бернли и сержант бросились к нему, подняли недвижимое тело Феликса, перенесли в прилегавшую к дворику комнату и там со всеми предосторожностями уложили на пол.

— Позовите врача! — распорядился шеф, и сержант бросился исполнять приказ. — Скверно все обернулось. Он понятия не имел, какое зрелище его ожидает?

— Думаю, вы правы, сэр. У меня с самого начала сложилось впечатление, что его совершенно сбил с толку тот француз, кем бы он ни оказался на самом деле.

— Но теперь мы можем официально признать факт убийства. Вам, Бернли, придется отправиться в Париж и провести там расследование.

— Так точно, сэр. Будет сделано. — Он посмотрел на часы: — Еще только восемь. Но едва ли удастся выехать во Францию сегодня же. Мне же необходимо подготовить к перевозке бочку и одежду с тела, сделать фотографии, снять замеры с трупа и дожидаться результатов медицинской экспертизы.

— Завтра еще не будет поздно, хотя надо постараться успеть на девятичасовой поезд. Я снабжу вас личным письмом к Шове — начальнику парижской полиции. Полагаю, вы владеете французским?

— В достаточном объеме для работы, сэр.

— У вас не возникнет особых затруднений, как мне кажется. Наши коллеги в Париже должны быть осведомлены обо всех случаях недавнего исчезновения людей, а если нет — вы сможете предъявить им бочку и одежду покойной.

— Несомненно, сэр. Это станет хорошим подспорьем.

Торопливые шаги по коридору возвестили о прибытии врача. Наскоро поприветствовав шефа, доктор склонился над лежавшим без сознания мужчиной.

— Что с ним случилось? — спросил он.

— Он в глубоком шоке, — ответил шеф, кратко описав обстоятельства происшедшего.

— Необходимо немедленно доставить его в больницу. Понадобятся носилки.

Сержант снова исчез, почти сразу вернувшись с еще одним помощником и с носилками. Феликса уложили на них и унесли.

— Доктор, — задержал шеф собравшегося пойти вслед врача, — как только закончите осматривать его, мне бы хотелось, чтобы вы занялись трупом женщины. Внешне причина ее смерти выглядит очевидной, но нам лучше сделать официальное вскрытие. В теле может присутствовать яд. Знакомый вам и присутствующий здесь инспектор Бернли отправляется в Париж завтра в девять часов утра, чтобы провести дальнейшее расследование, и ему очень пригодится копия вашего отчета, которую он смог бы захватить с собой.

— Я все подготовлю к назначенному времени, — сказал доктор, поклонился и поспешил за носилками с пациентом.

— Так. Теперь давайте взглянем на письмо.

Они вернулись в маленький дворик, и Бернли снял конверт с булавки, крепившей его к платью мертвой женщины. Адреса получателя не значилось. Шеф собственноручно вскрыл его и достал сложенный вдвое листок. На нем оказалась единственная отпечатанная на машинке строка:

При сем возвращается ваша ссуда в размере 50 фунтов с процентами, составившими 2 фунта 10 ш. 0 д.*

И все. Ни даты, ни обратного адреса, ни приветствия, ни подписи. Ничто не указывало на отправителя письма или на личность убитой, труп которой сопровождало послание.

— Позвольте мне осмотреть это, — попросил Бернли.

Он взял листок и предельно внимательно изучил его. Затем поднес ближе к источнику света.

— Письмо также послано Ле Готье, — сделал он вывод. — Обратите внимание на водяные знаки. На точно таком же листе было напечатано письмо, полу-

* Сумма указана с принятыми в начале XX века сокращениями, где «ш» означает шиллинги, а «д» — старые пенсы (от лат. денарий). — *Здесь и далее примеч. пер.*

ченное Феликсом. Бросаются в глаза особенности текста. Вот те же наклоненные п и г, тот же дефект у заглавной I, то же низкое расположение у t и e. Оба письма напечатаны на одной и той же машинке.

— Несомненно, все на это указывает. — Шеф сделал паузу. — А сейчас пойдете в мой кабинет, и я подготовлю записку для мсье Шове.

Получив свои рекомендации для парижской полиции, Бернли вернулся во двор, чтобы начать практические приготовления к предстоявшему путешествию.

Сначала он собрал и пересчитал деньги. 31 фунт золотом и 10 шиллингов. Записав цифру в блокнот, он сразу же убрал его в карман подальше от чужих глаз. Вместе с 21 фунтом в соверенах, переданных ранее Броутоном и Эвери, получалось ровно 52 фунта и 10 шиллингов, как и было указано в машинописной строчке письма. Потом он попросил перенести тело в анатомичку, где сфотографировал в нескольких ракурсах. Затем женщина-ассистент раздела труп и передала Бернли одежду, также подвергнутую тщательному осмотру. Он проверил каждый шов в надежде обнаружить вензель с названием фирмы-производителя, инициалами владелицы или какие-то иные приметные черты. Но только тончайший батистовый носовой платок вознаградил его усердие — в углу посреди узора ему удалось различить вышитые буквы А и Б. Снабдив отдельной биркой каждый предмет гардероба, кольца, снятые с пальцев, и заколку с бриллиантом, вынутую из роскошной прически дамы, он аккуратно сложил все это в дорожную сумку, с которой собирался отправиться во Францию.

После чего воспользовался услугами плотника, поручив поставить верхнее дно на место и всю бочку плотно обернуть бумагой и связать веревками. Бернли сам написал пункт доставки груза: Северный вокзал, а потом распорядился без промедления отвезти бочку на товарную станцию Чаринг-Кросс для скорейшей отправки за границу.

Только в одиннадцатом часу все его приготовления оказались завершены, и Бернли оставалось только порадоваться, что у него еще достаточно времени для домашнего ужина и сна.

Смертельный
груз

Часть 2 ПАРИЖ

Глава 9

МСЬЕ ШЕФ ПОЛИЦИИ

На следующее утро ровно в 9.00 «Континентальный экспресс» медленно отошел от платформы пассажирского вокзала Чаринг-Кросс, увозя инспектора Бернли, занявшего место в углу купе первого класса для курящих. Хорошая погода нескольких предыдущих дней не продержалась долго, и небо затянули сплошные облака, обещающая дожди. Когда поезд пересекал реку, ее воды показались темными и неприветливыми, а дома на южном берегу, не подсвеченные солнцем, снова приобрели свой обычный скучный и обшарпанный вид. С юго-востока задувал пока лишь легкий ветерок, и Бернли, плохо переносивший плавание по волнам, надеялся, что ветер в Дувре окажется ненамного сильнее. Он закурил одну из своих крепких ароматных сигар и в задумчивости попыхивал ею, пока экспресс, постепенно набирая скорость, преодолевал необычайно запутанное переплетение железнодорожных путей к югу от Лондонского моста.

Бернли был доволен возможностью отправиться в командировку. Ему нравился Париж, а он не был там уже четыре года. Ровно столько прошло с нашумевшего дела Марсей, убийства, которое привлекло много внимания публики в обеих странах. Мсье Лефарж — жизнерадостный французский сыщик, с кем он тогда работал, стал в полном смысле слова другом, и Бернли надеялся на новую встречу с ним.

Поезд достиг окраины города, и поля начали мелькать по сторонам все чаще, сменив кварталы небольших коттеджей, долго тянувшихся вдоль насыпи всего несколько минут назад. Он еще некоторое время смотрел в окно на пролетавшие мимо пейзажи, а потом с легким вздохом переключился на разбор своего дела подобно тому, как адвокат готовится к выступлению в зале суда.

Прежде всего ему следовало четко определить основную цель предпринятого вояжа. Он должен установить, кем была убитая женщина, если ее все-таки убили, в чем, правда, почти не приходилось сомневаться. Предстояло найти убийцу, арестовать его на основании неопровержимых улик и выяснить обстоятельства этого невероятного трюка с бочкой.

Затем Бернли перешел к уже имевшимся данным, для начала обратившись к судебномедицинскому отчету, который он до этого момента не имел возможности подробно прочитать. На первой странице он обнаружил краткий анализ состояния мистера Феликса. Этот несчастный оказался повергнут в столь глубокий шок, что сама его жизнь была в серьезной опасности.

Впрочем, об этом инспектор был осведомлен, поскольку к семи утра пришел в больничную палату, надеясь услышать показания Феликса, но обнаружил того все еще без сознания и в бреду. Таким образом, личность погибшей женщины в точности установить не удалось. Бернли приходилось рассчитывать, что он справится с этой задачей своими силами.

Затем в отчете патологоанатома речь шла о трупе. Женщине было примерно двадцать пять лет, рост пять футов и семь дюймов при отменном телосложении. Весила она при жизни около восьми стоунов. Волосы темные, длинные и очень густые, изящно очерченные брови, длинные ресницы. Рот небольшой, без особых примет. Нос немного вздернутый. Лицо почти правильной овальной формы. Лоб широкий, но не слишком высокий. Кожа на лице чистая, хотя достаточно смуглая. Какие-либо родимые пятна или шрамы на теле не обнаружены.

При столь детальном описании, подумал Бернли, идентифицировать ее окажется достаточно легко.

Смертельный
груз

Далее в отчете он прочитал:

«Вокруг шеи отчетливо видны десять пятен, представляющих собой, по всей вероятности, следы от пальцев. Восемь из них приходится на заднюю сторону шеи и не имеют слишком выраженного характера. Основные два находятся на горле близко друг к другу по обе стороны от трахеи. В этих местах кожа повреждена заметно сильнее и успела почернеть, поскольку приложенное здесь усилие было, видимо, очень мощным.

Представляется очевидным, что следы оставил человек, стоявший перед женщиной и сдавливавший ей горло обеими руками, причем большие пальцы размещались ближе к гортани, а остальные упирались в шею. Если судить по физической силе, необходимой, чтобы оставить столь крупные синяки, можно прийти к выводу, что душителем являлся, скорее всего, мужчина.

Вскрытие показало отсутствие повреждений внутренних органов и не подтвердило вероятности применения какого-либо отравляющего вещества, способного послужить альтернативной причиной смерти. Нижеподписавшийся медицинский эксперт пришел к однозначному заключению: «Женщину умертвили путем удушения. Все признаки указывают на то, что преступление было совершено примерно неделю назад или несколько ранее».

По крайней мере, здесь все ясно, усмехнулся Бернли. Посмотрим, чем еще мы располагаем.

В предложенных ему документах содержался предполагаемый психологический портрет и вероятное жизнеописание покойной женщины. Она почти наверняка была хорошо обеспечена или даже богата. Воспитывалась, несомненно, в семье, принадлежавшей к высшим слоям общества. Ее руки и особенно пальцы свидетельствовали о какой-то культурной сфере деятельности: об интенсивных занятиях музыкой или, быть может, живописью.

Обручальное кольцо на правой руке указывало на статус замужней дамы, как и на постоянное жительство во Франции. «Разумеется, наш шеф прав, — подумал Бернли. — Подобная светская женщина не могла бесследно исчезнуть, чтобы об этом не узнала француз-

ская полиция. Нужно лишь встретиться с коллегами, и я быстро закрою дело».

Однако если выяснится, что им ничего не известно, — как быть тогда?

Но ведь имелось первоначальное письмо, адресованное Феликсу. Подписавший его мсье Ле Готье — если таковой вообще существовал — мог дать важную информацию. Наверняка что-то знали официанты из кафе «Золотое руно». И пишущая машинка с дефектами шрифта тоже не иголка в стоге сена, чтобы оказалось невозможным ее разыскать.

Одежда, в которой был обнаружен труп, давала другую нить для расследования. Опрос в модных парижских магазинах тоже был важным для сбора необходимых данных. А если не одежда, то ювелирные украшения: кольца и закладка с бриллиантом уж точно станут зацепкой для сыщика.

Имелась и сама бочка. Поскольку она была изготовлена по особому заказу, то уж точно использовалась в очень специфических и ограниченных целях. Обращение в компанию, изготовившую ее и чьим фирменным клеймом поместили тару, не могло оказаться совершенно бесполезным.

А если все это ни к чему не приведет, всегда существовала возможность дать объявление. Тщательно продуманное обещание вознаграждения за информацию о личности покойной наверняка принесет результаты. Бернли считал, что у него нет недостатка в зацепках. Сколько запутанных дел в прошлом он раскрыл, имея куда как меньше вариантов для ведения следствия!

Он продолжал прокручивать детали дела в голове неторопливо и рассудительно, когда поезд внезапно нырнул в длинный туннель и заскрежетал тормозами, что означало прибытие на вокзал в Дувре.

Паромная переправа прошла при полном штиле — спокойно и без происшествий. Еще до того, как они пришвартовались между двумя главными пирсами пассажирской гавани Кале, снова блеснуло солнце, облака заметно поредели, а у горизонта виднелось совершенно ясное небо.

Затем быстрая поездка до Парижа с остановкой только в Амьене, и ровно в 17.45 пассажирский состав прибыл под гулкие своды Северного вокзала. Поймав такси, инспектор отправился в небольшой частный отель на рю Кастильон, где привык останавливаться. Забронировав номер, он сел в то же такси и поехал в Сюрте — парижский эквивалент Скотленд-Ярда.

Бернли попросил о встрече с мсье Шове, передав свое рекомендательное письмо. Начальник оказался на месте, не был занят ничем важным, и после задержки в несколько минут инспектора проводили в его кабинет.

Мсье Шове оказался пожилым мужчиной невысокого роста с темной бородкой клинышком, носившим очки в позолоченной оправе и обладавшим на редкость вежливыми манерами.

— Присаживайтесь, мистер Бернли, — пригласил он на прекрасном английском языке после того, как они обменялись рукопожатиями. — Если не ошибаюсь, то я уже имел удовольствие сотрудничать с вами прежде, верно?

Бернли напомнил ему о расследовании дела Марсей.

— А, ну конечно! Теперь припоминаю. И сейчас вы привезли нам загадку такого же рода, не правда ли?

— Да, сэр, но только еще более таинственную и головоломную, хотя я исполнен надежды, что есть достаточно информации для оперативного раскрытия дела.

— Отлично! Мне остается надеяться вместе с вами. Пожалуйста, для начала кратко опишите мне обстоятельства, а потом я, быть может, задам вам вопросы, чтобы получить более детальную картину.

Бернли охотно выполнил просьбу и дюжиной фраз объяснил суть проблемы.

— Что ж, дело действительно незаурядное, — сказал шеф. — Дайте мне подумать, кого можно выделить вам в помощь. Дюпон, вероятно, подошел бы лучше всех, но он сейчас занят крупным ограблением в Шартре. — Шове быстро пробежал пальцами по своей картотеке. — В данное время свободны Камбон, Лефарж и Бонта. Все они — очень опытные сотрудники.

Он потянулся к телефону.

— Простите, сэр, — сказал Бернли. — Я отнюдь не желал бы лезть не в свое дело или влиять на ваш выбор, но мне доводилось раньше успешно работать с мсье Лефаржем по делу Марсей, и если для вас это не существенно, то предпочел бы снова составить пару именно с ним.

— Могу только приветствовать такое желание, мсье, поскольку, судя по вашему тону, вам действительно пришелся по душе мой детектив.

Он снял трубку телефона внутренней связи, нажав одну из многочисленных кнопок на его подставке.

— Попросите мсье Лефаржа явиться ко мне незамедлительно.

Казалось, прошло всего несколько секунд, и в кабинет вошел высокий, гладко выбритый и больше похожий на англичанина, чем на француза, мужчина.

— А, вот и вы, Лефарж, — произнес шеф. — Вас ожидает приятная встреча со старым другом.

Сыщики тепло приветствовали друг друга и обменялись рукопожатиями.

— Наш английский коллега решил озадачить нас еще одним загадочным убийством, причем случай представляется мне крайне интересным. А теперь, мистер Бернли, самое время выслушать подробное изложение вашей истории.

Инспектор кивнул и начал с того эпизода, когда клерка пароходства Тома Броутона отправили в гавань для проверки груза вина, прибывшего из Руана. Описал последовавшие за этим странные события: обнаружение необычной бочки, возникшие подозрения, подделанную записку, похищение бочки, хитрость, к которой прибегли, чтобы избавиться от Харкнесса, обнаружение бочки и ее повторное исчезновение, возвращение, вскрытие, зловещее содержимое. Завершил он свой отчет перечислением имевшихся данных, которые указывали на необходимость продолжить расследование во Франции. Двое коллег слушали его с напряженным вниманием, ни разу не перебив. Когда же он закончил, они погрузились в задумчивое молчание.

— Один момент мне не до конца ясен, мистер Бернли, — сказал шеф после долгой паузы. — Вы каже-

тесь вполне уверенным в том, что убитая женщина была парижанкой. Но откуда такая несокрушимая убежденность?

— Бочка прибыла из Парижа. Это подтверждают сопроводительные документы, которые я вам покажу. Далее. Есть письмо, написанное, по словам Феликса, парижанином по фамилии Ле Готье, и оно, как и прикрепленная к трупу записка, отпечатано на бумаге французского производства. Кроме того, на бочке значилось название парижской фирмы.

— Все это не кажется мне исчерпывающим и непроверяемым. Да, бочка, видимо, прибыла в Лондон из Парижа, но разве не мог Париж стать только пунктом гораздо более сложного маршрута? Откуда нам, например, знать, что груз не был отправлен первоначально из того же Лондона, Брюсселя или Берлина транзитом через Париж, чтобы сбить нас со следа? Если говорить о письме, то, насколько я понял, вы не видели конверта. Посему его нельзя принять как улику. Французская бумага? Но вы же сами подтвердили, что Феликс часто навещался во Францию, а значит, мог добыть такую бумагу сам. Сопроводительная бирка была использована старая со вписанным новым адресом. Ее вполне могли снять с какого-то совершенно другого груза и прикрепить к бочке, не так ли?

— Да, должен признать, что улики выглядят косвенными, хотя на один из ваших вопросов могу ответить сразу: переадресовка бочки в Париже не могла быть осуществлена без соблюдения определенных формальностей. Как бы то ни было, но и моему шефу, и мне самому показалось, что именно Париж должен стать местом начала расследования.

— Вы неправильно меня поняли, мсье. Я совершенно с вами согласен. Мне лишь хотелось отметить, что окончательную разгадку таинственного дела и решающие доказательства вам не обязательно удастся обнаружить именно здесь.

— Боюсь, вы можете оказаться правы.

— Но это не значит, что нам не пора приступить к работе. Как вы и предложили, для начала нам следует

удостовериться, что никто из пропавших без вести, подходящий под описание убитой женщины, не значится у нас в списках. Ваш врач заключил, что она была убита неделю назад или даже раньше, но, как я считаю, нам не следует сужать временные рамки запроса. Ее могли похитить и долго держать в заложницах до того, как она была умерщвлена. По моему мнению, такое не слишком вероятно, но все же не исключено.

Он снял трубку телефона, нажав на другую кнопку.

— Принесите мне список людей, значащихся в розыске в парижском регионе за последние четыре недели, или нет... — Он сделал паузу, посмотрев на двух сыщиков: — Мне нужны такие списки, охватывающие всю территорию Франции за тот же период.

Очень скоро в кабинет вошел клерк с пачкой бумаг.

— Вот список пропавших без вести за март, мсье, — сказал он. — А здесь указаны те, кто пропал с апреля по настоящее время. Мы не делали специальной подборки за последние четыре недели, но займемся этим сразу же, если вы прикажете.

— Нет, не надо. Этого вполне достаточно.

Шеф просмотрел документы.

— В прошлом месяце, — сказал он после небольшой паузы, — пропали семь человек, из которых шесть были женского пола и только четверо жили непосредственно в Париже или поблизости. В нынешнем месяце пропавшими значатся две особы, проживавшие в Париже. Таким образом, мы имеем шестерых женщин, исчезнувших в парижском регионе за пять недель. Теперь изучим некоторые подробности, — он провел пальцем по колонке с фамилиями и другими данными. — Сюзанна Леметр, семнадцать лет. В последний раз ее видели... Нет, это не может быть она. Люсиль Марке, двадцать лет — эта нам тоже не подходит. Так, что еще мы имеем? Мари Лашез. Тридцать четыре года, рост 172 сантиметра (то есть примерно пять футов и восемь дюймов, если пользоваться английской системой мер). Темные волосы и глаза. Цвет лица светлый. Жена мсье Анри Лашеза, адвоката, проживающего в районе бульвара Араго, на рю Тинке в доме номер 41. Вышла за покупками двад-

цать девятого числа прошлого месяца — примерно десять дней назад — около трех часов пополудни. С тех пор о ней нет никаких сведений. Нам следует взять этот случай на заметку.

Мсье Лефарж последовал совету и сделал запись в блокноте. Затем впервые заговорил сам.

— Мы, разумеется, приложим все усилия к ее розыску, шеф, но я бы не стал связывать с этим случаем особых надежд на успех. Если женщина решила пройтись по магазинам, она едва ли надела на себя вечернее платье, в какое был облачен труп.

— Кроме того, — добавил Бернли, — у нас есть все основания полагать, что погибшую звали Аннеттой, а ее фамилия начиналась с буквы Б.

— По всей видимости, вы оба правы. Но я бы все же проверил даже сомнительные варианты.

Шеф отодвинул пачку бумаг в сторону и посмотрел на Бернли.

— Других случаев пропажи подходящих под описание людей мы не имеем, эти документы также не содержат никаких полезных для следствия сведений. А потому, боюсь, что нам придется опираться только на уже имеющуюся информацию. Давайте же продумаем стратегию. С чего нам начать?

Он замолчал ненадолго, а потом сам же ответил на поставленный вопрос:

— Думаю, мы могли бы начать с уточнения той части показаний Феликса, которую вы, мистер Бернли, пока не имели возможности подвергнуть проверке. Для этого нам необходимо побеседовать с мсье Ле Готье и выяснить, на самом ли деле он стал автором пресловутого письма. Если он признает сей факт, мы продвинемся на шаг вперед, если же нет, то нам придется установить, насколько соответствует действительности история с лотереей и заключенным пари, имел ли на самом деле место разговор, описанный Феликсом. Далее нужно выяснить, кто присутствовал при разговоре или мог подслушать его, получив таким путем необходимую информацию для написания письма. Если же и тут не добьемся ожидаемых результатов, нам останется внимательно присмотреться к лично-

сти каждого, кто был посвящен в суть дела, и постараться найти нужного нам человека методом исключения. Частью расследования непременно станут поиски использованной пишущей машинки, а она, по мнению мистера Бернли, может быть без труда идентифицирована. Одновременно, как представляется очевидным, нам необходимо определить происхождение одежды и бочки. Как вам, джентльмены, такая программа действий?

— Не думаю, сэр, что мы смогли бы предложить лучший план, — ответил Бернли, поскольку взгляд шефа был устремлен на него, а Лефарж только кивнул в знак одобрения.

— Очень хорошо. Тогда вместе с Лефаржем завтра же займитесь письмом. Организуйте свою работу так, как сочтете необходимым, но держите меня в курсе событий. Однако вернемся к проблеме одежды. Покажите, что у вас имеется.

Бернли разложил вещи, снятые с мертвой женщины, включая драгоценности, на столе перед шефом парижской полиции. Несколько минут тот разглядывал все в полном молчании.

— Лучше будет разделить предметы на три отдельных категории, — посоветовал он после продолжительной паузы. — Платье, нижнее белье и побрякушки. Нам потребуются три человека, чтобы проработать вопрос основательно.

Он снова сверился с картотекой и взялся за телефон.

— Пришлите ко мне мадам Фюмье, а также мадемуазель Лекок и мадемуазель Блез.

Трех очень стильно одетых женщин долго ждать не пришлось. Шеф познакомил их с Бернли и коротко посвятил в суть дела.

— Чего я хочу от вас, милые дамы, — сказал он потом. — Каждая возьмет что-то из этих трех фрагментов гардероба и украшений с целью определить личность покупателя или покупательницы. Их качество и модели подскажут вам, в каких именно магазинах наводить справки. Принимайтесь за дело завтра с утра и находитесь на постоянной связи с нашим главным офисом.

Когда женщины удалились с порученными им заботам вещами, шеф вновь обратился к Бернли:

— Приступая к подобным расследованиям, я привык требовать ежевечернего отчета о достигнутых за день результатах. Вероятно, вам и Лефаржу будет лучше вновь явиться сюда завтра к девяти часам вечера, чтобы мы продолжили обсуждение. А поскольку уже восемь, вы едва ли успеете что-то предпринять сегодня. Вы, мистер Бернли, наверняка нуждаетесь в отдыхе после долгой поездки, а потому отправляйтесь к себе в отель. На этом позвольте пожелать вам доброй ночи, господа.

Сыщики раскланялись и вышли. Затем, оказавшись одни в коридоре, после обмена еще более теплыми приветствиями и взаимными воспоминаниями Лефарж спросил:

— Ты действительно так сильно устал? Не хочешь хотя бы что-то сделать, не откладывая на завтра?

— Хочу, разумеется. В чем конкретно состоит твоё предложение?

— А вот в чем. Сначала мы отправимся на бульвар Бульмиш и поужинаем у Жюля. Это по пути к дому, адрес которого сообщил нам шеф. Значит, потом мы без особых хлопот посетим его и удостоверимся, может ли тело, найденное тобой в бочке, принадлежать мадам Мари Лашез.

Они неспешно перешли через мост Сен-Мишель, пересекли набережную Сены и оказались на бульваре. Когда Бернли находился в Лондоне, он в любой момент готов был поклясться, что в мире нет города лучше. Однако стоило ему попасть в Париж, как от той уверенности не оставалось и следа. Боже, до чего же он был рад вернуться сюда! И как ему повезло вновь повстречать своего проверенного друга Лефаржа! Он предчувствовал, что перерывы между делами — пусть самые краткие — смогут теперь доставить ему особое удовольствие.

Они очень вкусно и недорого поужинали, засидевшись за кофе с коньяком и сигарами до девяти часов. Затем Лефарж, взглянув на часы, напомнил, что им пора идти.

— Не стоит являться в гости к незнакомым людям слишком поздно, — сказал он. — Не возражаешь, если пойдем сейчас же?

Они поймали такси, а затем, оставив Люксембургский сад слева, быстро проехали около мили до бульвара Араго. Мсье Лашез согласился встретиться с ними немедленно. Они объяснили печальную цель своего визита и показали фотографию тела. Адвокат порывисто вцепился в нее и поднес ближе к свету, внимательно всмотревшись. Через какое-то время вернул снимок со вздохом явного облегчения.

— Хвала Всевышнему, — произнес он. — Это не моя жена.

— Та женщина была облачена в светло-розовое вечернее платье, на руках носила несколько колец с драгоценными камнями, а в волосах — заколку с бриллиантом.

— Говорю же, она нисколько не похожа на Мари. У моей жены никогда не было розовых платьев, как и бриллиантовых заколок для волос. Более того, она покинула дом в простом уличном наряде, а все вечерние туалеты по-прежнему висят в платяном шкафу.

— Вы исчерпывающе ответили на наши вопросы, — сказал Лефарж, и они, рассыпавшись в благодарностях и пожеланиях спокойной ночи хозяину, покинули его жилище.

— Я знал, что мы потратим время впустую, — произнес разочарованный Лефарж. — Но необходимо исполнять любые указания начальника.

— Само собой. И вообще — никогда и ничего нельзя предсказать заранее. Послушай, старина, вот теперь я чувствую настоящую усталость, и мне хотелось бы отправиться в отель, чтобы набраться сил на завтра.

— Никаких проблем. Поступай так, как считаешь нужным. Давай пройдемся до конца бульвара, а там спустимся в метро на авеню д'Орлеан.

Они добрались до «Шатле» — пересадочной станции для обоих, откуда инспектор сел в поезд до «Конкорд», а Лефарж поехал в противоположную сторону к своему дому близ площади Бастии.

Глава 10

КТО ЖЕ НАПИСАЛ ПИСЬМО?

На следующее утро ровно в десять часов Лефарж зашел за Бернли в отель на рю Кастильон.

— Теперь отправимся на поиски мсье Альфонса Ле Готье, вино торговца, — сказал французский сыщик, когда они ловили такси.

Путь до рю Валлорб оказался совсем коротким. Они сразу же узнали, что господин, который был им нужен, является не вымышленным персонажем, а реальным человеком из плоти и крови. Он занимал квартиру на втором этаже большого углового дома, просторный холл и его элегантная обстановка указывали, что владелец апартаментов был человеком культурным и материально обеспеченным. Впрочем, консьерж сказал, что мсье Ле Готье отправился к себе в контору на улицу Генриха Четвертого, и приятелям не оставалось ничего, кроме как последовать вслед за ним.

Это был мужчина лет тридцати пяти, черноволосый, черты его бледного лица напоминали хищную птицу, что дополнялось чуть нервной и настороженной манерой держать себя.

— Мы пришли к вам, мсье, — объяснил Лефарж, когда детективы представились, — исполняя приказ шефа Сюрте, чтобы попросить вашей помощи в проводимом расследовании. Мы наводим справки о джентльмене, которого вы, возможно, знаете. О некоем мистере Леоне Феликсе, постоянно проживающем в Лондоне.

— О Леоне Феликсе? Конечно же, я с ним знаком. И что же он умудрился натворить, чтобы привлечь внимание полиции?

— Ничего противозаконного, мсье, — с улыбкой заверил Лефарж, — или, по крайней мере, у нас есть основания так думать. Но, к несчастью для него, в процессе расследования другого дела вскрылась необходимость проверить некоторые из сделанных им заявлений и убедиться в их соответствии действительности.

Именно в этом, как мы предполагаем, вы и способны оказать нам содействие.

— Едва ли я смогу многое сообщить вам о нем, но постараюсь ответить на любые вопросы.

— Благодарю вас за готовность сотрудничать с нами, мсье Ле Готье. Тогда перейдем к делу, чтобы не растрачивать понапрасну вашего времени. Однако начать придется с самого простого. Когда вы в последний раз виделись с мистером Феликсом?

— Мне очень просто ответить на этот вопрос, поскольку у меня была особая причина запомнить дату и даже пометить ее. — Он открыл небольшую записную книжку с календарем. — Мы встречались с ним в воскресенье четырнадцатого марта. То есть в следующее воскресенье будет ровно четыре недели со времени нашей встречи.

— Какова же особая причина, упомянутая вами?

— В тот день мы с мистером Феликсом решили совместно приобрести билеты государственной лотереи. Он передал мне пятьсот франков в качестве своей доли. Я добавил еще пятьсот франков, чтобы осуществить задуманное. Естественно, что все подобные расходы я заношу в записную книжку.

— Не могли бы вы рассказать, при каких обстоятельствах вами было принято такое примечательное решение?

— Разумеется. Это стало результатом совершенно праздного поначалу разговора о системе государственных лотерей во Франции. Мы сидели с группой общих знакомых в кафе «Золотое руно» на рю Руаяль, когда эта тема стала предметом нашей беседы. Возникли споры, и чтобы положить им конец, я заявил о своей готовности попытаться счастья. Потом спросил у Феликса, не пожелает ли он присоединиться ко мне, на что получил его согласие.

— И вы приобрели билеты?

— Приобрел. Написал письмо с заказом на них тем же вечером, приложив чек.

— Надо полагать, все обернулось успешно?

Мсье Ле Готье улыбнулся.

— Я пока ничего не могу вам сообщить об этом. Розыгрыш состоится только в четверг на будущей неделе.

— В следующий четверг?! Тогда мне остается лишь пожелать вам успеха. Вы писали мистеру Феликсу, что осуществили задуманное?

— Нет. Я посчитал это само собой разумеющимся.

— То есть вы никоим образом не связывались с Феликсом со времени той встречи в кафе более трех недель назад?

— Именно так.

— Понятно. Перейдем к другому вопросу, мсье Ле Готье. Вы знакомы с мсье Дюмарше, биржевым маклером, у которого офис на бульваре Пуассонье?

— А то как же! И, между прочим, он тоже присутствовал при нашей беседе о системе розыгрышей лотерей.

— После этой беседы вы заключили с ним некое пари?

— Пари? — Ле Готье резко вскинул голову. — Не понимаю, о чем вы. Я не заключал никаких пари.

— Разве вы не помните, как обсуждали с Дюмарше хитроумные уловки, которые преступники пускают в ход, чтобы обмануть полицию?

— Нет, не припоминаю ничего подобного.

— То есть вы готовы утверждать, что разговор на эту тему между вами не происходил?

— Именно это я и утверждаю. А теперь мне очень хотелось бы выяснить причину возникновения подобных вопросов ко мне.

— Сожалею, мсье, если они причиняют вам беспокойство, и спешу заверить, что вопросы отнюдь не праздные. Дело крайне серьезное, хотя я не вправе сейчас исчерпывающе объяснить его суть. Но если вы по-прежнему готовы оказывать нам содействие, мне необходимо спросить вас еще кое о чем. Например, мне необходимо узнать имена всех, кто присутствовал в «Золотом руне» при вашей дискуссии о лотереях. Вы можете их назвать?

Мсье Ле Готье надолго замолчал, а потом сказал:

— Не думаю, что сумею в полной мере удовлетворить ваше любопытство. Поймите, там собралась достаточно большая группа людей. Кроме Феликса, Дюмарше и себя самого, могу припомнить мсье Анри Бриана и мсье Анри Буассона. Были и другие, но я уже забыл, кто именно.

— Например, мсье Добиньи. Он сидел за вашим столом?

— Верно. О нем я как раз запомнил. Да, Добиньи присутствовал при разговоре.

— А Жак Роже?

— Не могу точно сказать. — Мсье Ле Готье снова овладела сомнения. — Полагаю, он там был, но не уверен на сто процентов.

— Вы можете продиктовать нам адреса упомянутых джентльменов?

— Только некоторых. Дюмарше живет в пяти домах от меня на рю де Валлорб. У мсье Бриана квартира ближе к концу рю Вашингтон, где она вливается в Елисейские Поля. Адреса остальных не вспомню сразу, но могу помочь найти их в справочнике.

— Большое спасибо. А теперь позвольте вернуться ненадолго к одному из первых вопросов. Вы дали понять, что не писали мистеру Феликсу писем по поводу лотереи, так?

— Да. По-моему, я ответил вполне определенно.

— Но мистер Феликс утверждает обратное. Он заявляет, что получил письмо от вас, датированное четвергом первого апреля, то есть его отправили ровно неделю назад.

Мсье Ле Готье удивленно посмотрел на сыщика.

— Что означают ваши слова? Феликс говорит, будто он получил письмо от меня? Но здесь какая-то ошибка, поскольку я ему не писал.

— И тем не менее он даже показал нам письмо.

— Это невозможно, мсье. Он не мог показать вам того, что не существует. Какое бы письмо он вам ни показал, оно было не от меня. Хотелось бы взглянуть на него. Оно у вас с собой?

Вместо ответа Лефарж протянул ему листок, переданный Бернли мистером Феликсом во время полуденного разговора в поместье «Сен-Мало». По мере того как Ле Готье вчитывался в печатные строки, выражение недоумения на его лице становилось все более заметным.

— Невероятно! — воскликнул он. — Вот ведь загадка! Я не писал этого письма, не отправлял его и даже

не подозревал о нем. Оно не просто фальсифицировано. Здесь все — выдумки. Нет ни слова правды в изложенной истории о пари и бочке от начала до конца. Вы просто обязаны рассказать мне больше. Откуда у вас это письмо?

— От самого мистера Феликса. Он передал его присутствующему здесь мистеру Бернли, заявив, что оно от вас.

— Во имя всего святого! — Мужчина вскочил и начал мерить комнату шагами из угла в угол. — Ничего не понимаю. Феликс — порядочный человек. Он не стал бы утверждать, что письмо от меня, не будь сам убежден в этом. Но откуда у него такая уверенность? Все это совершенно абсурдно. — Ле Готье остановился, немного подумал и продолжил: — Вы говорите, мсье, что Феликс считает письмо моим. Но как он может это знать? Здесь нет ни строчки, написанной от руки. Отсутствует даже подпись. Он должен понимать, что такое письмо мог напечатать кто угодно, поставив внизу мое имя. И потом, неужели Феликс поверил в мою способность нагромоздить столько лжи?

— В том-то и загвоздка, — заметил Лефарж. — Здесь далеко не все так лживо, как вам кажется. По вашим собственным словам, разговор о лотереях и совместное с Феликсом решение купить билеты — это правда.

— Да, но только малая часть. А все остальное — о мнимом пари, странной затее с бочкой — сплошная ложь.

— Боюсь, относительно бочки вы ошибаетесь, мсье. Бочка действительно прибыла по указанному в письме адресу и в упомянутый день.

Молодой виноторговец вновь изумленно вскрикнул.

— Бочка была ему прислана? — переспросил он. — Значит, она вполне реальна? — Он взял паузу. — Нет, как ни стараюсь, не могу ничего понять. Хочу лишь повторить, что не писал подобного письма и не имею ни малейшего понятия обо всей этой истории.

— Должен согласиться с вами, мсье. Любой мог напечатать письмо и отправить от вашего имени. Но вы должны принять во внимание другой очевидный аспект дела. Только человек, посвященный в ваши планы относительно лотереи, был способен сфальсифици-

ровать послание. Вы утверждаете, что не писали письма, и мы готовы принять на веру ваши слова. Но вынуждены снова вернуться к поставленному вопросу: кто еще располагал необходимой информацией?

— Мой ответ прежний. Каждый из тех, кто присутствовал при разговоре в «Золотом руне».

— Совершенно верно. Теперь вы понимаете, насколько важно получить полный список этих людей?

Ле Готье снова зашагал по комнате, но уже размеренно и неторопливо, погруженный в глубокие размышления.

— А знаете, я не совсем понимаю, — признался он, вдруг замерев на месте. — Предположим, все в письме правда. Допустим это, чтобы облегчить задачу. Даже если бы я написал письмо, что с того? Каким образом оно заинтересовало полицию? Я не вижу здесь никаких нарушений закона.

Лефарж улыбнулся.

— Не видите? Но это же очевидно. Рассмотрите факты еще раз. В Лондон пароходом компании «ОКП» прибывает бочка, адресованная мистеру Феликсу. Запрос показывает, что по указанному адресу данный человек не числится. Далее. На бочке отчетливо начертано ее содержимое: «Скульптура». Но обследование выявляет в ней вовсе не произведения изобразительного искусства, а деньги. Точнее — соверены. Затем появляется некто, назвавшийся Феликсом, утверждающий, что живет по фальшивому адресу — первая ложь; что он ожидал прибытия именно с этим пароходом бочки со скульптурой — вторая ложь, и указывает на эту самую бочку. Представители пароходства, у которых возникают обоснованные сомнения, отказываются немедленно выдать груз, но Феликс обманым путем все же завладевает бочкой, доставляя ее по совершенно другому адресу. При допросе следователем полиции он предъявляет это письмо в качестве оправдания своих странных действий. Так почему же вас удивляет наш интерес и желание выяснить, кто был автором письма и насколько его содержание соответствует действительности?

— Да, теперь я вижу, насколько все резонно. Я просто не мог представить последовательности развития со-

бытий. Но вынужден повторить: мне ничего не известно об этом совершенно необычном деле.

— Это в самом деле странно. Скажите, мсье Ле Готье, у вас когда-либо случались ссоры с мистером Феликсом? Вы можете предположить, что он затаил на вас подлинную или воображаемую им обиду?

— Ничего подобного между нами не было.

— Вы никогда не давали ему повода — может, сами того не сознавая, — завидовать себе?

— Никогда. Но почему вы задаете такие вопросы?

— Мне пришло в голову, что он мог сыграть с вами злую шутку, а письмо напечатал сам.

— Нет, уверен, такое невозможно. Феликс — честный и, как я уже говорил, глубоко порядочный человек. Он не стал бы делать ничего подобного.

— Тогда прикиньте, нет ли у вас на примете кого-то еще, кому доставило бы удовольствие причинить вам неприятности? Взять хотя бы ту компанию, что присутствовала при разговоре о лотерее. Или любого другого человека.

— Не могу себе даже представить никого, способного на такое.

— Еще один вопрос, мсье, и мы закончим. Вы когда-нибудь брали у мистера Феликса в долг пятьдесят фунтов стерлингов или эквивалентную сумму во французских франках?

— Я ни разу вообще не одалживал у него денег.

— Тогда не припомните ли кого-либо, кто мог попросить его о ссуде?

— Нет, не припоминаю, мсье.

— В таком случае позвольте принести вам наши извинения за причиненное беспокойство и поблагодарить за терпение и вдумчивость при ответах на вопросы. — Лефарж бросил быстрый взгляд в сторону Бернли. — Однако вынужден предупредить. Если нам вновь понадобится, то, с вашего дозволения, мы попросим присоединиться к нам мсье Дюмарше, чтобы обсудить дело совместно с ним.

— Превосходная идея! Непременно поступите так в случае необходимости.

Коллеги ранее уже обсудили вероятность того, что Ле Готье станет отрицать заключение пари с мсье Дюмарше. В таком случае им станет важно допросить Дюмарше раньше, чем виноторговец сумеет связаться с ним. А потому Лефарж оставил Бернли в компании Ле Готье, а сам поспешил, чтобы потолковать с его соседом.

Не успел детектив добраться до двери конторы биржевого маклера на бульваре Пуассонье, как она распахнулась, и на пороге появился средних лет джентльмен с длинной светло-русой бородой.

— Простите, вы мсье Дюмарше? — спросил Лефарж.

— Он самый. Вы хотели меня видеть?

Полицейский представился и коротко изложил суть дела, для выяснения обстоятельств которого нанес свой визит.

— Тогда нам лучше зайти внутрь, — пригласил собеседник. — У меня назначена встреча в другой части Парижа, но, думаю, смогу уделить вам минут десять.

Он провел гостя в свои апартаменты и жестом указал на кресло.

— Меня интересует главным образом ваше пари, мсье, — начал Лефарж. — Испытуемый не справился с задачей, но полиции необходимо установить, действительно ли бочка была отправлена с указанной целью.

Дюмарше в недоумении уставился на него.

— Не понимаю, о чем вы, — сказал он. — О каком пари идет речь?

— О пари, заключенном между вами и мсье Ле Готье. Поскольку все манипуляции мистера Феликса с бочкой стали якобы результатом пари, то, как должно быть очевидно для вас, нам необходимо подтверждение правдивости его слов.

Маклер помотал головой так решительно, словно собирался на этом и закончить беседу.

— Здесь какая-то странная ошибка. Я не заключал с мсье Ле Готье никакого пари, а обо всем остальном, упомянутом вами, мне вообще ничего не известно.

— Однако мистер Феликс сделал недвусмысленное заявление, что вы заключили с мсье Ле Готье пари. Суть его: сумеет ли Феликс завладеть бочкой. Если он говорит неправду, последствия для него могут стать самыми серьезными.

— Я понятия не имею ни о какой бочке. И что за мистер Феликс имеется в виду?

— Мистер Леон Феликс, владелец усадьбы «Сен-Мало» в окрестностях Лондона.

Теперь на лице биржевика промелькнула тень заинтересованности.

— Так это Леон Феликс? Я, конечно же, с ним знаком. Прекрасный мальчик, если хотите знать мое мнение. Но вы пытаетесь уверить меня, будто он сообщил вам о моей причастности к делу, связанному с какой-то бочкой?

— Именно так. Хотя свое заявление он сделал не мне лично, а моему лондонскому коллеге инспектору Бернли.

— Мой дорогой друг! Ваш коллега, вероятно, все перепутал. Феликс мог упомянуть о ком-то другом.

— Спешу заверить, что никакой ошибки быть не могло. По словам Феликса, поводом для пари стал разговор о государственных лотереях, состоявшийся в кафе «Золотое руно» более трех недель назад в воскресенье, и вы там присутствовали.

— Что касается разговора, то все сказанное правда. Его я очень хорошо помню, но для меня непостижимо, о каком пари речь. Сам я уж точно ни с кем не бился об заклад.

— В таком случае, мсье, могу лишь принести извинения за доставленное беспокойство. Теперь ясно, что произошла ошибка. Вот только прежде чем удалиться, не могу ли я просить вас об одолжении? Не сочтите за труд назвать мне людей, которые также присутствовали тогда в кафе. По всей видимости, мне следовало посетить не вас, а одного из них.

После недолгого размышления Дюмарше назвал всего три фамилии, которые уже значились в блокноте сыщика. Потом, извинившись и сославшись на необходимость явиться на назначенную заранее встречу, Дюмарше поспешил уехать, а Лефарж вер-

нулся, чтобы рассказать о своем разговоре Бернли и Ле Готье.

Вторую половину дня коллеги посвятили посещению тех людей, чьи имена упоминались в числе присутствовавших при разговоре о лотереях в кафе «Золотое руно». Только мсье Бриан оказался в Италии, зато им удалось встретиться с остальными, и в каждом случае результат получался одинаковым. Все помнили содержание беседы, но недоумевали по поводу пари и злополучной бочки. Расспросы официантов кафе тоже ни к чему не привели.

— Мы не слишком далеко продвинулись вперед, — заметил Бернли, когда двое друзей сидели тем же вечером за чашкой кофе после ужина. — И я склоняюсь к выводу, что все люди, с кем мы сегодня беседовали, действительно ничего не знают о бочке.

— Согласен с тобой, — отозвался Лефарж. — Но нам, по крайней мере, не составит труда проверить часть полученных показаний. Организаторы лотереи сообщат нам, действительно ли Ле Готье приобрел билетов на одну тысячу франков в воскресенье три недели назад. И если так, то мы сможем окончательно убедиться, что разговор в кафе «Золотое руно» в самом деле состоялся, а они с Феликсом решили сыграть совместно.

— В этом уже сейчас не приходится сомневаться.

— Кроме того, мы проверим время розыгрыша. Тираж в будущей четверг может привести к однозначному заключению: все, что говорилось в письме о крупном выигрыше и проверке, задуманной в связи с получением бочки, явная ложь. С другой стороны, если тираж уже состоялся, то в письме содержится правда, а лжет Ле Готье. Хотя мне это представляется маловероятным.

— Мне тоже. Но позволь не сойтись с тобой во мнении по поводу письма. Нам уже известно, насколько оно лживо. В нем написано об отправке девятьсот восьмидесяти восьми фунтов, а на деле мы обнаружили в бочке труп и только пятьдесят два фунта и десять шиллингов. Вопрос с хитроумным тестом остался мне не до конца ясен. Ведь бочка все-таки дошла до Лондона описанным в письме способом — то есть с подложными адресом и описью содержимого, и если ее

отправили не с указанной целью, то какое другое объяснение ты можешь предложить?

— Признаюсь, пока ничего не приходит в голову.

— В таком случае давай прикинем, что нам известно об авторе письма. Во-первых, он должен был знать о разговоре про систему лотерей, как и о решении Феликса с Ле Готье принять участие в розыгрыше совместно. Значит, он либо сам присутствовал в кафе «Золотое руно», либо кто-то из той компании детально все ему пересказал. Во-вторых, он обладал всеми сведениями об обстоятельствах отправки бочки. По крайней мере в том, что касается фальшивого адреса и заведомо неверной описи вложения. В-третьих, он имел доступ к старой пишущей машинке, которую, как мы полагаем, нам удастся найти и идентифицировать. И в-четвертых, у него была бумага французского производства или возможность приобрести ее. Это все, что мы знаем наверняка. Но можно также предположить, хотя данный аспект дела особенно важным не представляется и нет никаких доказательств, что машинкой он воспользовался лично, поскольку едва ли подобного рода письма запросто диктуют машинисткам.

— Все верно, но, насколько я вижу, единственным человеком, полностью подходящим под твоё описание, является сам мистер Феликс.

— Не думаю, что Феликс стоит за этим. Мне кажется, он сказал нам правду. Хотя ты прав в одном — у нас пока недостаточно информации для вынесения окончательных суждений. Надеюсь, когда мы определим происхождение бочки, то сможем связать с ней одного из людей, с кем встречались сегодня.

— Весьма вероятно, — сказал Лефарж, поднимаясь из-за стола. — Если мы хотим успеть в Сюрте к девяти, пора отправляться туда немедленно.

— У твоего шефа есть привычка устраивать совещания в девять часов вечера? Мне это представляется не самым лучшим временем. Несколько экстравагантно.

— А он вообще личность экстравагантная. Лучший в нашей профессии, при этом вполне ровен в общении

с подчиненными. Но, конечно, не без своих странностей. Он уходит с работы сразу после обеда, а возвращается, уже покончив с ужином, чтобы трудиться до глубокой ночи. Говорит, что так его ничто не отвлекает.

— Могу допустить наличие рационального зерна в подобном подходе, хотя привычка чудаковатая, как ни взгляни.

Мсье Шове выслушал их отчет о проделанной за день работе с глубочайшим вниманием, а когда Лефарж закончил доклад, некоторое время сидел совершенно неподвижно, погруженный в раздумья. Затем тоном человека, привыкшего принимать решения и из всего делать собственные умозаключения, он произнес:

— Пока в деле, в его нынешнем виде, открытыми остаются три основных вопроса. Первый — действительно ли примерно четыре недели назад в кафе «Золотое руно» состоялся разговор о лотереях? Полагаю, уже сейчас мы можем ответить в данном случае утвердительно. Второй — на самом ли деле Феликс и Ле Готье договорились о совместном участии, и если да, то отправил ли Ле Готье чек для оплаты билетов в тот же день? Это легко проверить, наведя справки в управлении государственных лотерей, куда я сам отправлю другого сотрудника завтра утром. Третий — состоялся ли уже розыгрыш? Ответ получим тем же способом. Двигаться дальше в этом направлении пока некуда, а потому я придерживаюсь мнения, что следующим шагом с нашей стороны должна стать попытка определить происхождение бочки. Данная линия расследования может вновь привести нас к одному из тех мужчин, с кем вы беседовали сегодня, или же подскажет личность другого человека, который, как выяснится, тоже присутствовал при разговоре в кафе. Какова ваша точка зрения, господа?

— Мы оба пришли к приблизительно аналогичным выводам, мсье, — ответил Лефарж.

— Значит, уже завтра вы начнете наводить справки относительно бочки, не так ли? Отлично! Я же буду ждать вас у себя вечером.

Назначив друг другу встречу следующим утром в восемь утра на Северный вокзал, детективы распрощались, и каждый отправился своей дорогой.

Глава 11

ФИРМА «ДЮПЬЕР И СИ»

Стрелки больших часов на здании Северного вокзала показывали без трех минут восемь, когда инспектор Бернли поднялся по ступеням к главному входу в вокзал. Лефарж уже ждал, немного опередив его, и коллеги обменялись по-дружески теплыми приветствиями.

— Я заранее заказал наш полицейский экипаж, — сказал Лефарж. — Дай мне свои бумаги, и глазом не успеешь моргнуть, как я уже получу бочку со склада.

Бернли отдал ему накладные, и они вдвоем направились на товарную платформу, куда прибывали грузы. Удостоверение Лефаржа произвело среди рабочих совершенно магический эффект, и в течение нескольких минут плотно обернутая мешковиной бочка была найдена и водружена на повозку. Лефардж дал подробные указания кучеру.

— Мне нужно доставить это на улицу, отходящую от рю де ла Конвесьон у Гренель. Можете выезжать немедленно и остановиться у моста Мирабо со стороны Гренель. Ждите там, пока я не разыщу вас. Как полагаю, вам понадобится час или даже больше, чтобы добраться до того места, верно?

— Более полутора часов, мсье, — ответил возница. — Путь неблизкий, а повозка очень тяжелая.

— Что ж, хорошо. Попытайтесь доехать как можно скорее.

Мужчина прикоснулся к козырьку кепки и тронулся в дорогу.

— Нам тоже следует поторопиться? — спросил Бернли.

— Нет. Наоборот, нужно как-то убить время, пока он дотащится туда. А почему спрашиваешь?

— Без особых причин. Если мы не спешим, давай спустимся к реке и сядем на пароход. Мне всегда нравились прогулки по Сене.

— Признаться, мне они тоже по душе, — поддержал его Лефарж. — Дышишь свежим воздухом, а движение

по реке куда как более плавное, чем на автобусе. Меньше шума, да и остановок тоже.

Им все же пришлось воспользоваться автобусом, чтобы доехать до Лувра, где на пристани у моста Искусств друзья взошли на борт пароходика, державшего курс в пригород Сюрень. Утро выдалось свежее и совершенно ясное. Солнце, всходившее поначалу у них за спинами, постепенно оказалось слева, когда их судно вошло в излучину реки. Бернли сидел и, должно быть, в пятидесятый раз любовался изяществом архитектуры мостов, по праву считавшихся самыми красивыми в мире. С неменьшим интересом и удовольствием он рассматривал сооружения, мимо которых они проплывали — от громады Лувра на правом берегу до великолепных уступов набережной Орсе, от площади Трокадеро и дворцов Елисейских Полей до заостренной Эйфелевой башни. Бернли отчетливо помнил визит с Лефаржем в ресторан на нижнем смотровом ярусе башни, когда обедали за соседним столом с мадам Марсей, привлекательной молодой женщиной, убившей своего мужа-англичанина, постепенно скармливая ему дозы медленно действовавшего яда. Он уже повернулся, чтобы напомнить компаньону о событиях того дня, как тот вышел из задумчивости и заговорил:

— После того как мы расстались прошлым вечером, я вернулся в участок. Подумал, что будет лучше заранее заказать повозку на сегодня, а потом на всякий случай просмотрел наше досье на эту фирму монументальной скульптуры. Похоже, компания не из крупных, а все бразды правления сосредоточены в руках исполнительного директора мсье Поля Тевене. Впрочем, у этого заведения долгая история, и оно заслужило отличную репутацию, никогда не имев неприятностей с нашим ведомством.

— Что ж, это уже хорошие новости.

Они сошли с парохода у моста Мирабо, пересекли его, чтобы попасть на южный берег и подыскали приличное кафе, где заняли столик прямо на улице позади небольшой живой изгороди из растений в цветочных горшках.

— Отсюда нам виден мост. Подождем в относительном комфорте прибытия подводы, — сказал Лефарж, заказав две по-французски небольших кружки пива.

Они сидели под ласкающими лучами солнца, курили и читали утренние выпуски газет. Прошел почти час, прежде чем повозка наконец показалась, медленно катясь через мост. Сыщики сразу же покинули кафе, знаками показали кучеру, чтобы следовал за ними, и прошли по рю де ла Конвенсьон до поворота на рю Прованс. Нужное им место находилось совсем рядом, в самом начале улицы.

Фирма занимала почти всю территорию квартала и частично состояла по виду из древнего четырехэтажного здания фабрики или склада. К нему примыкала высокая каменная стена, по всей вероятности, окружавшая внутренний двор. В дальнем конце стены располагались ворота, через которые можно было попасть во двор и к углу здания. Вывеска на двери гласила: «Бюро».

Дав кучеру указание дожидаться на улице, они вошли внутрь и сказали, что им необходимо повидаться с мсье Тевене по личному делу. Заставив их подождать несколько минут, клерк провел детективов в кабинет шефа.

Исполнительный директор оказался мужчиной в почтенном возрасте, невысокого роста, с покрытым старческими морщинами лицом и с седыми усами. Держался он суховато, но вежливо: поднялся из-за стола навстречу сыщикам, пожелал доброго утра и спросил, чем может быть полезен.

— Прежде всего должен извиниться, мсье Тевене, что не прислал своей визитной карточки заранее, — начал Лефарж, подавая ему визитку, — однако дело, приведшее нас сюда, весьма деликатного свойства, и я предпочел бы держать ваших служащих в неведении относительно моей профессии.

Мсье Тевене понимающе кивнул.

— Познакомьтесь с моим коллегой, мистером Бернли из полиции Лондона, — продолжил Лефарж. — Ему крайне необходима определенного рода информация, и будет очень любезно с вашей стороны предоставить ее.

— С удовольствием отвечу на любые вопросы, если смогу. И, между прочим, я говорю по-английски, если для мистера Бернли это удобнее.

— Да, благодарю вас, — вмешался в разговор Бернли. — Дело не только деликатное, но и серьезное. Вкратце его обстоятельства таковы. В прошлый понедельник — то есть четыре дня назад — из Парижа в Лондон прибыла бочка. По некоторым причинам, в которые не стоит вдаваться сейчас, она вызвала подозрения со стороны полиции, а потому бочка была нами изъята и вскрыта. Внутри в окружении густого слоя упаковочных опилок мы обнаружили следующее: во-первых, пятьдесят два фунта и десять шиллингов в английских золотых монетах, а во-вторых, труп молодой женщины, явно принадлежавшей к благородным слоям общества и убитой, как мы полагаем, путем удушения двумя руками.

— Какой ужас! — воскликнул хозяин компании.

— При этом бочка имела необычную конструкцию. Изготовленная из древесины в два раза более прочной, нежели та, что идет на винные бочки, она была скреплена мощными стальными кольцами. А поводом для посещения вашей фирмы, сэр, стало указание ее названия в графе «Адрес отправителя» с просьбой об обязательном возврате, для чего использовали одну из ваших стандартных сопроводительных бирок.

Хозяин кабинета неожиданно проворно вскочил на ноги.

— Наша бочка? Наша бирка? — переспросил он, откровенно удивленный. — Я правильно понял ваши слова, сэр? Вы хотите сказать, что бочка, в которой нашли труп, была отправлена нами?

— Нет, сэр, — поспешил успокоить его Бернли. — Этого я не утверждал. Просто она прибыла с указанием наименования и адреса вашей фирмы. Но для меня остается тайной, как, когда и кто поместил в нее мертвое тело. Именно для расследования этих обстоятельств я и приехал из Лондона.

— Но ваша история абсолютно невероятна, — сказал мсье Тевене, меряя кабинет шагами. — Нет, — тут же добавил он, взмахом руки останавливая следующую

реплику Бернли, — я нисколько не сомневаюсь в истинности ваших слов. Однако не могу избавиться от ощущения, что произошла какая-то нелепая, хотя и страшная в своих последствиях ошибка.

— Со своей стороны должен сообщить следующее, — все же продолжил Бернли. — Лично я вашей бирки не видел. Но ее хорошо рассмотрели представители транспортной компании, а в особенности — один из ее сотрудников после того, как груз вызвал подозрения. Сопроводительная этикетка была потом уничтожена мистером Феликсом, который и числился получателем груза.

— Феликс. Фамилия кажется мне знакомой. Не могли бы вы назвать полное имя и адрес этого мужчины.

— Бочка была адресована мистеру Леону Феликсу, Лондон, почтовый индекс W, район Тоттенхэм-Корт-роуд, Уэст-Джабб-стрит, дом 141.

— Ах, ну конечно! — даже обрадовался мсье Тевене. — Значит, такой человек все-таки существует? Понимаете, у меня возникли по этому поводу обоснованные сомнения, поскольку наши сопроводительные документы вернулись с пометкой «Адресат неизвестен». Я потрудился провести поиски по адресной книге Лондона, но и там не обнаружил такого. Разумеется, мы не стали чрезмерно беспокоиться, поскольку оплату наша фирма получила сполна, а остальное не имело для нас особого значения.

Бернли и его коллега резко выпрямились в своих креслах.

— Прошу прощения, мсье Тевене, — сказал Бернли, — но хочу убедиться, что правильно толкую ваше высказывание. Вы упомянули сопроводительные документы. О каких именно документах идет речь?

— О документах на бочку. О каких же еще? — ответил директор, пристально глядя на сыщика.

— Стало быть, вы все-таки отправили бочку мистеру Феликсу в район Тоттенхэм-Корт-роуд?

— Конечно же, отправили. Нам за это заплатили, и мы не могли не выполнить заказ, верно?

— Послушайте, мсье Тевене, — сказал Бернли. — Как мне кажется, мы с вами не до конца понимаем друг друга. Позвольте более детально описать вам упомянутую

бирку. Согласно достоверным данным, место для адреса на ней было кем-то аккуратно вырезано и заменено другим листком бумаги с фальшивым адресом. Из чего мы заключили, что некое лицо получило от вас бочку, после чего изменило адрес, уложило внутрь труп и отправило бочку дальше. Но как только что выяснилось, отправителем бочки была все-таки непосредственно ваша фирма. Тогда на каком же этапе произвели упомянутые манипуляции с биркой?

— Не могу ответить на ваш вопрос.

— В таком случае позвольте поинтересоваться, что находилось в бочке, когда ее отправили отсюда?

— Грузом была небольшая скульптурная группа, созданная талантливым мастером и представлявшая немалую ценность.

— Боюсь, мсье Тевене, что обстоятельства дела станут еще более запутанными. Мы будем весьма признательны, если вы любезно изложите все известные вам факты, имеющие отношение к отправке бочки.

— С удовольствием. — Он прикоснулся к кнопке звонка, и на вызов тут же явился клерк.

— Принесите мне, — попросил начальник, — всю документацию, связанную с продажей скульптурной группы работы Ле Марешаля мсье Феликсу из Лондона.

Затем он вновь обратился к своим гостям:

— Вероятно, мне лучше начать с объяснений схемы ведения нами бизнеса. В сущности, мы работаем по трем различным направлениям, объединив дела под названием одной фирмы. Во-первых, мы отливаем гипсовые копии широко известных шедевров скульптуры. Однако они не представляют большого интереса для подлинных ценителей и продаются лишь в ограниченных количествах. Во-вторых, мы производим памятники, надгробия, декоративные каменные панно для отделки зданий и некоторые другие изделия, простые, но весьма добротные. А еще мы торгуем настоящими произведениями известных скульпторов, выполняя роль посредников между творцами и публикой. Как правило, в нашем выставочном зале представлен широкий выбор подобных работ. Именно одну из них — скульптурную группу

Смертельный
груз

стоимостью в одну тысячу четыреста франков — заказал у нас мистер Феликс.

— Феликс сам заказал скульптуру? — не сдержался Бернли. — Хотя прошу прощения. Я не должен был вас прерывать.

В этот момент вернулся клерк и положил какие-то бумаги на стол перед своим боссом. Последний просмотрел их, выбрал одну и протянул ее Бернли.

— Это письмо, полученное нами утром тридцатого марта с вложением купюр на сумму в одну тысячу пятьсот франков. На конверт была наклеена английская почтовая марка.

Письмо оказалось написанным от руки на одной стороне листа бумаги. Выглядело оно так:

*Лондон, WC,
р-н Тоттенхэм-Корт-роуд,
Уэст-Джабб-стрит, дом 141.*

29 марта 1912 г.

*В фирму «Дюпьер и Си»,
Париж, Гренель,
рю Прованс (близ рю де ла Конвенсьон).*

Господа!

Я крайне заинтересован в приобретении скульптурной группы, расположенной слева от главного входа вашего выставочного зала на бульваре Капуцинок. Группа состоит из трех фигур: двух сидящих и одной стоящей. Вы без труда определите, что именно мне требуется, поскольку больше ничего подобного слева от витрины не находится.

Пожалуйста, отправьте скульптуру незамедлительно по вышеуказанному адресу в Лондоне.

Мне неизвестна точная цена, включая стоимость транспортировки, но я посчитал, что 1500 франков окажется достаточно. Посему я приложил к данному письму указанную сумму, и если баланс не сойдется в ту или иную сторону, внести поправки можно путем обмена корреспонденцией.

Остается добавить, что лишь необходимость срочного отъезда в Англию не позволила мне сделать заказ лично.

Искренне ваши

Леон Феликс.

Инспектор Бернли тщательно изучил письмо.

— Смею надеяться, вы позволите нам на некоторое время забрать это у вас? — спросил он.

— Конечно.

— А еще, если я все верно понял, деньги пришли в виде обычных купюр, выпущенных государственным банком, а их источник невозможно определить в отличие от, скажем, чека или другого подобного платежного документа?

— Именно так.

— Ну что же, в таком случае, мсье Тевене, прошу извинить за еще одно вмешательство в ваш рассказ.

— Мне немного осталось добавить. Скульптура была упакована и отправлена в день получения письма. Кстати, общая стоимость вместе с транспортировкой составила ровно одну тысячу четыреста франков, а потому лишние сто франков стали дополнительным приложением к грузу. Нам показалось, что подобный способ отправки столь небольшой денежной суммы вполне безопасен, поскольку бочку вместе с содержимым мы застраховали.

— Бочку? Вы отправляете свою продукцию именно в бочках?

— Да. Для нас специально изготавливают их в двух размерах, тяжелые и крайне прочные, именно для пересылки столь ценных предметов. Это стало нашим собственным изобретением, чем мы даже отчасти гордимся. Такой способ проще и гораздо надежнее, чем перевозка в обычных ящиках.

— В повозке, оставленной на улице, мы привезли бочку. Если нам позволят заехать во внутренний двор, быть может, вы согласитесь осмотреть ее и определить ваша ли она и не та ли это бочка, которую вы отправили Феликсу?

— Прошу прощения, но так уж случилось, что груз отправляли непосредственно из демонстрационного зала на бульваре Капуцинок. Если вы располагаете вре-

Смертельный
груз

менем, чтобы доставить бочку туда, я дам управляющему распоряжение оказать вам любую помощь, какая может потребоваться. Более того, я сам поеду на место вместе с вами. Мне теперь не унять некоторого беспокойства, пока дело не прояснится окончательно.

Детективы от души поблагодарили его, и пока Лефарж объяснял новую задачу кучеру, мсье Тевене вызвал такси, чтобы добраться до бульвара Капуцинок.

Глава 12

НА ВОКЗАЛЕ СЕН-ЛАЗАР

Выставочный зал оказался не слишком просторным, но роскошно отделанным магазином, сплошь заставленным произведениями высокой художественной ценности, и, несомненно, большой стоимости. Мсье Тевене представил гостям управляющего мсье Тома — молодого и энергичного с виду мужчину, который пригласил всех пройти в свой кабинет. Он не говорил по-английски, а потому поддерживать разговор пришлось в основном Лефаржу. Но начал сам Тевене.

— Эти джентльмены, — сказал он, — обратились к нам с запросом по поводу продажи на прошлой неделе скульптурной группы работы Ле Марешала мистеру Феликсу из Лондона. Мне хотелось бы попросить вас, Тома, рассказать им все, что вам об этом известно.

Молодой человек ответил легким поклоном.

— С удовольствием выполню вашу просьбу.

После чего Лефарж в нескольких фразах поведал ему основные факты, связанные с делом.

— Вероятно, — добавил он, — будет лучше всего, если вы поделитесь со мной информацией, а я смогу задавать вам по ходу вопросы о том, что будет мне не понятно.

— Вы совершенно правы, мсье, хотя мой рассказ не займет много времени. — Он бегло взглянул на какие-то свои записи. — Тридцатого марта, то есть во вторник

на прошлой неделе, нам позвонили из главной конторы фирмы и сообщили, что последняя скульптурная группа, выполненная Ле Маршалем и выставленная в углу нашей витрины, продана. Нам следовало сразу же отправить ее мистеру Леону Феликсу по известному вам адресу. Кроме того, поступило указание приложить к грузу конверт со ста франками в качестве компенсации переплаты, допущенной клиентом. Все это мы проделали. Скульптура и деньги, соответствующим образом упакованные, были отправлены к месту назначения. Нами соблюдался установленный порядок и хорошо отработанные ранее методы транспортировки, принятые нашей фирмой. Единственная особенность данной сделки заключалась в отсутствии расписки мистера Феликса в получении груза. Думаю, это единственный случай в моей практике, когда нас не уведомили о благополучном прибытии отправленного товара, хотя имелась дополнительная причина ожидать получения расписки, поскольку оплата была внесена авансом и наличными. Важно, однако, пояснить, что в тот же вторник нам позвонил из Лондона мистер Феликс, интересовавшийся, когда и каким образом мы отправили бочку. Я лично ответил на все его вопросы.

Молодой человек сделал паузу, и Лефарж спросил, как именно была упакована скульптурная группа.

— Ее поместили в бочку типа А, как у нас заведено.

— Мы как раз возем сюда бочку. Вскоре она прибует. Вы сможете идентифицировать ее?

— Либо я сам, либо наш мастер.

— Что ж, мсье Тевене, не думаю, что мы сможем продвинуться дальше до появления нашей бочки. У нас как раз есть время перекусить. Надеюсь, вы с мсье Тома согласитесь составить нам приятную компанию?

Приглашение было принято, и все пообедали в одном из уютных ресторанов на бульваре. К их возвращению телега уже стояла у выставочного зала.

— Будет лучше, если мы заведем повозку во двор, — сказал Тома. — Идите вперед, а я покажу кухню дорогу.

Внутренний двор представлял собой небольшую открытую площадку, окруженную сараями. В ворота одно-

го из них загнали подводу, где бочку распаковали, и мсье Тома осмотрел ее.

— Это, несомненно, одна из наших бочек, — заключил он. — Они все имеют особую конструкцию, и, насколько мне известно, больше такой тарой не пользуется никто.

— И все же, мсье Тома, — сказал Лефарж, — нет ли у вас особых примет для идентификации бочки? Мы, разумеется, ни в коей мере не подвергаем сомнению справедливость вашего суждения, но для нас важно установить, что данная бочка прошла погрузку именно в вашем дворе. Если же основываться только на внешнем облике и особенностях конструкции, то не исключается вероятность, что кто-то еще мог скопировать вашу бочку и пустить нас по ложному следу.

— Мне понятен смысл ваших опасений. Но, боюсь, я сам никак не смогу их развеять. Сейчас вызову мастера и рабочих, занимающихся упаковкой. Возможно, кто-то из них внесет ясность.

Он зашел в один из соседних сараев, откуда почти сразу вернулся в сопровождении четверых мужчин.

— Взгляните-ка вот на эту бочку, парни, — распорядился он. — Кто-нибудь из вас видел ее прежде?

Мужчины подошли вплотную и тщательно обследовали бочку, осмотрев ее со всех сторон. Двое отошли, отрицательно помотав головами, но третий, самый старший из них, с сединой в волосах, сказал:

— Да. Я точно упаковывал эту бочку. Кажись, с тех пор еще двух недель не прошло.

— Почему вы так в этом уверены? — спросил Лефарж.

— А вот почему, уважаемый, — ответил старик и указал на сломанную доску. — Здесь уже тогда была трещинка. Мне даже запомнилось, как она проходила по доске. Подумал, не доложить ли мастеру, но потом покумекал и решил, что ничего страшного от такого пустяшного дела не случится, и никому ничего не сказал. Только позже показал ее одному из наших ребят. Посмотри сюда, Жан, — окликнул он четвертого из мужчин. — Ведь это та самая трещина, которую я тебе показывал, или просто похожая?

Его товарищ снова подошел поближе.

— Та самая, — твердо заявил он. — Мне ли не помнить? Я еще подумал тогда, что трещина формой похожа на мой указательный палец.

Он положил ладонь на соседнюю доску бочки, и точно — сходство с чуть искривленным пальцем сразу бросилось в глаза.

— Едва ли вы запомнили, что конкретно уложили в тот раз внутрь и кому бочка предназначалась?

— Помню статую, — отозвался старший. — Три или четыре женских фигуры, но вот куда их отправляли... Хоть убейте!

— Это не мог быть человек в Лондоне по фамилии Феликс?

— Фамилия смутно знакома, но не поручусь, что бочку отправляли именно ему.

— Спасибо за помощь. Но есть еще вопрос. Как вы упаковали скульптуру? Чем заполнили пространство внутри?

— Опилками, уважаемый мсье. Обычными опилками, но очень плотно утрамбованными.

— А на чем бочку увезли отсюда? Железная дорога прислала транспорт или как-то еще?

— Ее поставили в кузов одного из наших собственных грузовых автомобилей с фабрики в Гренель.

— Вы помните водителя той машины?

— Да, мсье. За рулем сидел Жюль Фушар.

— Наверное, нам было бы неплохо побеседовать с этим Фушаром, — сказал Лефарж, обращаясь к исполнительному директору. — Сможете это организовать?

— Почему бы и нет? Мсье Тома выяснит для вас, где он сейчас.

— Простите за непрошеное вмешательство, мсье, — неожиданно сказал престарелый упаковщик, — но он как раз сейчас здесь. По крайней мере, я повстречал его меньше десяти минут назад.

— Отлично. Тогда постарайтесь найти его и велите никуда не уезжать, пока не повидается с нами.

Через несколько минут шофера разыскали, попросив его немного подождать. Лефарж продолжил расспрашивать упаковщика.

— В котором часу бочку отправили отсюда?

— Примерно в четыре. Я ее уложил и подготовил к двум, но грузовик приехал на пару часов позже.

— Вы видели, как ее загружали в кузов?

— Я сам помогал грузить.

— А теперь скажите мне вот что, — не унимался Лефарж. — Где находилась бочка в промежутке между укладкой в нее скульптуры и прибытием автотранспортного средства?

— Здесь, мсье. В этом же сарае, где я и упаковал ее.

— Вы хотя бы на какое-то время уходили отсюда?

— Нет, мсье, я неотлучно был тут.

— Таким образом, — я прошу вас, пожалуйста, подумайте над ответом хорошенько, — никто не имел возможности что-то проделать с бочкой до самого момента ее отправки?

— Это было бы абсолютно невозможно, уважаемый мсье. Совершенно исключено.

— Спасибо, мы вам весьма благодарны за помощь, — сказал Лефарж, незаметно вкладывая в руку старика два франка, прежде чем тот удалился. — А теперь не мог бы я побеседовать с шофером?

Жюль Фушар оказался некрупным, но полным энергии мужчиной с заостренными чертами лица и глазами, в которых читались ум и понятливость. Он твердо все помнил и отвечал на вопросы четко, без малейших колебаний.

— Мсье Фушар, — начал разговор с ним Лефарж, — я и вот этот джентльмен пытаемся отследить передвижение одной из ваших бочек, которая, как мне сообщили, покинула двор в вашем грузовике во вторник тридцатого марта на прошлой неделе около четырех часов пополудни. Вы припоминаете этот эпизод?

— Позвольте мне свериться со своими записями в книге доставки, мсье.

Он ненадолго пропал, но вернулся очень быстро с небольшой книжкой в тряпичном переплете. Быстро пролистав страницы, нашел то, что искал.

— Имеется в виду груз для мистера Леона Феликса, Лондон, Тоттенхэм-Корт-роуд, Уэст-Джабб-стрит, дом 141? Да, мсье, теперь я все вспомнил. Это была единст-

венная бочка, отправленная отсюда в тот день. Я отвез ее на вокзал Сен-Лазар и сдал представителям железной дороги под их ответственность. Вот расписка одного из них в получении.

Он передал книжку, и Лефарж имел возможность разобрать имя и фамилию.

— Спасибо. Кто такой этот Жан Дюваль? Мне, вероятно, потребуется встреча с ним, и хотелось бы знать, как его найти.

— Клерк в отделе отправки мелких грузов в багажных вагонах пассажирских поездов.

— Как я понял, вы отправились отсюда с бочкой примерно в четыре часа?

— Около того, мсье.

— А в котором часу прибыли на вокзал Сен-Лазар?

— Уже через несколько минут. Я избрал самый короткий маршрут.

— В пути вы не делали остановок?

— Нет, мсье.

— А сейчас я попрошу вас основательно продумать свой ответ. Не отвечайте, если не до конца уверены. Существовала ли возможность, что кто-то мог вскрыть бочку и рыться в ее содержимом с момента погрузки ее здесь и до сдачи Жану Дювалю на вокзале Сен-Лазар?

— Ни малейшей, мсье. Никто не смог бы забраться в кузов машины незаметно для меня, а уж тем более безобразничать с грузом.

— И, разумеется, столь же невероятной представляется вам возможность, что бочку сняли с борта и погрузили вместо нее другую?

— Такое даже вообразить нельзя. Совершенно исключено.

Поблагодарив водителя и отпустив его, все вернулись в кабинет управляющего.

— Стало быть, вот какой представляется мне ситуация, — сказал Лефарж, когда они заняли свои места в креслах. — Бочка покинула ваш двор со скульптурной группой внутри, а в Лондон прибыла с телом мертвой женщины. Подмена должна была произойти где-то в дороге, а показания работников пароходства по-

Смертельный
груз

зволюют нам сузить район и заключить, что ее произвели между Парижем и Руаном.

— Но почему Руаном? — в один голос воскликнули оба представителя фирмы.

— Вероятно, мне следовало выразиться иначе. Подмену совершили в промежуток времени между отправкой бочки отсюда и до погрузки на пароход в порту Руана.

— Боюсь, здесь вы ошибаетесь, — сказал мсье Тома. — Бочка следовала через Гавр. Как и все остальные наши отправления.

— Простите за мое вмешательство, мсье Тома, как и за попытку оспорить ваши слова, — сказал Бернли на не слишком беглом французском языке, — но только наша информация настолько же реальна, как мое собственное присутствие здесь. Как бы ни была отправлена бочка, она совершенно точно прибыла в гавань Лондона на судне «Островного и континентального пароходства», следовавшего из Руана.

— Но это же уму непостижимо! — еще раз изумленно произнес мсье Тома.

Он снова вызвал звонком своего помощника.

— Принесите мне все документы, имеющие отношение к отправке той бочки для мистера Феликса в Лондон тридцатого числа прошлого месяца.

— Вот, извольте убедиться, — сказал он, когда клерк вернулся. — Все записи здесь. А это квитанция, выписанная сотрудниками вокзала Сен-Лазар, обязавшимися доставить бочку пассажирскими поездами сначала до Гавра, а затем от Саутгемптона до Лондона.

— Должен признать, — сказал Бернли, — что теперь я совершенно сбит с толку. Напомните мне, — попросил он после паузы, — что вы сообщили Феликсу, когда он позвонил из Лондона, интересуясь, каким маршрутом отправлена бочка и когда следует ожидать ее прибытия?

— Я информировал его, что груз будет находиться в пути уже вечером тридцатого марта, следуя через Гавр и Саутгемптон.

— Нам лучше побывать на Сен-Лазаре, — сказал Лефарж. — Надеюсь, мсье Тома любезно согласится одолжить эту квитанцию?

— Разумеется, но мне придется просить вас оставить записку об ее изъятии на случай аудиторской проверки.

Они расстались. Детективы не уставали рассыпаться в благодарностях за содействие, обещая держать руководство фирмы в курсе расследования.

Такси доставило их на вокзал, где в кабинете начальника участка железной дороги удостоверение Лефаржа возымело свой обычный магический эффект.

— Пожалуйста, присаживайтесь, господа, — радушно сказал он, — и позвольте узнать, чем я могу быть вам полезен.

Лефарж показал ему квитанцию.

— Дело весьма загадочное, — объяснил он. — Бочка, как вы видите по сведениям, указанным в квитанции, отправлена тридцатого числа прошедшего месяца через Гавр и Саутгемптон в Лондон, но прибыла туда пятого числа сего месяца пароходом «Снегирь», принадлежащим «Островному и континентальному пароходству», из Руана. Содержимым бочки, когда ее запечатали во дворе фирмы «Дюпьер и Си», являлась скульптурная группа, а между тем по прибытии к пристани Святой Екатерины... Что ж, могу сообщить вам этот факт при условии соблюдения конфиденциальности: в конечном пункте маршрута в бочке обнаружили тело убитой женщины.

Железнодорожный чиновник изумленно вскрикнул.

— Теперь вы понимаете, мсье, настоятельную необходимость проследить перемещения бочки как можно более скрытно?

— Конечно же, понимаю. И если вы несколько минут подождете, джентльмены, я смогу снабдить вас хотя бы частью нужной вам информации.

Несколько минут обернулись почти часовым ожиданием возвращения начальника участка.

— Простите, что заставил ждать так долго, — поспешил извиниться он. — По моим сведениям, ваша бочка была доставлена к нам на открытую багажную платформу примерно в 16.15 тридцатого марта. Там она оставалась приблизительно до 19.00 и все время находилась под непосредственным наблюдением одного из наших сотрудников. Это мсье Дюваль — человек

ответственный и надежный. Он заверяет, что бочка постоянно была очень хорошо видна ему из окна кабинета, когда он сидел за своим рабочим столом, и уверен — никто не смог бы незаметно совершить с ней какие-либо манипуляции. Бочка особенно запомнилась ему своей необычной формой, чрезвычайной тяжестью, а также фактом отправки подобного груза пассажирским поездом. Такое случается крайне редко.

Около 19.00 бочкой занялись двое вокзальных носильщиков, поместивших ее в багажный вагон поезда, отправлявшегося к английскому парому в 19.45. Охранник поезда присутствовал при погрузке и должен был неотлучно находиться при вагоне до самого отхода состава. К сожалению, сейчас не его смена, но я пошлю за ним и все узнаю. Как только поезд тронулся, бочка уже никак не могла миновать Гавра. Если бы такое непостижимым образом случилось, при наличии страховки нам бы непременно сообщили об этом. Тем не менее я свяжусь с нашим представителем в Гавре и смогу получить от него детальные сведения уже к утру завтрашнего дня.

— Но как же так, мой уважаемый друг? — воскликнул Бернли, ощущая нечто похожее на безысходность. — Мне доподлинно известно, что бочка прибыла морем из Руана. Я ни на секунду не подвергаю сомнению ваши утверждения, но где-то в них кроется явная ошибка.

— И мне понятны ваши чувства, — с улыбкой сказал железнодорожный чиновник. — Я как раз собирался перейти к наиболее интересной для вас части своего рассказа. Бочка, о которой мы толковали до сих пор, была действительно отправлена вечером тридцатого марта. Но, как я установил, первого апреля к нам для транспортировки поступила другая бочка. Она тоже предназначалась мистеру Феликсу по тому же адресу в Лондоне, а отправителем значилась компания «Дюпьер». Ее должны были перевезти в Руан для последующей погрузки на судно «ОКП». Бочку отправили в тот же вечер, как и положено, товарным поездом. Я попрошу нашего агента в Руане постараться найти ее, но, поскольку не имелось никаких причин задерживать транспортировку или производить переадресацию, ему едва ли это удастся.

Бернли чуть слышно выругался.

— Прошу прощения, сэ,р, но дело все больше запутывается. Значит, бочек было две!

Он издал нечто похожее на стон.

— По крайней мере, — заметил начальник железной дороги, — вы теперь понимаете, как бочка, отправленная по одному маршруту, оказалась доставлена совершенно другим путем.

— Здесь вы правы, и мы крайне признательны за вашу любезность и помощь. Простите за причиненные хлопоты.

— Не стоит благодарности. Если есть еще что-то, чем я могу помочь, сделаю это с удовольствием.

— Нам теперь необходимо только установить транспортное средство, которое доставило к вам вторую бочку.

— Увы, — покачал головой их собеседник, — как вы сами понимаете, такими сведениями я в данный момент не располагаю.

— Да, это предельно ясно. Но вы, вероятно, могли бы разыскать сами или дать возможность нам найти ваших людей, принимавших второй груз. Есть шанс получить немаловажную информацию.

— Сделаю все возможное. Если вы, господа, нанесете мне повторный визит завтра утром, я снабжу вас всеми данными, какие мне удастся собрать.

Сыщики раскланялись. Пересекая просторный зал ожидания, они принялись обсуждать дальнейшие планы.

— Мне хотелось бы немедленно послать телеграмму в Лондон и еще сегодня вечером отправить письмо, — сказал Бернли. — Нужно, чтобы мои коллеги предприняли попытку отследить передвижения еще одной бочки от вокзала Ватерлоо как можно скорее.

— Последняя выемка писем из обычных почтовых ящиков производится в половине седьмого, но если ты опоздаешь, всегда есть специальный английский почтовый вагон, который отправляется с Северного вокзала только в 21.10. Так что у тебя будет достаточно времени сделать это немного позже. А сейчас давай пошлем телеграмму прямо отсюда, а затем посетим отель «Континенталь», чтобы навести справки о твоём друге Феликсе.

Смертельный
груз

Бернли согласился. Отправив телеграмму с вокзала, они взяли такси, доставившее их к отелю «Континенталь». Удостоверение Лефаржа превратило не слишком дружелюбного поначалу управляющего в приветливого и вежливого человека, готового оказать полиции любые посильные услуги.

— Нас интересует мужчина, который, как нам известно, не так давно останавливался здесь, — объяснил цель их визита Лефарж. — Его зовут Леон Феликс.

— Это худошавый джентльмен невысокого роста с черной бородкой и с приятными манерами? — на всякий случай переспросил управляющий. — О да, я хорошо знаю мсье Феликса и всегда с удовольствием общался с ним. Он действительно жил у нас недавно. Позвольте проверить и назвать вам точные даты.

Он на несколько секунд удалился в служебное помещение.

— Мсье Феликс занимал номер с субботы тринадцатого марта до понедельника пятнадцатого марта. Затем вернулся в пятницу двадцать шестого числа, но снова покинул нас двадцать восьмого, чтобы успеть к поезду до Лондона, отправлявшемуся в 8.20 с Северного вокзала.

Детективы обменялись удивленными взглядами.

— Не могли бы вы позволить сопоставить подпись в вашей книге регистрации с имеющимся у меня образцом? — попросил Бернли. — Необходимо в точности определить, тот ли это человек, что нам нужен.

— Разумеется, — ответил менеджер и провел его к себе в контору.

Подписи оказались идентичными. Поблагодарив гостиничного управляющего, детективы вышли на улицу.

— Весьма неожиданная находка, — констатировал Бернли. — Феликс ничего не рассказывал мне о своем пребывании здесь десять дней назад.

— Это наводит на определенные размышления, — отозвался его партнер. — Нам необходимо теперь выяснить, чем он занимался во время визита в Париж.

Бернли кивнул.

— Но мне пора писать отчет, — сказал он.

— Думаю отправиться в Сюрте и тоже подготовить рапорт, — отреагировал на это Лефарж.

Они расстались, договорившись встретиться позже вечером. Бернли написал письмо своему шефу, подробно перечислив события прошедшего дня и включив в текст просьбу организовать проверку еще одной бочки, прибывшей, скорее всего, на вокзал Ватерлоо. Отправив отчет, он посвятил некоторое время изучению письма Феликса, содержавшего заказ на скульптурную группу.

Оно было написано на того же сорта бумаге, что и два отпечатанных на машинке письма, полученных самим Феликсом. Бернли прежде всего проверил водяные знаки и остался полностью удовлетворен. Затем он достал из кармана листок с адресом, который по его просьбе Феликс лично записал в доме на Грейт-Норт-роуд, и сравнил почерки.

На первый взгляд они полностью совпадали, но стоило Бернли присмотреться пристальнее, как уверенности у него поубавилось. Он никак не мог считать себя экспертом почерковедения, но часто работал в тесном контакте с такими специалистами и потому овладел некоторыми из их методов. Применяв знакомые ему приемы, сыщик пришел к выводу, что заказ на скульптуру написал сам Феликс, хотя сомнения в этом все еще оставались. Потом он написал шефу еще одну записку, вложив в конверт оба образца почерка Феликса с просьбой подвергнуть их графологическому анализу.

И только завершив свою работу, отправился на встречу с Лефаржем, чтобы провести вместе с ним остаток вечера.

Глава 13

ВЛАДЕЛИЦА ПЛАТЬЯ

Когда друзья вновь встретились, Лефарж сообщил: — Я виделся с шефом, и он пока не слишком доволен тем, как продвигается следствие. Нашим дамам ничего не удалось установить относительно предметов гардероба. Он уже подумывает о том, чтобы дать объявление, и хочет видеть нас в девять вечера для обсуждения деталей.

Смертельный
груз

К указанному времени они явились в здание штаб-квартиры Сюрте.

— Присаживайтесь, господа, — начал шеф. — Мне нужно проконсультироваться с вами по поводу расследования. В своих попытках установить личность покойницы, что было первоочередной задачей, мы, к сожалению, не преуспели. Три наши сотрудницы проделали превосходную работу, проверяя различные варианты, но безуспешно. Вы обнаружили крайне важные факты, вот только они нисколько не помогают нам решить вышеупомянутую проблему. Теперь, полагаю, нашим следующим шагом будет размещение объявлений в газетах, но мне хотелось бы сначала узнать ваше мнение об этом.

— Какого рода объявления вы имеете в виду, сэр? — поинтересовался Бернли.

— Все, какие только возможны. Мы запросим у публики информацию относительно каждого предмета в отдельности — платья, нижнего белья, колец, заколки для волос и самого тела, обещая всякий раз вознаграждение в размере ста франков.

На несколько секунд воцарилось молчание, которое не слишком решительным тоном нарушил Бернли:

— Мы в Скотленд-Ярде не без опаски прибегаем к подобным объявлениям, если речь не идет об исключительных случаях. По нашему мнению, они способны настроить людей, которые без публичной огласки могли бы так или иначе себя выдать. Но в этом деле объявления — вероятно, кратчайший путь к достижению желаемого результата.

— Лично мне кажется, — вмешался Лефарж, — что даже если существует целая группа отчаянно желающих оставить это убийство нераскрытым, все же гораздо более многочисленную группу составят те, кто охотно откликнется на каждое из объявлений.

— Я придерживаюсь того же мнения, — шеф одобрительно посмотрел на своего подчиненного. — Взять, к примеру, прислугу. Женщина, носившая подобный наряд, несомненно, жила в доме, окруженная несколькими горничными или помощницами по хозяйству. Кому-то из них непременно попадется на

глаза объявление, и описание предмета покажется знакомым. Если работница захочет получить вознаграждение, мы добудем нужную информацию. Кроме того, ни одна служанка не удержится от соблазна поделиться прочитанным со своими подружками, которые могут что-либо знать и непременно придут по указанному нами адресу. Это же относится к продавцам и продавщицам из магазинов. Ни у кого из них нет ни малейших причин скрывать тот факт, что они узнали описанный в объявлении предмет. Да, думаю, нам стоит попробовать. Набросайте для меня несколько черновиков. Текст приблизительно такой: «Вознаграждение в размере ста франков будет выплачено тому, чья информация поможет установить личность женщины, погибшей предположительно тридцатого марта сего года». Разумеется, используйте слово «погибшей», а не «убитой». Затем приведите описание примет тела и заключение: «Обращаться в любой полицейский участок». Другие объявления будут касаться опознания владелицы или покупательницы предметов гардероба и драгоценностей.

— Мне понадобится беседа с тремя нашими дамами, чтобы с их помощью составить самые точные описания, — сказал Лефарж.

— Конечно. Я распоряжусь, и их вызовут для встречи с вами.

Мсье Шове незамедлительно связался с нужным отделом, и уже через несколько минут к нему в кабинет вошли три уже знакомые Бернли женщины-детектива. С их помощью тексты объявлений были написаны в кратчайшие сроки. Шеф прочитал их, одобрил, после чего отдал указание продиктовать по телефону объявления в редакции основных парижских газет, чтобы они появились в печати на следующее же утро. Копии объявлений направили в несколько глянцевого журналов, посвященных модам на ювелирные изделия и предметы для украшения женских причесок, с просьбой найти для текстов место в ближайших номерах.

— Между прочим, — спохватился шеф, когда дамы удалились, — я получил ответы на наши вопросы относительно лотереи. Мсье Ле Готье сказал чистую правду.

Он действительно отправил чек в уплату за билеты в названный им день, а тираж состоится только в четверг на следующей неделе. Таким образом, все указывает на то, что мы имеем дело с честным человеком, не имеющим к письму, адресованному Феликсу, никакого отношения. А теперь относительно планов на завтрашний день. Что вы можете предложить?

— Прежде всего, мсье, мы посчитали необходимым вернуться на вокзал Сен-Лазар и узнать, не получил ли начальник участка железной дороги новой информации для нас. Затем следует предпринять попытку выяснить происхождение бочки, отправленной через Руан.

— Очень хорошо. А я тем временем попробую ухватиться за другую нить, хотя она не выглядит особо перспективной. Отправлю пару своих агентов по ателье модных фотографов, вручив им копии сделанного мистером Бернли снимка. Быть может, кому-то из них жертва в свое время позировала для портрета. Конечно, предпочтительнее, чтобы этим занялись вы сами, — он вздохнул и посмотрел на Бернли, — поскольку лично видели тело. Итак, на сегодня все, насколько я понимаю? Тогда спокойной вам ночи.

— Кажется, бремя работы ненадолго снято с нас, — сказал Лефарж, как только они вышли из кабинета шефа. — Я собирался предложить развлечься в кабаре «Фоли-Бержер». Если для тебя еще не слишком поздно, разумеется. Что скажешь?

— С удовольствием приму твое приглашение, — ответил Бернли, — но только мы заглянем туда не более чем на час, ладно? Чтобы полноценно работать, мне необходимо хорошенько выспаться.

— Будь по-твоему, — кивнул Лефарж и тут же поймал такси, доставившее двух приятелей к знаменитому на весь мир мюзик-холлу...

Утром Лефарж заехал за Бернли в отель, и они вместе отправились к своему знакомому на вокзале Сен-Лазар.

— Должен вас обрадовать, господа, — сразу же заявил тот, приглашая гостей присаживаться. — Мне удалось добыть необходимые сведения. — После чего он взял

со стола какие-то бумаги. — Вот, например, расписка от приемщика с судна из Саутгемптона в получении того, что мы можем назвать бочкой номер один. Она была выдана в 19.47 по прибытии в порт груза, отправленного с этого вокзала тридцатого марта. А здесь, — он показал им почти такой же листок, — квитанция на бланке «Островного и континентального пароходства» в получении бочки номер два, так же вывезенной с моего вокзала товарным поездом первого апреля, а принятой на борт корабля только третьего числа. Кроме того, наш распорядитель на товарном дворе Сен-Лазара, куда въезд со стороны рю Кардине, уведомил меня, что разыскал рабочих, помогавших разгружать бочку номер два, когда ее привезли туда. При желании вы сможете с ними встретиться прямо сейчас.

— Не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность, мсье, — сказал Лефарж. — Ваша помощь поистине неоценима.

— Спешу заверить, что мне это доставляет исключительное удовольствие.

Обменявшись всеми возможными любезностями, они расстались. Сыщики на метро добрались до Батиньоля, а потом прошли по рю Кардине до обширной товарной станции Сен-Лазар.

Там они представились агенту-распорядителю, уже ожидавшему их. Он провел детективов длинными проходами, минуя широкий двор, где происходило непрестанное движение транспорта, к длинному ряду пакгаузов с общей площадкой для погрузки и выгрузки. Подозвав двоих рабочих в синих спецовках, он дал им указание отвечать на любые вопросы детективов, после чего извинился и ушел по своим делам.

— Как вы поняли, парни, — вступил в разговор Лефарж, — мы крайне нуждаемся в информации, а вас ожидает премия в несколько франков, если поможете нам.

Работяги выразили готовность сообщить все, что им известно.

— Вы помните, как первого числа этого месяца, то есть в четверг на прошлой неделе, разгружали бочку, предназначенную для отправки мистеру Феликсу в Лондон морским путем через Руан?

— Конечно, мы помним ту бочку, — ответили двое рабочих почти в один голос.

— Но вам, должно быть, приходится разгружать сотни бочек. Почему же запомнилась именно эта?

— Если вам, мсье, довелось бы самому кантовать ту бочку, — ответил один из грузчиков, — вы бы ее тоже надолго запомнили. Она оказалась на редкость тяжелой, такие нечасто попадаются. И форма у нее была странная. Почти без выпуклости посередке.

— В котором часу ее привезли сюда?

— Где-то вскоре после шести вечера, мсье. Минут в пять или десять седьмого.

— Как вам удалось столь точно зафиксировать время?

— Видите ли, мсье, — ответил один из них с улыбкой, — в половине седьмого у нас заканчивалась смена, и мы уже поглядывали на часы.

— Можете сказать, кто именно доставил ее на товарную станцию?

На сей раз рабочие лишь пожали плечами.

— Увы, мсье, ничем не можем помочь, — снова ответил тот, что был разговорчивее. — Кучера мы бы узнали, повстречайся он нам вновь, но где живет и на кого работает, нам не известно.

— Тогда хотя бы опишите его.

— Охотно, мсье. Это был низенький, худощавый, остролицый и какой-то болезненный с виду мужчина. Волосы седые, лицо чисто выбритое.

— Что ж, попрошу вас проявить наблюдательность. Когда кучер появится снова, узнайте, кто он, и дайте знать. Вот мой адрес. Если получится, вознаграждение составит пятьдесят франков.

А пока Лефарж, заручившись обещаниями рабочих выполнить просьбу, выдал каждому по пять франков.

— Вероятно, по поводу кучера тоже придется дать объявление, — заметил Бернли, когда они возвращались в сторону Клиши.

— Лучше будет сначала связаться со штаб-квартирой, — отозвался Лефарж, — и узнать мнение шефа. Если он одобрит идею, поместим объявление уже в сегодняшних вечерних газетах.

Бернли его поддержал, и после краткой остановки на обед они позвонили в Сюрте с ближайшего общественного телефона.

— Это Лефарж? — спросила телефонистка с коммутатора. — Шеф просил вас вернуться к нему незамедлительно. У него есть для вас новости.

Они на метро добрались от станции «Клиши» до «Шатле» и вошли в здание Сюрте, когда часы пробили два. Мсье Шове был у себя в кабинете.

— А, вот и вы! — воскликнул он, лишь только заведя детективов. — Мы получили отзыв на объявление по поводу платья. Около одиннадцати часов утра нам позвонили сотрудники заведения мадам Клотильды, расположенного рядом с Пале-Рояль, заявив, что, возможно, платье было куплено у них. Мы сразу же отправили туда мадемуазель Лекок, занимавшуюся одеждой покойной, и примерно с час назад она вернулась. Платье продали в феврале мадам Аннетте Буарак, проживающей на углу авеню де л'Альма и рю Сен-Жан неподалеку от американской церкви. Вам лучше сейчас же отправиться по этому адресу и навести необходимые справки.

— Слушаюсь, мсье, — сказал Лефарж, — но прежде чем уйти, хотел бы решить вопрос, связанный с бочкой.

Он коротко рассказал о том, что им удалось выяснить, и об идее дать объявление с приметами кучера.

Мсье Шове лишь приготовился ответить, когда раздался стук в дверь и вошел мальчик-посыльный, принесший визитную карточку.

— Внизу дожидается господин, желающий встретиться с вами, мсье, по весьма неотложному делу, — сказал он.

— Вот те на! — воскликнул изумленный шеф. — Знаете, что здесь написано? — Он прочитал текст на карточке. — «Мсье Рауль Буарак. Рю Сен-Жан, дом 1 (угол авеню де л'Альма)». Как я полагаю, мы сейчас увидим мужа Аннетты. Наши объявления дают обильные плоды. Вам обоим в таком случае нужно задержаться здесь, — а потом добавил, обращаясь к мальчику: — Пусть гость еще недолго подождет.

Он взялся за телефон, нажал одну из кнопок на подставке и сказал:

— Пришлите ко мне немедленно мадемуазель Жубер.

Спустя минуту в комнату вошла молодая стенографистка. Мсье Шове указал ей в угол кабинета, где Бернли ранее заметил ширму, поставленную так, чтобы она не слишком мешала и не бросалась в глаза.

— Мне нужно, чтобы вы записали каждое слово предстоящего разговора, мадемуазель, — распорядился шеф. — Пожалуйста, ничего не упустите и не привлекайте к себе внимания.

Девушка кивнула, а шеф, как только она заняла место за ширмой, снова обратился к посыльному:

— Теперь я готов принять его.

Вскоре в кабинет вошел мсье Буарак. Это был плотного сложения, но не слишком рослый мужчина, еще не достигший среднего возраста, с густыми черными волосами и с небольшими, аккуратно постриженными усами. На его лице запечатлелось напряженное выражение, словно он переживал острую физическую или душевную боль. Одет он был во все черное, а его манеры отличала спокойная сдержанность.

Мсье Буарак оглядел помещение, а потом, когда Шове поднялся, чтобы приветствовать его, церемонно поклонился.

— Вы — шеф Сюрте? — спросил он и в ответ на утвердительный кивок Шове, одновременно жестом пригласившего визитера присесть, продолжил: — Я приехал к вам, мсье, по весьма щекотливому делу и надеялся на встречу наедине. — Он чуть замялся, но пауза оказалась краткой. — Однако, насколько я понимаю, эти господа пользуются полнейшим доверием с вашей стороны?

Он говорил медленно, стараясь как можно четче произносить каждое слово, словно сначала обдумывал, насколько оно подходит по смыслу, и лишь потом использовал его.

— Если ваше дело, мсье, связано с недавним и весьма прискорбным исчезновением вашей жены, — отозвался Шове, — то эти господа являются детективами, которым поручено расследование, а потому их присутствие, я полагаю, пойдет только на пользу.

Мсье Буарак неожиданно вновь вскочил. Внешнее спокойствие изменило ему, эмоции прорвались наружу.

— Значит, это все же она? — спросил он сдавленным голосом. — Вы точно знаете? Судя по объявлению, я посчитал такое возможным, но ни в чем не был уверен. Надеялся на вероятность ошибки... Но сомнений не осталось, я правильно вас понял?

— Я сообщу обо всем, что нам известно, мсье Буарак, а вы сможете сами сделать выводы. Прежде всего вот фотография найденного нами тела.

Буарак взял снимок и взгляделся в него очень пристально.

— Это она, — хрипло пробормотал он. — Она, никаких сомнений.

Обуреваемый волнением, голос его прервался, а остальные из уважения к чувствам Буарака тоже какое-то время хранили молчание. Затем не без заметного усилия он продолжил, но теперь перешел почти на шепот.

— Скажите мне, — голос дрогнул, а слова давались ему с все большим трудом, — отчего у нее столь ужасный вид? Что за жуткие пятна у нее на шее? Откуда они взялись?

— С величайшим сожалением и состраданием должен сообщить, мсье Буарак, что вашу жену почти наверняка умертвили путем удушения. Кроме того, вам следует знать: к моменту, когда сделали это фото, она уже была мертва несколько дней.

Буарак буквально упал в кресло и закрыл лицо ладонями.

— О боже! — воскликнул он. — Моя бедняжка Аннетта! Хотя у меня не было причин любить ее, я все же испытывал к ней искреннюю привязанность. Господь свидетель, я ее любил вопреки всему. И теперь, когда потерял ее, чувствую это даже сильнее. — Он говорил по-прежнему очень тихо, снова прервался, а потом попросил: — Расскажите же мне все подробности, о которых вам известно.

— Боюсь, детали повергнут вас в еще больший шок, мсье, — сказал шеф проникновенным тоном с нотками сочувствия. — Лондонская полиция обратила внимание на странную бочку. Не стану вдаваться в объяснения, чем это было вызвано, но у наших английских коллег зародились подозрения. На бочку наложили арест и вскрыли. Внутри обнаружили тело.

Гость оставался сидеть, прикрыв лицо руками. Но через несколько секунд поднялся и посмотрел на Шове.

— У вас уже есть улики? — спросил он, почти задыхаясь. — Вы напали на след злодея, который это сделал?

— У нас несколько версий, — ответил шеф, — но пока только начали отрабатывать каждую из них. Уверен, уже скоро нам удастся схватить убийцу. А пока, чтобы получить дополнительное подтверждение и не оставить места сомнениям, не сочтите за труд провести опознание одежды.

— Ее одежды? О, молю вас, избавьте меня от такой необходимости! Хотя я понимаю, что без этого никак не обойтись.

Мсье Шове снова позвонил по телефону и распорядился прислать предметы гардероба покойной к нему в кабинет. Драгоценности были пока недоступны для опознания, поскольку мадемуазель Блез все еще объезжала с ними ювелирные магазины и мастерские.

— О, горе мне! Да, — воскликнул мсье Буарак, увидев платье, — наряд принадлежал ей. Она надела его в тот вечер, когда ушла из дома. Теперь ни в чем сомневаться не приходится. Это моя несчастная, запутавшаяся и наделавшая глупостей Аннетта!

— Мне бы крайне не хотелось причинять вам излишние страдания, мсье Буарак, но я обязан просить вас оказать нам любезность и рассказать все, что вам известно об обстоятельствах исчезновения жены. Должен представить вам присутствующих здесь джентльменов. Мистер Бернли является инспектором полиции Лондона, а мсье Лефарж — наш сотрудник. Они ведут следствие по делу совместными усилиями. А потому можете говорить при них совершенно свободно.

Мсье Буарак раскланялся с сыщиками.

— Я расскажу вам обо всем, господа, но только прошу заранее простить за некоторую сбивчивость. У меня сейчас полнейшая путаница в голове.

Шове подошел к шкафчику, из которого достал небольшую плоскую бутылку с бренди (для француза было бы логичнее достать коньяк).

— Мы прекрасно понимаем, в каком вы состоянии, — сказал он. — А потому позвольте предложить вам немного выпить.

Шеф наполнил рюмку из толстого стекла.

— Благодарю вас, мсье, — с признательностью произнес гость, выпив спиртное, как принимают лекарство.

Оно действительно помогло Буараку собраться с мыслями, и он снова превратился в уравновешенного человека, пришедшего по важному делу. Ему удавалось держать себя в руках, пока он излагал свою историю, ни разу не позволив эмоциям захлестнуть себя, хотя временами становилось очевидно, что от него требовалась огромная сила воли для сохранения контроля. Гораздо более уверенным тоном он начал свои показания, а трое собеседников, удобнее устроившись в креслах, внимательно слушали его.

Глава 14

ПОКАЗАНИЯ МСЬЕ БУАРАКА

— Вам известны мое полное имя и адрес, — начал Буарак. — Если говорить о профессии, то я являюсь исполнительным директором компании «Эврот», производящей промышленные насосы, основное предприятие которой находится на рю Шампионнэ рядом с гаражом городских омнибусов. Меня можно считать хорошо обеспеченным человеком. Мы с женой окружили себя полным комфортом, причем Аннетта имела возможность вести светский образ жизни, вращаясь в высших кругах общества.

В субботу двадцать седьмого марта — то есть сегодня с того дня минуло две недели — мы давали званый ужин у себя на авеню де л'Альма. Нашим главным гостем был посол Испании, в дом которого моя жена получила приглашение, когда годом ранее побывала в Мадриде. Среди прочих присутствовал и мсье Леон Феликс, давний приятель жены, живущий в Лондоне, но оказавшийся в Париже по каким-то своим делам. Все

Смертельный
груз

гости собралась, и мы начали трапезу, но, к сожалению, когда ужин далеко еще не закончился, мне показали переданную по телефону записку с работы. В ней говорилось, что произошла серьезная авария, требовавшая моего незамедлительного приезда. Ничего не оставалось, кроме как извиниться перед гостями и сразу же их покинуть, хотя я обещал скоро вернуться.

Добравшись до завода, я выяснил, что огромная литая деталь мотора для насоса мощностью в двести лошадиных сил, работу над которой должны были закончить в выходные, сорвалась с крепежа, соскользнула вниз, став причиной смерти одного человека и сильно поранив еще двоих. Один из цилиндров мотора раскололся, а деталь оказалась зажатой между стеной цеха и массивным колесом маховика, не поддаваясь на все наши усилия вернуть ее на прежнее место.

Как только я понял всю опасность положения, то немедленно позвонил домой и предупредил, что вернусь очень поздно и никак не смогу насладиться в тот вечер обществом гостей. Однако нам удалось справиться с проблемой значительно быстрее, чем ожидалось, и еще не было одиннадцати, когда я смог покинуть завод. Не сумев поймать такси, я дошел до станции метро «Симплон». Как вы понимаете, мой маршрут домой предусматривал пересадку на «Шатле», где я и вышел из вагона. Но стоило мне сделать это, как кто-то похлопал меня по спине. Обернувшись, я узнал своего хорошего американского знакомого по имени Майрон Бертон, в свое время мы жили в одном отеле в Нью-Йорке и успели подружиться. Мы немного поговорили, потом я поинтересовался, где он остановился в Париже и пригласил к себе домой. Он отказался, объяснив, что уже в 00.35 должен отбыть в Орлеан с вокзала Орсе. Майрон спросил, не пожелаю ли я проводить его и выпить по стаканчику в привокзальном ресторане. Я сначала колебался, но потом вспомнил, что дома меня все равно уже не ждут. И мы отправились на прогулку. Ночь выдалась теплой, на редкость приятной, и мы двигались вдоль набережных Сены, получая немалое удовольствие, но оказались у моста Руаяль слишком рано — еще не про-

било без четверти двенадцать. Бертон предложил немного продлить прогулку, что мы и сделали, совершив круг через площадь Согласия и нижнюю оконечность Елисейских Полей. Поглощенные интересной беседой, мы потеряли счет времени и вновь оказались у вокзала всего за минуту до отхода поезда. К сожалению для моего друга, нам пришлось забыть о бокале вина, которым он собирался меня угостить. Я не чувствовал усталости и решил не спеша дойти до дома, однако на полпути меня застиг дождь. Поиски такси опять не увенчались успехом, и теперь уже невольно я вынужден был продолжить свой путь пешком, оказавшись у дверей квартиры около часа ночи. В холле меня встретил Франсуа — дворецкий. Мне показалось, что он чем-то взволнован.

«Еще десяти минут не прошло, мсье, как я услышал щелчок замка входной двери, — сказал он, помогая мне снять плащ. — А потому я встал с постели и решил выяснить источник этого звука».

«Встали с постели? — удивился я. — Но почему вы вообще осмелились лечь спать до моего возвращения?»

«Так распорядилась мадам, хозяин. Около половины двенадцатого она сказала, что вы вернетесь очень поздно и потому одна дождетя вас».

«Хорошо, — сказал я, — но где же сама мадам?»

Он замялся, а потом признался, что не знает.

«Что значит — вы не знаете? — Я начал не на шутку сердиться. — Она тоже уже легла спать?»

«Нет, мсье, спать она не ложилась», — ответил слуга.

Надо вам сказать, господа, что я не отношусь к числу людей, наделенных даром живого воображения, но внезапно меня охватили самые недобрые предчувствия. Я поспешил сначала в большую гостиную, а потом осмотрел комнату, где любила уединяться жена. Но не нашел ее. Затем я вспомнил, как часто она допоздна могла ждать меня в моем собственном кабинете. Но там тоже никого не было, и я уже собирался выйти, когда заметил на своем столе письмо, которого не видел там прежде вечером. На конверте значилось мое имя, написанное рукой Аннетты, и с ощущением, что у меня вот-вот остановится сердце, я достал послание и прочитал его.

С этими словами он протянул шефу лист бумаги кремового оттенка. В кратком письме без указания даты женским почерком было выведено следующее:

Я не прошу у тебя прощения, Рауль, за то, что собираюсь сделать этой ночью, поскольку чувствую себя не вправе ожидать понимания и прощения. Это было бы чересчур самонадеянно с моей стороны. Но ты должен поверить: боль и муки, которые я неизбежно причиню тебе, разрывают душу мне самой. Ты неизменно проявлял ко мне справедливость и доброту, свойственные твоему характеру, но мы оба прекрасно знаем, Рауль, что никогда по-настоящему не любили друг друга. Ты влюблен в свою работу, в свое собрание произведений искусства, а я полюбила Леона Феликса, и вот — ухожу к нему. Я попросту исчезну, и ты никогда больше обо мне не услышишь. Надеюсь, тебе удастся добиться развода, а потом обрести счастье с более достойной женщиной.

Прощай, Рауль, и, пожалуйста, не думай обо мне хуже, чем я того заслуживаю.

Аннетта.

Мсье Буарак сидел с поникшей головой, низко опустив плечи, пока полицейские читали послание, принесшее ему столько печали. Им снова овладели эмоции, и на какое-то время в кабинете шефа воцарилось тягостное молчание. Солнечные лучи ярко сияли сквозь окно, не ведая, что такое подлинная трагедия, освещая согбенную фигуру в кресле и безжалостно подчеркивая те детали, каким лучше было бы оставаться в тени, — от капелек пота над сдвинутыми густыми бровями до судорожно сцепленных и побелевших рук, которые он старался спрятать под краем письменного стола. Собеседники терпеливо ждали, и Буарак усилием воли овладел собой, чтобы продолжить:

— От столь неожиданного удара я был сам не свой, но инстинктивно понимал необходимость вести себя так, словно ничего не случилось. Стоило мне немного оправиться от первоначального шока, я окликнул Франсуа, все еще остававшегося в холле:

«Все в порядке, Франсуа. Мадам написала мне записку. Ей пришлось поспешить на поезд в Швейцарию. Она получила уведомление, что ее мать при смерти».

Дворецкий отозвался своим обычным тоном, но я сразу заметил, что он не поверил ни одному моему слову. От тоски и сочувствия в глазах слуги мне снова чуть не сделалось дурно. Но я пытался разговаривать с ним как можно небрежнее и спокойнее.

«Не знаю только, успела ли Сюзанна помочь ей одеться в дорогу. Пришлите ее ко мне, а сами потом можете укладываться спать».

Сюзанна служила горничной Аннетты, и как только она вошла в кабинет, по ее испуганному и смущенному виду я догадался, что ей обо всем известно.

«Сюзанна, — сказал я тем не менее, — мадам пришлось неожиданно и очень срочно отбыть в Швейцарию. И потому она отправилась на вокзал, не имея времени упаковать чемоданы. Надеюсь, ей хотя бы удалось потеплее одеться перед отъездом?»

Девушка отвечала мне без промедления, но с нервическим страхом в голосе:

«Я только что заглянула в ее комнату, мсье. Мадам надела шубу, шляпу и пару теплой обуви. Вечерние туфли, в которых она ужинала, остались там, где она их сбросила. Меня она не вызывала, чтобы помочь, и я даже не слышала, как она покинула дом».

К тому времени я окончательно справился с эмоциями и уже успел наскоро продумать свой план.

«Что ж, не беда, — сказал я. — В таком случае упакуйте завтра с утра ее чемоданы, чтобы я смог отправить багаж ей вслед. Она остановится в доме матери, где сможет одолжить все необходимое до прибытия собственных вещей».

Франсуа по-прежнему не находил себе места от беспокойства и слонялся по дому. Мне пришлось строго приказать слугам идти немедленно спать, чтобы в одиночестве постараться понять, что же реально произошло. Но мне не следует чрезмерно утомлять вас содержанием своих долгих раздумий. Несколько дней я просто с ума сходил, а потом сумел взять себя в руки. Сюзанну я отправил домой, сказав, что, по со-

общению от мадам, она наняла одну из горничных своей матери.

Мсье Буарак сделал паузу.

— Мне кажется, — сказал он через некоторое время, — это все, что я могу вам сообщить, мсье шеф. С той ужасной ночи и до момента, когда пару часов назад мне на глаза попало ваше объявление в «Фигаро», я действительно ничего не слышал ни о своей жене, ни о Феликсе.

Буарак поведал свою историю просто и прямо, и манера этого человека держать себя только подчеркивала очевидную правдивость его слов. Показания звучали убедительно и поневоле заставляли проникнуться сочувствием к мужчине, который хранил верность жене, но был жестоко ею предан. Первым заговорил Шове:

— Хотелось бы выразить вам, мсье Буарак, глубочайшее сожаление в связи со случившимся и с необходимостью сделать заявление, явно все еще причиняющее вам душевные муки. Печально и то, что развитие событий сделало теперь окончательно невозможным держать дело в тайне от широкой публики. Разумеется, мы уже начали поиски убийцы. А вас не смею больше задерживать. Попрошу только повторить для нас некоторые имена и еще раз назвать точное время происшествий, чтобы ваше заявление приобрело законченный вид.

— Благодарю вас за понимание и сочувствие, мсье.

Шеф продолжил:

— Прежде всего ваш адрес... Хотя он указан на визитной карточке. Затем... Мне, вероятно, лучше облечь это в форму вопросов. На какое время был назначен ужин?

— На семь сорок пять.

— А в котором часу пришел срочный вызов с работы?

— Без четверти девять.

— И вы прибыли на завод...

— Примерно в девять пятнадцать, как мне помнится. Я не особенно следил за временем. Дошел до Елисейских Полей и взял такси.

— Если я правильно понял, вы сказали, что позвонили домой почти сразу и сообщили жене о необходимости своей долгой отлучки?

— Вероятно, так прозвучали мои слова, хотя это не совсем точно. По прибытии на завод я незамедлительно занялся оценкой происшедшей аварии и последствий, которые она причинила, затратив на это некоторое время. Правильнее будет сказать, что звонок домой я сделал около десяти часов.

— Но вам неожиданно удалось освободиться уже в одиннадцать?

— Совершенно верно.

— Значит, своего американского друга вы должны были встретить примерно в двадцать минут двенадцатого?

— Да, думаю, около того.

— Так. Теперь о вашем друге. Нам нужно его полное имя и адрес.

— Его имя я уже назвал. Майрон Х. Бертон. Но вот с адресом помочь не могу, поскольку не знаю его.

— Быть может, вам известен рабочий адрес?

— Его я тоже не знаю. Мы с Майроном познакомились в отеле во время моей поездки в Нью-Йорк. Мы сыграли с ним несколько партий на бильярде и стали в известной степени дружны, но сошлись не так близко, чтобы делиться подробностями семейной жизни.

— Когда произошло ваше знакомство?

— Летом 1908... нет, 1909 года, то есть около трех лет назад.

— В каком отеле?

— «Гудзон вью». В том, что сгорел в прошлое Рождество.

— Да, я слышал об этом ужасном пожаре. Ваш друг отправился в Орлеан поездом в 00.35. Наверное, он оставался там?

— Нет. Ему предстояла пересадка, но куда дальше, он не сказал. А про пересадку я узнал, потому что спросил, отчего он выбрал такой странный поезд, прибывавший в Орлеан в 4.30 утра. На мой взгляд, лучше было бы провести ночь в Париже, а утром сесть в экспресс, дорога на котором занимает всего два часа.

— Впрочем, все это не имеет особого значения. Нам осталось только записать фамилию и адрес бывшей горничной вашей супруги.

Буарак покачал головой.

— Простите, но и этой информацией я не располагаю. Для меня она была просто Сюзанной. Хотя осмелюсь предположить, что Франсуа или кто-то еще из прислуги может знать о ней больше.

— В таком случае, с вашего дозволения, я отправлю нашего человека для осмотра дома и наведения необходимых справок. Должен подчеркнуть, мсье Буарак, что мы весьма признательны за полученную от вас информацию. Но встает вопрос о формальном опознании тела. У меня нет никаких сомнений после сказанного вами, что это тело вашей жены, но закон предписывает лично опознать ее. Не могли бы вы совершить с этой целью краткий визит в Лондон? Насколько я понимаю, погребение еще не могло состояться.

Буарак поежился от явного дискомфорта. Поездка представлялась ему крайне нежелательной.

— Не скрою, я бы предпочел никуда не ездить. Но поскольку вы назвали это необходимой формальностью, выбора у меня, по всей видимости, не остается.

— Мне очень жаль. В данном случае без этого никак не обойтись. Личный осмотр предусмотрен процедурой опознания, исключаяющей возможность ошибки. И позвольте поделиться своим мнением — вам было бы лучше покончить с этой прискорбной обязанностью как можно скорее. Отправляйтесь при первой же возможности.

Гость только пожал плечами.

— Если поездка неизбежна, то почему бы не совершить ее незамедлительно? Я пересеку пролив сегодня же и явлюсь в Скотленд-Ярд, скажем, к одиннадцати часам утра завтра. Мне нужно именно в Скотленд-Ярд, не правда ли?

— Да, мсье. Очень хорошо. Я позвоню их руководству, чтобы вашего прибытия ожидали все участники процедуры.

Шеф поднялся, пожал посетителю руку и попрощался. Мсье Буарак покинул кабинет. Как только он вышел за дверь, Шове вскочил с места и подошел к ширме.

— Срочно подготовьте полдюжины копий этого заявления, а также вопросов и ответов на них, мадемуазель. Можете воспользоваться помощью других девушек.

Затем он повернулся к двум детективам:

— Что ж, господа, мы только что выслушали весьма занимательную историю, и как бы мы ее ни воспринимали, наш долг состоит прежде всего в том, чтобы детально проверить ее. Думаю, вам лучше, не мешкая, отправиться на авеню де л'Альма и встретиться с упомянутым Франсуа, по возможности, еще до того, как мсье Буарак сам вернется домой. Общитесь дом в поисках любых улик. В первую очередь нам нужен другой образец почерка жены Буарака. Кроме того, попытайтесь найти бывшую горничную. Я же тем временем предприму кое-какие другие шаги. Жду вас, как обычно, к девяти для доклада о ходе расследования.

Глава 15

ДОМ НА АВЕНЮ ДЕ Л'АЛЬМА

Бернли и Лефарж сели в трамвай, маршрут которого проходил вдоль набережных, и вышли на остановке у моста Альма, откуда пошли вдоль авеню пешком. Дом действительно стоял на углу, фасадом на авеню, хотя парадный вход располагался со стороны более узкой боковой улочки. Здание относилось к эпохе позднего Возрождения, построенное из неровно обработанного серого камня с изящными лепными оконными проемами, с декоративными элементами из красного песчаника и с обычной для Парижа мансардой под крышей.

Мужчины поднялись по ступеням элегантного крыльца. Справа располагались окна большой комнаты, угол которой выходил на обе улицы.

— На мой взгляд, это помещение слишком хорошо просматривается отовсюду, — заметил Бернли. — Если это гостиная — а судя по мебелировке, так оно и есть, — любой, кто подойдет к входной двери, сможет сразу увидеть всех, кто находится внутри.

— Но, с другой стороны, — возразил Лефарж, — хозяйка тоже будет заранее знать о прибытии гостя и сможет подготовиться к визиту.

Дверь им открыл престарелый мужчина с типичной для дворецкого внешностью, его ухоженное лицо излучало респектабельность и добропорядочность. Лефарж показал ему удостоверение.

— К сожалению, мсье Буарака нет сейчас дома, — предельно вежливо сказал слуга, — но вы, вероятно, без труда найдете его на заводе, расположенном на рю Шампионнэ.

— Благодарю за информацию, — ответил Лефарж, — но мы только что побеседовали с мсье Буараком, и на самом деле нам хотелось встретиться именно с вами.

Дворецкий провел их в небольшую гостиную позади прихожей.

— Слушаю вас, господа.

— Вам уже довелось прочитать в утренних газетах объявление по поводу установления личности погибшей дамы?

— Да, я ознакомился с ним, мсье.

— Весьма сожалею, но все указывает на то, что покойная была вашей хозяйкой.

Франсуа печально покачал головой.

— Мне сразу пришла в голову эта пугающая мысль, мсье, — произнес он совсем тихо.

— Мсье Буарак тоже прочитал объявление. Он недавно сам пришел в Сюрте и по предъявленным ему материалам произвел идентификацию, не оставившую сомнения. Дело тем более прискорбное, поскольку вынужден с сожалением поставить вас в известность, что мадам была убита, причем убита зверски. Вот почему мы явились сюда, заручившись разрешением мсье Буарака, чтобы навести необходимые справки и проверить факты.

Лицо престарелого дворецкого заметно побледнело.

— Убита! — повторил он хриплым шепотом. — Этого не может быть. Ни один из тех, кто знал ее, не смог бы пойти на такое. Мадам пользовалась всеобщей любовью. Она воплощала в себе ангельскую доброту.

Этот человек говорил с большим и искренним чувством, поддавшись нахлынувшим эмоциям.

— Что я могу сказать, мсье? — продолжил он после паузы. — Любую помощь в поимке преступника окажу вам с подлинным рвением. И желаю скорейшего успеха в расследовании.

— Я тоже надеюсь на успех, Франсуа. По крайней мере, мы сделаем для этого все возможное. А сейчас, пожалуйста, ответьте на наши вопросы. Вы помните, как мсье Буарака вызвали на работу примерно без четверти девять в субботу двадцать седьмого марта в разгар званого ужина? Это случилось именно тогда?

— Все верно, мсье.

— И он уехал сразу же?

— Немедленно, мсье.

— А в половине одиннадцатого позвонил и сказал, что вернется только очень поздно. Это время указано точно?

— Как мне кажется, он позвонил несколько раньше. По-моему, он сделал это вскоре после десяти часов, а быть может, еще и десяти не пробило.

— То есть около десяти часов вечера? Так вы полагаете? Не могли бы вы дословно передать, что он тогда сообщил?

— Он сказал, что авария оказалась очень серьезной и ему придется задержаться надолго. А домой он, вероятно, прибудет только к утру.

— Вы, соответственно, сразу же обо всем доложили хозяйке, не так ли? Гости могли слышать ваш с ней разговор?

— Нет, мсье, однако мадам сама почти сразу огласила новости вслух.

— Что произошло потом?

— Уже вскоре — около одиннадцати или четверти двенадцатого — гости начали разъезжаться по домам.

— Все сразу?

Дворецкий замялся.

— Задержался только один. Некий мсье Феликс. Он дождался отъезда всех остальных. Это ему позволяла роль друга семьи. Все прочие были не более чем хорошими знакомыми.

— И как долго он оставался в этом доме после общего разъезда?

Франсуа теперь выглядел определенно смущенным и колебался с ответом.

— Если честно, то я не знаю, мсье, — сказал он медленно и нерешительно. — Понимаете, случилось вот что.

В тот вечер у меня разыгралась сильная мигрень, и мадам спросила, хорошо ли я себя чувствую — замечать подобные вещи в ее характере. Потом велела мне отправляться в постель, не дожидаясь возвращения хозяина. Мсье Феликс, по ее словам, задержится, только чтобы взять какие-то книги, после чего сам выйдет из дома.

— И вы легли спать?

— Да, мсье. Я поблагодарил ее за заботу и вскоре удалился к себе.

— Что значит — вскоре?

— Примерно через полчаса.

— А мсье Феликс к тому времени уже ушел?

— Нет, мсье, он еще оставался здесь.

— Что было дальше?

— Я заснул, но примерно час спустя внезапно проснулся. Мне стало заметно лучше, и я решил пойти проверить, не вернулся ли хозяин, и посмотреть, заперт ли дом как следует. Встал и направился в сторону холла, но как только приблизился к лестнице, услышал звук захлопнувшейся двери. Должно быть, мсье как раз вернулся, подумалось мне. Но из прихожей не доносилось больше никакого шума, и я спустился удостовериться, что ничего не произошло.

— Ну и...

— Там никого не оказалось, и потому я прошелся по другим комнатам. Нигде не было ни души, хотя везде горел свет. Странно, отметил я про себя и пошел к Сюзанне, горничной мадам, которая все еще ждала ее последних распоряжений. Я спросил, легла ли уже мадам. «Нет», — ответила она. «Однако на первом этаже ее нигде не видно, — заметил я. — Тебе лучше подняться и посмотреть, не в своей ли она спальне». Она ушла, но уже скоро спустилась вниз с немного испуганным видом. Сообщила мне, что в спальне мадам тоже нет, а ее шубка, шляпа и пара уличной обуви отсутствуют. Ее вечерние туфли валялись на полу там, где она их сняла. Я поднялся вместе с горничной, чтобы все осмотреть, но затем услышал, как открывается замок входной двери. Теперь мсье Буарак действительно вернулся, и пока я помогал ему снять плащ и шляпу, рассказал о странном

звук закрывавшейся двери. Он спросил, где мадам, и я ответил, что не знаю. Мсье отправился искать ее и в своем кабинете нашел записку, как я полагаю, оставленную ею. Прочитав записку, хозяин не задавал больше никаких вопросов, уведомив нас, что мадам пришлось срочно уехать в Швейцарию к своей матушке, которая тяжело заболела. Однако, когда два дня спустя он уволил Сюзанну, я догадался: мадам уже не вернется.

— В котором часу вернулся мсье Буарак домой?

— Около часа ночи или чуть позже.

— Его плащ и шляпа были мокрыми?

— Не слишком, мсье, но он явно какое-то время шел пешком под дождем.

— Вы случайно не проводили проверку, не пропало ли из дома что-то еще из вещей?

— Да, проводили, мсье. Мы с Сюзанной в воскресенье обрыскали весь дом.

— Но ничего не обнаружили?

— Ничего, мсье.

— Тогда мы можем исключить вероятность, что тело могло быть спрятано где-то внутри дома, не так ли?

Дворецкий изумленно посмотрел на него, явно пораженный подобной идеей.

— Это было бы абсолютно невозможно, мсье, — сказал он. — Я лично осмотрел все углы и открыл все шкафы.

— Спасибо. Я узнал все, что необходимо на данный момент. А теперь не могли бы вы помочь мне разыскать Сюзанну?

— Думаю, мне удастся узнать для вас адрес с помощью одной из наших служанок, с которой горничная мадам водила дружбу.

— Займитесь этим, пожалуйста. А мы тем временем осмотрим дом.

— Мое сопровождение вам не понадобится, мсье?

— Нет, покорнейше благодарю.

Планировка помещений первого этажа выглядела предельно простой. Длинный и достаточно узкий холл протянулся от входной двери с рю Сен-Жан параллельно авеню де л'Альма до лестницы. Справа располагалась гостиная — то самое просторное угловое

помещение, окна которого выходили сразу на обе улицы. По другую сторону холла прямо напротив двери гостиной находился кабинет мсье Буарака — светлая и прекрасно обставленная комната с видом на рю Сен-Жан. За ними располагались совсем небольшая гостиная, чаще всего использовавшаяся хозяйкой, и столовая. В глубине дома под лестницей располагались комнаты для прислуги.

Детективы тщательно осмотрели все помещения поочередно. Мебель выглядела не только дорогой, но и подобранной с большим художественным вкусом. Гостиную обставили вещами эпохи Людовика XIV с коврами из Обюссона и добавлением отдельных предметов в стиле «буль»*. Тончайший севрский фарфор и посуда с позолотой были явно приобретены превосходным знатоком подобных изделий. Столовая и будуар только усилили общее впечатление, что хозяева дома принадлежали к числу людей не только богатых, но и с высоким культурным уровнем. Переходя из комнаты в комнату, сыщики не уставали поражаться изяществу и красоте обстановки каждой из них. И хотя поиски велись скрупулезно, никаких значимых результатов они не принесли.

Кабинет можно было назвать типичным мужским жилищем, если не считать одной особенности. Пол покрывал ворсистый ковер, вдоль стен вполне ожидаемо высились полки, уставленные книгами, у окна разместился резной письменный стол, рядом стояли удобные и просторные кресла, обитые кожей. Но еще имелась и целая коллекция скульптуры малых форм — статуи, статуэтки, изображавшие отдельные фигуры и целые группы, фриз, декоративные тарелки и барельефы из мрамора и бронзы.

Это весьма ценное собрание, достаточно обширное и исполненное гармонии, могло стать украшением любой галереи или музея города. Стало очевидно, что мсье Буарак обладал не только средствами, но и необходимыми знаниями, позволявшими ему полностью предаваться своему хобби.

* Мебель этого стиля отличают инкрустации из бронзы, перламутра или фрагментов черепахового панциря.

Бернли встал в шаг от порога кабинета и медленно обвел его взглядом, впитывая каждую деталь, надеясь обнаружить что-нибудь полезное для расследования. Он вглядывался в каждый предмет дважды, осматривая его во всех подробностях, с методичностью, к которой уже давно приучил себя: не переходил к следующей вещи, пока не был уверен, что четко запечатлел в памяти предыдущую. Затем его взгляд устремился на предмет, расположенный на полке рядом с книгами, и надолго задержался на нем.

Это была скульптурная группа в виде статуэтки из белого мрамора высотой примерно в два фута. Она изображала трех женщин с венками на головах — двух стоявших и одну сидевшую.

— Только посмотри на это! — обратился он к Лефаржу голосом, в котором звучали почти триумфальные нотки. — Ты в последнее время, случайно, не слышал ни о чем похожем?

Поскольку ответа не последовало, Бернли, не слишком внимательно следивший за действиями своего французского коллеги, вынужден был обернуться. Лефарж, стоя на коленях, с помощью увеличительного стекла изучал что-то, обнаруженное им среди густого ворса ковра. Это занятие настолько поглотило его, что он, похоже, не услышал вопроса, заданного ему Бернли. Но стоило тому приблизиться, как он поднялся и издал короткий, но удовлетворенный смешок.

— Взгляни сюда! — воскликнул Лефарж. — Посмотри, и глазам своим не поверишь!

Отступив назад к стене, он сел на корточки и, наклонив голову, рассматривал что-то, находившееся на полу между ним и окном кабинета.

— Ничего не замечаешь? — спросил он.

Бернли также присел и вгляделся в поверхность ковра.

— Нет, — ответил он. — Ничего.

— Это потому, что ты подошел слишком близко. Иди сюда и устраивайся рядом со мной. А теперь посмотри снова.

— Бог мой! — закричал Бернли в сильном волнении. — Бочка!

На ковре там, куда падал яркий свет, отчетливо виднелась вмятина в форме кольца диаметром примерно в два фута и четыре дюйма. Ворс был слегка прижат. Такой след могло оставить днище тяжелой бочки.

— Я сразу это заподозрил, — сказал Лефарж, — а потом догадка окончательно подтвердилась.

Он протянул приятелю свою лупу и указал на участок пола, который изучал при увеличении.

Бернли взял лупу, нагнулся совсем низко и принялся пальцами ворошить ковер. Между ворсинками попадалась странная с виду пыльца. Он сумел ее собрать и рассмотреть.

— Опилки! — воскликнул Бернли.

— Вот именно, опилки! — подтвердил Лефарж, напустив на лицо важное и самодовольное выражение. — Теперь видишь? — он описал пальцем круг над полом. — Опилки просыпались по всей окружности там, где стояла бочка. Помяни мое слово, Бернли, мы близки к завершению дела. Именно тут располагалась бочка, когда Феликс или Буарак, а быть может, оба укладывали в нее труп.

— Бог мой! — Бернли не находил сейчас других слов, чтобы выразить свои чувства. — Я несколько не удивлюсь, если окажется, что ты совершенно прав!

— Разумеется, я прав. Тут все яснее ясного. Женщина исчезает, и ее труп находят в бочке, заполненной опилками. И вот в том самом доме, откуда она пропала, обнаруживаются следы подходящей бочки и крупички опилок.

— Да, здесь многое сходится. Но мне, например, далеко не все понятно. Если это сделал Феликс, то как он доставил сюда бочку, а потом вывез ее?

— Тогда, по всей вероятности, виновен Буарак.

— А как же его алиби? У Буарака железное алиби.

— Железное? Да, если верить ему на слово. Но откуда ты знаешь, что он говорит правду? Пока у нас нет никаких подтверждений.

— За исключением показаний Франсуа. Если преступление совершили Феликс или Буарак, то Франсуа должен был стать соучастником, а это не кажется мне правдоподобной версией.

— Верно, должен признать, что старик и мне показался слишком честным для такого дела. Но допустим, они не убивали ее, тогда как ты объяснишь следы бочки?

— Быть может, она имела отношение вот к чему? — заметил Бернли, указывая на небольшую мраморную скульптурную группу.

Лефарж обескураженно уставился на нее.

— Но это же, несомненно, то самое, что было отправлено Феликсу! — воскликнул он в изумлении.

— Похоже на то. Но лучше помолчим. Вот идет Франсуа. Давай расспросим его.

Дворецкий в самом деле вошел в комнату с листком бумаги, который он вручил Лефаржу.

— Адрес Сюзанны, господа.

Лефарж прочитал вслух:

— Мадемуазель Сюзанна Доде. Дижон, рю Попо, дом 14Б.

— А теперь посмотрите сюда, Франсуа, — попросил детектив, указывая на скульптуру. — Когда это появилось здесь?

— Совсем недавно, мсье. Как вы могли заметить, хозяин коллекционирует подобные вещи, а эта скульптура из трех девушек — его последнее приобретение.

— Вы можете точно вспомнить день, когда ее привезли?

— Незадолго до того, как устроили званый ужин. Да, теперь я припоминаю отчетливо. Это случилось в тот самый день.

— В чем была упакована статуэтка?

— Она прибыла внутри бочки, мсье, еще в субботу утром. Хозяин сам вскрыл крышку, чтобы вынуть ее. Этого он не доверял никому.

— Стало быть, он часто получал подобные бочки?

— Да, мсье, многие скульптуры доставлялись именно в бочках.

— Понятно. И когда же груз был окончательно распакован?

— Только два дня спустя, мсье. В понедельник вечером.

— Куда потом дели бочку?

— Ее вернули продавцам в магазин. Через два или три дня оттуда специально прислали повозку.

— Постарайтесь вспомнить точнее, в какой день это случилось.

Дворецкий замолчал в задумчивости.

— В точности не припомню, мсье, уж извините. Как мне кажется, это было в среду или в четверг на той неделе.

— Спасибо, Франсуа. Есть еще одна вещь, о которой я хотел бы вас попросить. Буду бесконечно вам признателен, если вы предоставите мне образец почерка хозяйки.

Франсуа покачал головой.

— У меня нет ничего подобного, мсье, — ответил он, — но я покажу вам ее письменный стол, а вы уж, сделайте милость, поищите сами.

Они прошли в будуар, и Франсуа указал на маленький секретер с инкрустацией тонкой резьбой — великолепный образец мастерски изготовленной мебели, почти произведение искусства. Лефарж сел перед ним и начал просматривать бумаги.

— Кто-то успел порыться до нас, — заметил он чуть позже. — Почти ничего нет.

Ему попались старые счета, квитанции, рекламные буклеты, чьи-то чужие письма, не содержавшие ничего важного, обрывки машинописных текстов, но ни клочка бумаги с почерком самой владелицы секретера.

Внезапно Франсуа воскликнул:

— Полагаю, мне удастся раздобыть то, что вам нужно, господа, если вы несколько минут подождете.

— Так и есть, — сказал он, вернувшись гораздо быстрее, чем обещал. — Вероятно, это подойдет. Висело в рамке под стеклом в помещении для прислуги.

Он принес краткий документ, в котором распределялись обязанности между слугами, указывалось время их работы и прочая информация. Список был составлен, насколько могли поверхностно судить сыщики, той же рукой, которая написала прощальное послание к мсье Буараку. Лефарж бережно уложил его в свой рабочий блокнот.

— А теперь хотелось бы осмотреть комнату мадам.

Они провели тщательный поиск в спальне, надеясь обнаружить какие-нибудь давние письма, но безуспешно.

но. Затем допросили остальных слуг, хотя тоже безрезультатно.

— Теперь осталось последнее, — обратился Лефарж к пожилому дворецкому. — Нам нужен список гостей званого ужина. Полный или хотя бы частичный.

— Думаю, что смогу перечислить их всех, — ответил Франсуа, и Лефарж записал фамилии в блокнот.

— Когда вы ожидаете возвращения домой хозяина? — спросил Бернли, закончив с составлением списка.

— Он уже должен был бы вернуться, мсье. Обычно мсье Буарак приезжает около половины седьмого.

Время приближалось к семи часам. Им пришлось лишь немного подождать, как донесся скрежет ключа в замке дверного засова.

— А, добрый вечер, джентльмены! — приветствовал их Буарак, заметив детективов в холле. — Вы, стало быть, уже здесь. Есть успехи?

— Особого продвижения вперед пока не наметилось, — ответил Лефарж и продолжил после небольшой паузы: — Однако есть кое-что, о чем мы хотели получить у вас информацию, мсье. Речь идет вот о той мраморной скульптурной группе.

— Что именно вас интересует?

— Не могли бы вы сообщить, при каких обстоятельствах приобрели ее и каким образом она была сюда доставлена?

— Разумеется. Как вы могли обратить внимание, я коллекционирую подобные вещи. Некоторое время назад проходил мимо салона Дюпьера на бульваре Капуцинок, заметил сквозь стекло витрины эту группу, и она сразу мне понравилась. После недолгих колебаний я решил купить ее, и скульптуру мне доставили на дом... По-моему, в тот самый день, когда мы устраивали прием. Впрочем, это могло случиться днем раньше — не уверен на все сто процентов. Бочку я попросил внести в мой кабинет, чтобы лично распаковать ее.

Мне доставляет неизъяснимое наслаждение самому первым доставать из упаковки новые приобретения. Однако последовавшие события настолько расстроили меня, что я не находил в себе сил заняться этим.

Только в понедельник ближе к вечеру, пытаюсь отвлечься и отогнать мрачные мысли, я завершил распаковку. И эта скульптурная группа теперь перед вами.

— Скажите, мсье, — вмешался с вопросом Бернли, — мистера Феликса тоже интересовали подобные произведения искусства?

— Да, интересовали. Он художник, и его основная сфера интересов — живопись. Но при этом он обладал достаточно хорошими знаниями в области скульптуры.

— А он не мог проявлять интерес к этой же скульптурной группе, как вы считаете?

— Не берусь ничего утверждать определенно. Я рассказал ему о ней, детально описал, но, насколько мне известно, сам он ни разу не видел ее.

— Вы упоминали в беседе с ним цену?

— Да. Она стоила мне тысячу четыреста франков. Это ему почему-то особенно хотелось выяснить, как и название фирмы, у которой я приобрел статуэтку. Сказал, что не смог бы сразу позволить себе аналогичное приобретение, но позднее, возможно, захочет купить нечто подобное.

— Что ж, кажется, теперь мы закончили нашу работу здесь, мсье Буарак. Огромное вам спасибо.

— Желаю спокойной ночи, джентльмены.

Сыщики распрощались, дошли до конца авеню, на метро добрались до площади Согласия, откуда по рю Кастильон поднялись к Большим бульварам, где поужинали и скоротали время до очередной встречи в здании Сюрте.

Глава 16

ИНСПЕКТОР БЕРНЛИ В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ

В девять часов вечера состоялось ставшее привычным совещание в кабинете шефа полиции.

— У меня тоже есть новости, — сказал мсье Шове, выслушав отчет Бернли и Лефаржа. — Я отправил агента

на завод насосов, и он получил сведения, подтверждающие показания мсье Буарака относительно времени его прибытия туда и отъезда ночью, когда произошла авария. Поступил также ответ из Скотленд-Ярда. По получении телеграммы мистера Бернли, они сразу же предприняли расследование относительно бочки, отправленной через Гавр и Саутгемптон. Она, по всей видимости, благополучно прибыла на вокзал Ватерлоо утром следующего дня после отправки из Франции. Как вы знаете, на ней значился адрес в районе Тоттенхэм-Корт-роуд, и железнодорожники собирались, по своему обыкновению, доставить бочку туда на одном из своих грузовиков. Но не успели бочку выкатить из товарного вагона поезда, как появился человек, представившийся ее получателем. Оказалось, он хотел отвезти груз в другое место и с этой целью подготовил собственную повозку с кучером. Это был мужчина среднего роста, с темными волосами и бородой, причем клерк посчитал его иностранцем — как ему показалось, вероятно, французом. Он назвался Леоном Феликсом и предъявил в качестве доказательств несколько писем, адресованных ему по указанному в накладной адресу. Его попросили расписаться в получении, выдали бочку, и он увез ее. После чего никаких сведений о передвижениях незнакомца не имеется. Его след оказался полностью потерян. Работникам товарной станции Ватерлоо показали фотографию Феликса, и хотя клерк и его коллеги признают сходство, никто из них не готов опознать его как получателя груза.

Кроме того, были наведены справки о личности самого Феликса. Выяснилось, что он работает художником и гравером в фирме «Грир и Худ», производящей рекламные плакаты. Он не женат. Держит престарелую домработницу, но эта женщина находится в двухнедельном отпуске с двадцать пятого марта по восьмое апреля сего года.

— Это все, что нам сообщили из Лондона, — продолжал Шове. — А теперь давайте обсудим по-прежнему стоящие перед нами задачи. Прежде всего необходимо допросить горничную убитой дамы, живущую в Дижоне. Думаю, Лефарж, вы могли бы взять эту миссию на себя. Завтра воскресенье, вот и поезжайте туда.

Смертельный
груз

Ночь проведете в Дижоне, а вернетесь как можно раньше в понедельник. Далее, мистер Бернли. Нам следует разобраться со статуей, полученной мсье Буараком. Не могли бы вы навести справки в фирме «Дюпьер и Си» с утра в понедельник? Но, пожалуйста, находитесь на постоянной телефонной связи со мной. Я же займусь прочими вопросами, а встретимся мы в обычное время, в понедельник вечером.

Детективы добрались на метро до станции «Шатле», откуда Бернли направился на запад к своему отелю на рю Кастильон, а Лефарж на восток к Лионскому вокзалу.

В понедельник утром Бернли зашел в демонстрационный зал на бульваре Капуцинок, чтобы встретиться с мсье Тома.

— Вкратце о том, почему я к вам вернулся, мсье Тома, — и Бернли рассказал управляющему обо всем, что им удалось узнать на вокзале Сен-Лазар, а потом продолжил: — Как видите, вами были отправлены две бочки. Не могли бы вы теперь поделиться со мной информацией о второй из них?

— Боюсь, ничем не смогу помочь, — ответил Тома, откровенно удивленный новым поворотом событий. — Я совершенно уверен, что мы отправляли только одну бочку.

— А не могло случиться так, что заказ мистера Феликса по ошибке исполнили дважды: сначала вы сами здесь, а потом кто-то из фабрики на рю Прованс?

— Это совершенно исключено, скажу сразу. На складе фабрики не хранят настоящих произведений искусства. Ценную скульптуру храним и продаем только мы. Но, если желаете, я сейчас позвоню в наш главный офис, чтобы убедиться в этом окончательно.

Через несколько минут он вернулся с ответом от мсье Тевене. Ни одна бочка не отправлялась с рю Прованс в указанный день. И никакой груз вообще не предназначался для Феликса.

— Что ж, мсье Тома, напрашивается вывод, что это не вы отправили одну из своих бочек морским путем через Руан. Но должен все же просить вас передать мне полный список всех бочек данного размера, отправ-

ленных из вашего грузового двора в тот день. Может, это была одна из них.

— Согласен и думаю, что смогу предоставить необходимую вам информацию, но для ее сбора потребуется некоторое время.

— Сожалею, что причиняю столько беспокойства, но не вижу другого выхода. Нам придется отследить путь каждой из этих бочек, пока мы не отыщем среди них нужную.

Мсье Тома пообещал незамедлительно дать необходимые инструкции своим сотрудникам. Затем Бернли продолжил:

— У меня остался еще один, столь же важный вопрос. Если вас не затруднит, расскажите мне, пожалуйста, о вашем клиенте мсье Рауле Буараке с авеню де л'Альма, и в особенности о произведениях, проданных ему вами в последнее время.

— О мсье Буараке? Конечно же! Он наш давний и уважаемый клиент, принадлежит к числу очень хорошо информированных дилетантов в области скульптуры малых форм. За шесть лет, со времени назначения меня управляющим салона, мы продали ему вещей на общую сумму в тридцать или даже сорок тысяч франков. Он, как правило, посещает наш демонстрационный зал раз в один или два месяца, чтобы осмотреть экспонаты и остановить свой выбор на действительно незаурядных. Мы, со своей стороны, неизменно информировали его, если получали нечто достойное внимания, и в большинстве случаев он следовал нашим рекомендациям, приобретая скульптуры. Что касается самого недавнего времени, — мсье Тома сверился со своими бумагами, — то его последней покупкой стала — о, как интересно! — скульптурная группа, схожая с заказанной мистером Феликсом. Это статуэтка из мрамора, запечатлевшая три женские фигуры: две стоящие и одну сидящую. Заказ поступил двадцать пятого марта, а скульптуру мы отправили двадцать седьмого марта.

— Ее транспортировали в бочке?

— Именно так. Мы всегда используем стандартную упаковку.

Смертельный
груз

— Та бочка уже вернулась к вам?

Мсье Тома вызвал клерка и попросил принести другую документацию.

— Да, — ответил он, просмотрев поданные ему бумаги, — бочка, отправленная мсье Буараку двадцать седьмого марта, была возвращена сюда первого апреля.

— Есть еще один аспект, который мне хотелось бы прояснить, мсье Тома. Можно ли различить скульптурные группы, проданные мистеру Феликсу и мсье Буараку?

— Это очень легко. Обе состоят из трех женских фигур. В статуэтке для мистера Феликса — две сидят и одна стоит, в статуэтке для мсье Буарака — две стоят, а одна сидит.

— Покорнейше вас благодарю. Теперь у меня действительно нет вопросов.

— Не стоит благодарности. Я только рад оказать помощь полиции. Куда мне направить список бочек, когда он будет готов?

— В штаб-квартиру Сюрте, пожалуйста.

Закончив с обменом любезностями, мужчины распрощались.

Бернли был заинтригован и одновременно несколько разочарован той информацией, которой снабдил его мсье Тома. На него произвело сильное впечатление совершенное Лефаржем открытие, что в кабинете мсье Буарака недавно вскрывали бочку с опилками, хотя он не хотел сразу поддаваться охватившим его эмоциям. Мнение, высказанное его французским другом, что спрятать в бочку труп мог Феликс, Буарак или оба, представлялось ему все более правдоподобным, чем дольше он размышлял над сутью дела. Хотя версия имела и натяжки.

Прежде всего нельзя сбрасывать со счетов личность Франсуа. Бернли был готов поручиться за невиновность дворецкого, хотя без соучастия его убийство казалось едва ли осуществимым. Следом возникал вопрос о возможных мотивах, имевшихся у этих двоих мужчин. Все это Бернли заметил сразу, но не считал эти вопросы необъяснимыми и непреодолимыми на пути к истине. Возможно, им все-таки удалось напасть на верный след. Необходимо только подтвердить подозрения фактами.

А факты едва ли не с самого начала обернулись против них с Лефаржем. Сначала мсье Буарак дал вполне правдоподобное объяснение появлению бочки у себя в кабинете, чуть позже дополненное показаниями Франсуа. Кто-то сказал бы, что этого мало. Но теперь мсье Тома развеял последние сомнения, и Бернли, не находя других противоречий, принимал слова Буарака как достоверные. Тело никоим образом не могло оказаться в той бочке, поскольку ее прямо из дома на авеню де л'Альма вернули на склад при демонстрационном зале. С большой неохотой он признал версию Лефаржа несостоятельной. Но хуже всего было то, что он ничего не мог предложить взамен.

И все же одна идея пришла ему в голову. Если удастся установить, в котором часу Феликс вернулся к себе в отель в ту роковую ночь и в каком состоянии находился, то можно либо подтвердить, либо опровергнуть некоторые детали показаний. Вот почему, позвонив в Сюрте и убедившись, что его присутствие там не требуется, Бернли пешком дошел до гостиницы «Континенталь» и попросил вызвать к нему управляющего.

— Боюсь, я вернулся, чтобы причинить вам новые хлопоты, мсье, — сказал он, когда они остались наедине. — Однако возникла проблема, для решения которой требуется дополнительная информация.

— С радостью окажу вам любую посильную помощь.

— Нам необходимо узнать, в котором часу мсье Феликс вернулся в отель ночью в субботу двадцать седьмого марта и как он выглядел. Сможете дать мне такие сведения?

— Попробую расспросить персонал. Извините, придется оставить вас ненадолго.

Но отсутствовал менеджер достаточно долго. Вернувшись более чем через полчаса, он покачал головой и доложил:

— Ничего конкретного не удалось выяснить. Я поговорил со всеми, с кем только смог, но никто не помнит подробностей. Один из швейцаров дежурил тогда до полуночи, и он уверен: мистер Феликс до этого времени в отеле не появился. Этот служащий — человек весьма надежный, а потому его словам можно доверять. Сменившего его швейцара сейчас нет на работе,

как и ночного лифтера и горничной с этажа, на котором проживал мистер Феликс, но я побеседую с ними позже и доложу о результатах. Надеюсь, время еще остается?

— Конечно, — заверил его Бернли, поблагодарил и вышел на улицу.

Пообедал он в одиночестве, искренне сожалея, что Лефарж не мог составить ему компанию, а затем снова позвонил в Сюрте. Как его уведомили, мсье Шове желал с ним переговорить, и диспетчер оперативно переключила его на личную линию в кабинете шефа.

— Поступила еще одна телеграмма из Лондона, — раздался голос, показавшийся очень далеким. — По всей видимости, еще одна бочка была отправлена в багажном вагоне пассажирского поезда с вокзала Чаринг-Кросс в Париж через Дувр и Кале первого апреля, то есть в четверг на прошлой неделе. Она была адресована мсье Жаку де Бельвилю от Раймона Лемэтра. Полагаю, вам будет лучше поспешить на Северный вокзал и выяснить подробности об этом грузе.

«Сколько же еще бочек нам предстоит проверить?» — задавался мысленным вопросом удивленный Бернли, пока ехал в сторону вокзала. Пользуясь тем, что такси крайне медленно тащилось по запруженным транспортом улицам, он успел еще раз всесторонне обдумать создавшуюся ситуацию и признать свою полнейшую растерянность. Собранная информация, а на ее недостаток нельзя было пожаловаться, стекалась постоянно и отовсюду, упорно не желая складываться в единое целое. Каждый новый факт, если и не противоречил прочим, то все больше стягивал тугой клубок, который предстояло распутать. В Англии он посчитал Феликса ни в чем не повинным человеком. А сейчас начал серьезно сомневаться в правильности первого впечатления.

Он не имел удостоверения подобно Лефаржу, чтобы показать дежурному багажного отделения вокзала, но, по счастью, тот припомнил, что англичанин сопровождал сыщика из Сюрте во время предыдущего визита.

— Да, — сказал он, выслушав объяснения Бернли на ломаном французском языке, — я могу дать вам информацию об этой бочке, — и перевернул несколько стра-

ниц регистрационной книги. — Вот она. Бочка прибыла поездом от паромной переправы Кале в 17.45 в прошлый четверг, первого апреля. В сопроводительной накладной значилось место отправки — вокзал Чаринг-Кросс и имя получателя — мсье Жак де Бельвиль. Бочку нужно было оставить на складе до его личного прибытия. И он действительно приехал за ней очень скоро, погрузив на специально нанятую повозку.

— Опишите, пожалуйста, внешность мсье Бельвиля.

— Среднего роста, темноволосый, черная бородка клинышком. На другие приметы я как-то не обратил внимания.

Бернли показал ему фотографию Феликса, полученную из Лондона.

— Это он? — спросил он, передавая снимок в руки собеседнику.

Дежурный внимательно всмотрелся в изображение.

— Не могу ничего сказать с полной определенностью, мсье, — ответил он нерешительно. — Очень напоминает того мужчину, что мне запомнился, но уверенности нет. Я ведь видел его всего однажды и уже десять дней назад.

— Понимаю, что в таких случаях на память не всегда можно полагаться. Но, вероятно, вы сможете мне дать другую справку? В котором часу он забрал бочку?

— Это мне сделать легко, потому что я заканчиваю смену в 17.15, а из-за него пришлось на пять минут задержаться. Так что бочку он увез ровно в 17.20.

— Похоже, ничто особенно не бросилось вам в глаза, если говорить о самой бочке? Она ничем не отличалась от других?

— Нет, отличалась, — ответил кладовщик. — Во-первых, она была очень хорошо и прочно сработана, а доски скреплены такими толстыми стальными обручами, каких я раньше не видел. И во-вторых, бочка оказалась на редкость тяжелой. Понадобились двое здоровенных грузчиков, чтобы перекатить ее со склада на повозку, пригнанную мсье де Бельвилем.

— Помимо бирки, на бочке имелись еще какие-то надписи?

Смертельный
груз

— Имелись, — ответил железнодорожник. — На французском, английском и немецком языках сбоку было выведено: «Тару вернуть владельцам». А потом название фирмы в Париже.

— Как называлась фирма, не припомните?

— Нет, мсье, — ответил кладовщик, молодой еще человек, после недолгих раздумий. — Сожалею, но название совершенно вылетело у меня из головы.

— А вдруг оно вернется к вам, если вы снова его услышите? К примеру, это не могла быть компания «Дюпьер и Си» — производители скульптурной продукции из района Гренель?

Кладовщика вновь охватили сомнения.

— Звучит знакомо, мсье. Возможно, фирма та самая, но не возьмусь утверждать этого определенно.

— Что ж, я все равно признателен вам за предоставленную информацию. Один и самый последний вопрос: что именно перевозили в бочке?

— В накладной упоминалась скульптура, но я, конечно же, не вскрывал груза и не поручусь, что описание соответствовало действительности.

Бернли снова поблагодарил молодого служащего багажного отделения и покинул громадное здание вокзала. Все указывало на то, что разговор шел о бочке, либо очень похожей на доставленную им в Скотленд-Ярд, либо о той же самой. Разумеется, напомнил он себе, даже если тара принадлежала фирме Дюпьера — что пока никоим образом не было доказано, — то в распоряжении компании имелось большое количество одинаковых бочек, а следовательно, вывод о связи этой бочки с расследованием оказывался явно преждевременным. Обстоятельства дела и прежде давали обильную пищу для размышлений, и инспектор чувствовал, что новые сведения несколько не помогли разобраться во всей этой путанице. Медленно двигаясь по рю де Лафайет к своему отелю, он размышлял, стремясь сложить в нечто цельное известные ему разрозненные факты. Его путь лежал через сад Тюильри. Бернли нашел тихий уголок под деревом, где присел на скамью и продолжил обдумывать ход следствия.

Сначала вернулся к таинственным путешествиям всех этих бочек. Он мысленно выделил три из них. Имелась бочка, отправленная фирмой Дюпьера поздно вечером во вторник, следовавшая через Гавр и Саутгемптон и полученная следующим утром на вокзале Ватерлоо чернобо-родым мужчиной, то есть, по всей видимости, мистером Феликсом. Бочка была адресована Феликсу, и в ней пе-ревозили скульптурную группу. Затем появилась вторая бочка, покинувшая Париж двумя днями позже, — вечером в четверг. Маршрут пролегал через Руан и далее морем. Ее, вне всяких сомнений, увез с пристани Святой Екатерины мистер Феликс. В бочке номер два находилось тело ма-дам Аннетты Буарак. И наконец, обнаружилось то, что можно было назвать бочкой номер три. Отправлена из Лондона в Париж в тот же четверг, а по прибытии на Северный вокзал ее получателем оказался некий мсье Жак де Бельвиль. Как и в двух других, грузом в этой бочке указали скульптуру, но ее реальное содержимое осталось неизвестным.

Бернли прикурил одну из своих крепчайших сигар и попыхивал ею в глубокой задумчивости, прокручивая в уме подробности перемещений каждой из бочек. Он не мог отделаться от мысли, что бочки были каким-то обра-зом связаны между собой, но не улавливал связь. Лишь через некоторое время до него дошло, что если рассма-тривать бочки не в порядке получения информации о них, а чисто хронологически, то в этом случае что-то проясня-ется. И он заново разложил все по полочкам.

Первым по-прежнему числился груз, отправленный из Парижа в Лондон через Гавр и Саутгемптон, покинувший Париж во вторник утром и прибывший на вокзал Ватерлоо в среду утром. Но вторым грузом теперь следует считать бочку, отправленную из Лондона в четверг утром через Дувр и Кале и достигшую места назначения ближе к ве-черу того же дня. А груз номер три перевозился в той бочке, которая проследовала по маршруту Париж — Лондон в тот же четверг вечером, а выгружена была на пристань Святой Екатерины только в понедельник следующей недели. Вырисовывалась такая схема: из Парижа в Лондон, потом из Лондона в Париж и снова из

Смертельный
груз

Парижа в Лондон. Так уже просматривалось нечто более четкое. И почти сразу инспектор нашупал ту связь, которую безуспешно искал прежде. Не была ли это одна и та же бочка, а не три разных? В каждом случае путешествие могла совершать всего одна, уже использованная прежде бочка, не так ли?

Чем дальше Бернли размышлял, тем более правдоподобной казалась такая версия. Она объясняла уверенное заявление мсье Тома, что только одна бочка была отправлена за границу. Становилось понятно, откуда взялась бочка с телом мертвой женщины внутри. Это давало ответ на вопрос, каким образом три необычной формы бочки совершили три путешествия практически в одно и то же время.

Да, схема представлялась вероятной. Но в таком случае где-то по ходу одного из своих перемещений бочка была вскрыта, скульптура изъята и заменена на труп. Имелись убедительные доказательства, что в бочке находилась мраморная статуэтка, когда она покинула двор салона на бульваре Капуцинок, и ее не подвергали вскрытию до момента погрузки в вагон поезда, отходившего в 19.49 с вокзала Сен-Лазар до Гавра. Но уже по прибытии к пристани Святой Екатерины бочка содержала мертвое тело, хотя имелись свидетельские показания: груз никто не мог вскрыть в трюме «Снегиря». Следовательно, подмену совершили в какой-то точке вдоль сложного маршрута: вокзал Сен-Лазар, Гавр, Саутгемптон, вокзал Ватерлоо, вокзал Чаринг-Кросс, Дувр, Кале, Северный вокзал, товарная станция на рю Кардине, Руан. Бернли отметил про себя необходимость детальной проверки каждого из этих этапов.

Затем он перешел к следующему важному пункту. Под конец каждого из путешествий бочку встречал мужчина среднего роста с черной бородой, внешне смахивавший на француза. При третьей пересылке получателем был именно Феликс. В двух предыдущих случаях личность не была точно установлена, но все указывало на Феликса. Предположим, он фигурировал в деле каждый раз. Разве это не свидетельствовало также, что речь шла всего лишь об одной бочке, которую Феликс посылал в обоих направлениях, следуя какому-то своему

плану? Инспектор ощущал уверенность в правильности таких рассуждений.

Однако если Феликс действовал подобным образом, то он был либо убийцей, желавшим доставить труп в свой дом, чтобы избавиться от него, либо ни в чем не повинным человеком, которому подлинный преступник хотел подбросить тело. Инспектор уже давно мысленно склонялся ко второму варианту, хотя здесь все зависело от того, знал ли Феликс, что находилось в бочке, когда увозил ее с пристани Святой Екатерины. Бернли живо помнил сцену во внутреннем дворе Скотленд-Ярда после вскрытия бочки. Конечно, Феликс мог быть превосходным актером, но все же он, вероятно, ничего не знал. Бернли сомневался, что можно разыграть такой спектакль. Кроме того, следовало учитывать и болезнь, в которую поверг Феликса шок. Она тоже не выглядела симуляцией. Да, он пока верил: Феликс не догадывался о теле в бочке, а значит, мог считаться невиновным. Но что толку в личной точке зрения Бернли? Подобные вещи не решались в одиночку. Истинность заболевания Феликса могли подтвердить только медики.

И потом, если Феликс невиновен, то кого же взять под подозрение? У кого имелся мотив для убийства женщины? Какие вообще мотивы могли существовать для этого? Ответа Бернли не находил. До сих пор никакие улики на возможный мотив прямо не указывали.

Затем его мысли переключились на само преступление. К удушению преступники прибегали не так уж часто. Это был жуткий способ, отвратительный и требовавший относительно долгого времени. Бернли с трудом мог представить себе, чтобы самый закоренелый убийца преднамеренно избрал его и хладнокровно осуществил. Нет, здесь речь, скорее всего, шла о так называемом убийстве на почве страсти, о каких-то самых примитивных инстинктах любви или ненависти. А еще ревности — такое вполне возможно. Он, по своему обыкновению, обдумывал вопрос всесторонне и методично. Да, ревность представлялась наиболее вероятным мотивом.

Его поразила еще одна мысль. Конечно же, удушение даже в порыве ярости могло быть избрано убийцей только в том случае, если под рукой не оказалось ника-

кого орудия. Иначе преступник, человек, имевший какое-либо оружие, пустил бы его в ход. Следовательно, заключил Бернли, в данном случае оружия преступник не имел. Отсюда следовал очень простой вывод — убийство не было предумышленным. Если бы его спланировали заранее, то, уж конечно, подготовились бы более основательно.

Значит, преступление совершили без предварительного умысла и отнюдь не хладнокровно. Некто, оставшись наедине с мадам Буарак, внезапно и совершенно неожиданно оказался охвачен необузданной яростью, неуправляемым гневом. Но что могло послужить причиной такого порыва страсти, кроме острейшего приступа ревности?

Инспектор закурил еще одну сигару, ни на секунду не прерывая своих безмолвных рассуждений. Если он не ошибался относительно мотива, то кто мог быть тем человеком, который так безумно ревновал мадам? Бывший возлюбленный, предположил он. До сих пор о таком ничего не известно, и Бернли для себя отметил, что необходимо непременно прояснить этот вопрос. При отсутствии сведений о любовнике на ум немедленно приходил муж, и здесь почва для размышлений становилась куда как менее зыбкой. Если мадам завела роман с Феликсом, а Буарак узнал об этом, мотива искать уже не приходилось. Ревность — вполне естественное чувство, которое Буарак должен был испытывать при подобных обстоятельствах. Стало быть, виновность Буарака становилась весьма возможной, и это следовало иметь в виду.

Потом инспектор приступил к осмыслению дела в целом. Он всегда верил, что детали, перенесенные на бумагу, начинают видеться отчетливее. А потому, достав блокнот, взялся за составление списка известных ему фактов, событий в хронологической последовательности, а не в соответствии со временем, когда он узнавал о них.

Первым номером значился званый ужин, устроенный мсье Буарак у себя дома вечером в субботу двадцать седьмого марта. На нем присутствовал Феликс. После того как хозяина срочно вызвали на работу, он задержался, оставшись с мадам Буарак наедине, когда остальные гости разъехались. По свидетельству

Франсуа, они пробыли вместе с 23.00 до приблизительно 23.30. Около часа ночи Франсуа услышал, как захлопнулась входная дверь, а спустившись вниз, обнаружил, что оба — Феликс и хозяйка — исчезли. Причем мадам сменила туфли, прихватив с собой шубку и шляпу. Вернувшийся несколько минут спустя Буарак нашел у себя на столе записку, в которой жена ставила его в известность, что сбежала от него к Феликсу.

На следующий день, как предполагалось, Феликс отбыл в Лондон, что подтверждал управляющий отеля «Континенталь», а также констебль Уолкер, случайно подслушав разговор Феликса со своим другом Мартином. В то же воскресенье или в понедельник письмо, написанное, по всей видимости, Феликсом, было отправлено из Лондона в Париж. В нем содержался заказ на скульптурную группу с просьбой прислать ее в столицу Англии. Письмо фирма получила во вторник. В тот же день заказанная скульптурная работа была упакована в бочку и отправлена в Лондон через Гавр и Саутгемптон. Бочка прибыла на вокзал Ватерлоо следующим утром и была получена мужчиной, назвавшимся Феликсом, что почти наверняка соответствовало действительности.

Утром в четверг, то есть днем позже, аналогичная бочка была отправлена с вокзала Чаринг-Кросс на парижский Северный вокзал, где ее дожидался человек под именем мсье Жак де Бельвиль, но, скорее всего, под этим псевдонимом скрывался все тот же Феликс. Всего пятьдесят минут спустя подобная бочка оказалась на товарной станции близ рю Кардине для отправки в Лондон морским путем через Руан. На следующий день, если верить заявлению Феликса, он получил письмо от своего приятеля Ле Готье, напечатанное на машинке, в котором сообщалось о лотерее, о пари и о бочке, готовой к отправке морем. Феликсу надлежало получить ее и доставить в свой дом. Утром в субботу пришла открытка от того же Ле Готье с уведомлением, что бочка находится в пути. В понедельник пятого апреля Феликс забрал груз с борта парохода «Снегирь» у пристани Святой Екатерины и благополучно перевез домой.

Список, составленный Бернли, выглядел так:

Смертельный
груз

Суббота, 27 марта. — Ужин у мсье Буарака. Исчезновение мадам Буарак.

Воскресенье, 28 марта. — Феликс, по всей вероятности, отбывает в Лондон.

Понедельник, 29 марта. — Феликс заказывает у Дюпьера скульптуру.

Вторник, 30 марта. — Заказ получен. Статуэтка отправлена через Гавр и Саутгемптон.

Среда, 31 марта. — Бочка получена на Ватерлоо. Вероятно, Феликсом.

Четверг, 1 апреля. — Бочка, отправленная с Чаринг-Кросс, получена на Северном вокзале. Бочка доставлена на товарную станцию при рю Кардине для перевозки в Лондон.

Пятница, 2 апреля. — Феликс получает письмо от Ле Готье.

Суббота, 3 апреля. — Феликс получает от Ле Готье открытку.

Понедельник, 5 апреля. — Феликс обманом забирает бочку из гавани.

Ниже были добавлены еще сведения, не вписывавшиеся в строго хронологическую схему.

1. Машинописное письмо, показанное Феликсом и полученное предположительно от Ле Готье по поводу лотереи, пари и теста, связанного с получением бочки, как и записка внутри бочки относительно возвращения займа в 50 фунтов, отпечатаны на одной и той же пишущей машинке, на бумаге одного сорта.

2. Послание Феликса в фирму Дюпьера с заказом на скульптуру написано на бумаге того же сорта, что и два других документа, что указывает на возможную общность между ними.

Довольный достигнутым результатом своей аналитической работы, Бернли покинул уютное пристанище под деревом в саду и отправился в отель, чтобы подготовить ежедневный отчет для Скотленд-Ярда.

Глава 17

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

В девять часов вечера Бернли постучался в дверь кабинета шефа Сюрте. Лефарж был уже там, и как только Бернли сел, мсье Шове сообщил:

— Лефарж как раз собирался начать повествование о своих приключениях. Что ж, теперь самое время.

— Как мы и договорились в субботу, — приступил к рассказу сыщик, — вчера я отправился в Дижон и посетил мадемуазель Доде на рю Попо. Она производит впечатление девушки уравновешенной и, как мне показалось, вполне искренней и честной. В целом она подтвердила показания мсье Буарака и дворецкого, но добавила три подробности, не упомянутых ими. Мадам Буарак взяла с собой широкополую шляпу, но ни одной шляпной булавки. Это девушка посчитала странным, и я поинтересовался, что здесь необычного. Она ответила, что без булавок такую шляпу носить невозможно — она попросту не будет держаться на голове. По моему предположению, ее хозяйка очень торопилась, поэтому и забыла булавки, но горничная не сочла такое возможным. По ее словам, чтобы взять булавки, не потребовалось бы и лишней секунды. Они были приколоты к подушечке, находившейся у мадам под рукой, и любая леди захватила бы их с собой автоматически, в силу привычки. Но даже если бы они оказались случайно забыты, ощущение беспорядка на голове, даже легкий порыв ветерка при спуске по лестнице сразу же напомнили бы о недостающих предметах. Никакого своего объяснения девушка дать не смогла. Вторая любопытная деталь: мадам не взяла с собой никакого багажа. Даже обычной сумочки с туалетными принадлежностями хотя бы на одну ночь. Но самым важным представляется третье сообщение. Утром того дня, когда намечался званый ужин, хозяйка отправила Сюзанну в отель «Континенталь» с запиской для Феликса. Тот сразу же вышел из номера и велел сообщить мадам, что получил записку и непременно придет.

Смертельный
груз

— Забавно получилось с этими заколками, — бросил вскользь шеф. Немного помолчал, а потом повернулся к Бернли и попросил отчитаться о проделанной работе. Когда отчет англичанина выслушали и обсудили, шеф продолжил: — У меня тоже есть для вас новости. Позвонил управляющий из отеля «Континенталь». Он заявил, что точно установил время возвращения Феликса в гостиницу в ночь с субботы на воскресенье: он явился в половине второго утра. Его заметили швейцар, лифтер и дежурная горничная на этаже, причем все назвали один и тот же час. По их общему мнению, Феликс выглядел совершенно нормальным, но находился в особенно приподнятом настроении и казался чем-то очень довольным. Впрочем, управляющий подчеркнул, что Феликс всегда пребывал в хорошем расположении духа.

Мсье Шове достал из ящика стола сигары, выбрал одну для себя, а потом протянул коробку собеседникам.

— Угощайтесь, господа. Мне думается, на этой стадии нам пора остановиться и проанализировать ситуацию, суммировать полученные сведения, проверить, есть ли у нас правдоподобные версии, и решить, что нам еще осталось предпринять. Уверен, каждый из нас уже осмыслил события, но всегда лучше, когда три головы работают вместе, чем по отдельности. Что скажете, мистер Бернли?

— Прекрасная идея, мсье, — ответил инспектор, втайне довольный, что уже размышлял о деле днем.

— Тогда, вероятно, будет лучше, если вы поделитесь с нами своим подходом к решению проблемы, а мы добавим собственные соображения по ходу вашего рассказа.

— Я считаю, мсье, что центром расследования является факт убийства, а все остальные происшествия — лишь части плана, целью которого было избавиться от трупа и навести нас на ложный след.

— Полагаю, никто из нас не станет с вами спорить, верно, Лефарж?

Французский коллега только кивнул, и Бернли снова заговорил:

— Затем я сосредоточил внимание на способе убийства. Удушение — настолько жестокий метод, что к нему мог прибегнуть либо маньяк, либо человек, со-

вершенно потерявший голову в порыве страсти. Но даже в таком случае женщину едва ли стали душить, если бы имелись другие средства расправиться с ней. Поэтому мне показалось логичным сделать вывод, что убийство было непредумышленным. Человек, задумавший его заранее, нашел бы подходящее орудие и припрятал в нужном месте.

— Верно подмечено, мистер Бернли. Я и сам пришел к такому же заключению. Продолжайте, пожалуйста.

— А если все обстояло именно так, некий мужчина, оставшись наедине с мадам Буарак, внезапно оказался во власти слепой, всепоглощающей ярости. Но что же, задался я вопросом, могло вызвать подобные эмоции? Естественно напрашивался ответ: любовная интрижка легко порождает всплески ненависти и ревности, но концы с концами у меня все же не сходились. У кого конкретно могли возникнуть столь бурные чувства? Рассмотрев в качестве первой кандидатуры Феликса, я не считал вероятным, чтобы он питал ненависть или ревность к женщине, собравшейся как раз с ним сбежать от мужа. Конечно, крупная ссора возможна даже между любовниками, и она может стать причиной временной неприязни, однако трудно себе представить размолвку такого накала, что привела бы к фатальной развязке. А ревность в данном случае вообще исключается. Мне казалось, что во всем мире не нашлось бы человека, менее способного на столь страшное преступление.

Затем закралась мысль, что ненависть и ревность очень легко приписать самому Буараку. Если он виновен — тогда мотивы, двигавшие им, становились сразу очевидны. А когда мсье Лефарж обнаружил вчера в кабинете Буарака следы бочки, похожей на ту, в которой было найдено тело, во мне укрепилась уверенность, что дело раскрыто. Но за прошедшее время нами получено исчерпывающее объяснение наличия там следов бочки, и я снова охвачен многочисленными сомнениями.

— Я согласен с вами почти во всем, мистер Бернли, но мы не должны забывать: столь глубокие чувства ненависти и ревности могли охватить Буарака лишь при определенных обстоятельствах. А именно — он должен

был знать о намерении жены сбежать от него к Феликсу. Если же он ни о чем не догадывался, то не мог поддаться таким эмоциям. Мне кажется это совершенно очевидным.

— Вы правы, мсье. Да, убийство становилось возможным только при раскрытии им тайных намерений супруги.

— И добавьте еще одно условие. Он должен был очень сильно любить жену. Если же он не любил ее, то измена могла рассердить и раздосадовать его, но не привести в состояние буйного помешательства, слепого гнева, о которых мы с вами рассуждаем. Допустите, что отношения между ними складывались не самым лучшим образом. Предположите существование в жизни Буарака другой женщины, и тогда поступок мадам Аннетты мог принести ему исключительно радость, вследствие благополучного решения проблемы. Особенно при отсутствии у них детей, которые всегда усложняют процедуру развода.

Шеф посмотрел на подчиненных вопрошающим взглядом.

— Согласен с вами, мсье, — сказал Бернли.

— Также и я, шеф, — кивнул Лефарж.

— Подведем итог. Мы пришли к общему мнению. Если Буарак любил жену и узнал о ее измене и намерении покинуть его, у него был мотив для преступления. В противном случае причина убийства все еще остается неразгаданной: ни в случае участия Буарака, ни Феликса, ни кого-либо другого.

— Конец вашей фразы, мсье, как раз указывает на иные варианты, — заметил Лефарж. — А не мог это быть некто совершенно другой? Я не вижу, почему мы должны ограничивать круг подозреваемых Феликсом и Буараком. А что насчет Ле Готье, например? Или личностей, нам еще вовсе пока не известных?

— Верно, Лефарж. Начинают просматриваться новые версии. Есть для начала пресловутый дворецкий Франсуа. Нам предстоит пристальнее присмотреться к нему. Не стоит исключать и существования у мадам Буарак бывших любовников. Но, как я считаю, прежде чем двигаться дальше, нам необходимо что-то решить относительно двух главных персонажей.

— Есть еще один важный момент, мсье, — добавил Бернли. — Медицинская экспертиза показала, что мадам была убита в короткий промежуток времени после того, как покинула свой дом. Мы имеем основания считать на основе показаний управляющего отелем, что Феликс отправился в Лондон утром после ужина у Буараков. В таком случае ключевым становится вопрос: сопровождала ли его мадам? Если да, то все указывает на Феликса. Если нет — на Буарака.

— Мне кажется, мы можем логическим путем определить это, — сказал Лефарж.

— Каким же образом?

— А вот как, мсье. Давайте отвлечемся ненадолго от личности убийцы и рассмотрим другой аспект дела: как и когда труп попал в бочку? Ведь перемещения бочки мы отследили достаточно детально. Ее упаковали во дворе демонстрационного зала на бульваре Капуцинок, вложив тогда внутрь скульптурную группу. Затем она совершила путешествие до вокзала Ватерлоо, и мы располагаем неопровержимыми доказательствами, что по пути туда никто не мог подменить содержимого. Таким образом, тело еще не находилось в бочке к моменту прибытия на Ватерлоо. Затем на двадцать два часа она исчезла. И появилась снова на вокзале Чаринг-Кросс, поскольку слишком невероятным выглядит допущение о наличии двух одинаковых бочек, совершивших обратный рейс в Париж. У нас нет оснований подозревать возможного вскрытия бочки по дороге. В Париже она покинула Северный вокзал в 17.20, снова пропала из поля зрения, но оказалась на товарной станции в 18.10 тем же вечером, вернувшись в Лондон морем. По прибытии в Лондон в ней уже лежал труп. Абсолютно ясно, что подмена произошла не во время одного из этих трех перемещений. Стало быть, манипуляция была произведена в период ее исчезновения в Лондоне или в Париже.

Разберем исчезновение бочки в Париже. Оно длилось пятьдесят минут, причем за это время бочка была доставлена на гужевой повозке от Северного вокзала до товарной станции рядом с рю Кардине. Как долго, по вашему мнению, мсье, могла длиться такая поездка?

— Думаю, примерно минут пятьдесят, — ответил шеф.

— Мне тоже так кажется. А значит, нам известно, где находилась бочка в период парижского исчезновения почти до минуты. Кроме того, мы с вами понимаем, что вскрыть бочку, распаковать, уложить иное содержимое и плотно закрыть снова невозможно за краткий промежуток времени. А какие-либо манипуляции с бочкой во время движения и вовсе исключены. Она находилась в пути и потому не могла подвергнуться вскрытию. Отсюда вывод: тело попало внутрь бочки в Лондоне.

— Превосходно и убедительно, Лефарж. Думаю, вы на все сто процентов правы.

— Но можно продлить логическую цепочку, мсье. Если мои предположения верны, следует считать доказанным, что мадам Буарак прибыла в Лондон живой и невредимой, поскольку ее труп никак не мог бы попасть туда. Сопоставим этот факт с данными медицинского освидетельствования, упомянутыми мистером Бернли, и неизбежно заключим: она приехала в Лондон вместе с Феликсом в воскресенье.

— Также звучит весьма правдоподобно.

— А если она оказалась в Лондоне с Феликсом, то почти наверняка он повинен в ее смерти. На его вину указывает и многое другое. Предположим на мгновение, что он совершил убийство, и перед ним возникла проблема, как избавиться от трупа. Ему необходимо куда-то спрятать тело для перевозки. И тут до него доходит, что всего несколько часов назад он видел весьма подходящую для такой цели упаковку. Бочку со статуей. И по счастливому для него стечению обстоятельств, он не только видел ее, но и знал, где раздобыть точно такую же. Как он поступает? Он принимает меры, чтобы добыть аналогичную бочку. Он отправляет письмо в фирму, использующую бочки в виде тары для своих произведений, и заказывает статуэтку, для перевозки которой понадобится нужная ему бочка.

— А для чего пришлось давать фальшивый адрес?

— Этому я пока не нахожу объяснения, мсье, но, вероятно, идея заключалась в том, чтобы запутать следы.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Дальнейшие события видятся мне так. Он получил бочку по ее прибытии в Лондон, привез в усадьбу «Сен-Мало», достал и, должно быть, уничтожил скульптуру, уложил внутрь тело, отвез бочку на Чаринг-Кросс, сдал в багажный вагон поезда до Парижа, после чего сам поехал сюда тем же поездом. В Париже поспешно нанял повозку, перевез бочку с Северного вокзала на товарную станцию рю Кардине, вернулся в Лондон, а уже в понедельник явился для получения груза на пристань Святой Екатерины.

— Но в чем же смысл всех этих перемещений? Если целью было избавиться от трупа, то зачем, проделав это, изобретать мудреную схему возвращения его себе же?

— Я предвидел этот вопрос, мсье, и не нахожу пока удовлетворительного ответа на него, — признал Лефарж, — хотя могу высказать предположение. Подобная схема стала, как и фальшивый адрес, одним из способов отвести от себя подозрения. Но, с моей точки зрения, важнее другое. Мы располагаем показаниями, что во всех трех случаях бочку по прибытии встречал чернобородый мужчина, похожий на Феликса. А по ходу всего расследования нам пока не попадался ни один другой человек с темной бородкой. Все указывает на причастность Феликса к получению бочки каждый раз по ее прибытии в тот или иной пункт назначения.

— Если версия мсье Лефаржа верна, — вмешался в разговор Бернли, — то и письмо относительно мнимого пари тоже написал Феликс. В таком случае не являлось ли письмо, как и сложные перемещения бочки, попыткой бросить тень подозрения на Ле Готье?

— Или на Буарака? — высказал предположение шеф.

— Но зачем, — продолжал размышлять вслух англичанин, — втягивать в дело Ле Готье? Почему было не ограничиться Буараком?

— Слишком очевидный ход, — ответил Лефарж, довольный, как быстро остальные подхватили и подвергли разбору его версию. — Грубая работа. Феликс понимал, что, будь автором письма Буарак, он никогда бы не поставил под ним свое имя. Вовлечь в дело Ле Готье выглядело гораздо более умным маневром.

— Если Феликс стоит за всем этим, — развивал свою мысль Бернли, — то можно считать решенным вопрос об авторстве письма. Ведь до сих пор он остается единственным человеком, располагавшим всей необходимой информацией, чтобы написать его. Он присутствовал в кафе «Золотое руно», решил совместно с Ле Готье принять участие в лотерее и, стало быть, знал все подробности по данному делу. Дискуссию о преступниках и полиции, как и пари между Ле Готье и Дюмарше, чего на самом деле не было, он мог выдумать, чтобы оправдать получение бочки. И, уж конечно, он все знал о последнем перемещении груза, поскольку сам и отправил его.

— Совершенно справедливое замечание! — с энтузиазмом воскликнул Лефарж. — Все складывается в единое целое. Наконец-то мы выходим из тьмы к свету истины. И не стоит забывать показания Сюзанны относительно записки. Ясно, что мадам Буарак и Феликс о чем-то стоворились на ту ночь. По крайней мере, они поддерживали связь друг с другом, а ответ Феликса подразумевал встречу.

— Важный момент, вне всякого сомнения. И все же, — заметил шеф, — у нас есть еще немалые трудности. Взять, к примеру, историю со шляпными заколками. К какому выводу вы пришли, Лефарж?

— Я готов предположить, мсье, что женщина была слишком возбуждена предстоявшим побегом из дома и почти не отдавала себе отчета в собственных действиях.

Шеф покачал головой.

— Не нахожу объяснение удовлетворительным, — сказал он.

— В таком случае не могло ли это означать, как и отсутствие при ней багажа, что она вообще не покинула в ту ночь своего дома? Ее могли убить сразу после окончания званого ужина, а шляпу и пальто снять с вешалки для отвода глаз. Вы не рассматривали такой возможности?

Бернли не заставил себя ждать с ответом.

— Это была едва ли не первая идея, пришедшая мне в голову, господа, но я отмел ее как неправдоподобную по следующим причинам. Во-первых, если бы

мадам Буарак была убита уже в субботу поздним вечером, то куда дели труп? Его не могли поместить в бочку, стоявшую в кабинете, поскольку она была полна. Скульптуру из нее вынули только через два дня — в понедельник. Более того, мы наверняка знаем, что в той бочке никакого тела не прятали вообще, поскольку ее сразу пустой вернули в фирму мсье Дюпьера. Во-вторых, труп не мог быть спрятан где-то в доме, поскольку Франсуа и Сюзанна тщательно осмотрели его в воскресенье, а человеческое тело слишком крупный предмет, чтобы остаться незамеченным. Далее, если она была убита в доме, преступление могли совершить Феликс или Буарак, либо кто-то другой, не исключая и группу неизвестных нам лиц. Тогда едва ли это сделал Феликс, потому что он не сумел бы вынести труп из дома без сообщника, какового мы пока не обнаружили. Буарак располагал лучшей возможностью избавиться от тела, хотя вопрос тоже спорный, и у него имеется подтвержденное алиби. И последнее: я твердо уверен, что показания дворецкого Франсуа правдивы. Не могу представить его в роли соучастника в убийстве и не вижу, каким образом преступление могло быть совершено в указанное вами время без его ведома.

— Да, ваши слова резонны. Более того, если принять во внимание версию мсье Лефаржа о том, что труп поместили внутрь бочки уже в Лондоне, то обсуждение можно на этом закончить.

— Я тоже считаю, что убийство не было совершено в доме тем же вечером, — заметил Лефарж, — хотя, в отличие от мистера Бернли, не принимаю алиби Буарака как полностью доказанное.

— А я был склонен считать его алиби вполне достоверным, — сказал мсье Шове. — Что в нем вызывает у вас сомнения, Лефарж?

— Все его объяснения, начиная с того времени, когда Буарак покинул свое предприятие. Мы, например, не в силах проверить, существует ли реально тот американский друг, на которого он ссылается. С моей точки зрения, эта часть истории легко может оказаться выдумкой.

— Верно, — признал шеф, — но мне не кажется историей, рассказанная Буараком, столь уж важной для дела. Решающее значение имеет указанное Буараком время его возвращения домой в самом начале второго часа ночи. Оно подтверждено и Франсуа, и Сюзанной, а потому мы, видимо, должны признать слова Буарака правдивыми. Есть еще одно почти неопровержимое доказательство. Если помните, Буарак заявил, что где-то на полпути между вокзалом Орсе и домом его застал дождь. Вы поступили совершенно правильно, когда проверили даже столь малую деталь, спросив Франсуа, был ли плащ хозяина влажным. Дворецкий ответил, что был. Позже я лично навел справки и выяснил: та ночь выдалась преимущественно ясной, и лишь около часа ночи начался сильный дождь. А посему мы определенно знаем, что до этого времени Буарак еще находился на улицах города. В полном соответствии с его показаниями. Стало быть, он не мог совершить преступления до примерно четверти второго, как и после этого времени, поскольку жена уже пропала, а дворецкий и горничная не спали. Вывод: если убийца все же Буарак, то свое черное дело он сделал в другое время, но не той ночью.

— С вашими доводами не поспоришь, мсье, — согласился Лефарж. — А если учесть тот факт, что мы до сих пор никоим образом не можем связать Буарака ни с письмом, ни с бочкой и считаем практически установленной поездку мадам в Лондон, то его можно вычеркнуть из числа подозреваемых. Каково ваше мнение, Бернли?

— По-моему, пока слишком рано вычеркивать из списка подозреваемых кого-либо вообще. Должен заметить, что наличие мотива у Буарака совершить убийство показалось мне очень сильным аргументом против его невиновности.

— Хотя это, между прочим, тоже говорит о том, что Буарак никак не мог совершить преступления той же ночью, — подхватил его мысль шеф. — По вашему предположению, он убил жену, потому что она сбежала с Феликсом. Но он пришел домой, явно рассчитывая застать ее там, а значит, не догадывался о ее планах. Следовательно, по меньшей мере на одну ночь подобное

намерение у него отсутствовало. Мотивы вообще вещь коварная, согласитесь, джентльмены.

Все трое рассмеялись, а мсье Шове продолжал:

— Итак, давайте определимся с той ситуацией, какая существует на сегодняшний день. Суммируем известные нам факты. Мы знаем, что мадам Буарак была убита в собственном доме в промежутке между 23.30 после ужина в субботу и вечером понедельника в начале следующей недели, когда предположительно Феликс написал письмо с заказом на скульптурную группу. Очевидно, что убийство могли совершить Феликс, Буарак или некий другой человек. Поскольку до сей поры не появилось свидетельств о существовании третьей персоны, невольно приходится считать основными подозреваемыми первых двух мужчин. Если начать с Буарака, то, очевидно, при определенных обстоятельствах у него мог быть мотив для убийства, но пока нами не выявлены причины для совершения данного преступления. Помимо этого, мы не обнаружили ничего, компрометирующего его. Буарак обеспечил себя надежным алиби как раз на то время, когда он мог бы теоретически совершить преступление.

Что касается Феликса, то с ним связано несколько весьма подозрительных фактов. Прежде всего доказано, что он получил от мадам записку с предложением о встрече, насколько можно судить по рассказу горничной. Далее, мы знаем, как он воспользовался отсутствием мужа дома в вечер ужина, для продолжительной беседы наедине. Она продолжалась с 23.00 до по меньшей мере 23.30, хотя есть основания предполагать, что randevу продлилось до часа ночи.

Затем мадам отправилась в Лондон, либо с Феликсом, либо в одно с ним время, но это пока лишь гипотеза. У нас есть три причины принимать ее как весьма вероятную. Прежде всего в собственноручно написанном послании она уведомила мужа о подобном намерении. Окончательная ценность улики зависит, конечно же, от заключения эксперта-графолога, чей отчет о подлинности почерка нами еще не получен. Кроме того, мадам никак не могла втайне остаться где-то дома, живая или мертвая, что подтверждается тщательным обсле-

дованием жилища слугами, не обнаружившими следов ее присутствия. Как не существовало возможности спрятать ее тело в бочке, стоявшей в кабинете. В ней находилась мраморная статуэтка, извлеченная лишь в понедельник вечером. И последнее. Если проследить перемещение бочки, то представляется вероятным, что труп поместили в нее только в Лондоне, — по самой простой причине: это невозможно было сделать нигде больше. А следовательно, жертва все-таки совершила поездку в этот город.

Перейдем к другому аспекту дела. Авторство письма, якобы присланного Феликсу его приятелем Ле Готье, можно не без оснований приписать самому Феликсу, сочинившему послание для прикрытия своих манипуляций с бочкой. Ясно, что оно было написано с подобной целью, поскольку по меньшей мере половина его содержания (пари и мнимый тест с получением бочки) совершенно не соответствует действительности и выглядит выдумкой для оправдания прибытия бочки. Нам теперь известно: Ле Готье такого письма не отправлял, а Феликс остается единственным человеком, обнаруженным нами до сих пор, кто располагал всей необходимой информацией.

Еще один твердо установленный факт. Мы знаем, что похожий на Феликса мужчина с черной бородкой организовал все передвижения бочки. На данном этапе расследования нам известен только один мужчина соответствующей внешности. Сам Леон Феликс. Но, с другой стороны, есть два момента, которые для Феликса являются позитивными. Первый — мы не установили вероятного мотива для совершения им преступления. И второй — его изумление и шок при обнаружении в бочке трупа выглядели неподдельными. В результате, собрав известное количество улик против Феликса, мы все же должны отметить, что они главным образом косвенные, и есть обстоятельства, свидетельствующие о его невиновности.

Если же говорить начистоту, то, по моему убеждению, мы не добыли пока необходимой информации, чтобы делать выводы. Предстоит еще большая работа для сбора дополнительных сведений. Главная задача на данный момент — в точности установить личность автора письма по поводу ложного выигрыша в лотерею

и никем не заключенного пари. Для этого первостепенной важностью является поиск пишущей машинки. Это не должно представлять особого труда, если иметь в виду, что автор почти наверняка отпечатал письмо лично. Таким образом, нам следует обращать внимание только на те машинки, доступ к которым могли иметь вероятные авторы послания. Завтра же я направлю сотрудника, и он добудет образцы шрифтов всех машинок, какими мог воспользоваться Буарак. Если это не даст результатов, мы проведем такую же скрытую операцию в отношении Ле Готье, Дюмарше и остальных господ, чьи фамилии значатся в нашем списке. Как я понимаю, мистер Бернли, ваши люди могут предпринять аналогичное расследование касательно Феликса?

— Как я предполагаю, это уже сделано, но сегодня же свяжусь с ними, чтобы удостовериться.

— Я считаю подобную проверку очень важной, но не меньшее значение имеет и другое направление нашей работы: мы должны отследить все перемещения Феликса с вечера субботы до вечера четверга, когда из Парижа отправили бочку, в которой потом было обнаружено тело. Кроме того, необходимо получить прямые доказательства того, что мадам Буарак вместе с ним уехала в Лондон.

То же касается всех передвижений Буарака за аналогичный период времени. Если это ничего не даст, придется пойти на более радикальные меры. Устроим очные ставки для Феликса и Буарака со всеми железнодорожными служащими и багажными приемщиками, которые принимали бочку у мужчины с черной бородкой или выдавали груз ему, в надежде на возможное опознание. Следует установить личности всех кучеров повозок, доставлявших бочку на вокзалы и обратно, хотя это не обязательно приведет нас к тем, кто оплачивал их услуги и давал им инструкции. Понадобится провести доскональное изучение прошлого мадам Буарак, как и всех людей, входящих в круг подозреваемых. Есть еще несколько ниточек, за которые в дальнейшем можно будет зацепиться. Но если мы добросовестно и успешно осуществим только что перечисленные мной действия, то собранных данных окажется вполне достаточно...

Смертельный
груз

Беседа продлилась еще некоторое время, обсуждению подверглись допустимые методы ведения следствия. В итоге было принято совместное решение о том, что на следующее утро Бернли и Лефарж начнут просчитывать передвижения Феликса с вечера званого ужина до момента, когда он покинул Францию. Затем Бернли продолжит идти по следу Феликса, а Лефарж переключит внимание на перемещения Буарака в критически важный для дела период.

Глава 18

ЛЕФАРЖ ОХОТИТСЯ В ОДИНОЧКУ

Ровно в девять утра следующего утра коллеги встретились в гостинице на рю Кастильон. План своих действий они обсудили накануне и потому взялись за дело, не теряя времени. Вызвав такси, сыщики направились в отель «Континенталь» и изъявили желание вновь увидеться со своим старым знакомым — управляющим. Несколько минут спустя их провели в кабинет учтивого, неизменно улыбающегося, но откровенно тяготившегося своей работой мелкого начальника.

— Нам искренне жаль снова доставлять вам хлопоты, мсье, — с порога извинился Лефарж, — но в интересах следствия потребовалась дополнительная информация о вашем недавнем постояльце, мсье Феликсе. И если вы сможете получить ее, то благодарность вам со стороны правоохранительных органов будет поистине безграничной.

Менеджер легким поклоном выразил готовность оказать любое содействие, добавив:

— Мне лишь доставит удовольствие сообщить все, что мне может быть известно. Какие факты вас интересуют теперь?

— Мы пытаемся проследить за перемещениями мсье Феликса после того, как он выехал из отеля. Вы уже упоминали, что он намеревался сесть на поезд в 8.20,

отправлявшийся с Северного вокзала к паромной переправе в Англию. Нужно установить, на самом ли деле он сел в тот поезд. Вы можете уточнить такую деталь?

— Наш собственный автобус встречает абсолютно все поезда, прибывающие после переправы из Англии, но к отходящим экспрессам выезжает только в том случае, если ими путешествуют гости отеля. Дайте мне минутку, и я проверю, выезжал ли он в то утро. Это ведь было воскресенье, не так ли?

— Да, воскресенье двадцать восьмого марта.

Управляющий отсутствовал очень недолго, вернувшись в сопровождении рослого молодого человека, одетого в униформу портье.

— Как я выяснил, автобус действительно выезжал на вокзал в интересующий вас день, а наш сотрудник Карл сопровождал его. Он сможет ответить на ваши вопросы.

— Спасибо, мсье. — Лефарж обратился к портье: — Стало быть, вы ездили на автобусе к вокзалу в воскресенье двадцать восьмого марта, чтобы доставить пассажиров к поезду до английской паромной переправы, отходившему в двадцать минут девятого утра?

— Да, мсье.

— Скольких постояльцев вы тогда отвозили?

Портье задумался.

— Троих, мсье, — ответил он после некоторой паузы.

— Вы помните, кто это был?

— Я знал только двоих. Прежде всего мсье Леблана, прожившего в нашем отеле более месяца. Еще с нами ехал мсье Феликс, часто останавливавшийся у нас за последние годы. А вот имя третьего пассажира — английского джентльмена — мне не известно.

— Пассажиры общались между собой в автобусе?

— Я только видел, как мсье Феликс разговаривал с англичанином, когда оба выходили из автобуса у вокзала, но помимо этого ничего не заметил.

— И все уехали поездом в 8.20?

— Да, мсье. Я собственноручно разнес их багаж по вагонам и видел всех троих в поезде, когда он отправлялся.

— Мсье Феликс путешествовал один?

— Да, мсье.

— А он не встречался на вокзале или, быть может, только беседовал с какой-нибудь дамой?

— Нет, мсье. Точнее, я могу лишь сказать, что никакой дамы не приметил.

— Он не показался вам взволнованным или встревоженным?

— Нет, мсье. Он выглядел как обычно.

— Благодарю вас. Вы оказали нам большую услугу.

Несколько серебряных монет перекочевали из руки в руку, и Карл удалился.

— Весьма удовлетворительные ответы, мсье управляющий. Теперь мне необходимы фамилии и адреса двух других пассажиров автобуса.

Сведения разыскали без затруднений. Мсье Гийом Леблан, Марсель, рю Вер и мистер Генри Гордон, Глазго, Энгус-лейн, Сошихолл-стрит, дом 327. После чего сыщики с многословными выражениями признательности распрощались и покинули гостиницу.

— Нам повезло, — заметил Лефарж, пока они ехали к Северному вокзалу. — Попутчики могли видеть Феликса на более поздних этапах поездки, и, быть может, удастся с их помощью проследить его действия на всем протяжении маршрута.

Остаток утра коллеги провели под высокими сводами здания вокзала, беседа с билетными контролерами и прочим персоналом, но совершенно безрезультатно. Никто не запомнил ни одного из тех троих пассажиров.

— Паром более перспективен, — заметил через некоторое время Бернли. — Если Феликс часто пользовался переправой, кому-то из стюардов он может быть знаком.

В 16.00 они сели в поезд, прибывший в Булонь с наступлением сумерек. Детективы сразу же приступили к расспросам на пирсе. Узнав, что «Па-де-Кале» — судно, совершившее интересовавший их рейс, — отходит в плавание только завтра в полдень, сыщики отправились в местный полицейский участок. Они встретились с полисменами, дежурившими в то воскресенье при отходе парома, но не сумели получить никакой

полезной информации. Затем поднялись на борт парохода и разыскали бригадира стюардов.

— Да, я узнаю этого джентльмена, — сказал бригадир, когда Лефарж представился и показал фотографию Феликса. — Он часто пользуется паромной переправой. По меньшей мере один или два раза в месяц, как мне кажется. Его зовут мсье Феликс, но я не знаю, где он живет, и не могу ничего больше рассказать о нем.

— Нас больше всего интересует, когда он пересек пролив в последний раз. Мы были бы весьма признательны, если вы припомнили это.

Бригадир задумался.

— Боюсь, не смогу ответить с твердой уверенностью. В последнее время он путешествовал в обоих направлениях чаще обычного. Кажется, в последний раз я видел его десять дней или две недели назад, но точной даты не назову.

— Мы предполагаем, что он воспользовался вашим паромом в воскресенье двадцать восьмого марта. У вас нет возможности проверить и подтвердить это?

— Нет. Видите ли, мы не ведем никаких записей. Способа установить, по какому билету он совершил плавание, тоже не существует, и у нас нет привычки особо выделять кого-то из пассажиров. Память подсказывает, что вы верно указали день, но утверждать это определенно я бы не осмелился.

— Есть у вас на примете кто-то из членов команды, способных нам помочь?

— Мне очень жаль, мсье, но ничто не приходит в голову. Разве что он мог свести знакомство с капитаном или с одним из его помощников, но откуда мне знать?

— Последний вопрос, мсье. Он путешествовал один?

— Мне кажется, один. Хотя минуточку! Стоило вам упомянуть об этом, как я вспомнил — с ним была дама. Я, конечно же, не обращал на это внимания специально, занятый своими многочисленными обязанностями, но смутно припоминаю: он разговаривал с какой-то леди на прогулочной палубе.

— Вы можете описать ее?

— Едва ли. Я даже не уверен на сто процентов, что мне это не померещилось.

От бригадира стюардов им ничего больше не добиться — сыщики поняли это, но задержались на борту, беседуя с каждым встречным из членов экипажа кто, по их мнению, мог дать им нужную информацию. Из всех собеседников Феликса в лицо знал только официант, но в интересовавший детективов день он его в ресторане не заметил.

— Боюсь, это тупик, — сказал Бернли, когда они отправились искать для себя отель. — Полагаю, что бригадир стюардов действительно видел с ним женщину, но как свидетель он совершенно никуда не годится.

— Верно. И не думаю, что в Фолкстоуне нам удастся продвинуться в расследовании намного дальше.

— Скорее всего так, но мне все же следует предпринять попытку. Думаю, придется совершить поездку до самого Глазго, чтобы встретиться с мужчиной, ехавшим с Феликсом одним автобусом до вокзала. Он может что-то случайно знать.

— А я повидаюсь со вторым. Тем, что живет в Марселе.

На следующий день за несколько минут до полудня сыщики прогуливались по пристани рядом с паромом, готовым к отплытию в Англию.

— Что ж, — сказал Лефарж, — здесь наши с тобой дорожки расходятся. Нет никакого смысла в моей поездке в Фолкстоун, и я отправлюсь поездом в 14.12 обратно в Париж. Работать с тобой — истинное удовольствие. Жаль только, нам не удалось добиться здесь более ощутимых результатов.

— Дело еще далеко не закончено, — отозвался англичанин. — Не сомневаюсь, мы не остановимся, пока не выясним все до конца. Но мне искренне жаль прощаться с тобой. Надеюсь, нам вновь предстоит совместная работа уже скоро.

Они расстались, пожелав друг другу удачи. Бернли от души поблагодарил за радушный прием, оказанный ему в Париже, а Лефарж предложил приятелю провести следующий отпуск в самой веселой столице мира.

Мы же с вами, читатель, составим компанию Лефаржу, вернемся в Париж и пронаблюдаем за его попытками выяснить все перемещения мсье Буарака с вечера

субботнего званого ужина до вечера четверга следующей недели, когда бочка, в которой затем обнаружили тело, была отправлена с товарной станции государственных железных дорог Франции, расположенной на рю Кардине.

Лефарж прибыл на Северный вокзал в 17.45 и сразу же поехал в Сюрте. Мсье Шове он застал в кабинете и кратко доложил о событиях с момента, когда они встречались в предыдущий раз.

— Мне позвонили из Скотленд-Ярда, — сообщил шеф. — Буарак прибыл к ним в одиннадцать, как и собирался. Он опознал тело своей жены. Так что с этим все окончательно ясно.

— Вам известно, мсье, успел ли он вернуться?

— Пока не знаю. А почему вы спрашиваете об этом?

— Я подумал, что если его еще нет дома, можно воспользоваться возможностью и основательно допросить Франсуа обо всех перемещениях хозяина со времени убийства.

— Прекрасная мысль. Мы можем прояснить вопрос незамедлительно.

Мсье Шове перелистал телефонный справочник, нашел нужный номер и попросил соединить его.

— Алло! Это мсье Буарак? Нет? А мсье Буарак дома? Примерно в семь часов, вот как? Благодарю. Я позвоню ему позже... Нет-нет, ничего важного. Это подождет.

И он дал отбой.

— Буарак сел в поезд, отходивший с вокзала Чаринг-Кросс в одиннадцать, и домой доберется не раньше семи. Если вы наведаетесь к нему в половине седьмого, когда он обычно возвращается с работы, ваш визит будет выглядеть вполне естественным, не вызовет подозрений и даст возможность свободно побеседовать с Франсуа.

— Так я и поступлю, мсье. — Детектив поклонился и вышел.

Церковные часы только закончили отбивать половину седьмого вечера, когда Лефарж появился у двери дома на авеню де л'Альма. Открыл ему Франсуа.

— Добрый вечер, Франсуа. Мсье Буарак уже дома?

— Еще нет, мсье. Мы ждем его примерно через полчаса. Не желаете ли войти и подождать?

Лефарж сделал вид, что раздумывает, а потом ответил:
— Да, спасибо. Пожалуй, я приму ваше приглашение.
Дворецкий проводил его в малую гостиную.

— В Сюрте я краем уха слышал, будто мсье Буарак уехал в Лондон на опознание тела. Полагаю, вы уже знаете, удалось ли ему это?

— Нет, мсье. Я тоже знаю, что хозяин отправился в Лондон, но мне не была известна цель его поездки.

Детектив устроился в удобном кресле и достал портсигар.

— Попробуйте одну из этих сигарет, — предложил он дворецкому. — Это совершенно особый бразильский сорт табака. Мы ведь можем здесь закурить?

— Разумеется, мсье. Благодарю вас.

— Из Лондона путь неблизкий. Не завидую сейчас мсье Буараку. А вы там бывали, Франсуа?

— Дважды.

— Возможно, один раз туда стоит съездить, но этого вполне достаточно. Хотя мсье Буарак, по всей видимости, привык к таким путешествиям, не так ли? Недаром говорят: человек может привыкнуть ко всему.

— Думаю, должен был привыкнуть. Он много куда ездит — в Лондон, Брюссель, Берлин, Вену — если не ошибаюсь, он посетил все эти города за последние два года.

— Не хотел бы оказаться на его месте. Но, можно предположить, случившееся несчастье отобьет у него охоту путешествовать. Ему, видимо, захочется оставаться дома в полном покое, не желая никого видеть. Как вы считаете, Франсуа?

— Не совсем так, мсье. Видимо, у него это вошло в привычку. По крайней мере, с того времени он уже второй раз уезжает из дома.

— Вы меня удивляете. Хотя если подумать, то нет. Наверное, мне не стоит лезть не в свое дело, но я готов поставить наполеон* и заключить пари, что знаю, куда и зачем мсье Буарак совершил первую поездку. Он отправился пронаблюдать за тестом Уилсона. Верно?

* Вышедшая из употребления монета достоинством в 20 или 40 франков.

— За тестом Уилсона, мсье? Если честно, я понятия не имею, что это такое.

— Вы никогда не слышали о тесте Уилсона? Я вам расскажу. Уилсон возглавляет очень крупную британскую компанию, производящую насосы, и каждый год его фирма назначает награду в десять тысяч франков, если будет продемонстрирован насос, обладающий большей мощностью, чем агрегаты самого Уилсона. Тест проводится ежегодно, и последний состоялся в прошедшую среду. Естественно, мсье Буарака это не может не заинтересовать как директора завода, изготавливающего как раз насосы. Он должен был непременно туда поехать.

— Вы бы проспорили свои деньги, мсье. Хозяин в самом деле уезжал в среду, но, как я случайно выяснил, он побывал в Бельгии.

— Вот как? — И Лефарж со смехом добавил: — В таком случае мне повезло, что пари не состоялось. — Потом он сменил тон на серьезный. — Но вдруг я все-таки прав. Из Бельгии до Лондона уже рукой подать. Мсье Буарак мог отправиться оттуда в Англию или наоборот. Долго ли он отсутствовал?

— Наверяд ли он бы успел, мсье. Его не было здесь только два дня: в среду и в четверг.

— Хороший урок для меня. Вечно я лезу биться об заклад, хотя сам не уверен, что мое мнение справедливо, — сказал Лефарж, после чего затянул рассказ о пари, которые заключал, выигрывал и проигрывал, пока у Франсуа не иссякло терпение, и он попросил извинить его: нужно было подготовиться к возвращению хозяина.

Вскоре после семи появился мсье Буарак. Лефаржа он заметил уже с порога.

— Крайне не хотелось беспокоить вас после утомительного путешествия, — сказал следователь, — но в злополучном деле возникли некоторые аспекты, и я был бы признателен, если вы согласились побеседовать со мной в любое удобное время.

— Никогда не стоит затягивать с делами. Дайте мне час, чтобы переодеться и поужинать, а потом я буду в вашем распоряжении. Надеюсь, вы сами уже успели поесть?

— Да, спасибо. В таком случае, если позволите подождать здесь, я так и сделаю.

— Лучше пройдите ко мне в кабинет. Там вы, быть может, найдете книгу, чтобы было чем себя занять.

— Благодарю вас, мсье.

Стрелки часов на каминной полке в кабинете показывали половину девятого, когда мсье Буарак пришел туда. Погрузившись в просторное кресло, он произнес:

— Теперь я всецело в вашем распоряжении.

— Дело настолько деликатное, что мне, право, затруднительно подобрать слова для начала разговора, — сказал Лефарж. — У вас не должно сложиться впечатление, что мы питаем некие подозрения, их нет и в помине. Однако вы человек образованный и опытный, а потому должны понять, что существование мужа у убитой женщины неизбежно вызывает необходимость прояснения некоторых обстоятельств. Это не более чем простая формальность. Мой шеф, мсье Шове, поручил мне чисто рутинную, но весьма неприятную миссию задать вам вопросы относительно ваших действий и перемещений, совершенных с момента прискорбного события.

— Вот это неопределенности и уклончивости. То есть вы подозреваете меня в убийстве жены?

— Это не так, мсье. Я нисколько не кривлю душой, но при расследовании подобных дел мы обязаны получить отчет о передвижениях каждого его фигуранта. Это формальный долг, который с нас никто не может снять, нравится подобное занятие или нет.

— Ах, вот оно как? Что ж, тогда приступайте к исполнению своих непреложных обязанностей.

— Моему шефу требуется информация, как вы проводили время с вечера званого ужина в собственном доме до вечера следующего четверга.

Мсье Буарак выглядел откровенно расстроенным. Он сделал продолжительную паузу, прежде чем заговорил, и тон его ответа заметно изменился.

— Я даже вспоминать не хочу об этом времени. Мне пришлось пройти через невыносимые испытания. Думаю, мною овладело своего рода краткое умопомешательство.

— Тем горестнее для меня настаивать, чтобы вы ответили на мои вопросы.

— О, я, конечно же, все вам расскажу. Припадок — или как его еще можно назвать? — уже позади. Я снова пришел в себя. А произошло со мной за указанный вами период вот что.

С субботнего вечера или, точнее, с раннего утра в воскресенье, когда я узнал, что жена меня бросила, мною овладело какое-то полусонное состояние. Мой мозг онемел, и я испытывал странное ощущение, как будто непостижимым образом существую отдельно от себя самого, покинув собственное тело. Как обычно, я отправился в понедельник на работу и в привычное время вернулся вечером домой. После ужина в надежде немного развеяться распаковал бочку, но даже это не смогло вызвать у меня интереса и унять жуткую депрессию. Следующим утром — во вторник — снова поехал к себе на завод, но после часа напрасных усилий понял, что не могу сосредоточиться на делах. Я понимал, насколько важно для меня найти уединение, чтобы снять стресс, связанный с необходимостью притворяться и делать перед посторонними вид, словно ничего не произошло. Я покинул кабинет, прошелся по улице, спустился на станцию метро. Как вдруг мне на глаза попался указатель «Венсенское направление», и до меня дошло: Венсенский лес — вот самое подходящее для меня сейчас место! Там смогу бродить, не опасаясь встретиться со знакомыми людьми. Я сел в отходивший туда поезд, а потом провел остаток утра, гуляя по самым глухим тропинкам. Движение, физические усилия отчасти помогли мне, но, по мере того как я уставал, менялся и мой умственный настрой. Мне мучительно захотелось ощутить человеческое сочувствие, довериться кому-то, излить душу, чтобы не сойти с ума.

И я подумал о своем брате Армане, преисполнившись уверенности, что именно он способен дать мне тепло и сострадание, в которых столь остро нуждался. Он живет неподалеку от Мехелена в Бельгии, и я решил немедленно отправиться туда и встретиться с ним как можно скорее. Пообедав в небольшом кафе в Шарантоне, я оттуда же позвонил на работу и домой,

Смертельный
груз

уведомив всех, что должен на пару дней уехать в Бельгию. Франсуа было дано поручение собрать небольшую сумку с самыми необходимыми вещами и оставить ее в камере хранения на Северном вокзале, где я смог бы ее забрать. Но затем я понял, что, если сяду на поезд, отходящий в 16.05, — то есть на ближайший экспресс, — то прибуду на место посреди ночи. И потому я изменил намерения. Нужно было дождаться вечернего поезда, а с братом встретиться уже следующим утром.

Коротая время, я долго шел берегом Сены, вернувшись на Лионский вокзал пригородным поездом. Поужинал в кафе на площади Бастилии, после чего смог наконец перебраться на Северный вокзал, получить сумку и выехать в Брюссель экспрессом в 23.20. В пути я отлично выспался, позавтракал в кафе на Северной площади в бельгийской столице и около одиннадцати часов утра отправился в Мехелен. Последние четыре мили до дома брата я прошел пешком ради физической активности, но, добравшись туда, никого не застал. И только тут мне припомнились совершенно забытые слова брата о его деловой поездке в Стокгольм, куда он собирался взять и жену. Я, конечно, проклинал свое беспамятство, но мой ум находился в таком смятении, что мне и в голову не приходило жалеть о потраченном времени или деньгах.

Медленно возвращаясь в сторону Мехелена, я уже строил планы в тот же вечер вернуться в Париж. Но потом мне подумалось: достаточно путешествий на сегодня. Денек выдался приятный, солнечный, и я позволил себе забыть о течении времени, оказавшись в Брюсселе около шести часов. Поужинал в кафе на бульваре Анспах и предпринял еще одну попытку отвлечься от черных мыслей, для чего решил провести пару часов в театре. По телефону я позвонил в отель «Максимилиан», где обычно останавливался, и забронировал номер на одну ночь, потом в театре де ла Монне* послушал «Троянцев» Берлиоза. В гостинице оказался уже около одиннадцати. Я снова прекрасно выспался, и на утро мой мозг определенно прояснился. Выехав из Брюсселя с вокза-

---

* Королевский оперный театр в Брюсселе.

ла Миди в 12.50, я прибыл в Париж около пяти часов вечера. Сейчас, когда я оглядываюсь назад на это сумбурное путешествие, оно представляется сущим кошмаром. Так вспоминаются страшные сны. Но думаю, что одиночество и активные пешие прогулки на самом деле пошли мне только на пользу.

Мсье Буарак закончил, и на некоторое время воцарилось молчание. Лефарж с той же скрупулезной тщательностью, какую непременно проявил бы при подобных обстоятельствах Бернли, прокручивал в голове все, только что услышанное. Ему не хотелось подвергать Буарака по-настоящему жесткому допросу, чтобы не насторожить этого господина, если он все же был виновен. Но Лефарж не мог упустить в заявлении подозреваемого ни одной детали, которая позже не подверглась бы проверке с помощью независимых источников информации и свидетельских показаний. В целом история звучала правдоподобно, и сыщик не видел пока причин подвергать ее сомнению. А значит, ему оставалось лишь прояснить некоторые подробности.

— Спасибо, мсье Буарак. Могу я теперь задать вам несколько уточняющих вопросов? В котором часу вы покинули свое рабочее место во вторник?

— Примерно в девять тридцать.

— В каком кафе вы обедали в Шарантоне?

— Не помню. Оно находилось на одной из улочек между железнодорожной станцией и речной пристанью. Довольно невзрачное место, как мне показалось, с выступающим над фасадом балконом со старыми деревянными балками.

— В котором часу вы там обедали?

— Около половины второго, как мне кажется, но я не уверен.

— Откуда вы позвонили на работу и домой?

— Из того же кафе.

— Время не припомните?

— Где-то часом позже, предположительно, в половине третьего.

— Теперь о кафе на площади Бастилии. Какое из них вы избрали для трапезы?

— Опять точно не скажу, хотя, по-моему, оно располагалось на углу рю Сент-Антуан, но в любом случае фасадом выходило на рю де Лион.

— И в котором часу вы находились там?

— Должно быть, в половине девятого.

— Вы получили свою сумку на Северном вокзале?

— Да, она дожидалась меня в камере хранения.

— В поезде вы ехали в спальном вагоне?

— Нет, я путешествовал в обычном купе первого класса.

— У вас были попутчики?

— Трое мужчин. Я не знал никого из них.

— А вообще в тот день — я имею в виду вторник — вы встречали кого-то из знакомых, кто мог бы подтвердить ваши слова?

— Не помню, чтобы с кем-то сталкивался. А подтвердить, наверное, могут официанты из кафе.

— На следующий день, в среду, откуда вы звонили в отель «Максимилиан»?

— Снова из кафе, где ужинал. Оно расположено на бульваре Анспах перед самой площадью Брукер. Но названия я не запомнил.

— И когда вы забронировали номер?

— Непосредственно перед ужином. То есть около семи, как я думаю.

Детектив поднялся и поклонился хозяину.

— Примите глубочайшую признательность за вашу любезность, мсье Буарак. Это все, что я хотел выяснить. Доброй ночи, мсье.

Поскольку погода стояла теплая и ясная, Лефарж совершил неторопливую пешую прогулку до своего дома вблизи площади Бастилии, продолжая размышлять над рассказом, который только что выслушал. Если он был правдив, то с мсье Буарака снимались все возможные подозрения. Будучи в понедельник в Париже, он никак не мог написать письмо Дюпьеру с заказом на скульптуру. Его получили во вторник утром, а значит, отправили из Лондона днем раньше. Находясь в Брюсселе и Мехелене, он не мог встретить бочку на вокзале в Лондоне. Теперь основной задачей становилось

подтверждение его показаний из независимых источников. Лефарж снова перебрал в уме последовательность событий, проверка которых не должна была составить особого труда.

Прежде всего легко установить, действительно ли Буарак оставался в Париже до вечера вторника. Франсуа и другие слуги располагают сведениями о воскресенье, включая ночь, а также о вечере понедельника, а работники завода должны были видеть хозяина в понедельник и утром во вторник. Те же слуги подтвердят, вскрывал он или нет бочку со скульптурой в понедельник вечером. Далее возникал вопрос о времени, когда Буарак ушел с работы во вторник — с этой проверкой тоже проблем не предвиделось. Что же касалось кафе в Шарантоне, то такой дорого одетый и благородного вида клиент не мог не привлечь к себе пристального внимания в захолустном предместье Парижа. Если он и в самом деле там обедал, подтверждение этому получить несложно, поскольку телефонные звонки из кафе только усилили бы интерес к нему со стороны персонала. Столь же незначительные трудности представляла проверка его сообщений по телефону, как и факт передачи сумки через камеру хранения на Северном вокзале.

Не приходилось особо рассчитывать на показания приемщика камеры хранения на вокзале и официантов в кафе на площади Бастилии — все эти люди обслуживали слишком большое число клиентов, чтобы кого-то из них запомнить, но посетить эти точки так или иначе следовало. Запрос в Мехелен должен был удостоверить появление там мсье Буарака и прежде всего наличие у него брата, живущего в окрестностях города. Быть может, удастся выяснить, действительно ли родственника не оказалось дома в указанный день. Работники отеля «Максимилиан» в Брюсселе обязаны знать, провел ли он ночь среды под их кровом, сохранить запись телефонограммы о бронировании номера. И уж совсем легко установить, давали ли оперу Берлиоза «Троянцы» в театре Де Ла Монне.

Лефаржу поневоле подумалось, что для проверки истории Буарака имеется широкий выбор возможно-

стей, и он решил: если все перечисленные случаи окажутся правдой, то полученные показания следует считать достоверными.

Глава 19

ПРОВЕРКА АЛИБИ

На следующее утро Лефарж взошел на борт парохода, отправлявшегося от пристани у моста Искусств позади здания Лувра. День обещал быть прекрасным, уже наполненным теплом и красками лета, но не потеряв еще прелестной прозрачной весенней свежести. Когда судно отошло от берега и поплыло на восток против течения реки, Лефарж вспомнил предыдущее плавание, в которое он отправился с той же пристани. Тогда они с Бернли совершили прогулку вниз по реке в Гренель, чтобы нанести визит на фабрику к мсье Тевене, выпускавшую лепнину и дешевые разновидности скульптур. А теперь по тому же расследованию он вынужден двигаться в другую сторону. Пароходик обогнул остров Сите, плывя вдоль набережной Латинского квартала, где расположились со своими лотками букинисты, миновал величественные башни собора Парижской Богородицы и мост Метрополитен напротив вокзала Аустерлиц. И чем дальше продвигались по широкой реке, тем все менее импозантными становились дома по обоим берегам, а когда преодолели четыре мили до предместья Шарантон, где в Сену впадает Марна, набережные сменились рощами и лугами.

Сойдя с парохода в Шарантоне, конечном пункте маршрута, Лефарж двинулся вдоль улицы в сторону вокзала, высматривая ресторан с балконом над фасадом дома. Поиски оказались недолгими. Самое большое и претенциозное кафе на всей улице полностью соответствовало описанию, а когда он заметил протянувшийся к зданию телефонный кабель, то окончательно убедился — это нужное ему место. Лефарж вошел, занял один из небольших столиков с мраморной столешницей и заказал бокал пива.

Зал оказался просторным. В одном из углов помещалась стойка бара, а ближе к входной двери находилась площадка для танцев. Но сыщика эти детали интересовали мало. Он следил за пожилым официантом с седыми усами, который сновал между основным залом и отдельным кабинетом в его дальнем конце.

— Отличный денек сегодня, — сказал Лефарж, когда мужчина принес ему пиво. — Полагаю, позже клиентов у вас станет гораздо больше, верно?

Официант лаконично согласился с гостем.

— Но я слышал, у вас можно отменно пообедать, — продолжал детектив. — Приятель обедал здесь несколько дней назад и остался очень доволен. А ему трудно угождать.

Официант улыбнулся и в знак благодарности поклонился.

— Мы стараемся, мсье, — ответил он. — Приятно слышать, что вашему приятелю понравилось у нас.

— А он сам не выразил вам своего мнения? Он обычно не скупится на похвалы.

— Не уверен, что знаю вашего друга, мсье. Когда он обедал у нас?

— О, вы бы его вспомнили, если б увидели вновь! Вот как он выглядит, — Лефарж достал из кармана фотографию Буарака и подал собеседнику.

— Ну конечно, мсье. Я прекрасно помню вашего друга. Вот только... — он слегка замялся. — Мне вовсе не показалось, что ему так понравился обед, как он вам расписывал. На самом деле он всем видом показывал, что наше заведение... Как бы выразиться поточнее?

Пожилый официант дернул плечом.

— Приятель неважно себя чувствовал в тот день, но обедом действительно остался доволен. Он посетил вас в прошлый четверг, не так ли?

— В прошлый четверг? Нет, мсье, по-моему, это было раньше. Дайте подумать. Кажется, он приходил сюда в понедельник.

— Да, я ошибся. Это было не в четверг. Теперь припоминаю: он говорил про вторник. Во вторник, правильно?

— Возможно, что так, мсье. Я не уверен, но мне все же помнится, что этот посетитель обедал у нас в понедельник.

— Приятель еще позвонил мне в тот день из Шарантона и сказал: «Я тебе звоню из кафе». Он и вправду пользовался вашим телефоном?

— Да, мсье. Он сделал от нас два звонка. У нас аппарат вот там — видите? И мы порой разрешаем клиентам звонить с него.

— Прекрасная идея. Уверен, посетители ценят такую услугу. Но в разговоре со мной он сделал прискорбную ошибку. Назначил мне встречу, а сам на нее не явился. Хотя, боюсь, это я мог неверно понять его слова. Вы случайно не слышали, о чем он тогда говорил? Не упоминал ли он о встрече во вторник на прошлой неделе?

Официант, который до этого момента источал улыбки, дружелюбие и готовность помочь, метнул в сыщика полный подозрительности взгляд. Вежливая улыбка не сходила с его лица, но Лефарж сразу почувствовал, как он закрылся, словно устрица, захлопнувшая створки своей раковины. Последовал ответ:

— Я ничего такого не слышал, мсье. Предпочитаю не подслушивать разговоры клиентов. У меня слишком много своей работы.

Но Лефарж догадался, что старик лжет.

И решил на более действенные меры. Полностью изменив манеру поведения, заговорил властным тоном, немного понизив голос:

— А теперь послушайте меня. На самом деле я детектив из полиции. Мне необходимо выяснить все относительно тех двух телефонных разговоров, но я вовсе не хочу тащить вас в Сюрте для допроса. — Он положил на стол бумажку в пять франков. — Если дадите нужную информацию, деньги ваши.

Теперь в глазах официанта читался испуг.

— Но мсье... — начал он.

— Бросьте. Не сомневаюсь, вам все известно, и ваша обязанность сотрудничать со мной. Можете пересказать мне содержание разговоров сейчас и получить пять франков или позже выложить историю

в Сюрте, но уже без вознаграждения. Что скажете? Выбор за вами.

Официант хранил молчание, и Лефарж понял, что тот обдумывает, как ему действовать, исходя из собственных интересов. Его колебания только подтвердили догадку сыщика — старик подслушал разговоры. Требовался только последний толчок.

— Быть может, вы сомневаетесь, что я из Сюрте? — спросил Лефарж. — В таком случае взгляните на это.

Он показал свое удостоверение, и чаша весов окончательно склонилась в его пользу.

— Хорошо, я вам обо всем расскажу, мсье. Сначала он позвонил человеку, который, как мне показалось, был его слугой, и сообщил, что должен неожиданно уехать в Бельгию и нужно доставить какую-то сумку для него на Северный вокзал. Какую именно сумку, я не понял. Затем он позвонил по другому номеру и просто уведомил об отъезде в Бельгию на пару дней. Больше ничего, мсье.

— Этого достаточно. Вот ваши пять франков.

Неплохое начало, подумал сыщик, покинув кафе и направляясь по улице в противоположную от реки сторону. Сомнений не осталось — Буарак действительно обедал в Шарантоне, как и утверждал. Конечно, официант считал, что это было в понедельник, а не во вторник, но пожилой человек мог легко ошибиться, плохо запоминая даты. Кроме того, имелась возможность перепроверки — поинтересоваться у коллег Буарака и у дворецкого, в какой из дней им звонил Буарак.

Он пешком добрался до станции в Шарантоне и поездом вернулся на Лионский вокзал в Париже. Затем, поймав такси, поехал в конец рю Шампионнэ, где располагался завод насосов, исполнительным директором которого был мсье Буарак. Выйдя из машины и двинувшись вдоль тротуара, Лефарж услышал, как в отдалении часы пробили половину двенадцатого.

Фасад завода вдоль улицы занимал не так уж много места, но, заглянув через открытые ворота, Лефарж отметил, как далеко его территория протянулась в глубину квартала. По одну сторону обширного двора располагался комплекс четырехэтажных корпусов, над од-

ной из дверей значилось: «Заводское управление. Третий этаж». Детектив проследовал мимо ворот, убедившись, что нет другого входа на предприятие или выезда через другие ворота на параллельную улицу.

Ярдах в пятидесяти от завода на противоположной стороне улицы располагалось кафе. Лефарж неспешно зашел в него и занял столик у окна, откуда открывался прекрасный вид как на ворота, так и на дверь, ведущую в контору. Заказав очередной бокал пива, Лефарж достал из кармана мятую газету, откинулся на спинку стула и углубился в чтение. При этом он держал газету на таком уровне, что мог постоянно наблюдать за воротами или, чуть приподняв ее, в любой момент надежно укрыть свое лицо от взглядов с улицы. Так на протяжении достаточно длительного времени он потягивал пиво и ждал.

Несколько человек зашли в ворота завода и покинули его. Затем прошел почти час, за который сыщик успел заказать и выпить еще два бокала пива, пока он не увидел то, что хотел увидеть. Из двери под вывеской «Управление» вышел мсье Буарак и направился по улице в противоположную от кафе сторону — к центру города. Лефарж выждал еще пять минут, а затем медленно сложил газету, прикурил сигарету и оставил наблюдательный пост в кафе.

Сначала он совершил прогулку на сто ярдов, удаляясь от завода. Потом перешел на другую сторону и вернулся, ускорив шаги, к воротам и двери, откуда недавно вышел исполнительный директор. Подав секретарше свою частную визитную карточку, попросил о встрече с мсье Буараксом.

— Простите, мсье, — ответила женщина, — но он только что ушел с работы. Вы могли даже встретить его по пути сюда.

— Увы, я, должно быть, с ним разминулся, — сказал Лефарж. — Однако, возможно, его помощник сможет уделить мне несколько минут? Он на месте?

— Кажется, да, мсье. Присядьте ненадолго, я уточню.

Через пару минут секретарь вернулась и сообщила, что мсье Дюфрейн у себя. Лефаржа провели в кабинет низкорослого, уже не слишком молодого мужчины, собиравшегося уйти на обед.

— Я, конечно, предпочел бы личную встречу с мсье Буараком, — сказал Лефарж после взаимного представления. — Вопрос частного характера, но я подумал, что не стоит дожидаться его, если вы сможете сообщить интересующую информацию. Дело в том, мсье, что я детектив из Сюрте, — он достал свою официальную визитную карточку, — и мой визит связан с делом, по поводу которого мы сотрудничаем с мсье Буараком. Как вы понимаете, я не вправе раскрывать деталей. Уведомлю, что по нашей просьбе мсье Буараку пришлось недавно побывать в Сюрте и дать показания. К сожалению, чуть позже мы обнаружили в его заявлении два пункта, которые он забыл уточнить, а мы, еще не понимая их важности, не задали ему дополнительных вопросов. Речь идет о его недавней поездке в Бельгию: во-первых, нам хотелось бы знать, в котором часу он покинул рабочее место в тот вторник, и во-вторых, когда позвонил вам из Шарантона с уведомлением об отъезде. Вы готовы дать мне сведения об этом или предпочтете, чтобы я задал вопросы непосредственно мсье Буараку?

Помощник не сразу дал ответ, и Лефарж видел, что он не может решить, какой линии поведения ему лучше держаться, и потому продолжил:

— Вас никто не обязывает разговаривать со мной. Не делайте этого, если хотя бы в чем-то сомневаетесь. Я легко могу подождать, если так для вас удобнее.

Его слова возымели нужный Лефаржу эффект, и клерк ответил:

— Никаких проблем, мсье, если для вас нет разницы. Я могу ответить на ваши вопросы или по крайней мере на один из них. Что касается второго, то тут у меня полной уверенности нет. Телефонограмму мсье Буарака из Шарантона я получил примерно без четверти три. Время могу назвать точно, поскольку специально тогда посмотрел на часы. А во сколько мсье Буарак покинул в то утро свой кабинет, определенно сказать не могу. В девять часов он поручил мне составить черновой вариант достаточно мудреного ответа на одно письмо, попросив позже показать ему. Мне потребовалось примерно полчаса для написания черновика, пото-

му что нужно было сначала проверить кое-какие цифры, чтобы внести в текст ясность. Но когда в половине десятого я принес ему набросок, мсье Буарака уже не оказалось на рабочем месте.

— И это было во вторник, верно?

— Да, во вторник.

— А вернулся мсье Буарак в пятницу утром?

— Именно так, мсье.

Лефарж поднялся:

— От всей души благодарю вас. Вы помогли мне избежать длительного ожидания.

Детектив вышел с территории завода, добрался до станции метро «Симплон» и доехал до центра Парижа. Он был доволен результатами. Как и на ранней стадии расследования, информация поступала обильно и оперативно. Сперва он даже посчитал, что сделал достаточно для проверки и подтверждения первой части заявления Буарака. Но дала себя знать укоренившаяся привычка все доводить до конца, и Лефарж принял решение снова наведаться на авеню де л'Альма и дополнительно побеседовать с Франсуа. Он сделал пересадку на «Шатле» и вышел в начале авеню, пройдя оставшуюся часть пути пешком.

— Здравствуйте, Франсуа, — начал он, когда дворецкий открыл дверь. — Боюсь, мне снова придется доставить вам беспокойство. Можете уделить мне пару минут?

— Разумеется, мсье. Проходите в дом.

Они, как и в предыдущий раз, расположились в малой гостиной, и Лефарж достал свои бразильские сигареты.

— Вижу, вам они понравились? — спросил он, видя, как охотно потянулся к портсигару Франсуа. — Некоторые считают их слишком крепкими, но меня они полностью устраивают, как хорошие сигары, но без присущего им специфического привкуса. Впрочем, не хочу вас задерживать надолго. Мой вопрос касается сумки для мсье Буарака, которую вы доставили на Северный вокзал в прошлый вторник. Скажите, до вокзала за вами никто не следил?

— Следил? За мной? Нет, конечно. По крайней мере, мне об этом ничего не известно.

— В таком случае вы не заметили около камеры хранения высокого мужчину с рыжей бородой и в сером плаще?

— Нет, — ответил слуга, — я не припоминаю никого, подходящего под такое описание.

— В котором часу вы оставили сумку?

— Примерно в 15.30, мсье.

Лефарж изобразил задумчивость.

— Тогда я, вероятно, ошибся, — сказал он потом. — Это же было во вторник, точно?

— Да, во вторник. Определенно во вторник, мсье.

— А мсье Буарак позвонил вам около двух часов, не так ли?

— Нет, гораздо позже, мсье. Примерно около трех часов. Но позвольте полюбопытствовать, откуда вы узнали, что я доставил сумку хозяина на вокзал?

— Он сам рассказал мне об этом вчера вечером. Упомянул о своей незапланированной поездке в Бельгию, для чего попросил вас собрать его вещи и сдать в камеру хранения.

— А кто такой этот мужчина с рыжей бородой?

Лефарж, получив нужные ему сведения, не стал особенно напрягать свою фантазию.

— О, это один из наших агентов. Он занимается расследованием краж багажа с ценностями. И я подумал, что вы могли привлечь его внимание. Кстати, мсье Буарак вернулся с сумкой? Надеюсь, ее хотя бы не украли?

Лефарж улыбнулся, и дворецкий, посчитав это не слишком удачной шуткой, из чистой вежливости изобразил на лице подобие улыбки.

— Нет, сумку не украли, мсье. Хозяин привез ее назад в целости и сохранности.

Что ж, отлично! Значит, мсье Буарак действительно и несомненно звонил приблизительно в 14.45 во вторник и дал дворецкому указания доставить сумку на Северный вокзал, как и заявлял сыщику. Кроме того, он лично зашел за сумкой и получил ее. Это можно считать установленным. Но та часть истории, которая касалась его передвижений в воскресенье и понедельник, как и вскрытие бочки в понедельник вечером, все еще нуждались в проверке. И Лефарж продолжил:

— Раз уж я к вам зашел, Франсуа, не будете возражать, если уточню пару дат для своего рапорта? — Он достал блокнот. — Я стану зачитывать вам записи, а вы, если не затруднит, скажете мне, верна запись или нет. Суббота двадцать седьмое марта — день, когда состоялся ужин с гостями.

— Правильно, мсье.

— Воскресенье двадцать восьмое марта — ничего особенного не происходило. Вечером мсье Буарак распаковал бочку.

— А вот здесь у вас ошибка, мсье. Бочка была распакована в понедельник.

— Ах, вот оно что! В понедельник, — Лефарж притворился, что вносит изменения в записи. — Конечно, в понедельник вечером. Мсье Буарак провел вечер воскресенья дома, но за бочку взялся только в понедельник, верно?

— Именно так.

— Затем во вторник он отправился в Бельгию и вернулся домой в четверг вечером?

— Правильно, мсье.

— Спасибо большое. Хорошо, что вы заметили неточность в моих заметках. Теперь я исправил ее.

Лефарж поддерживал разговор еще несколько минут, стараясь сохранить добрые отношения со стариком, для чего рассказал ему занятные эпизоды из своей карьеры детектива. Чем лучше он узнавал Франсуа, тем большим уважением проникался к нему, чувствуя, что словам дворецкого можно доверять, поскольку человек такого склада никогда не обесчестит себя позорной ложью.

Словно для того, чтобы уравновесить успехи, достигнутые Лефаржем утром, за весь остальной день судьба больше не посылала ему удачи. Покинув дом на авеню де л'Альма, он побеседовал с работниками камеры хранения на Северном вокзале, но не получил новой информации. Никто не вспомнил, что Франсуа оставлял сумку, а Буарак забирал ее, не сохранилась запись о сумке в регистре принятых и выданных вещей. И потом, когда он обошел кафе и рестораны, расспрашивая официантов в районе площади Бастилии, все его усилия тоже оказались бесплодными. Не обнаружи-

лось никаких подтверждений, что Буарак ужинал в одном из них.

Тем не менее Лефарж испытывал удовлетворение от работы, проделанной за день. Полученные данные оказались точными и недвусмысленными. Он считал, что удалось окончательно убедиться в правдивости показаний Буарака, по крайней мере тех, которые касались вторника. И если он сумеет добиться того же относительно среды и четверга, считал сыщик, то алиби Буарака выдержит проверку, а его непричастность к убийству можно будет считать установленной.

Для продолжения расследования возникла необходимость посетить Брюссель, и он позвонил на Северный вокзал, заказав себе место в спальном вагоне экспресса, отходившего в 23.20. Затем сделал контрольный звонок в Сюрте, после чего счел возможным отправиться домой, чтобы поесть и немного отдохнуть перед дорогой.

Путешествие оказалось вполне комфортным, и, позавтракав в кафе на Северной площади в Брюсселе, Лефарж ранним утром выехал в Мехелен. Там он сразу же заглянул на местный почтамт и попросил уточнить для него адрес резиденции мсье Армана Буарака. Имя было почтмейстеру знакомо, но адреса он не знал. Обход нескольких крупных магазинов быстро помог найти тот из них, чьими услугами мсье Буарак особенно часто пользовался.

— Да, мсье, его адрес мне известен. Нужно проехать четыре мили в сторону Лувена. Вы увидите большой белый дом с красной крышей, стоящий среди деревьев по правую сторону дороги сразу за крупной развилкой. Но, если вы хотите встретиться с мсье Буараком, боюсь, не застанете его дома.

— Я действительно хотел поговорить с мсье Буараком, — сказал Лефарж небрежно, — но ведь меня может принять и мадам Буарак, если это не станет большой дерзостью с моей стороны — навестить женщину в отсутствие мужа.

— Но она тоже в отъезде, мсье. Правда, я могу сообщить вам только то, что мне известно. Она пришла к нам недели две назад и сказала: «Кстати, Ларош, не нужно посылать нам никаких продуктов на дом две или

три недели, пока я снова не появлюсь у вас. Мы уезжаем и запираем дом». Так что, мсье, не думаю, что вы застанете там кого-то из них.

— Весьма обязан за предупреждение, мсье. Но надеюсь, вам не составит труда оказать мне еще одну небольшую услугу и сообщить, где работает мсье Буарак, чтобы я смог там получить его нынешний временный адрес. Он ведь бизнесмен, насколько мне известно?

— Он — банкир и ездит на службу в Брюссель, вот только не знаю названия его банка. Но если вы перейдете через улицу и наведаетесь к мсье Леблану, адвокату, то он наверняка сможет вам помочь.

Лефарж поблагодарил услужливого торговца и последовал его совету, побывав у адвоката. Там он узнал, что мсье Буарак являлся одним из директоров крупного частного банка «Креди Мазьер», расположенного на бульваре Сенн в Брюсселе.

Искушение немедленно вернуться в столицу Бельгии было велико, но долгий опыт работы подсказывал сыщику, что ошибочно принимать на веру любое утверждение, не убедившись во всем лично. Во избежание возможных недоразумений, Лефарж посчитал своим долгом отправиться к дому и удостовериться в отсутствии хозяев. Он нанял небольшой автомобиль и двинулся в путь по дороге на Лувен.

День снова выдался ясным и солнечным, хотя в воздухе ощущалась легкая прохлада. Поездка среди ухоженных полей бельгийских ферм доставила Лефаржу истинное удовольствие. Он надеялся закончить дела ближе к вечеру, чтобы ночным поездом вернуться в Париж.

Всего через пятнадцать минут машина оказалась рядом с домом, который Лефарж сразу узнал по описанию хозяина магазина. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — дом пуст. Ворота со стороны шоссе были заперты на навесной замок с цепью, а сквозь листву окружавших дом деревьев, ясно различались закрытые ставни на окнах. Детектив осмотрелся по сторонам.

Чуть дальше по дороге располагались три коттеджа, где жили, по всей видимости, крестьяне или наемные ра-

ботники фермы. Лефарж подошел к крыльцу первого из них и постучал в дверь.

— Доброе утро! — сказал он, когда ему открыла полноватая и пышущая здоровьем женщина средних лет. — Я только что приехал из Брюсселя, чтобы повидать мсье Буарака, но обнаружил его дом запертым. Не могли бы вы подсказать, нет ли у него экономки, помощницы по хозяйству или кого-то еще, кому известно, где его можно найти.

— Я и есть его экономка, мсье, но адрес мсье Буарака не знаю. Он только предупредил меня перед отъездом, что все письма, направленные для него в «Креди Мазьер», будут сразу же переадресованы.

— Насколько я понимаю, он уехал не так давно, верно?

— Сегодня будет ровно четырнадцать дней, мсье. Он собирался отсутствовать три недели, так что, если вы приедете через недельку, наверняка застанете его.

— Между прочим, один мой друг собирался навестить его на прошлой неделе. Боюсь, они тоже разминулись. Вы случайно не видели моего приятеля здесь?

И он показал снимок брата Буарака.

— Нет, мсье, этого человека я здесь не заметила.

Лефарж поблагодарил женщину, обошел остальные коттеджи, где его расспросы тоже не дали никаких результатов, после чего сел в машину и доехал до Мехелена. Затем первым же поездом сыщик вернулся в Брюссель.

Время близилось к двум часам пополудни, когда он оказался у затейливо украшенного входа в банк «Креди Мазьер», где мсье Арман Буарак был одним из членов совета директоров. Здание выглядело чрезвычайно помпезно: денег на декоративную отделку явно не пожалели. Стены главного зала, где обслуживали публику, покрывали плиты из отборных сортов мрамора — панели в зеленоватых тонах разделялись пилястрами и замыкались карнизами из ослепительно-белого камня. Потолок — высокий стеклянный купол, сквозь который в помещение струился приятный и сдержанный дневной свет. Здесь нужды в деньгах не испытывают, подумал Лефарж, подходя к стойке. Показав удостоверение, он попросил о встрече с управляющим.

Ему пришлось несколько минут подождать, потом клерк провел его по коридору, отделанному в том же стиле, что и главный зал. Лефарж оказался в кабинете, хозяином которого был высокий пожилой джентльмен с гладко выбритым лицом, его волосы были цвета воронова крыла. Он сидел за большим столом со сдвижной крышкой.

После обмена приветствиями Лефарж начал:

— Не могли бы вы, мсье, любезно сообщить, приходится ли мсье Арман Буарак, член вашего совета директоров, родным братом мсье Раулю Буараку, исполнительному директору фирмы «Эврот», производящей насосы и расположенной в Париже. Я ездил в Мехелен этим утром, чтобы повидаться с мсье Арманом, но не застал его дома. Не хотелось бы тратить время зря в поисках его нового адреса, если он не тот человек, который мне на самом деле нужен.

— У нашего директора, мсье, — ответил управляющий, — действительно есть брат по имени Рауль, хотя лично я с ним не знаком. Я лишь слышал, как мсье Арман рассказывал о нем. Но я могу снабдить вас нынешним адресом мсье Армана, раз уж он вам столь необходим.

— Буду весьма признателен, если вы сообщите мне этот адрес.

— Он очень простой: Стокгольм, отель «Ридберг».

Лефарж сделал пометку в блокноте, распрощался и покинул здание банка.

«Теперь на очереди театр Де Ла Монне, — подумал сыщик. — Благо расположен он прямо за углом отсюда».

Лефарж пересек площадь де Брюкер и почти сразу оказался на площади де ла Монне. Билетная касса театра была открыта, и кассир сообщил, что оперу «Троянцы» Берлиоза давали вечером в ту среду, о которой и говорил мсье Буарак. Однако поиски фамилии этого господина среди тех, кто бронировал места заранее, ни к чему не привели. Клерк поспешил заметить: это не значит, что его не было на спектакле, — просто билет он загодя не заказывал.

Следующий визит Лефарж нанес в отель «Максимилиан». Это было внушительных размеров современное здание, занимавшее целый квартал на бульваре

Ватерлоо неподалеку от Пор-Луиз. Обходительный сотрудник службы размещения вызвался помочь.

— Я собирался встретиться здесь с вашим постояльцем мсье Буарак, — сказал Лефарж. — Не могли бы вы проверить, у себя ли он в номере в данный момент?

— Мсье Буарак? — с сомнением переспросил клерк. — Не думаю, что у нас сейчас проживает постоялец с такой фамилией. — Он перелистал лежавшую на стойке книгу регистрации. — Нет, мсье. По всей вероятности, он еще к нам не приехал.

Лефарж достал фотографию:

— Это он. Мсье Рауль Буарак из Парижа.

— Ах, ну конечно, — кивнул работник отеля. — Мне знаком этот джентльмен. Он часто останавливался у нас, но сейчас его здесь нет.

Детектив принялся просматривать страницы своей записной книжки, словно что-то в ней искал.

— Надеюсь, я не ошибся с датой, — сказал он. — Быть может, мсье Буарак все же проживал в вашем отеле недавно?

— Он действительно побывал у нас на прошлой неделе. Провел всего одну ночь.

Лефарж всем своим видом изобразил досаду.

— Значит, я все перепутал и разминулся с ним! — воскликнул он. — Уверен, что перепутал дату. Не могли бы вы сказать, когда именно он провел у вас ночь?

— Разумеется, мсье, — клерк снова просмотрел записи. — Он прибыл к нам вечером в среду тридцать первого марта.

— Тогда я совершенно точно напутал с датой. Ну разве не обидно? — Сыщик некоторое время постоял в задумчивости. — А он случайно не упоминал моего имени? Паскаль. Жюль Паскаль?

Клерк покачал головой:

— При мне не упоминал, мсье.

Лефарж продолжал бормотать:

— Он, наверное, как раз прибыл тогда из Парижа.

Потом вновь обратился к клерку:

— Не припомните, в котором часу он занял номер?

— Помню, и очень хорошо. Он появился достаточно поздно. Как я полагаю, около одиннадцати часов.

— Рискованно приезжать в гостиницу в такое время, верно? У вас вполне могло не оказаться свободных комнат.

— Но комнату он заказал загодя. Ранее тем вечером он позвонил нам из ресторана на бульваре Анспах и уведомил о своем намерении остановиться у нас.

— Он звонил до пяти часов вечера? Моя с ним встреча была назначена на пять.

— Нет, не так рано. Звонок поступил в половине восьмого или даже в восемь часов. Точнее сказать не могу.

— Тогда я вообще ничего не понимаю. Не хотел бы отнимать у вас слишком много времени, но если я напишу ему записку и он появится у вас вновь, не сочтите за труд передать ее. Буду весьма вам за это благодарен.

Лефарж часто проявлял в своей профессии подлинный артистизм. И если выдавал себя за другого человека, то играл роль до конца со всей тщательностью, соблюдая необходимые детали поведения избранного персонажа. А потому, изменив почерк, он написал мсье Буараку послание с сожалениями о пропущенной встрече, объяснив суть мнимого дела, которое хотел обсудить. Внизу поставил витиеватую подпись: Жюль Паскаль. Передав листок клерку, он покинул вестибюль отеля.

Пока он неспешно шел по бульвару Ватерлоо в сторону старой части города, часы на одной из башен пробили шесть. Лефарж завершил свою миссию, он чувствовал усталость, но и полнейшее удовлетворение собой и проделанной работой. Он решил отдохнуть час-другой в кресле ближайшего синематографа, чтобы позже поужинать и сесть в полуночный экспресс на Париж.

Коротая время за чашкой кофе в тихом углу большого ресторана на бульваре дю Нор, сыщик еще раз проанализировал показания мсье Буарака, мысленно отмечая те пункты, которые удалось подвергнуть проверке. В субботу вечером мадам Буарак исчезла. В воскресенье днем и вечером мсье Буарак находился дома. Понедельник провел на работе, но вечером снова вернулся домой. В тот же вечер понедельника он распаковал бочку и достал из нее скульптурную группу.

Утром во вторник был на работе, но ушел с завода между девятью часами и половиной десятого. Приблизительно в 13.30 того же дня он обедал в Шарантоне, а вскоре после 14.30 позвонил Франсуа и в свою контору. Франсуа доставил его дорожную сумку на Северный вокзал около 15.30. Буарак забрал ее из камеры хранения, но привез обратно по возвращении из Бельгии. В среду он позвонил в отель «Максимилиан» между 19.30 и 20.00, после чего провел там ночь. На следующий день он вернулся в Париж, добравшись до дома вечером. Кроме того, подтвердились и некоторые другие аспекты дела. Его брат действительно жил в окрестностях Мехелена, а в упомянутую среду его дом стоял под замком, покинутый хозяевами. Оперу Берлиоза «Троянцы» давали именно в тот вечер, который Буарак указал.

Все это были неоспоримые факты, подтвержденные и не вызывавшие больше вопросов. Затем Лефарж заставил себя прокрутить в голове те моменты из показаний Буарака, которые проверить не удалось.

Он не знал, например, действительно ли тот совершил прогулку по Венсенскому лесу перед обедом в Шарантоне, как и поход вдоль Сены после обеда. Никто не смог подтвердить, что он ужинал в одном из кафе близ площади Бастилии. Не существовало доказательств его поездки в Мехелен и попытки навестить дом брата. Ни один свидетель не видел его во время спектакля в брюссельском оперном театре.

Но после продолжительных размышлений Лефарж пришел к заключению, что эти пункты показаний Буарака с трудом подлежали проверке. Более того, он находил их не столь уж существенными для хода расследования. Самое важное — присутствие Буарака в Шарантоне и главное в Брюсселе — детектив установил безоговорочно. Отсюда неизбежный вывод, что и все остальные показания Буарака следовало считать правдивыми. В таком случае Буарак не мог быть виновен в убийстве. А если вина лежала не на нем, то... Тучи сгущались над головой мсье Феликса.

На следующий день Лефарж подробно отчитался в Сюрте перед мсье Шове.

Глава 20

ОБЛИЧАЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Когда Бернли расстался с Лефаржем на пирсе в Булони, у него возникло тягостное чувство, словно он только что потерял давнего и проверенного друга. Ведь француз с добродушным и веселым нравом не просто сделал пребывание Бернли в Париже приятным — его профессиональные навыки, наблюдательность, рассудительность и опыт оказались неоценимыми для ведения столь сложного расследования.

И как стремительно продвигалось вперед дело! Бернли не мог припомнить другого случая в своей обширной практике, когда удавалось получить такой большой объем информации в столь сжатые сроки. И хотя его работа была еще не завершена, возникало предчувствие, что развязка теперь близка.

Без приключений переплыв на пароме пролив и добравшись до Фолкстоуна, Бернли сразу же обратился в местный полицейский участок. Там он встретился с констеблем, дежурившим в гавани, когда туда прибыл «Па-де-Кале» в интересовавшее их воскресенье. Но беседа с ним не дала никаких результатов. Полицейский не заметил людей, подходивших под описание внешности Феликса и мадам Буарак.

Бернли поговорил с таможенниками, с рабочими, занимавшимися разгрузкой багажа, и с чиновниками управления пассажирского порта. Новой информации нигде получить не удалось.

Что ж, вероятно, не избежать поездки в Глазго, — подумал он и, зайдя в почтовое отделение рядом с гаванью, отправил телеграмму: «Генри Гордону. Глазго, Сошихолл-стрит, Энгус-лейн, дом 327. Не могли бы вы принять меня, если буду у вас завтра утром? Ответ направить инспектору Бернли в Скотленд-Ярд».

Покончив с этим, он дошел до станции, чтобы ближайшим поездом уехать в Лондон.

В здании Нового Скотленд-Ярда он пространно побеседовал с шефом, рассказав о результатах совмест-

ной деятельности с Сюрте, а также обо всех событиях последних двух дней. И обосновал необходимость поездки в Глазго, если мистер Гордон согласится встретиться с ним. Домой он попал всего на час для краткого отдыха, но уже к десяти вновь вернулся на работу, где нашел ответную телеграмму Генри Гордона: «Готов увидеться в назначенное время».

Очень хорошо, подумал Бернли, вызвал такси до вокзала Юстон, где успел на отходивший в 23.50 экспресс на север. Он всегда прекрасно спал в поезде, но на сей раз превзошел самого себя, поскольку проснулся только от стука проводника в дверь купе за полчаса до прибытия в Глазго.

Ванна и плотный завтрак в отеле «Сентрал» освежили его и придали энергии для намеченной встречи на Энгуслейн рядом с Сошихолл-стрит. Казалось, часы на всех башнях Глазго одновременно отбивали десять часов, когда он толкнул дверь конторы в доме 327, рядом с которой красовалась вывеска: «Мистер Генри Гордон. Оптовая торговля чаем». Хозяин фирмы ожидал Бернли, и гостя немедленно провели в кабинет.

— Доброе утро, сэра, — начал Бернли, когда мистер Гордон — рослый мужчина с небольшими светлыми бакенбардами и пронизательными голубыми глазами — поднялся навстречу из-за стола. — Я, инспектор Скотленд-Ярда, попросил вас о встрече в надежде на помощь в важном расследовании, которым в данный момент занимаюсь.

Мистер Гордон наклоном головы показал готовность выслушать его, но все же спросил:

— Какой конкретно помощи вы от меня ожидаете?

— Необходимо, чтобы вы ответили на несколько моих вопросов, если не возражаете.

— С удовольствием удовлетворю ваше любопытство, насколько это в моих силах.

— Спасибо. По моим сведениям, вы недавно посетили Париж?

— Да, ваша информация верна.

— Останавливались в отеле «Континенталь», не так ли?

— Да, это тоже соответствует действительности.

— В какой из дней вы покинули Париж, чтобы вернуться в Великобританию?

— В воскресенье двадцать восьмого марта. Это я точно помню.

— Если не ошибаюсь, вас довезли до Северного вокзала предоставленным отелем автобусом?

— Да, так и было.

— А теперь, мистер Гордон, не могли бы припомнить других людей, которые ехали с вами в том автобусе, если попутчики вообще были?

Чаеторговец ответил не сразу.

— Я не обратил особого внимания. Не уверен, что смогу вам их описать.

— По моей информации, сэр, тем автобусом до вокзала ехали трое. Конечно, вы сами. А одним из двух других мужчин был тот, кто меня очень интересует. Мне сообщили, что вы даже вступали с ним в разговор или, по крайней мере, обменялись репликами, когда выходили из автобуса у вокзала. Это вам ни о чем не напоминает?

Мистер Гордон выразительно кивнул в знак согласия.

— Вам обо всем сообщили верно. Я теперь вспомнил суть дела и тех мужчин тоже. Один из них — низкорослый, плотного сложения, гладко выбритый господин в преклонных годах. Другой выглядел намного моложе, с черной бородкой клинышком и, пожалуй, излишне броско одетый. Оба французы, как я понял, но чернобородый молодой человек прекрасно говорил по-английски. Именно он вызывает ваш интерес?

Бернли лишь молча протянул ему фотографию Феликса.

— Это тот мужчина?

— Да, он самый. Теперь я припоминаю его.

— Он ехал с вами вместе до самого Лондона?

— Нет, но он добрался до Лондона, потому что я заметил его потом еще дважды. В первый раз на пароме, а во второй — уже на вокзале Чаринг-Кросс.

Наконец Бернли слышал нечто определенное, мысленно похвалил себя, радуясь, что не стал откладывать визита в Шотландию.

— Он путешествовал один?

— Насколько я помню, да. По крайней мере, из отеля он ехал в одиночестве.

— И он ни с кем не встречался по пути?

— На пароме я видел, как он разговаривал с дамой, но ехали они вместе или случайно познакомились, сказать не могу.

— А в Лондоне дама все еще сопровождала его?

— Там я ее не видел. Когда я уезжал от вокзала, он беседовал на платформе с каким-то другим мужчиной. Это был высокий молодой человек, темноволосый, довольно привлекательной наружности.

— Вы бы узнали его, если б встретили снова?

— Думаю, что да. Я успел хорошо рассмотреть его лицо.

— Был бы признателен за более подробное описание его внешности.

— Ростом примерно пять футов и одиннадцать дюймов, если не все шесть футов, худощавый, но при этом атлетического телосложения, лицо выбрито, исключая небольшие черные усики, и он тоже напоминал француза. Одет был во что-то темное, в коричневом плаще поверх костюма. Мне показалось, что он приехал встречать вашего друга, но почему у меня сложилось такое впечатление, точно объяснить не смогу.

— Теперь о той даме, мистер Гордон. Вы не могли бы описать и ее тоже?

— Нет, боюсь, что не сумею. Она сидела позади него, и ее лица я не разглядел.

— А как она была одета?

— В шубку из красно-коричневого меха. Думаю, в соболью, хотя в таких вещах я разбираюсь плохо.

— А ее шляпа? Вам не бросились в глаза какие-то особенные детали ее головного убора?

— Нет, ничего необычного.

— Например, не была ли она широкополой?

— Широкополой? Этого я не заметил. Но вполне возможно.

— Там, где они сидели, было ветрено?

— В тот день ветер гулял повсюду. Переправа проходила при сильном волнении моря.

— Значит, у леди могли возникнуть сложности, чтобы удержать шляпу на голове?

— Весьма вероятно, — согласился мистер Гордон несколько суховатым и недоумевающим тоном, — хотя вы с таким же основанием можете строить догадки по этому поводу, как и я сам.

Бернли улыбнулся.

— Не удивляйтесь. Мы в Скотленд-Ярде порой действительно стремимся прояснить самые странные вещи, — сказал он. — А мне лишь остается поблагодарить вас, мистер Гордон, за любезную помощь и готовность оказать нам содействие.

— Не стоит благодарности. Извините за мою несдержанность, но чем вызваны ваши вопросы ко мне?

— Пока, сэр, я не имею права делиться с вами детальной информацией. Мужчина с острой бородкой подозревается в том, что обманом заманил одну француженку в Англию и убил ее. Но, как вы понимаете, на данном этапе расследования это не более чем подозрения.

— Скажу без обиняков, мне крайне любопытно будет узнать, чем завершится дело.

— Боюсь, вам придется узнать об этом в любом случае. Если мужчина предстанет перед судом, вас вызовут для дачи свидетельских показаний.

— В таком случае мы оба заинтересованы в том, чтобы ваше расследование не слишком затянулось. До свидания, мистер Бернли. Был рад знакомству.

Поскольку его больше ничто не удерживало в Глазго, Бернли вернулся на Центральный вокзал и сел в дневной экспресс до Лондона. Пока колеса постукивали по стыкам, а мимо мелькали приветливые сельские пейзажи, он обдумал только что состоявшуюся беседу. Он снова поражался той удаче, которая почти неизменно сопутствовала ему с самого начала расследования этого дела. Почти каждый, с кем ему доводилось разговаривать, непременно что-то знал, хотя не всегда давал ту информацию, на которую рассчитывал инспектор. Он подумал, например, о тех десятках тысяч людей, которые пересекали Ла-Манш еженедельно, но чьи передвижения невозможно было бы отследить. Но стоило ему взяться за

действительно важный случай, как сразу нашелся человек, располагавший необходимыми для полиции сведениями. Если бы Феликс не добирался до вокзала на гостиничном автобусе, будь мистер Гордон менее наблюдателен, сложились обстоятельства немного иначе, и Бернли никогда бы ничего не узнал о перемещениях Феликса в тот день. При столь благоприятных обстоятельствах он обязан раскрыть преступление, а в случае неудачи винить останется только себя самого.

Но тем не менее улик было недостаточно. Ни одну из них нельзя было считать решающей и неопровержимой. Они всегда указывали на что-то, но не давали полной уверенности. Вот и теперь имелись основания считать, что мадам Буарак перебралась в Англию с Феликсом. Основания, но не доказательства. Ведь Феликс мог беседовать с какой-то другой леди. Улики относились к числу косвенных, а инспектору необходимы были прямые и недвусмысленные.

Он вновь переключился на анализ событий. В нем теперь заметно окрепло предчувствие, что Феликс все же виновен, чему во многом способствовала беседа с мистром Гордоном. Показания шотландца всецело поддержали эту версию. В Париже любовники проявили крайнюю осторожность, избегая вероятности быть замеченными вместе. Особенно это касалось Северного вокзала, где в любой момент могли попасться люди, знакомые с кем-то из них, и беглецам приходилось делать вид, что они никогда прежде не видели друг друга. Зато на пароме появилась возможность рискнуть и поговорить, особенно в ненастную, ветреную погоду, когда прогулочная палуба обычно почти пуста. Но в Лондоне, если Феликса к тому же кто-то встречал, им пришлось вернуться к парижской манере поведения, покинув вокзал порознь. Да, гипотеза представлялась правдоподобной.

Инспектор закурил одну из своих крепких сигар и, глядя задумчивым взором на пейзажи, сменявшие друг друга за окном купе, продолжил размышления. Какими стали дальнейшие шаги этой пары по прибытии в Лондон? Можно предположить, что Феликс поспешил избавиться от встретившего его друга, воссо-

единился с мадам Буарак в заранее условленном месте и, скорее всего, отвез ее в «Сен-Мало». Но потом Бернли вспомнил, что экономка находилась в отпуске, а значит, они бы прибыли в дом, лишенный тепла и еды, неприветливый и неудобный. Тогда не лучше ли было им отправиться в отель? Инспектор посчитал такую возможность вероятной и принялся планировать свои будущие действия, связанные с посещением всех отелей, где могла остановиться парочка. Но стоило ему начать обдумывать, как лучше взяться за такую работу, и до него дошла простая мысль: если Феликс действительно совершил убийство, то сделать это мог только в «Сен-Мало». Едва ли любой отель стал бы подходящим местом для совершения преступления. Вероятно, они все же направились в усадьбу.

Затем инспектор перешел к следующей мысли. Если убийство совершено в «Сен-Мало», то и бочка была упакована там же. Он припомнил следы от бочки, оставленные в кабинете Буарака. Наверняка нечто похожее осталось и где-то в усадьбе. Если бочка стояла на ковре или даже на линолеуме, должна быть все еще видна округлая вмятина. И уж в любом случае — крупички опилок. Трудно представить, каким образом от опилок можно избавиться полностью.

Бернли намеревался вновь осмотреть дом и провести тщательные поиски следов. Именно обыск, решил он, становился теперь его первоочередной задачей.

А потому на следующее утро в сопровождении своего неизменного помощника сержанта Келвина он отправился в «Сен-Мало». По пути он объяснил суть своей версии о распаковке и повторной упаковке бочки и указал, что им следует искать в первую очередь.

Дом по-прежнему пустовал. Из-за болезни Феликса отпуск его экономки продлился. Бернли отпер дверь ключом из связки, изъятой у Феликса, и они вдвоем вошли внутрь.

Далее последовал самый тщательный и методичный обыск всех помещений. Начал Бернли со двора, осмотрев поочередно все пристройки. Все полы были залиты бетоном, и не приходилось рассчитывать, что

можно обнаружить след от дна бочки. Зато они подмели полы аккуратно и бережно, а собранную пыль с помощью сильных увеличительных стекол проверили на наличие опилок. Внимательно провели инвентаризацию имевшегося имущества, изучив все, что имелось в наличии, включая двухместное авто Феликса, стоявшее в каретном сарае. Затем поиски продолжили в доме, столь же скрупулезно обследуя комнату за комнатой, но только дойдя до осмотра гардеробной Феликса, Бернли сделал первое настоящее открытие.

В шкафу висели несколько костюмов Феликса, и в правом боковом кармане одного из пиджаков обнаружилось письмо. Оно было смято, надорвано и небрежно засунуто в карман. Поначалу Бернли не обнаружил в нем ничего интересного и лишь при повторном прочтении у него в голове молнией сверкнула мысль: он, вероятно, нашел именно то, что так долго искал — звено в цепочке улик против Феликса, которого до сих пор не доставало.

Послание было написано на бумаге низкого качества почерком женщины, не слишком образованной, что выдавали и безграмотность, и сама манера изложения. Такое письмо, подумал Бернли, могла написать барменша, официантка или продавщица. На листке отсутствовали какие-либо водяные знаки, как и адрес отправительницы. Что касалось содержания, то оно оказалось следующим:

Понедельник

Мой обожаемый Леон!

С тяжелым сердцем берусь я за перо чтобы написать этих несколько строчек. Что с тобой произошло любимый? Ты занедужил? Если так то я примчусь к тебе во что бы то ни стало. Мне плохо без тебя и я так больше не могу. Я прождала тебя все вчера надеясь что ты придешь, как дожидалась и в давешнее воскресенье, а потом каждый вечер на неделе, но ты так и не пришел. А деньги почти закончились. А миссис Хопкинс талдычит если я не заплачу ей на следующей неделе, то она меня выгонит. Я уж подумала что надоела тебе и ты больше не придешь никогда

Смертельный
груз

вообще. Но потом решила что не такой ты человек, а просто заболел или уехал куда. Напиши или приходи потому что я без тебя не могу.

Вечно твоя (хоть и с разбитым сердцем)

Эмми.

Бегло прочитав исполненное меланхолии письмо, Бернли сделал заключение, что Феликс на поверку оказался очень похож на многих других мужчин — не хуже и не лучше, — но при повторном прочтении до него дошла невероятная важность написанного. Не содержалось ли в нем объяснение мотива для убийства? А что, если письмо открывало для мадам Буарак те страницы прошлой жизни Феликса, которые оставались для нее закрытыми? Обдумывая варианты, Бернли постепенно проникся мыслью, что он пока очень смутно, но все же может представить себе картину случившегося. Феликс и мадам Буарак прибыли в «Сен-Мало», а потом, по стечению обстоятельств, из-за проявленной Феликсом недопустимой неосторожности, женщине попало на глаза это письмо. Неизбежным следствием стала ссора. Что мог предпринять Феликс? Вероятно, сначала выхватить письмо из ее рук и поспешно сунуть в карман пиджака. С глаз долой. Затем попытаться успокоить рассерженную леди. Но, предположим, это ему не удалось. Ссора разгоралась все яростнее, сыпались взаимные упреки и оскорбления. В пароксизме озлобления и страсти он ухватил мадам Буарак за горло и сильными пальцами задушил. Когда же совершил убийство, был настолько ошеломлен, что напрочь забыл о существовании обличающего письма. Элементарная ошибка из тех, что так часто с головой выдают преступников.

И чем дольше инспектор размышлял над ней, тем вероятнее представлялась ему подобная версия. Но снова приходилось признать, что строилась она целиком на предположениях. Отсутствовали реальные доказательства происшедшего. Еще одна улика из серии: «Все это так, но все же...», которые вызывали сожаление инспектора еще во время путешествия в поезде. Но как бы то ни было, у следствия появлялась еще одна нить, и за нее следовало ухватиться. Необходимо разыскать де-

вушку и выяснить, какого рода отношения связывали ее с Феликсом. Бернли уже предвидел, сколько усердной работы потребуется для решения такой задачи.

Затем он сложил письмо, сунул между страницами своего блокнота и возобновил обыск. Они проползли по полу во всех направлениях, чтобы каждый участок коврового покрытия в какой-то момент оказался подсвечен лучами солнца, но никаких отпечатков не обнаружили. Просмотрели с помощью линз ворсинки ковра, прощупали щели между сиденьями и спинками кожаных кресел и у их подлокотников. Результат все тот же. Но потом Бернли совершил второе открытие.

Между смежными кабинетом и столовой располагалась дополнительная дверь, которой явно уже давно не пользовались. Она была заперта, и даже ключа от нее в общей связке не нашлось. Со стороны кабинета дверь прикрывала тяжелая портьера из темно-зеленого плюша, а перед занавесом стояло обитое кожей небольшое кресло, чьи подлокотники образовывали со спинкой плавные полукруги. В стремлении не оставить ни кусочка ковра необследованным, Бернли отодвинул кресло в сторону.

И когда он уже был готов склониться и осмотреть освободившееся место, его внимание привлек какой-то блестящий предмет. Он пригляделся. Маленькая, слегка изогнутая золотая брошь в виде английской булавки, покрытой мелкими бриллиантами, зацепилась за ткань портьеры у самого шва. Причем острие не погрузилось в плюш глубоко, и булавка упала на пол, как только Бернли тронул занавес.

Он поднял ее.

— Слишком изящная вещица даже для такого кокетливого модника, как наш Феликс, — заметил Бернли, показывая находку Келвину.

А потом замер, пораженный мыслью, что держит сейчас в руках, по всей вероятности, гораздо более важную улику против Феликса, чем все предыдущие. Ведь действительно заколка могла принадлежать во все не ему. Уж очень элегантно выглядела она, чтобы служить, например, булавкой для мужского галстука. Что, если этот предмет принадлежал женщине? Но еще

Смертельный
груз

важнее представлялся другой вопрос: не была ли этой женщиной мадам Буарак? В таком случае дело можно считать практически раскрытым!

Опустившись в кресло, которое он занимал во время первой ночной беседы с Феликсом, Бернли стал всесторонне рассматривать новые возможности, позволив воображению нарисовать вероятную картину, каким образом булавка или брошка покойницы могла оказаться в том месте, где он нашел ее. И такая картина стала обретать все более реальные черты. Прежде всего нетрудно было представить, что дама в вечернем платье прикрепила эту булавку к своему наряду у плеча или использовала ее в качестве застежки. И если дама сидела в том кресле спиной к портьеру, а некто ухватил ее за шею и с силой отклонил голову назад, то вероятно, что во время борьбы булавка под напором отстегнулась и упала, зацепившись за плюш.

Инспектор уже в который раз был вынужден признать, что основывается на предположениях и догадках. Но только теперь предположения подкреплял тот несомненный факт, что булавка изогнулась и расстегнулась при нажатии на нее. И чем дольше он размышлял над этим, тем более похожей на правду становилась его версия. Кроме того, теперь не составило бы труда подвергнуть любые предположения проверке. Перед ним возникли два вопроса, ответы на которые окончательно решат судьбу расследования.

Во-первых, если булавка принадлежала мадам Буарак, Сюзанна непременно узнает ее. Изящный пунктир из бриллиантов отличал ее от таких же предметов женского туалета. Девушка должна помнить, надевала ли мадам эту вещь в вечер званого ужина. Во-вторых, поскольку булавка отцепилась от платья под воздействием посторонней силы, на наряде не могло не остаться прорехи или хотя бы отметины после этого. Оба вопроса легко поддавались проверке, и он решил написать письмо в Париж с изложением сути дела этим же вечером.

Инспектор положил булавку в футляр, который постоянно носил для подобных целей в кармане, и продолжил осмотр кабинета. Какое-то время совершенно

безрезультатно, а потом сделал очередное открытие, показавшееся ему еще более важным, чем находка булавки. Покончив с изучением внешнего вида мебели, он уже более часа провел за письменным столом Феликса, выдвигая ящик за ящиком, читая старые письма, проверяя листы на водяные знаки, а машинописные тексты на особенности шрифтов. Артистический темперамент хозяина имел свои недостатки. Ему, например, не хватало терпения, чтобы хранить бумаги и документы в относительном порядке и хоть как-то классифицировать их. Счета, квитанции, пригласительные билеты, записки, деловые письма — все это без всякой системы засовывалось Феликсом в первый попавшийся под руку ящик. Бернли внимательно просмотрел содержимое стола до последнего обрывка, но не нашел ничего примечательного. Ни на одном из листов бумаги не проявлялись на просвет те водяные знаки, какие были на письме для заказа скульптуры в фирме Дюпьера. Все отпечатанные на машинке письма не имели тех дефектов шрифта, которые бросались в глаза в послании к Феликсу от Ле Готье. Инспектор со вздохом подумал, что осталось пройтись всего лишь по нескольким полкам с книгами, и работу можно считать законченной, когда ему подвернулась третья ценная находка.

На столе лежала пачка листов промокательной бумаги, сложенных странным образом. По всей видимости, у Феликса вошло в привычку вкладывать только что написанное между двумя промокашками, чтобы высушить чернила. Не изменяя свойственной ему скрупулезности, Бернли тут же принес из ванной небольшое зеркало, с помощью которого изучил каждый листок по очереди. Дойдя до четвертого, он внезапно замер, а потом издал торжествующий возглас, поскольку зеркало четко отразило уже знакомые ему слова:

сл... от в...ы..

на... т...

По.....,пра... .. льп... неза.....но по.....дресу .....

*Мне не..вестна точ..я цена, в...я сто..сть транспо..
иров.., но я посчитал, что 1500 фран..в окажет... до-
стат..но. Посему я приложил к данному письму указанную*

Смертельный
груз

Это было окончание письма, полученного фирмой Дюпьера с заказом на мраморную статуэтку! Вот неопровержимая улика! Феликс все-таки заказал скульптуру, потом по глупости промокнул текст, а промокательную бумагу забыл уничтожить!

Инспектор чуть слышно рассмеялся, настолько обрадовала его находка. Феликс заказал скульптурную группу — теперь факт был точно установлен. А если это так, то именно он организовал первую транспортировку бочки, и, вероятней всего, второе, а затем и третье ее перемещения. Становилось очевидным, что Феликс организовывал все эти путешествия бочки. Значит, он положил в нее труп, а сделать это мог только убийца.

Теперь стоило вспомнить и о бумаге. Ведь она была одного и того же вида и для заказа на изготовление скульптуры, и для письма по поводу участия в лотерее и странном пари. Феликс заявил, что получил письмо от Ле Готье почтой. Но обсуждая этот вопрос в кабинете мсье Шове, они не исключили вероятности, что автором письма мог стать сам Феликс. Сейчас подобная мысль находила подтверждение: в распоряжении Феликса имелась особого сорта французская бумага, использованная в обоих случаях.

Три важные улики, обнаруженные за столь короткий промежуток времени, — письмо, подписанное Эмми («с разбитым сердцем»), изогнутая булавка на портьере и четко читаемый отпечаток на промокательной бумаге, — представлялись инспектору прямыми свидетельствами виновности Феликса.

Однако ему так и не удалось обнаружить никаких следов вскрытия бочки даже после самого тщательно осмотра. Напрашивался вывод, что сделано это было не здесь.

Хотя в голову тут же пришло возможное объяснение.

Предположим, Феликс получил бочку и привез ее в «Сен-Мало», чтобы снова отправить в путь на следующее утро. Куда бы он поместил ее на ночь? Она оказалась слишком тяжела, чтобы передвигать в одиночку, а помощники в таком деле были ему совершенно ни к чему. Как же следовало поступить? Да очень просто!

Оставить бочку на повозке, разумеется! Он мог следовать элементарному и самому очевидному плану: распрячь ло-

шадь, а бочку вскрыть там же, где она и находилась, — на телеге. И если при этом просыпалось немного опилок, то Феликсу помог ветер — от них вскоре не осталось бы ни соринки, а тем более сейчас, когда минуло столько дней.

Бернли вновь обрел уверенность в правильности взятого направления в расследовании. Потом его осенила еще одна идея. Если лошадь распрягали и она провела ночь в конюшне усадьбы, то какие-то следы обязательно остались. Он вернулся во двор и снова провел поиски, но на этот раз удача больше не улыбнулась ему. Пришлось признать, что лошадь на территории участка не держали очень давно.

Он допустил, что кучер оставил повозку, а лошадь увел с собой. Но такой вариант представлялся едва ли реальным, и инспектор решил пока оставить этот вопрос открытым.

Бернли вернулся в Скотленд-Ярд, где шеф выслушал его отчет с большим вниманием и тоже оказался под впечатлением от находок, сделанных инспектором. Он высказал свое мнение в пространном комментарии, закончив так:

— Мы, конечно, отправим булавку в Париж для опознания горничной. Но если разобраться, опознает она ее или нет, не столь уж важно. Мне кажется, нам удалось собрать против Феликса достаточно улик, чтобы передать дело в суд. Между прочим, совсем забыл упомянуть. Я отправил нашего человека к нему в фирму — в компанию, выпускающую рекламные плакаты. Там сообщили: Феликс брал отпуск как раз на ту неделю, когда бочка путешествовала из Парижа в Лондон и обратно. Разумеется, я не считаю этот факт еще одним доказательством против него, но он прекрасно вписывается в нашу версию.

Через два дня от мсье Шове пришла телеграмма:

«Сюзанна Доде опознала в булавке вещь, принадлежавшую мадам Буарак».

— Это окончательно решает вопрос, — сказал шеф и выписал ордер на арест Феликса, который следовало провести, как только тот почувствует себя достаточно здоровым для выписки из больницы.

Часть 3

ЛОНДОН И ПАРИЖ

Глава 21

ЗАЩИТНИКИ ФЕЛИКСА

Среди миллионов людей, развернувших утром газеты, у многих загорелись от возбужденного любопытства глаза при виде заголовков типа: «Тайна бочки. Леон Феликс взят под арест». Хотя полиция обнародовала далеко не все известные ей факты, в печать просочилось достаточно информации, чтобы вызвать живой интерес у широкой публики. Трагические обстоятельства дела, как и окружавшие его загадочные события, захватили воображение общества. Хотя считалось, что полицейские располагают всеми необходимыми доказательствами для ареста подозреваемого, однако никто, за исключением узкого круга официальных лиц, не имел реального представления, какого рода обвинения будут представлены против Феликса.

Но ни один человек из миллионов читателей газет не воспринял новости с таким глубоким изумлением и ощущением шока, как уже знакомый нам доктор Уильям Мартин из усадьбы «Вязы» близ деревни Брент по Грейт-Норт-роуд. Напомним, доктор Мартин был тем человеком, который на глазах притаившегося за деревьями констебля Уолкера пришел в «Сен-Мало» и пригласил Феликса в себе домой на партию в бридж. Они были давними приятелями. Много дней провели они вместе на берегу соседней речки за ловлей форели, много вечеров скоротали, играя на бильярде. Члены семьи Мартина тоже воспринимали Феликса как родного чело-

века. Все они с радостью привечали его у себя в усадьбе, доверяя ему порой самые сокровенные мысли.

Поначалу доктор Мартин попросту отказывался верить попавшимся ему на глаза громким заголовкам в прессе. Феликс, его близкий и верный друг, арестован? И при том по подозрению в убийстве! Это представлялось совершенно невероятным, вселяло такой ужас, что он долго не мог осмыслить прочитанного. Он был готов принять случившееся за кошмарный сон, но в отличие от дурных сновидений реальность не исчезала, и хотя мысли доктора находились в некотором беспорядке, они то и дело возвращались к этим жутким событиям.

Поневоле он стал припоминать подробности жизни друга. Тот неизменно проявлял скрытность, не слишком откровенничая о себе, но доктору он всегда виделся человеком очень одиноким. Жил отшельником, и Мартин не вспомнил ни единого случая, чтобы к нему приезжали гости и оставались ночевать в его доме. Феликс ни разу не упоминал о каких-либо своих родственниках. «Кто же, — думал он, — придет ему на помощь сейчас?»

У такого доброго и отзывчивого человека, как доктор Уильям Мартин, подобный вопрос не мог долго оставаться без ответа. «Я должен навестить его, — размышлял он. — Нужно выяснить, кто будет представлять его интересы. И если больше никого нет, то эту миссию должен взять на себя я, делая все, что в моих силах».

Но возникали сложности практического свойства. Как получить разрешение на свидание с заключенным? Доктор не знал этого. Для мужчины своего возраста и общественного положения доктор Мартин был невежествен в юридических вопросах. Но стоило ему столкнуться с одним из них, как он неизбежно прибегал к самому простому выходу из положения — советовался с Клиффордом. Вот и новую проблему надо решать так же — посоветоваться с Клиффордом.

Клиффорд, носивший полное имя Джон Уэйкфилд Клиффорд, был старшим партнером в адвокатской конторе «Клиффорд и Льюишем» почетного судебного общества Грейс-Инн, а для Мартина стал доверенным лицом и закадычным другом. Случайно познакомившись

в отпуске, они затем поддерживали тесные связи, часто бывали в гостях друг у друга. При этом внешне Клиффорд разительно отличался от веселого и беззаботного доктора. Низкорослый, уже в почтенных летах, умудренный жизненным опытом, он неизменно одевался с тщательной элегантностью, бережно ухаживал за седой шевелюрой и усами — словом, мог служить живым воплощением порядка во всем. Его манеры отличала сдержанность и даже холодность, но природное чувство юмора не давало ему окончательно превратиться в сухого и скучного педанта.

Юристом он был первоклассным. Те, кто восхищался им, называя адвокатом от бога, знали, что не только ум, пронизательность и опыт делают его столь грозным оппонентом в любом суде. В основе всего этого лежала скрытая от поверхностного взгляда бесконечная доброта этого человека.

Неотложные дела продержали Мартина на работе всю первую половину дня, но после обеда, около трех часов пополудни, он уже поднимался по ступенькам к дверям фирмы «Клиффорд и Льюишем».

— Мартин! Как поживаешь? Очень рад тебя видеть. Чему обязан неожиданным удовольствием?

— Спасибо, дружище, — сказал доктор, принимая предложенную хозяином сигару и опускаясь в удобное кожаное кресло. — Боюсь только, что мой визит не доставит тебе удовольствия. Я пришел по довольно неприятному делу. У тебя есть несколько свободных минут?

Его собеседник с серьезным видом кивнул в ответ.

— Разумеется, — сказал он. — Я в твоём распоряжении.

— Речь идет о моем соседе Леоне Феликсе, — продолжил доктор, перейдя без долгих предисловий к сути. — Ты, вероятно, читал, что вчера вечером его арестовали по обвинению в убийстве женщины, чей труп был обнаружен внутри некой бочки? Тебе известно об этом?

— Я видел публикации в утренней прессе. Так, стало быть, Феликс — твой сосед?

— Да, и близкий друг. Он так часто бывал в моем доме, что стал восприниматься нами как член семьи.

— В самом деле? В таком случае весьма прискорбно знать, что с ним стряслось.

— Я много думал о нем и до крайности расстроен. Мы все огорчены. И потому мне нужен твой совет. Можно ли хоть чем-то помочь ему?

— Ты имеешь в виду юридическую защиту?

— Да.

— Вы встречались после его ареста?

— Нет, и как раз об этом я хотел в первую очередь спросить тебя. Мне не известен порядок получения разрешения на свидание.

— Его можно добиться, если в заявлении указать достаточно уважительную причину. Как я догадываюсь, ты пока даже не знаешь, имеется ли у него собственный план защиты?

— Верно. Если честно, моя идея заключалась в том, чтобы побеседовать с ним, и если он не успел нанять для себя другого адвоката, просить тебя стать им.

Клиффорд медленно кивнул. Предложение Мартина выглядело для него привлекательным с любой точки зрения. Если даже оставить в стороне вопрос о денежном вознаграждении за услуги, дело столь драматического и необычного свойства обещало стать одним из самых громких процессов года. И он решил, что если обвиняемый согласится, нужно засучив рукава, не оставить камня на камне от обвинений и добиться оправдания.

— Если ты уговоришь его передать дело нам, — сказал он после продолжительной паузы, — то можешь быть уверен: мы сделаем для твоего приятеля все, что в наших силах. Но должен предупредить, что обойдется это недешево. Мы соберем группу защитников — вероятно, из двух или трех адвокатов, — а их гонорары весьма высоки. Как ты понимаешь, — он улыбнулся своей суровой улыбкой, — нам тоже надо зарабатывать на жизнь. Возникнут расходы, связанные с поисками свидетелей, для чего может потребоваться частный детектив. Короче, защита в любом крупном деле связана с не менее крупными издержками. Способен ли твой друг оплатить их? Каково его материальное положение?

— По-моему, он не испытывает финансовых затруднений, — ответил Мартин, — но в любом случае все денежные вопросы я беру на себя. Феликс заплатит, сколько сможет. Я покрою остальное, если возникнет необходимость, из собственных средств.

Клиффорд пристально посмотрел на собеседника.

— Должен признать, это благородно с твоей стороны, Мартин. — Он снова замолчал, словно собираясь развить тему, но потом передумал, сменил тон и продолжил: — В таком случае тебе следует встретиться с Феликсом и обсудить его намерения. Если ты располагаешь временем, я готов сейчас же отправиться с тобой на Боу-стрит, чтобы попытаться немедленно получить разрешение на свидание. В ходе разговора с ним ты выяснишь положение. Мы охотно возьмемся за его защиту при условии, что он в ней нуждается. Но пусть чувствует себя совершенно свободным: он может обратиться к услугам любых других адвокатов. Договорились?

— Спасибо, Клиффорд. Да, я принимаю твои условия. Меня все вполне устраивает.

Представив своего приятеля и теперь почти клиента начальству знаменитого полицейского участка на Боу-стрит, юрист извинился и отправился по другим делам. А Мартин в одиночестве стал дожидаться формального ордера на посещение заключенного, выдача которого потребовала гораздо больше времени, чем он предполагал. И только около пяти часов вечера дверь камеры Феликса открыли, чтобы впустить к нему старого друга.

— Мартин! — воскликнул узник, выглядевший печальным. Он вскочил и схватил обеими руками ладонь посетителя. — Как же ты добр ко мне! Я не осмеливался даже надеяться на твое появление здесь.

— Разве же я мог, узнав, что мой старинный приятель оказался в такой дыре, не сунуть в нее свой длинный любопытный нос, — ответил доктор с грубоватым юмором, откровенно смущенный той горячностью, с которой Феликс приветствовал его. — Ты тоже хорош! Как ухитрился вляпаться в такие крупные неприятности? Что нужно было натворить, чтобы наделать столько шума?

Феликс унылым жестом потер себе лоб.

— Богом клянусь, Мартин, — простонал он, — я и сам не понимаю. Пребываю в полнейшем недоумении. Мне известно об этом кошмарном деле едва ли больше, чем, например, тебе. Все, происходившее сегодня, свелось к чистым формальностям, а потому обвинения против меня — в чем бы они ни состояли — пока не выдвинуты, как и не предъявлено никаких доказательств. Не возьму даже в толк, на основании чего они меня подозревают.

— Я тоже не знаю никаких подробностей. Просто решил навестить тебя, когда прочитал, что ты арестован.

— Не могу выразить, насколько я благодарен тебе, Мартин! Чем же смогу ответить на твою доброту? Я думал написать тебе сегодня записку с просьбой о помощи, поскольку завтра дошел бы до полного отчаяния. Но ты не представляешь, как важно для меня твое появление даже без просьбы с моей стороны! Самое главное, я смею теперь думать, что ты не веришь в справедливость чудовищных подозрений против меня. Я прав?

— Разумеется! Не впадай в тоску и не суетись понапрасну. У тебя же есть друзья, в конце-то концов. Вся моя семья тревожится за тебя. Жена в ужасе, как и мальчики. Они просили взбодрить тебя и сказать, что все ошибки уже скоро будут исправлены.

— Да благословит их Господь за это! — снова воскликнул Феликс и стал мерить камеру шагами, охваченный эмоциями. — Передай им, насколько я ценю... Как важно для меня их отношение ко всему.

— Не пори чепухи! — резко оборвал его доктор. — Разве ты мог ожидать чего-то иного? Но мне предоставили для свидания не так много времени. Вероятно, уже осталась всего пара минут, и потому хочу спросить тебя о главном. Ты имеешь какие-то планы относительно своей юридической защиты?

— Защиты? Никаких планов нет. Я не мог даже заставить себя думать об этом. Понятия не имею, что делать, к кому обратиться. Что ты мне посоветуешь?

— Обратиться к Клиффорду.

— Что? К какому Клиффорду?

— Найми себе защитником Джона Клиффорда из адвокатской конторы «Клиффорд и Льюишем». На вид он черствый сухарь, но умнее и опытнее адвоката не сыщешь. К тому же он очень порядочный человек. Это как раз то, что тебе сейчас нужно.

— Но я с ним не знаком. Как думаешь, он возьмется за мое дело?

— Конечно. Скажу больше, именно к нему я пошел за помощью, чтобы получить разрешение на встречу с тобой. Я-то с ним знаком прекрасно. Его фирма возьмется за твою защиту, если ты их попросишь об этом. А значит, твоим адвокатом станет персонально Клиффорд, и, повторю, лучше защитника тебе не найти.

— Мартин, ты просто возвращаешь меня к жизни! Бог все видит и воздаст тебе за благие дела! Так ты договоришься с Клиффордом? Хотя минуточку! А я смогу оплатить его услуги? У таких адвокатов обычно очень высокие гонорары.

— Какими средствами ты располагаешь?

— О, точно не знаю. Наверное, у меня есть тысяча фунтов или около того.

— Более чем достаточно. Я сразу же отправлюсь на переговоры с ним.

Друзья успели побеседовать еще несколько минут, прежде чем у двери камеры появился надзиратель. Время Мартина истекло. Он оставил Феликса в приподнятом настроении, пообещав скорую встречу. Француз проводил его, не скрывая слез.

Преисполненный решимости не терять времени даром и завершить начатое, Мартин поспешно вернулся в контору «Клиффорд и Льюишем». Но их рабочий день уже закончился, и он застал в помещении фирмы лишь нескольких задержавшихся младших клерков. Доктору пришлось записаться на завтра на прием, после чего, весь сияя от удовлетворения достигнутым успехом, он вернулся домой, чтобы обо всем рассказать близким.

На следующий день после обеда Мартин вновь сидел в кабинете адвоката.

Когда они достигли окончательной договоренности, что фирма берет дело в свои руки, мистер Клиффорд сказал:

— А теперь я обязан предупредить тебя, что такие случаи рассматриваются крайне медленно с соблюдением всех бюрократических и процедурных формальностей. Сначала прокуратура оформит обвинительное заключение, соберет все имеющиеся у них улики, подготовит свидетелей, и на это уйдет уйма времени. Мы, разумеется, тоже сразу же приступим к работе, хотя маловероятно, что многое удастся сделать, пока не ознакомимся с доказательной базой обвинителей в полном объеме. Потом нам потребуется время для основательной проработки линии защиты. Если станет необходимым снятие повторных показаний Феликса — а такое вполне, возможно, — то одному богу известно, сколько недель или даже месяцев пройдет до того момента, когда обе стороны окажутся готовы к началу слушаний в суде. Не говоря уже о том, что он иностранец, и Франция может потребовать его высылки для проведения процесса на родине.

— Уму непостижимо, — пробормотал доктор. — Вы, адвокаты, чертовски ловко наострились тратить время и деньги клиентов.

— Здесь все обстоит несколько иначе. В отличие от вас, медиков, нам не удастся скрывать свои ошибки, — с холодной и ироничной улыбкой возразил Клиффорд, — а потому приходится проявлять двойную осторожность.

Мартину шутка так понравилась, что он звучно хлопнул себя ладонью по бедру.

— Ха-ха! — рассмеялся он. — Отлично сказано! Тут ты меня поймал, ничего не скажешь. Но теперь я не стану тратить твое время попусту. Как я понял, есть практические вопросы, которые ты хотел со мной обсудить?

— Да, есть пара моментов, — кивнул Клиффорд. — Первое, я предлагаю включить в нашу команду Хеппенстола. Ты же знаешь Лусиуса Хеппенстола из Королевской коллегии адвокатов? А ему может потребоваться ассистент или даже двое. Как тебе такая идея?

— На твое усмотрение. Ты лучше знаешь, как организовать защиту Феликса.

— Второй вопрос куда серьезнее. Ты должен рассказать мне абсолютно все, что тебе известно о Феликсе.

— Должен признать, — ответил Мартин, — что я могу рассказать о нем не слишком многое. Я сам задумался, хорошо ли знаю его, и поразился, насколько скудны мои сведения. Мы познакомились около четырех лет назад. Тогда Феликс только приобрел «Сен-Мало», пустовавшее поместье всего в двухстах ярдах от моего собственного дома. Приобрел и тут же ухитрился заболеть воспалением легких. Меня вызвали вовремя, но болезнь оказалась очень серьезной, и какое-то время он был на грани жизни и смерти. Однако выкарабкался, и в процессе затянувшегося выздоровления мы с ним успели крепко подружиться. Когда он выписался из больницы, я пригласил его на пару недель пожить у меня — в то время экономкой в «Сен-Мало» служила неряшливая и неумелая женщина, а ему был необходим уход. Моей семье он так понравился, что уже скоро стал почти полноправным ее членом. С тех пор он то появляется, то вдруг исчезает, как домашний пес. Зато часто ужинает у нас, а взамен настаивает, чтобы мальчишки ходили с ним в театр, моя жена тоже присоединяется, когда у нее есть время.

— Но, по твоим словам, живет он очень одиноко, верно?

— Да, если не считать экономки.

— И ты не встречал никаких его родственников?

— Никого. Я никогда даже не слышал о его родственниках. Думаю, у Феликса их нет. А если есть, он вообще не упоминает о них. — Мартин немного замаялся, а потом продолжил: — Быть может, это всего лишь обманчивое впечатление, но меня поразило, что он как будто специально сторонится женщин, и если когда-либо отпускал при мне циничные реплики, то именно по их поводу. Я даже начал думать, что в его прошлой личной жизни было какое-то жестокое разочарование, но сам он и намеком об этом не обмолвился.

— На что он живет?

— Он — художник. Делает эскизы плакатов по заказу какой-то фирмы из Сити и выполняет иллюстрации для глянцевого журнала. Не знаю, есть ли у него сбережения или солидный счет в банке, но выглядит он вполне обеспеченным человеком.

— Ты в курсе этого, более чем странного, происшествия с бочкой? Что тебе известно?

— Почти ничего. Только с его слов. И был еще один запомнившийся мне эпизод. Вечером в... Дай-ка припомнить, когда в точности это случилось. Да, вечером в понедельник пятого апреля ко мне заехала пара приятелей, и мы захотели сыграть в бридж. Я отправился в «Сен-Мало» спросить, не пожелает ли Феликс стать четвертым в нашей компании. Было это около половины девятого. Он поначалу колебался, но потом принял приглашение. Я вошел и подождал, пока он переоденется. Камин в кабинете только что растопили, и комната, как, впрочем, и весь дом, казалась холодной и неудобной. Мы играли в бридж почти до часа ночи. После этого о Феликсе я услышал вновь, когда он лежал на койке в больнице Святого Фомы в глубочайшей прострации от пережитого шока. Не в качестве профессионального врача, а просто как друг я отправился навестить его, и он рассказал мне о бочке.

— И что же он поведал?

— По его словам, он получил письмо с сообщением о бочке с деньгами, отправленной ему, — детали услышишь от него самого. Когда в понедельник вечером я пришел к нему, Феликс только что получил ту бочку с борта парохода, доставив ее в «Сен-Мало». Вот почему он не сразу согласился уйти из дома — ему не терпелось вскрыть бочку.

— Отчего же он сразу и прямо не сказал об этом тебе?

— Я задал ему такой же вопрос. Феликс ответил, что у него возникли проблемы с представителями пароходства по поводу получения груза, и он не хотел пока никому выдавать местонахождение бочки, чтобы служащие не потребовали вернуть ее. Однако тебе предпочтительнее будет все выяснить у Феликса лично.

— Я непременно поговорю с ним, но сейчас мне важно понять, насколько ты осведомлен о бочке.

— Больше мне нечего добавить.

— Что ты знаешь о его друзьях?

— Ровным счетом ничего. Думаю, за многие годы я всего лишь дважды слышал, что он встречался с кем-то из своих знакомых, но то были художники, приезжавшие

посмотреть на его работы в студии и не оставившиеся даже переночевать. Возможно, он с кем-то встречался в городе, но я не знаю об этом.

Несколько минут адвокат сидел молча.

— Что ж, — сказал он потом, — по всей видимости, сегодня мы больше ничего предпринять не сможем. Я буду держать тебя в курсе, но напоминаю, что события, вероятно, будут развиваться крайне медленно.

Они по-дружески распрощались, обменявшись рукопожатиями, и доктор удалился, а Клиффорд взялся за письмо королевскому адвокату Хеппенстолу, чтобы выяснить, согласится ли тот взяться за это дело.

Глава 22

НОВАЯ ИСТОРИЯ, РАСКАЗАННАЯ МИСТЕРОМ ФЕЛИКСОМ

Следующий день оказался у мистера Клиффорда целиком занят разнообразными техническими формальностями и получением от властей всей информации, имевшейся на данный момент, а потому только утром второго дня он смог познакомиться со своим клиентом. Несчастный сидел в камере, обхватив голову руками, с выражением безысходной тоски на лице. Некоторое время они говорили обычные в таких случаях фразы, а потом адвокат перешел к делу.

— А теперь, мистер Феликс, — сказал он, — вы должны рассказать мне все, что вам известно о злосчастном деле — все до последнего штриха, каким бы мелким и незначительным он вам ни показался. И помните, что в таком положении равносильно самоубийству скрывать информацию. Ничего не утаивайте. Ваши признания будут сохранены в секрете, как при исповеди. Если вы наломали дров, наделали глупых ошибок или даже, уж простите, действительно совершили преступление, в котором вас обвиняют, расскажите мне правду.

В противном случае я уподоблюсь слепому поводырю для слепца, и нас обоих ждет падение в пропасть.

Феликс порывисто поднялся.

— Я так и поступлю, мистер Клиффорд. Я ничего от вас не утаю. Но прежде чем мы углубимся в детали, один вопрос мне следует прояснить сразу. — Он поднял руку: — Клянусь, и Бог Всемогущий, в которого я глубоко верю, мне свидетель, что невиновен в этом преступлении. — Он снова сел и продолжил: — Причем я не прошу от вас безоговорочной убежденности в моей правоте. Пусть она придет потом. Однако необходимо, чтобы уже в начале нашего общения этот факт был отмечен. Я решительно и категорически отрицаю какое-либо участие в этом ужасающем и мерзком деянии. А теперь можем приступить.

— Мне важно и отраднo было услышать от вас подобное заявление, сделанное столь выразительно, мистер Феликс, — сказал адвокат, на которого произвели глубокое впечатление манера выражаться и серьезность тона клиента. — Но давайте начнем, как говорится, с самого начала. Расскажите все известные вам подробности дела.

Феликс был хорошим рассказчиком, и потому его слова, обращенные к Клиффорду-профессионалу и чисто человечески, увлекли юриста по мере того, как развивалось повествование.

— Я сразу даже не соображу, с чего начать, — сказал Феликс. — Первым событием, прямо связанным с делом, стала моя встреча с группой друзей в парижском кафе «Золотое руно». Но прежде чем перейти к ней, наверное, имеет смысл в общих чертах объяснить вам, кто я такой и как француз оказался в итоге жителем Лондона. Полагаю, это необходимо, поскольку неизбежно встанет вопрос о моем прошлом знакомстве с бедняжкой Аннеттой Буарак. Что скажете, мистер Клиффорд?

«Это более чем необходимо, — подумал про себя адвокат, для которого сам факт знакомства Феликса с погибшей женщиной стал не самым приятным открытием. — Ты, как я вижу, пока не понимаешь, дружище: ни один другой пункт этого дела не станет для тебя более важным, чем твое с ней общее прошлое».

Но вслух он лишь произнес:

— Вы правы, я тоже считаю это необходимым.

— Что ж, очень хорошо. Повторю: по национальности я француз. Родился в Авиньоне в 1884 году. С детства я питал пристрастие к рисованию, и поскольку учителя заметили в моих работах проблески таланта, то еще совсем молодым я переехал в Париж, где поступил в художественную школу мсье Дофэ. Там я учился несколько лет, поселившись в небольшом отеле недалеко от бульвара Сен-Мишель. Мои родители умерли, и я унаследовал некоторую сумму денег — немного, но на жизнь хватало.

Вместе со мной в школе учился юноша, которого звали Пьер Боншоз, привлекательный и очень порядочный малый года на четыре моложе меня. Мы стали приятелями и частенько занимали вдвоем один номер в гостинице. Но к учебе он относился спустя рукава, не добиваясь заметных успехов. Ему не хватало трудолюбия и упорства, он слишком любил вечеринки и карточные игры, чтобы всерьез заниматься живописью. А потому я был не так уж удивлен, когда однажды Пьер заявил мне, что сыт по горло школой искусств и собирается уйти в бизнес. Он обратился за помощью к старому другу отца, старшему партнеру фирмы «Роже» — экспортеров вина из Нарбонна. Там ему предложили работу, и он согласился. За два или три месяца до отъезда Пьер привел в школу новую ученицу, свою кузину мадемуазель Аннетту Умбер. Они казались гораздо ближе друг другу, чем обычно бывают двоюродные братья и сестры. Боншоз рассказал мне, что они практически выросли вместе и давно стали не просто родственниками, а неразлучными друзьями. И это, мистер Клиффорд, была та самая несчастная девушка, ставшая затем мадам Буарак.

Она представляла собой самое прелестное существо, какое я только встречал прежде. И как только я увидел мадемуазель Аннетту, мной овладело глубочайшее восхищение ее красотой — чувство, прежде мне неизвестное. Видимо, сама Судьба распорядилась так, что мы оба увлеклись техникой работы пастелью, часто встречались в классе и интересовались успехами друг друга. Неизбежное случилось: уже вскоре я глубоко и искренне полюбил ее. Она не отвергала моих ухаживаний, но поскольку держалась ровно и доброжелательно

со всеми, я не смел надеяться на взаимность с ее стороны. Но не стоит затягивать эту часть истории. После долгих и мучительных колебаний я, собрав всю храбрость в кулак, сделал ей предложение. И вообразите мою радость, когда она приняла его.

Затем, естественно, настало время просить ее руки у отца. Мсье Умбер происходил из древнего и знатного рода, по праву преисполненный гордостью своим благородным происхождением. Он не был богат, а лишь весьма состоятелен, жил в принадлежавшем его семье замке Ларош, словно в собственном государстве, занимая ведущее положение в местном светском обществе. Явиться к нему и начать разговор о его дочери было бы поистине испытанием для всякого, а для меня, и близко не обладавшего подобным социальным статусом, это представлялось сущим кошмаром. И мои дурные предчувствия полностью оправдались. Он принял меня вполне учтиво, но категорически отверг мои притязания. Мадемуазель Умбер еще слишком молода, она не познала еще окружающего мира, не разобралась в собственных ощущениях, а у него имелись совсем другие планы относительно ее будущего и так далее. При этом он, конечно же, не преминул тонко намекнуть, что мое положение в обществе и ограниченность в средствах едва ли делали меня достойным стать членом семьи со столь древней историей и славными традициями.

Едва ли нужно описывать, сколь сокрушительным ударом стало его решение для нас обоих. Скажу только, что после бурного объяснения с отцом Аннетта подчинилась его власти, бросила учебу в художественной школе и надолго уехала гостить к своей тетке в одну из южных провинций. А для меня жизнь в Париже, где теперь на каждом шагу преследовали видения из прошлого, стала невыносимой. Я перебрался в Лондон, получив работу в фирме «Грир и Худ», производителей печатной рекламной продукции с Флит-стрит. Имея постоянное жалование, а в свободное время делая иллюстрации для «Панча» и других популярных изданий, я вскоре обнаружил, что мой ежегодный доход превышает тысячу фунтов. Теперь я смог удовлетворить одну из своих

амбиций — купить виллу в пригороде и небольшой двухместный автомобиль, чтобы ездить на работу в центр столицы. Это поместье, названное «Сен-Мало», располагается близ Брента по Грейт-Норт-роуд. Там я обосновался совершенно один, если не считать приходящей экономки — женщины почтенных лет. Огромный чердак дома я переделал в мастерскую, где начал делать эскизы к давно задуманной мною большой картине.

Но не успел я прожить на новом месте и месяца, как очень серьезно заболел воспалением легких. Мартин, врач, живший поблизости, занялся моим лечением, и так родилась дружба, результатом которой и стало ваше сегодняшнее появление здесь.

Года два я вел уединенный и монотонный образ жизни, но однажды утром меня ожидал приятный сюрприз в лице появившегося у меня на пороге старинного приятеля Пьера Боншоза. Он рассказал, что сделал успешную деловую карьеру, и руководство фирмы приняло решение назначить его своим постоянным представителем в Лондоне. Поведал он мне и о том, как после года «тоски и хандры» его кузина Аннетта исполнила желание отца и стала женой мсье Буарака, богатого промышленника. Пьер виделся с ней по дороге через Париж, и, по его словам, она выглядела вполне счастливой.

Я снова сблизился с Боншозом, и следующим летом — то есть два года назад — мы с ним совершили продолжительный пеший поход по Корнуоллу. Мне необходимо упомянуть об этом, потому что тогда рядом с Пензансом произошел инцидент, глубоко повлиявший на наши с Пьером дальнейшие отношения. Мы решили искупаться на пустынном берегу между скалами, и когда я вошел в воду, меня подхватило мощным потоком отлива, и вопреки всем моим усилиям, я понял, что не справлюсь и скоро окажусь унесенным в открытое море. Услышав мои отчаянные крики, Боншоз бросился в воду, доплыл до меня и с огромным риском для собственной жизни помог выбраться на сушу. И хотя он отнесся к этому эпизоду с легкомысленным юмором, я не мог забыть опасности, которой подвергался он сам, спасая меня. Мною овладела мысль, что я теперь нахожусь в дол-

гу перед ним и буду рад возможности как-то отблагодарить.

Хотя, как я упомянул, моим постоянным пристанищем стали окрестности Лондона, я никогда не забывал и о Париже. Сначала изредка, а потом все чаще стал возвращаться туда, чтобы проведать друзей и быть в курсе событий, происходивших в художественных кругах Франции. Около восьми месяцев назад, во время очередного такого визита, я совершенно случайно заглянул на выставку произведений знаменитого скульптора. Там, по чистой случайности, встретил человека, разговор с которым весьма заинтересовал меня. Он оказался страстным собирателем скульптуры малых форм и был подлинным знатоком вопроса. Мне он сообщил, что его коллекция ныне стала одной из крупнейших в мире, а поскольку я высказал неподдельный интерес, то получил приглашение тем же вечером отужинать в его доме и осмотреть собрание.

Я приехал и был представлен супруге владельца дома. Можете вообразить себе мои чувства, мистер Клиффорд, когда ею оказалась не кто иная, как Аннетта. От неожиданности мы ни словом, ни жестом не выдали нашего прежнего знакомства. Хотя, я уверен, не будь мсье Буарак столь поглощен мыслями о своей коллекции, он непременно заметил бы наше взаимное смущение. Впрочем, когда первый шок от узнавания прошел, я понял, что ее присутствие больше не волнует мне кровь. Она по-прежнему вызывала у меня глубочайшее восхищение, но моя одержимость ею пропала без следа. Былая любовь ушла безвозвратно. А по ее поведению и манере держать себя стало ясно: чувства Аннетты ко мне претерпели такую же метаморфозу.

Мы с мсье Буараком стали добрыми приятелями, связанные поначалу моим интересом к его коллекции, и потом я не раз принимал его приглашения заглянуть в гости всякий раз, когда оказывался в Париже.

Это, мистер Клиффорд, все, что я мог бы назвать преамбулой к моей истории. Боюсь, я не проявил при этом полной беспристрастности, но постарался изложить факты как можно яснее.

Адвокат с серьезным видом кивнул.

— Ваши показания пока звучат предельно ясно. Будьте любезны, продолжайте.

— Теперь перейду к событиям, связанным с бочкой, а значит, и к происшедшей трагедии, — вновь заговорил Феликс. — Думаю, будет лучше выстроить мой рассказ в хронологическом порядке, хотя от этого он станет несколько отрывочным.

Мистер Клиффорд снова отреагировал наклоном головы, и его собеседник возобновил изложение своей истории.

— В субботу тринадцатого марта я пересек канал и оказался на выходные дни в Париже, чтобы вернуться назад утром в понедельник. В воскресенье после обеда мне пришлось в голову заглянуть в кафе «Золотое руно» на рю Руаяль. Там я застал многочисленную группу людей, с большинством из которых был знаком. Разговор шел о французских государственных лотереях, и один из них, мсье Альфонс Ле Готье, неожиданно обратился ко мне: «Почему бы нам немного не позабавиться вместе с тобой? Давай сыграем». Сначала я хотел лишь посмеяться над подобной идеей, но потом согласился рискнуть совместно с ним тысячей франков. Всю организацию он брал на себя, а если выпадет выигрыш, мы договорились честно поделить его поровну. Я отдал ему свои пятьсот франков, а потом, решив, что этим все и закончится, напрочь забыл о лотерее.

Через неделю после возвращения в Англию меня посетил Боншоз. Я сразу понял, что у него неприятности, и вскоре выведal подробности случившейся с ним беды. Как выяснилось, он вконец проигрался за карточным столом, и чтобы покрыть долг, обратился к ростовщикам, которые теперь требовали своевременного возвращения выданных ему ссуд. Отвечая на мои настойчивые расспросы, он объяснил, что сумел отдать все занятые деньги, кроме одного займа в размере шестьсот фунтов. Все возможные источники средств он к тому моменту уже исчерпал, и если не найдет нужной суммы к тридцать первому марта, то есть примерно за неделю до срока оплаты, его репутации в деловом мире придет конец.

Меня его рассказ привел в сильнейшее раздражение, поскольку я уже дважды выручал его в подобных ситуациях, и он давал мне слово больше никогда не садиться за игру. Я понимал, что не должен больше разбрасываться деньгами, но наша дружба и неоплатный долг перед ним за спасение моей жизни не позволяли мне бесстрастно смотреть, как он идет ко дну. Словно прочитав мои мысли, Боншоз заверил меня, что пришел не умолять о помощи, сознавая, как много я уже сделал для него — гораздо больше, чем он заслуживал. Потом рассказал, что написал Аннетте, сообщив ей о своем прискорбном положении и попросив дать ему денег не просто так, а одолжить, обещая выплатить четыре процента комиссионных. Я серьезно поговорил с ним, не обещал немедленной помощи, и попросил держать меня в курсе своих злоключений. Но, ничего не сказав ему, принял решение непременно выплатить эти шестьсот фунтов, чтобы не допустить его окончательного падения.

«В пятницу я отправляюсь в Париж, — завершил я наш разговор, — и надеюсь быть у Буараков к ужину в воскресенье. Если Аннетта заведет об этом речь, придется объяснить ей, что ты сам превратил свою жизнь черт знает во что».

«Только не настраивай ее против меня», — слезно просил он.

Я же отвечал, что никак не собираюсь влиять на ее решение. Он спросил, когда я возвращаюсь, чтобы самому встретить меня и скорее узнать о результатах нашей беседы с Аннеттой. Я ответил, что сяду на паром в Булони в воскресенье вечером.

В тот уикенд я снова вернулся в Париж — через две недели после встречи в кафе «Золотое руно». В воскресенье утром я сидел в отеле «Континенталь», подумывая, не посетить ли мне школу живописи мсье Дофэ, когда мне принесли записку от Аннетты. Она хотела поговорить со мной с глазу на глаз и просила приехать на четверть часа раньше ужина, назначенного на 19.45. Ответ следовало передать на словах. Я дал соответствующее обещание ее посыльной Сюзанне, она была горничной Аннетты.

До дома Буарака я добрался в назначенное время, но с Аннеттой не встретился. В холле случайно оказался мсье Буарак. Завидев меня, он сразу же пригласил зайти к нему в кабинет и взглянуть на гравюру, которую ему предложили купить и прислали на предварительный просмотр. Понятно, что отказаться я не мог. Мы пошли в кабинет и изучили присланную работу. Но в кабинете присутствовал и другой предмет, который я не мог не заметить. На ковре стояла значительных размеров бочка, и вы не поверите, мистер Клиффорд, если я скажу вам, что это была либо та же бочка, которую прислали мне потом с телом бедняжки Аннетты, либо похожая на нее как две капли воды!

Феликс сделал многозначительную паузу, давая слушателю усвоить эту важнейшую, по его мнению, информацию. Но адвокат лишь снова кивнул и сказал:

— Пожалуйста, продолжайте свой рассказ, мистер Феликс.

— Бочка, конечно же, заинтересовала меня, поскольку казалась чем-то неуместным в кабинете. Я спросил о ней Буарака, и он объяснил, что только что купил скульптуру, а бочка — несколько необычная разновидность тары, в которой подобный товар доставляют заказчикам.

— Он описал вам скульптуру? — задал вопрос адвокат, впервые перебивая Феликса.

— Нет, сказал только, что это очень изящная группа из нескольких фигур. Обещал показать ее во время моего следующего визита.

— Он упоминал, где купил ее, сколько заплатил?

— Об этом речи не было. Мы вообще обсудили тему вскользь, уже покидая кабинет.

— Понятно. Продолжайте, пожалуйста.

— Мы вернулись в большую гостиную, но к тому времени уже собрались гости, и я уже не имел возможности поговорить с Аннеттой наедине.

Ужин превратился в крупное светское мероприятие, поскольку среди приглашенных главенствовал испанский посол. Вот только еще до окончания застолья мсье Буарака вызвали на работу, где случилась какая-то авария. Он с извинениями покинул нас, пообещав скоро

вернуться, но через какое-то время уведомил по телефону, что авария оказалась намного серьезнее, чем ожидалось, а потому Буарак сможет снова попасть домой либо очень поздно ночью, либо только к утру. Ближе к одиннадцати часам гости начали разъезжаться, а я, подчинившись знаку, поданному мне Аннеттой, дождался отъезда последнего из них. Потом она рассказала мне о письме, полученном от Боншоза, до крайности расстроившем ее. Вместе с тем она была даже довольна возникшими у кузена неприятностями, считая, что хороший испуг пойдет ему только на пользу. Ее тревожила вероятность превращения Боншоза в неисправимого азартного игрока. Аннетте хотелось узнать мое мнение по этому поводу.

Я откровенно поделился с ней своими мыслями. Ее кузен был добрым и порядочным человеком, но связался с дурной компанией, и его единственный шанс спасти свое честное имя — порвать с этими людьми. Она согласилась со мной и сказала, что ему не стоит даже пытаться помогать, пока такой разрыв не произошел. Затем мы обсудили, где нам взять денег, чтобы выручить его. Как выяснилось, у нее имелись триста фунтов своих сбережений, но поскольку она предвидела неодобрение со стороны мсье Буарака, то не хотела даже пытаться просить его о недостающей сумме. А потому предложила продать пару своих драгоценностей, принадлежавших ей по праву, и попросила меня заняться этим от ее имени. Однако я не мог заставить себя пойти на такой шаг и заверил, что если она внесет триста фунтов, то изыщу другую возможность покрыть недостаток. Поначалу она и слышать об этом не хотела, и между нами разгорелся спор. В итоге мои доводы одержали верх, она поднялась в спальню и вернулась с деньгами. Я почти сразу поспешил удалиться, пообещав сообщить, чем завершится дело: она была искренне привязана к двоюродному брату и переживала за его судьбу. Вечером в воскресенье я отправился обратно в Англию.

— Если я вас правильно понял, мистер Феликс, — вновь вмешался Клиффорд, — то последний из гостей уехал в одиннадцать?

— Да, примерно в это время.

- А в котором часу покинули дом вы?
- Думаю, что было примерно без четверти двенадцать.
- Стало быть, ваш разговор продлился приблизительно сорок пять минут. Кто-нибудь видел, как вы уходили?
- Только Аннетта. Она проводила меня до двери.
- И как я полагаю, вы вернулись к себе в отель?
- Да.
- В какое время вы добрались до него?
- Приблизительно в половине второго, как мне помнится.

— Но от дома Буарака до вашей гостиницы всего пятнадцать минут пешком. Чем же вы занимались так долго?

— Мне совсем не хотелось спать, и я с удовольствием прогулялся по Парижу. Дошел по рю де Риволи до площади Бастилии, а к отелю вернулся через Большие бульвары.

— По пути вы не встретили никого из знакомых?

— Нет, не встретил. По крайней мере, в памяти ничего не отложилось.

— Боюсь, вы не понимаете, насколько это важно. Подумайте хорошенько. Может ли кто-то подтвердить, что видел вас во время той прогулки? Быть может, официант в кафе или какой-то уличный торговец?

— Нет, — ответил Феликс после паузы. — Я ни разу не остановился, чтобы обменяться с кем-либо приветствиями, и совершенно точно не заходил ни в кафе, ни в рестораны.

— Вы утверждаете, что вернулись в Лондон на следующий день. Во время путешествия вам попался кто-нибудь, кого вы знаете?

— Да, но едва ли мне это поможет. На пароме до Фолкстоуна я встретил мисс Глэдис Девайн. Вот только она, увы, не сможет ничего подтвердить. Как вам, возможно, известно, она скоростижно скончалась неделей позже.

— Мисс Глэдис Девайн? Уж не та ли знаменитая мисс Девайн, прославленная актриса?

— Именно она. Я часто сталкивался с ней прежде на различных приемах в Париже.

— Но тогда вы должны без труда суметь подтвердить факт встречи. Столь известную леди, несомненно,

узнают повсюду. Вы, вероятно, заходили в ее личную каюту?

— Нет, мы разговаривали с ней на верхней палубе. Она сидела, укрывшись за одной из труб, и я на полчаса присоединился к ней.

— В таком случае кто-то должен был видеть вас вместе.

— Возможно, нас видели, а быть может, нет. Понимаете, в тот день сильно штормило. Почти все пассажиры слегли с морской болезнью. Так что людей на прогулочной палубе было совсем немного.

— А ее горничные и прочая прислуга?

— Их я не встретил.

— Мистер Феликс, вот о чем я попрошу вас основательно задуматься, когда вы останетесь один. Во-первых, кто может подтвердить, как вы провели время между одиннадцатью часами вечера и половиной второго часа ночи в субботу? И во-вторых, кто мог видеть вас вместе с мисс Девайн на пароме по пути в Фолкстоун. А теперь продолжайте свой рассказ, сделайте милость.

— На вокзале Чаринг-Кросс меня встретил Боншоз. Ему не терпелось узнать, как у меня все сложилось. Мы поехали к нему на квартиру, где я сообщил новости. Сказал, что вручу ему необходимые шестьсот фунтов, но только при условии полного разрыва с друзьями, вовлекавшими его в азартные игры. Он заверил меня, что окончательный разрыв с ними уже состоялся, и я передал ему деньги. Затем мы зашли в «Савой», а после достаточно раннего ужина я его покинул, отправившись к себе в усадьбу.

— В котором часу?

— Около половины девятого.

— Как вы добирались до дома?

— Я взял такси.

— Откуда?

— Машину вызвал для меня портье «Савоя».

— Что было дальше?

— Я получил совершенно поразившее меня письмо...

И Феликс поведал адвокату об отпечатанном на машинке письме, подписанном Ле Готье, и о том, что происходило далее: его приготовления к получению бочки, визит на пристань Святой Екатерины, бе-

седы с клерком по фамилии Броутон и с управляющим портовой конторой, хитроумная проделка с получением чистого бланка пароходства, сфабрикование записки для Харкнесса, перевозка бочки в «Сен-Мало», визит к доктору Мартину, ночной разговор с Бернли, исчезновение бочки, ее обнаружение и вскрытие, в ходе которого была сделана ужасающая находка.

— Вот и все, мистер Клиффорд, — подвел итог он, — что мне известно об этом деле до последней детали, хотите верьте, хотите нет.

— Пока меня радует только одно: ясность вашего изложения этой истории, — заметил адвокат. — А теперь дайте мне возможность подумать, о чем еще я должен вас расспросить.

И он принялся медленно просматривать толстую кипу листов, которые успел исписать за это время.

— Первое, что мне необходимо установить, — заговорил он после продолжительного молчания, — это характер ваших отношений с мадам Буарак, степень вашей близости. Вы можете сказать, сколько раз встречались с ней после ее замужества?

Феликс взял паузу на раздумья.

— Раз шесть, как мне кажется. Или, возможно, даже больше — восемь, девять. Но точно не более девяти.

— Если не считать вечера званого ужина, ее муж присутствовал при всех таких встречах?

— Не при всех. По меньшей мере дважды я заставал ее одну.

— Простите за бестактный вопрос, но вам придется ответить на него со всей откровенностью. Имели ли место случаи проявления вами взаимных нежных чувств или моменты интимной близости?

— Абсолютно ничего подобного и близко не было! Могу с чистой совестью заявить, что наедине мы не совершали подобных поступков и не вели разговоров, которые не предназначались бы для глаз и ушей мсье Буарака.

Клиффорд снова взял время на раздумья.

— А теперь мне бы хотелось услышать от вас самый подробный отчет о том, как вы провели время, после

ужина с Боншозом в воскресенье вечером по прибытии из Парижа и до понедельника следующей недели, когда получили бочку на пристани Святой Екатерины.

— Нет ничего легче. Распрощавшись с Боншозом, я, как уже упоминал, поехал в «Сен-Мало», куда прибыл около половины десятого. Моя экономка ушла в отпуск, а потому я сразу же дошел до деревни, где нанял приходящую работницу, которая могла бы готовить мне завтрак. Эта женщина уже однажды исполняла обязанности моей домработницы. Я взял на работе недельный отпуск, и каждый мой день проходил совершенно единообразно. Просыпаясь в половине восьмого, я завтракал, а потом поднимался в мастерскую, чтобы писать картину. Прислуга после завтрака уходила домой, и обед я готовил сам. Остаток дня продолжал заниматься живописью, а вечером уезжал в Лондон, чтобы поужинать и иногда сходить в театр. Домой, как правило, возвращался между одиннадцатью и полуночью. Но вот в субботу работать над картиной мне не пришлось. Я отправился в город, чтобы организовать получение бочки.

— Значит, в десять часов утра в среду вы предавались творчеству у себя в мастерской?

— Да, но почему вы так особо выделяете этот день и час?

— Узнаете немного позже. Лучше скажите, вы можете как-то подтвердить сказанное? К вам в мастерскую кто-нибудь заходил и видел вас за работой?

— Боюсь, что нет.

— А временная домработница? Между прочим, как ее зовут?

— Миссис Бриджет Мерфи. Но она едва ли что-то знает о моем местонахождении. Понимаете, мы практически друг с другом не виделись. Когда утром я спускался из спальни, готовый завтрак ждал меня на столе. Потом я сразу отправлялся в мастерскую. Даже не представляю, в котором часу она уходила домой, но, по всей видимости, очень рано.

— Когда вы обычно завтракали?

— Почти всегда около восьми, но я, знаете ли, не слишком пунктуален в мелочах.

— Помните ли вы и можете ли подтвердить, в котором часу завтракали в упомянутую среду?

Феликса вопрос явно озадачил.

— Нет, — ответил он. — Не думаю, что смогу. То утро для меня ничем не отличалось от любого другого.

— Но это очень важно. Может, миссис Мерфи что-нибудь вспомнит?

— Возможно, но крайне сомнительно.

— И больше нет никого, к кому можно обратиться за подтверждением? К вам никто не приходил? Ну хотя бы обычный торговый агент?

— Никто. Пару раз в дверь звонили, но я не потрудился спуститься, чтобы открыть. В гости никого не ждал и решил не отвлекаться от работы.

— Весьма прискорбное пренебрежение к визитерам. Хорошо. Теперь расскажите, где вы обычно ужинали в Лондоне и как проводили вечера.

— В разных ресторанах. И, как вы сами понимаете, в различных театрах, что вполне объяснимо.

Упрямо продолжая задавать вопросы, Клиффорд составил список мест, где в течение недели побывал его клиент. Он намеревался обойти их для сбора материалов, на которых можно было бы построить хоть какое-то алиби. Пока все услышанное принесло ему сплошное разочарование, и он стал рассматривать свою миссию как все более сложную. Ему оставалось лишь вьедливо допрашивать Феликса.

— Обратимся теперь к машинописному письму, подписанному фамилией Ле Готье. Вы поверили в его подлинность?

— Да, поверил. Вся эта затея представлялась мне раздражающе нелепой, но никаких сомнений не возникало.

Вы же знаете, я добровольно согласился участвовать в лотерее с Ле Готье, а пятьдесят тысяч франков — это как раз та сумма, которую составил бы наш выигрыш в случае удачи. У меня, правда, мелькнула мысль, что Ле Готье меня разыгрывает, но я сразу отменил ее, поскольку он человек совершенно иного склада.

— Вы успели написать Ле Готье ответ или отправить телеграмму?

— Нет. Письмо я получил поздно вечером по возвращении домой. Сразу я уже не мог ничего предпринять, хотя утром собирался послать телеграмму, что приеду за выигрышем лично, и бочку отправлять не надо. Но утром почтальон доставил открытку — тоже отпечатанную на машинке и подписанную Ле Готье, — с уведомлением об отправке бочки как о свершившемся факте. Я просто забыл упомянуть об этом в своем рассказе.

Клиффорд кивнул и снова сверился со своими записями.

— Вы отправляли письмо в фирму «Дюпьер и Си» в Париже, заказав скульптуру с доставкой для вас по адресу на Уэст-Джабб-стрит?

— Нет.

— Вы хорошо представляете себе кипу промокательной бумаги на своем рабочем столе в «Сен-Мало»?

— Да, разумеется, — ответил Феликс, окинув собеседника удивленным взглядом.

— Вы когда-либо позволяли пользоваться ею кому-то другому?

— Насколько помню, никогда.

— Вам приходилось возить ее с собой во Францию?

— Нет. Для чего?

— Тогда каким же образом, мистер Феликс, — адвокат произносил этот вопрос нарочито медленно, — вы объясните тот факт, что на упомянутой промокательной бумаге был обнаружен частичный отпечаток подобного письма, написанного вашей рукой?

Феликс мгновенно вскочил.

— Что? — воскликнул он. — О чем вы говорите? Письмо моей рукой? Не верю! Такое попросту невозможно!

— Я сам видел оттиск.

— Вы его видели? — Феликс принялся взволнованно расхаживать по камере, бурно жестикулируя. — Право же, мистер Клиффорд, это уже слишком! Говорю же вам: я не писал такого письма. Здесь явная ошибка. И вы тоже заблуждаетесь.

— Спешу вас заверить, мистер Феликс, что никакой ошибки нет. Я видел не только отпечаток на вашей про-

мокашке, но и оригинал письма, полученного указанной французской фирмой.

Феликс сел и провел ладонью по лбу, словно испытывал головокружение.

— Для меня все это непостижимо. Вы не могли видеть такого письма от меня, потому что его не существует. Если вам что-то действительно показали, то явную фальшивку.

— Но как же объяснить отпечаток, оставшийся на промокательной бумаге?

— Боже милостивый, ну откуда же я знаю? Говорю вам, мне ничего не известно об этом. Послушайте, — добавил он, внезапно меняя тон, — здесь какой-то ловкий трюк. Когда вы утверждаете, что видели подобные вещи, я не могу вам не верить. Но это трюк. Другого объяснения быть не может.

— Положим, я склонен согласиться с вами, — сказал Клифффорд. — Но кто мог прибегнуть к такому сложному трюку? Только человек, имевший доступ в ваш кабинет, чтобы написать письмо там же, или выкрасть лист промокательной бумаги, а потом незаметно вернуть его на место. Кто бы это мог быть?

— Понятия не имею. Никто... По крайней мере, никто из тех, кого я знаю, не способен на такое. Когда было написано письмо?

— У Дюпьера его получили во вторник утром, то есть тридцатого марта. На конверт наклеили английскую марку. А это значит, что письмо отправили в воскресенье вечером или в понедельник, то есть в день вашего возвращения из Лондона после субботнего ужина у Буарака или днем позже.

— Но ведь кто угодно мог проникнуть в дом, пока я отсутствовал. Если все ваши слова правдивы, то кто-то так и сделал, хотя, признаться, следов вторжения я не заметил.

— Хорошо, мистер Феликс. Следующий вопрос. Кто такая Эмми?

Феликс вновь уставился на него в полнейшем недоумении.

— Эмми? — переспросил он. — Опять ничего не понимаю. Какая еще Эмми?

Клиффорд пристально следил за выражением лица клиента, когда произнес:

— Ваша Эмми с разбитым сердцем.

— Мой дорогой мистер Клиффорд, я не имею ни малейшего представления, о чем или о ком вы сейчас говорите. «Ваша Эмми с разбитым сердцем»? Что, черт возьми, это значит?

— А вот мне кажется, мистер Феликс, вы должны прекрасно все понимать. Кто та девушка, написавшая вам недавно письмо со слезной мольбой не бросать ее и поставившая вместо подписи слова: «Вечно твоя (хоть и с разбитым сердцем) Эмми».

Изумление во взоре Феликса теперь стало поистине безграничным.

— Либо с ума сошли вы, либо я сам, — тихо сказал он. — У меня не было письма от девушки, просившей не бросать ее, я вообще не получал ничего ни на какую тему от кого-то по имени Эмми. Вот почему мне теперь нужно, мистер Клиффорд, чтобы вы мне все объяснили.

— Тогда ответьте мне еще на один вопрос, мистер Феликс. Насколько я понимаю, в вашем гардеробе имеются два темно-синих костюма, верно?

Удивление на лице художника только усилилось, и он дал утвердительный ответ.

— В таком случае мне необходимо знать, когда вы в последний раз надевали каждый из них.

— Вот с этим у меня полная ясность. Один из них надевал в парижскую поездку, а потом еще раз в воскресенье, отправляясь в Лондон, чтобы подготовиться к операции с бочкой, и снова был в нем в понедельник и во вторник, пока не оказался в больнице. Кстати, он на мне и сейчас. А второй синий костюм совсем старый. Я не ношу его уже несколько месяцев.

— Теперь скажу, в чем причина моего интереса. В кармане пиджака одного из ваших костюмов — судя по вашим словам, вероятнее всего, старого — было найдено письмо, начинавшееся обращением «Мой обожаемый Леон!», а заканчивавшееся подписью «Вечно твоя (хоть и с разбитым сердцем) Эмми». Та, кто

написала его, высказывала... Впрочем, у меня есть копия. Читайте сами.

Художник просмотрел содержание послания с таким видом, словно спал и видел дурной сон.

— Могу клятвенно заверить вас, мистер Клиффорд, — очень серьезно сказал он, — что я знаю об этом гораздо меньше, чем вы сами. Это письмо не мое. Я никогда не видел его прежде и не слышал ни о какой Эмми. Все здесь вымысел. Не могу объяснить, как письмо попало ко мне в карман, но повторяю совершенно определенно: мне ничего о нем не известно.

Клиффорд кивнул:

— Прекрасно. Теперь мне осталось расспросить вас еще об одной вещи. Вы помните кожаное кресло с округлой спинкой, которое стоит перед плюшевой портьерой в вашем кабинете?

— Конечно.

— Подумайте основательно и скажите мне, кем была последняя из сидевших в нем дам?

— Тут и думать не о чем. Ни одна женщина не садилась в него с тех самых пор, как оно было мной куплено. За все время моей жизни в «Сен-Мало» здесь побывало всего несколько особ женского пола. Все они без исключения интересовались живописью и потому заходили только в мастерскую.

— А теперь прошу реагировать на мой следующий вопрос без раздражения: мадам Буарак когда-либо сидела в том кресле?

— Даю вам слово чести — никогда. Она ни разу не посетила этот дом и, если не ошибаюсь, вообще не бывала в Лондоне.

Адвокат снова кивнул.

— В таком случае вынужден сообщить вам другую неприятную новость. Позади кресла была найдена зацепившаяся за край портьеры булавка. Инкрустированная бриллиантами английская булавка. И это украшение, мистер Феликс, было приколото к платью мадам Буарак вечером перед званым ужином в ее доме.

Феликс, лишившийся дара речи, мог лишь сидеть и в беспомощном изумлении смотреть на своего адвока-

та. Его лицо побелело, а в глазах читалось выражение неподдельного страха. В наводившей тоску неприветливой камере, стены которой слышали столько историй о несчастьях и страданиях, воцарилось молчание. Клиффорд, не сводивший со своего клиента пристального взгляда, почувствовал вновь зародившиеся сомнения, начавшие было развеиваться. Неужели этот человек играл роль? Если так, то делал он это с большим мастерством, и все же... Феликс наконец подал признаки жизни.

— Бог ты мой! — хрипло прошептал он. — Это истинный кошмар! Я нахожусь в совершенно безнадежном положении. Меня опутали сетью, и она стягивается вокруг все туже. Что все это значит, мистер Клиффорд? Кто стоит за этим? Я не подозревал никого в ненависти к себе, но, значит, есть некто, ненавидящий меня достаточно сильно. — Он в отчаянии всплеснул руками. — Со мной покончено. Мне теперь уже ничто не поможет. Если вы видите для меня хотя бы проблеск надежды, мистер Клиффорд, поделитесь со мной своими мыслями.

И какие бы сомнения ни испытывал сейчас адвокат, ему пришлось придержать их при себе.

— Слишком рано делать какие-либо выводы, — ответил он как можно более деловым тоном. — В сложных делах, подобных этому, я часто сталкивался с ситуациями, когда самый мелкий, совершенно случайно вскрывшийся факт помогал прояснить случившееся. Вам нельзя поддаваться отчаянью. Мы в самом начале пути. Давайте подождем неделю-другую, и тогда я смогу поделиться с вами своими воззрениями.

— В добрый час, мистер Клиффорд! Господь да благословит вас! Вы придаете мне сил. Но эта история с заколкой! Что она может значить? Вокруг меня сплели какой-то ужасающий заговор. Его вообще можно хоть как-то раскрыть?

Адвокат поднялся.

— Это именно то, что мы попытаемся сделать, мистер Феликс. Однако сейчас мне пора идти. Прислушайтесь к моим советам, не теряйте присутствия духа, а если вспомните нечто, доказывающее правдивость ваших показаний, немедленно дайте мне знать.

И пожав клиенту руку, мистер Клиффорд удалился.

Глава 23

МИСТЕР КЛИФФОРД ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Когда Клиффорд закончил в тот вечер ужинать, он прошел к себе в кабинет и, приставив большое кресло поближе к камину, поскольку к ночи становилось прохладно, раскурил сигару и сосредоточился на деталях своего нового дела. Сказать, что показания Феликса разочаровали его, значило не полностью отразить его настроение. Он был удручен и раздосадован. Его надежды получить от клиента информацию, которая сразу же подскажет основную линию защиты, не только не оправдались. Все обстояло хуже. Адвокат пока вообще не представлял, где взять хоть какие-то аргументы в защиту обвиняемого.

И чем дольше он обдумывал дело, тем мрачнее рисовались перспективы. Он перебрал факты по порядку, прокрутил в уме каждый, взвешивая их значение для подтверждения вины или невинности Феликса.

Прежде всего вставал фундаментальный вопрос о том, что же именно произошло в доме на авеню де л'Альма между 23.00 и четвертью второго ночи после окончания званого ужина. В 23.00 Аннетта Буарак была жива и здорова, в 01.15 исчезла. И, судя по всему, Феликс стал последним, кто видел ее живой, а потому резонно было бы ожидать, что он сможет пролить свет на ее судьбу. Но он ничем не помог.

Он, правда, сумел объяснить побудительный мотив для своей встречи с мадам наедине. Получить подтверждение правдивости рассказа, подумал Клиффорд, будет несложно — достаточно провести расследование ситуации, в которую попал Боншоэ. Но даже если истина будет установлена, он не представлял, какую особую пользу это принесет клиенту. Невинность Феликса так просто не доказать. Более того, кто-то, возможно, станет утверждать, что именно личная встреча для разговора о Боншоэ стала косвенной причиной дальнейшего бегства мадам от мужа, если это имело место. У Феликса появилась возможность для интимной беседы

с мадам, которая в другом случае могла не представиться. И кто знает, какие дремавшие прежде страсти вновь распались при встрече без свидетелей? Нет. Искать в этом эпизоде что-то необходимое для защиты решительно не стоило.

И остальные показания Феликса выглядели столь же бесполезными. Он заявил, что после завершения их разговора в 23.45 гулял по Парижу до половины второго. Но по неудачному стечению обстоятельств, никто не видел, как он покидал дом, по пути Феликс не встретил никого из знакомых и не заходил никуда, где могли бы его опознать. А было ли это, задумался Клиффорд, простым совпадением? Быть может, история Феликса попросту лжива?

Затем он вспомнил, что звук захлопнувшейся двери все же не остался незамеченным. Франсуа слышал его в час ночи. Но если Феликс ушел в 23.45, то кто же захлопнул дверь позднее? Напрашивались два ответа на этот вопрос. Либо Феликс сказал неправду о времени своего ухода, либо сама мадам куда-то отправилась в столь поздний час. Вот только наш адвокат не знал, какой из ответов правильный, но хуже всего была для него полнейшая невозможность выяснить истину.

Столь же бессмысленным для защиты оказывалось названное Феликсом имя женщины в меховой шубе, встреченной им на пароме в Фолкстоун. Даже если это действительно была мисс Девайн, сей факт не доказывал, что на борту одновременно не находилась и мадам Буарак. Следовало допускать и другую вероятность. Путешествуя вместе с мадам Буарак, Феликс заметил на пароме прославленную актрису, а ее скорая кончина позволила безнаказанно лгать, что его видели именно в обществе знаменитости. Но ведь даже если доказать, что звезда сцены действительно присутствовала на пароме, это ничего не давало для пользы дела.

Впрочем, гораздо более серьезной проблемой становилась неспособность Феликса обеспечить себе алиби. Клиффорд собирался построить защиту именно на нем и теперь был более чем разочарован. Местонахождение человека или людей, организовавших отправление и получение бочки, установили

дважды: в десять часов утра в среду с вокзала Ватерлоо и в четверть четвертого пополудни в четверг с Северного вокзала. Клиффорд сверился со своим экземпляром «Континентального справочника Брэдшоу». Чтобы успеть в Париж к указанному времени, житель Лондона должен был выехать в девять часов утра в четверг с вокзала Чаринг-Кросс и никак не мог вернуться в Англию до 5.35 утром в пятницу. Следовательно, Феликсу нужно было бы обеспечить себе алиби либо на 10.00 в среду, либо на промежуток с 9.00 в четверг до 5.35 в пятницу, и значительная часть подозрений оказалась бы с него снята. Но именно это он и не смог сделать.

Клиффорд вернулся к своим записям показаний. По его собственным словам, в 10.00 в среду Феликс занимался живописью в своей мастерской. Но только отсутствие постоянной экономки и странная манера приходящей домработницы оставлять на столе готовый завтрак не давали возможности доказать это. И как последний идиот, Феликс не отозвался на звонки посторонних в дом, не желая, чтобы его отрывали от работы. А между тем один из тех посетителей мог бы сейчас спасти его.

Теперь что касалось утра и вечера четверга. Чтобы успеть к поезду, отходившему с Чаринг-Кросс в 9.00, Феликс должен был бы выехать из «Сен-Мало» не позже 8.05. Согласно его заявлению, завтрак ему готовили к восьми утра, и у него не оставалось бы времени съесть его. Однако ничто не мешало ему потратить две-три минуты, чтобы избавиться от пищи, бросить грязные тарелки, еду унести с собой и создать впечатление, что он полноценно позавтракал. Здесь все же могла хоть чем-то помочь прислуга. Клиффорд был не в состоянии разобраться в этом без обязательной беседы с ней.

Адвокат вновь обратился к записям. В своих показаниях Феликс утверждал, что после завтрака в тот день работал непрерывно до половины седьмого, сделав паузу лишь для обеда и чашки какао. После чего переоделся и отправился в Лондон, где поужинал один в «Грешеме». Пусть он не встретил там знакомых, оставался шанс, что официант, швейцар или метрдотель популярного ресторана запомнили его. Потом, чув-

ствуя себя усталым, он уже в девять часов вечера вернулся домой, и никто не мог ничего знать о его передвижениях до 7.30 следующего утра, когда он отозвался на стук миссис Мерфи.

Но даже если он успел побывать в Париже и встретить бочку на Северном вокзале, он вполне успевал добраться до дома к 7.30. Стало быть, его отзыв на стук в дверь не имел принципиального значения. Разумеется, если Феликс говорил правду, его неспособность подтвердить свои показания представлялась досадным и неудачным для него стечением обстоятельств. Но говорил ли Феликс правду?

Имелись находки, сделанные Бернли в «Сен-Мало»: письмо Эмми, отпечаток на промокательной бумаге, булавка с бриллиантами. Каждая из этих улик в отдельности была для Феликса как сильный удар, а все вместе они представлялись совершенно неопровержимыми доказательствами вины. Но он тем не менее даже не попытался хоть что-то объяснить. Он попросту заявлял о своем полном неведении происхождения этих трех предметов. А если сам обвиняемый не мог найти правдоподобного объяснения, то как это прикажете сделать ему — Клиффорду?

Но ничто во всем этом деле не повергало адвоката в более глубокую депрессию, чем признание, сделанное Феликсом относительно своих прошлых отношений с мадам Буарак. Могло, конечно, случиться и так, что Феликс — незнакомец, случайно введенный в дом Буараков, — влюбился в хозяйку и уговорил ее бежать с ним. Но если Феликс представлял не простым незнакомцем, глубоко полюбившим мадам Буарак, а человеком, который в прошлом был с ней обручен, насколько убедительней начинала выглядеть версия их совместного побега. Какую живописную картину мог нарисовать перед жюри присяжных любой толковый прокурор! Женщина, против воли выданная замуж за человека, которого, возможно, презирала, жизнь которой из-за этого превратилась в бесконечную муку, внезапно вновь встречает своего давнего избранника... А ее бывший возлюбленный, в ком вспыхнули все угасшие было чувства, во время непредвиденной встречи понимает, насколько тяготится любимая брачными узами...

Смертельный
груз

В таком случае попытка побега становится совершенно объяснимой.

Клиффорд почти не сомневался: если представителям обвинения станут известны те же факты, что и ему, то Феликс обречен. Более того, чем больше он вникал в суть дела, тем сильнее сомневался в невинности художника. Насколько Клиффорд мог судить, в пользу Феликса говорило только одно обстоятельство — его искреннее изумление при вскрытии бочки. Но здесь должны были сказать свое слово медики, а они, несомненно, придут к противоречащим друг другу заключениям... Даже в этом адвокат видел лишь слабый проблеск надежды.

Клиффорду пришлось напомнить самому себе, что его задача как адвоката не судить о поступках Феликса, не гадать, виновен он или нет, а сделать для клиента все возможное, предпринять любые шаги для его оправдания. Вот только какие? Он пока не знал ответа на этот вопрос.

Так он и сидел в кресле до самого рассвета, курия и прокручивая ситуацию в голове. Он рассматривал задачу со всех возможных точек зрения, но не добился никаких конкретных результатов. Ладно, решил Клиффорд, пусть он до сих пор так и не смог выработать какой-то внятной линии защиты клиента, но стало ясно, как действовать дальше. Представлялось очевидным, что прежде всего следовало побеседовать с Боншозом, миссис Мерфи и другими упомянутыми Феликсом людьми. Не только для проверки правдивости его истории, но и для возможного получения новых сведений, выяснения новых фактов.

Так что утром адвокат уже поднимался по ступеням лестницы дома в Кенсингтоне, где располагалась квартира мсье Пьера Боншоза. Здесь его снова подстерегала неудача. Мсье Боншоз уехал по делам на юг Франции и должен был вернуться только через три или четыре дня.

По крайней мере это объясняет, почему он не предпринял попытки встретиться с Феликсом со времени ареста, заключил про себя Клиффорд, выходя на улицу и усаживаясь в такси для поездки, чтобы встретиться с временной прислугой Феликса.

Часом позже он добрался до деревни Brent и выяснил у прохожих, где живет миссис Мерфи. Дверь ему

открыла женщина, которая когда-то отличалась высоким ростом, но возраст согнул ее, посеребрил волосы, а черты ее узкого, испещренного морщинами лица свидетельствовали о борьбе с тяготами и неурядицами.

— Доброе утро! — сказал адвокат, вежливо приподняв шляпу. — Вы — миссис Мерфи?

— Да, это я, — ответила старуха. — Проходите в дом, пожалуйста.

— Спасибо.

Он прошел за ней в тесную, бедно обставленную гостиную, где с большой осторожностью сел в предложенное ему шаткое кресло.

— Вам, должно быть, уже известно, — начал он, — что ваш сосед, мистер Феликс из поместья «Сен-Мало» арестован по очень серьезному обвинению?

— Да уж я слыхала об этом, сэ. И так огорчилась, что слов нет. Ведь такой чудесный, благообразный джентльмен!

— Так вот, миссис Мерфи, моя фамилия Клиффорд, и я — адвокат, который будет защищать мистера Феликса. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов, чтобы помочь мне?

— Конечно, сэ. Буду только рада.

— Вы служили у него домработницей в последнее время, пока его экономка находилась в отпуске?

— Точно так, сэ.

— Когда мистер Феликс попросил вас об этом?

— В воскресенье вечером, сэ. Я как раз собралась укладываться спать, когда он пришел ко мне.

— А теперь расскажите, пожалуйста, как можно подробнее, чем вы каждый день занимались в «Сен-Мало».

— Я приходила туда по утрам, сэ, разводила очаг и готовила завтрак. Потом убиралась в гостиной, стирала, оставляла ему все необходимое для обеда. Его он делал себе сам в середине дня, а ужинать отправлялся по вечерам в Лондон.

— Понятно. В котором часу вы приходили утром?

— Обычно часам к семи. В половине восьмого будила его, а завтракал он в восемь.

— А когда вы уходили?

— Точно сказать не могу, сэ. В десять тридцать или в одиннадцать. Иногда, наверное, чуть позже.

— Вы не запомнили, что было в среду первой недели вашей работы? Вероятно, в десять часов утра вы еще были в «Сен-Мало»?

— А то как же, была, сэ. Я никогда не уходила раньше десяти.

— Да, верно, вы сказали об этом. Но вот что мне важно узнать: был ли в ту среду в десять часов дома мистер Феликс?

— По моему разумению, вроде был, сэ.

— Да, вот только мне необходимо установить это наверняка. Вы можете определенно утверждать, что он находился дома?

— Если начистоту, сэ, то не могу.

— Хорошо. А в четверг? Вы видели мистера Феликса в четверг?

Женщиной овладели сомнения.

— Я видела его по утрам раза два или три, — сказала она, — но не уверена, было ли это в четверг. Хотя вполне возможно.

— Вы можете точно сказать, в котором часу он позавтракал в то утро?

— Нет, сэ. Что б уж совсем точно, я сказать не могу.

Клиффорду стало ясно, что миссис Мерфи, пусть она производила впечатление рассудительной и неглупой особы, совершенно бесполезна как свидетельница. Он провел в ее доме еще некоторое время, упорно задавая ей важные вопросы, но не добился ничего значимого. Она действительно подтверждала все, сказанное Феликсом о том, как было налажено его хозяйство, но на основе ее показаний ни один адвокат не сумел бы построить убедительного алиби.

Когда Клиффорд снова вернулся в город, уже пробил час дня, и он решил пообедать в «Грешеме», чтобы заодно опросить персонал ресторана.

Метрдотель, с которого Клиффорд начал, ничего не знал. Он передал фотографию Феликса своим подчиненным, и в результате сыскался один, вспомнивший художника. По его словам, Феликс ужинал у них

как-то вечером недель пять или шесть назад. Официант, итальянец по национальности, Феликса хорошо запомнил, потому что принял его сначала за соотечественника. Но, увы, точной даты мужчину назвать не смог, а больше никто не помнил лица художника. Клиффорд с глубочайшим сожалением констатировал, что показания официанта-итальянца столь же бесполезны, как и слова миссис Мерфи. Для самого адвоката все это служило подтверждением правдивости истории, рассказанной Феликсом, и он проникался к французу все бóльшим и бóльшим доверием. Но личное мнение — это одно, а показания и улики в зале суда — совершенно другое.

Добравшись до своей конторы, он написал Боншоу с просьбой срочно связаться с ним по возвращении в Лондон.

На следующий день Клиффорд вновь посетил Brent. Феликс заявил, что ездил поездом в Лондон каждый вечер той роковой недели, и адвокат рассчитывал найти кого-либо из железнодорожных служащих, кто заметил его частые появления на станции. Он опросил всех, и наконец ему попался билетный контролер, обладавший некоторой информацией. Да, подтвердил он, Феликс совершал регулярные поездки. Каждое утро отправлялся в Лондон в 8.57 и возвращался каждый вечер в 18.05. Но контролер заметил также, что в последнее время он не пользовался этими поездами, зато по вечерам покидал Brent либо в 18.20, либо в 18.47. Рабочий день контролера заканчивался в семь, и потому он ничего не знал о времени возвращения Феликса из Лондона в такие вечера. А найти кого-то еще, знавшего об этом, Клиффорду не удалось. К тому же, вновь разочаровав адвоката, контролер не мог вспомнить, когда именно художник сменил свое привычное расписание. И, уж конечно, от него не удалось добиться твердого подтверждения, что художник ездил в Лондон в тот самый четверг.

После этого Клиффорд пешком дошел до «Сен-Мало» в надежде обнаружить по соседству дом, откуда была бы достаточно хорошо видна усадьба Феликса, что его обитатели могли заметить молодого человека в судьбоносный четверг. Но и здесь он не добился толка.

Никаких домов в непосредственной близости от усадьбы не оказалось.

Мучительно раздумывая, что делать дальше, адвокат вернулся в лондонский офис. Там его ждали другие неотложные дела, и остаток дня, как и два последующих, он был слишком занят ими, чтобы серьезно размышлять над делом Феликса.

Утром четвертого дня поступило письмо от Лусиуса Хеппенстола, адвоката Королевской коллегии. Оно было отправлено из Копенгагена, и коллега сообщал, что находится в Дании в связи с судебным процессом, но надеется вернуться в течение недели и они с Клиффордом смогут встретиться и вместе обсудить дело.

Клиффорд едва успел дочитать письмо, как секретарь объявила о прибытии к нему в приемную некоего молодого человека, который, впрочем, вошел, не дожидаясь формального приглашения. Он был высок, строен, темноволос и темноглаз, с небольшими черными усиками и коротким, чуть крючковатым носом, придававшим ему некоторое сходство с хищной птицей.

Боншоуз, подумал Клиффорд и не ошибся.

— Вы еще не слышали об аресте мистера Феликса? — спросил адвокат, указывая гостю на кресло, куда тот мог сесть, и протягивая коробку с сигарами.

— Нет, ничего не слышал, — ответил Боншоуз на хорошем английском языке лишь с небольшим акцентом. У него была живая и подвижная манера двигаться, порой резкая, словно внутри срабатывали некие пружинки. — Не могу даже выразить, насколько я был поражен и даже шокирован, получив вашу записку. Но ведь это все какой-то абсурд! Нечто совершенно невероятное и неслыханное!

Любой, кто знает Феликса, скажет вам, что он попросту не способен совершить подобное преступление. Лично мне кажется очевидным, что произошла глупая ошибка, и она скоро будет непременно исправлена. Не так ли?

— Боюсь, дело не столь простое, мсье Боншоуз. К несчастью, улики против вашего друга очень убедительны. Конечно, почти все доказательства всего лишь косвенные, но в совокупности они выглядят неопровер-

жимо. Буду честен с вами и не стану скрывать: в данный момент я пока не вижу, каким образом можно выстроить линию его защиты.

Молодой человек не сдержал удивленного жеста.

— Ваши слова пугают меня! — воскликнул он. — Они звучат устрашающе. Неужели вы считаете, что ему могут вынести обвинительный приговор?

— Как ни прискорбно, но именно это я и имею в виду. Все может закончиться плачевно, если только не обнаружатся неизвестные пока нам факты, проливающие иной свет на его дело.

— Какой ужас! — вскрикнул Боншоз в отчаянии заламывая руки. — Ужас! Сначала бедняжка Аннетта, а теперь еще и Феликс! Но неужели же ничего нельзя сделать? Или я вас неправильно понял?

Голос и манеры молодого человека выдавали неподдельную тревогу и волнение.

Мистер Клиффорд с удовлетворением наблюдал за ним. Радовала искренняя преданность Боншоза другу и непоколебимая вера в него. Феликс не мог быть законченным злодеем, если оказывался способен вызывать к себе столь дружеские чувства. Адвокат тоже сменил тон:

— Вы действительно неправильно меня поняли, мсье Боншоз. Я вовсе не имел этого в виду. Мне лишь хотелось донести до вас, насколько трудная нам предстоит борьба. Вот когда все друзья мистера Феликса должны оказать ему всемерную поддержку. И я начал с того, что попросил вас приехать ко мне сразу же по возвращении в Англию.

— Я приехал сегодня рано утром и явился в контору задолго до ее официального открытия. Надеюсь, это покажет вам всю меру моего желания помочь Феликсу.

— В подобном желании я и не сомневался, мсье Боншоз. А теперь попрошу вас рассказать мне все о Феликсе и о той части вашей жизни, которая имеет к нему отношение. Кроме того, мне интересна любая информация о вашей бедной кузине, покойной мадам Буарак.

— Сообщу все, что мне известно, но если что-то в моем рассказе покажется вам неясным, пожалуйста, задавайте вопросы.

Боншоуз начал с разъяснения, что он и Аннетта — двоюродные брат и сестра, внуки ныне покойного мсье Андре Умбера-Лароша. Поведал о проведенном вместе детстве, рано пробудившейся в обоих любви к изобразительному искусству и переезде в парижскую школу живописи мсье Дофэ. Он также упомянул о знакомстве с Феликсом и его любви к Аннетте. Далее Боншоуз перечислил некоторые факты своей жизни: решение заняться виноторговлей в фирме, находившейся в Нарбонне, и назначение его постоянным представителем фирмы в Лондоне, возобновившаяся дружба с Феликсом, пагубная страсть к картам, помощь, оказанная ему Феликсом, недавние серьезные денежные затруднения, возникшие как следствие излишнего азарта. Он упомянул о письме к Аннетте по этому поводу и надеждах, которые связывал с беседой между Аннеттой и Феликсом в Париже. Рассказал, как встретил Феликса по возвращении в Лондон на вокзале Чаринг-Кросс в воскресенье вечером, о совместном ужине, когда он получил столь необходимые 600 фунтов и проводил Феликса, уезжавшего на такси в «Сен-Мало».

Клиффорд слушал и с грустью отмечал про себя, что вся история, рассказанная Боншоузом, в главном до боли похожа на истории миссис Мерфи, официанта из «Грешема» и билетного контролера с железнодорожной станции в Бренте. Несомненно, подтверждая правдивость слов Феликса и все сильнее укрепляя собственную веру адвоката в его невиновности, эти люди оказались бы совершенно бесполезны при слушаниях в суде. Все верно. Теперь он, Клиффорд, располагал необходимыми данными для проверки каждого слова Феликса. Но проблема заключалась в другом: правдивость показаний Феликса почти не помогала доказать его невиновность. Истории совпадали настолько, что Клиффорд чуть было не впал в другую крайность, заподозрив предварительный сговор между рассказчиками.

Он задал Боншоузу множество вопросов, но не узнал ничего для себя нового. Молодой человек не встречался с Феликсом ни в среду, ни в четверг, а значит, не мог содействовать установлению алиби. Окончательно

убедившись в бесперспективности продолжения беседы, Клиффорд распросался с Боншозом, пообещав держать его в курсе дела.

Глава 24

МИСТЕР ДЖОРДЖ ЛА ТУШ

Несколько дней спустя мистер Клиффорд и мистер Лусиус Хеппенстол, давние и очень близкие друзья, ужинали вместе в резиденции Клиффорда, намереваясь затем провести длительное и детальное обсуждение дела. Мистер Хеппенстол вернулся из Дании раньше, чем предполагал, и успел ознакомиться с кипой документов, предоставленных обвинением, а также с заметками Клиффорда обо всем, что тому удалось установить. Более того, они вдвоем вновь побеседовали с Феликсом и с Боншозом, предприняли еще несколько не слишком значительных шагов в расследовании, сделав только одно более-менее важное открытие: покойная мисс Девайн в то воскресенье действительно пересекала пролив на пароме, шедшем в Фолкстоун, а на прогулочную палубу вышла одна, поскольку обе ее горничные слегли с морской болезнью. И целью встречи двух адвокатов этим вечером стала выработка стратегии защиты, принятие решения, какой же основной линии необходимо придерживаться.

Причем оба они прекрасно понимали, насколько это сложная задача — принять такое решение. Во всех предыдущих делах, какие им доводилось вести вместе, аргументы в защиту обвиняемых почти всегда выглядели очевидными. Часто к защите имелись два или даже три вероятных подхода, и проблема заключалась только в том, чтобы выделить наилучший из них. А сейчас адвокаты столкнулись с совершенно новой трудностью: какая-либо защита пока в принципе не представлялась возможной.

— Первое, с чем нам надо определиться, — сказал Хеппенстол, усаживаясь после ужина в мягкое кресло, —

Смертельный груз

из чего мы изначально исходим. Считаем мы Феликса невиновным или виновным. Каково твое личное мнение?

Клиффорд некоторое время хранил молчание.

— Я пока не разобрался со своими мыслями, — ответил он. — Замечу только, что манера Феликса себя держать и сама его личность произвели на меня благоприятное впечатление. Свою версию событий он изложил мне весьма убедительно. А свидетели, с некоторыми из них ты уже встречался, практически полностью подтвердили его историю. Более того, он им тоже понравился, вызвал безоговорочное доверие. Не говоря уже о друзьях. Возьми, к примеру, того же Мартина — человека суетливого, впечатлительного, но отнюдь не глупого. Он хорошо знаком с Феликсом и настолько верит ему, что готов потратить собственные средства на оплату защиты и доказательство его невиновности. Для меня это немало значит. Да и по сути в его рассказе нет ничего неправдоподобного. Все могло произойти именно так, как он говорит. И наконец в его пользу свидетельствует тот неподдельный шок, который он пережил при вскрытии бочки.

— Но...

— Но? Да все остальные факты по делу представляют собой сплошное но.

— Стало быть, личное мнение ты пока не составил?

— Не до конца. Я склоняюсь к тому, чтобы считать его невиновным, но уверенности в этом у меня нет.

— Должен с тобой согласиться, — заметил королевский адвокат после паузы. — Я тщательно обдумал обстоятельства дела и, разрази меня гром, если вижу хотя бы шанс добиться оправдания при собранных против него уликах. Их слишком много, и они делают позиции обвинения крайне сильными. Да что там! Давай называть вещи своими именами — улики против него сокрушительны и неопровержимы. А потому, я считаю, единственная наша возможность — это полностью отместить все улики в сторону.

— Отместить в сторону? Каким же образом?

— Сделать так, чтобы они перестали иметь решающее значение. Нужно признать, что на сегодняшний день

мы знаем одно: Феликс либо виновен, либо стал жертвой заговора.

— Да, так оно и есть.

— Очень хорошо. Давай проработаем вторую возможность. Улики не могут приниматься во внимание, поскольку сфабрикованы, а Феликс — жертва заговора. Как тебе такая идея?

— Знаешь, я совсем не удивлюсь, если окажется, что это правда. Я очень много размышлял над доказательствами, и находки, сделанные в «Сен-Мало», начали вызывать у меня определенное недоверие. Письмо от Эмми, отпечаток на промокательной бумаге, бриллиантовая булавка — все как-то слишком нарочито, чересчур убедительно, а потому выглядит неестественным. Сами по себе эти улики выдают ту тщательность, с которой их подбирали. А машинописное письмо мог изготовить кто угодно. Повторяю, я не удивлюсь, если окажется, что ты сразу взял правильный след.

— Прав я или не прав, но для нас это наилучшая линия защиты.

— Я бы сказал — единственно возможная линия защиты. Но заметь: она легко осуществима в теории, но реализовать ее на практике окажется очень и очень сложно. Как ты собираешься заставить суд не поверить в истинность доказательств против Феликса?

— Есть только один способ добиться этого, — сказал Хеппенстол, наливая себе виски из стоявшего рядом с ним графина. — Мы должны найти и предъявить следствию другого подозреваемого в убийстве. То есть подлинного преступника.

— Если ты собираешься поймать реального убийцу, то забудь об этом. Ни Скотленд-Ярду, ни Сюрте не удалось установить другую кандидатуру, не говоря уже о том, чтобы изблечить убийцу. И нам едва ли удастся поймать негодяя.

— Ты не до конца усвоил мою идею. Я и не предлагал поймать его. Достаточно назвать им другого подозреваемого. Нам необходимо всего лишь показать, что существует еще некто, имевший мотив для убийства мадам Буарак, — человек, который мог убить ее, а потом

сформировать заговор против Феликса. Пусть хотя бы возникнет сомнение, кто из двоих виновен, и этого окажется достаточно для облегчения защиты Феликса.

— Но наша проблема несколько не становится проще. Появляется новая сложность — необходимо найти этого другого подозреваемого.

— А что мы теряем? Нужно лишь попытаться. Вдруг у нас получится. Тогда первостепенный вопрос начинает выглядеть иначе: если Феликс невиновен, кто в таком случае мог совершить преступление?

Несколько секунд они оба молчали. Затем Хеппенстол добавил:

— Может, вопрос должен быть поставлен так: кто из остальных выглядит более подходящей фигурой на роль виновного?

— На данный момент мне представляется лишь один вариант ответа, — заметил Клиффорд. — В силу самого характера совершенного преступления тень подозрения неизбежно должна падать на мсье Буарака. Однако полиция тоже поначалу не отказывалась от подобной версии. Насколько я слышал, они проделали очень скрупулезную работу и пришли к выводу о его невиновности.

— Да, но там все основывалось на алиби Буарака. А нам ли с тобой не знать, как легко алиби можно сфальсифицировать?

— Верно, но они заключили, что у него алиби стопроцентное. Нам неизвестны подробности, но, по всей видимости, оно подверглось всесторонней проверке.

— Исходя из имеющейся информации, мы теперь должны считать Феликса невиновным, а вину попытаться переложить на Буарака. Третья сторона в деле пока не наблюдается. Таким образом, если мы сумеем продемонстрировать, что у Буарака имелись мотив для убийства и возможность осуществить его, а также подбросить улики против другого человека, то большего и не требуется. На нас не лежит обязанность доказывать его вину.

— Да, похоже, в твоих словах есть рациональное зерно. Тогда переходим сразу к следующему пункту. Каким мотивом мог руководствоваться Буарак?

— Как раз это лежит на поверхности. Если Буарак узнал, что жена находится в близких отношениях с Феликсом, у него могло появиться жгучее стремление убить ее.

— Точно. И так мы получаем сразу две причины, почему Буарак решил подставить Феликса. Во-первых, он хотел защитить от подозрений себя, а во-вторых, жестоко отомстить сопернику, разрушившему его семью.

— Теперь ты уловил самую суть. Думаю, на этой основе можно выдвигать вполне правдоподобную версию о мотиве для убийства. Тогда напрашивается следующий вопрос: когда и где тело было помещено в бочку?

— Полиция считает, что в Лондоне, потому что возможности сделать это в другом месте не имелось.

— Да, и мне этот вывод кажется вполне обоснованным. Значит, если это правда, а жену убил Буарак, он должен был побывать в Лондоне, чтобы совершить преступление.

— А как же его алиби?

— Забудем ненадолго об алиби. Защита в нашем лице будет утверждать, что Буарак последовал за женой в Лондон и там убил ее. Какую картину мы можем себе вообразить, если взять отдельные детали? Он вернулся домой поздно ночью с субботы на воскресенье, обнаружил исчезновение жены, а также записку от нее, где она признавалась, что ушла от него к Феликсу. Как он должен был поступить в таком случае?

Клиффорд поворочил кочергой в камине, чтобы дать дровам разгореться пожарче.

— Я думал над этим, — сказал он с некоторой неуверенностью в голосе, — и у меня зародилась определенная версия. Разумеется, она основана на предположениях и догадках, но в нее логично вписывается целый ряд известных нам фактов.

— Рассказывай. Вполне естественно, что любые наши версии пока могут основываться только на догадках.

— Я вообразил себе Буарака той ночью. Обезумевший и озлобленный после нежданного оборота событий, муж сидит и разрабатывает план отмщения. Вполне вероятно, он рано утром едет на Северный вокзал

и незаметно наблюдает за их отъездом. Затем следует за ними в Лондон. Хотя, возможно, Буарак видел и преследовал только Феликса, поскольку мадам могла совершить путешествие иным маршрутом. К тому времени, когда он обнаруживает их обоих в «Сен-Мало», его план приобретает окончательные черты. Буарак выясняет, что они в доме одни, и дожидается их временного отъезда из усадьбы. Затем проникает в дом, допустим, через открытое окно. Садится за стол Феликса и фабрикует письмо Дюпьеру, заказывая скульптуру, парную к той, которую ранее приобрел сам. Ему это нужно, чтобы заполучить бочку, куда он смог бы потом уложить труп мадам, поскольку уже твердо решил убить ее. Чтобы вызвать подозрения против Феликса, Буарак подделывает его почерк, а чернила сушит промокательной бумагой с его стола. С той же целью он ставит под заказом подпись Феликса, но не дает его адреса, поскольку бочку должен получить сам.

— Пока все звучит очень разумно, — заметил Хеппенстол.

— Буарак отправляет письмо, звонит в Париж, узнает, каким путем бочка со скульптурой будет отправлена, нанимает транспорт, чтобы встретить ее и доставить, но не в «Сен-Мало», а куда-то поблизости, дав кучеру указания дожидаться. Между тем письмом, телеграммой или с помощью любого другого трюка он выманивает Феликса из дома в Лондон, устраняя помеху, чтобы застать там жену одну. Он звонит, она открывает дверь, Буарак врывается в дом, а затем в кресле с полукруглой спинкой душит ее. Булавка отрывается от платья и падает на портьеру. Он возвращается к своей телеге и привозит бочку во двор. Возницу отправляет обедать в ближайшую гостиницу, сам достает из бочки скульптуру и уничтожает ее, а внутрь укладывает тело. Кучер возвращается и получает указание от Буарака увезти бочку в надежное место, чтобы на следующее утро отправить в Париж. Усугубляя подозрения против Феликса, Буарак заранее заготовил письмо от мнимой Эмми, сунув его в карман первого попавшегося в шкафу пиджака.

— Превосходно, — снова не удержался от комментария Хеппенстол.

— Он спешит попасть в Париж, получает бочку на Северном вокзале, а потом отправляет ее Феликсу с товарной станции на рю Кардине. Придумывает послание весьма замысловатого содержания, которое тем не менее заставляет Феликса отправиться встречать бочку в гавань. После чего полиция начинает слежку за Феликсом.

— Бог ты мой, Клиффорд! Поистине ты не тратил времени зря. Как мне кажется, твоя версия выглядит весьма похожей на правду. Однако, если какие-то события происходили в «Сен-Мало», разве не упомянул бы об этом Феликс?

— Должен был бы упомянуть, но, с другой стороны, дорожа честью дамы и ее памятью, мог предпочесть умолчать.

— А почему ничего не заметила временная уборщица?

— Еще один сложный вопрос. Хотя умная светская женщина наверняка умела скрыть свое пребывание в доме.

— Твоя теория многое объясняет, и, думаю, нам следует взять ее за основу для дальнейшего расследования. Давай определим первоочередные задачи.

— Нам необходимо доказать, что Буарак побывал в Лондоне в воскресенье вечером или в понедельник утром, чтобы выяснить обстановку и написать письмо, а потом и в среду, когда он совершил убийство и организовал отправку бочки.

— Верно. Таким образом, нам следует точно установить, где находился Буарак в названные тобой дни.

— Полицию удовлетворило его объяснение о том, что он был сначала в Париже, а потом в Бельгии.

— Знаю, но мы же сошлись с тобой на одной точке зрения относительно алиби: оно легко может оказаться ложным, сфабрикованным. Нам будет лучше перепроверить его.

— Тогда не обойтись без частного детектива.

— Да. Как насчет Ла Туша?

— Разумеется, лучше его нам не найти никого, но он дьявольски дорогой сыщик.

Хеппенстол пожал плечами.

— Что ж теперь поделаешь? — сказал он. — Ла Туш нам нужен, и точка.

— Решено. Я попрошу его встретиться с нами. Скажем, в три часа завтра.

— Меня это время вполне устраивает.

Двое адвокатов продолжали обсуждение дела до тех пор, пока часы не пробили полночь, и Хеппенстол отправился домой.

Мистер Джордж Ла Туш, по общественному мнению, считался лучшим частным детективом в Лондоне. Выросший в этом городе, где его отец держал небольшой магазин книг на иностранных языках, он к двенадцати годам в совершенстве овладел английским и имел чисто британский образ мышления. Но потом, когда умерла его мать-англичанка, семья переехала в Париж, и Джорджу пришлось приспособливаться к совершенно иному окружению. В двадцатилетнем возрасте он пошел работать в туристическую компанию «Кук» простым курьером, но затем, выучив в совершенстве итальянский, немецкий и испанский языки, постепенно стал подлинным знатоком Центральной и Юго-Восточной Европы. Через десять лет, устав от бесконечной кочевой жизни, Джордж вернулся в Лондон, где предложил свои услуги известному частному сыскному бюро. Там он сделал настолько блестящую карьеру, что после смерти владельца и основателя фирмы занял его место. Вскоре основной специализацией Джорджа стали дела, связанные с другими государствами, и он вышел на международный уровень, чему во многом способствовала вся его предыдущая подготовка.

Хотя на вид это был совершенно невзрачный человек — низкорослый, слегка сутулый, с землистым цветом лица. В нем невозможно было бы различить сильную личность, если бы не его волевые, резко очерченные черты и темные глаза, отражающие ум и проницательность. Впрочем, годы тренировок позволили ему научиться маскировать даже эти приметы властного интеллигентного человека. Как он на опыте убедился, внешность человека слабого и незначительного помогала в работе, вводя оппонентов в заблуждение. Постоянное любопытство, которое вызывали у Джорджа странные и таинственные преступления, заставило его пристально следить за всеми публикациями относительно мистерии с бочкой.

А потому, когда Клиффорд позвонил и попросил его участвовать в расследовании в интересах главного подозреваемого, он охотно согласился, отменив несколько менее значительных встреч, чтобы к назначенному времени явиться для беседы с двумя адвокатами.

Когда немаловажный вопрос с гонораром был улажен, Клиффорд рассказал сыщику обо всех известных ему обстоятельствах дела, как и о выработанной ими с Хоппенстолом стратегической линии защиты.

— Одним словом, мы хотим, — подвел итог сказанному Клиффорд, — чтобы вы, мистер Ла Туш, взялись за работу, исходя из предпосылки, что в убийстве повинен Буарак. Нужно точно установить, насколько такая версия имеет право на существование. Полагаю, вы согласитесь, что вопрос касается главным образом правдивости алиби этого человека. Поэтому проверьте его прежде всего. Если в нем не удастся найти изъяна, то Буарак виновен быть не может, а наша стратегия не сработает. И едва ли мне стоит особо подчеркивать, что чем скорее вы снабдите нас нужной информацией, тем лучше.

— Вы поставили передо мной крайне интересную задачу, джентльмены, и если я не преуспею в ее решении, то не по причине недостатка усердия. Насколько понял, на сегодня это все? Я просмотрю переданные мне вами документы и обдумаю, как лучше начать следствие. Затем мне уже ясно, что необходима поездка в Париж. Но я непременно снова встречу с вами, прежде чем хоть что-то предпринять там.

Ла Туш всегда оставался верен данному обещанию. Через три дня он вновь сидел в кабинете у Клиффорда дома.

— Я проделал необходимую работу над делом, выполнение которой возможно по эту сторону Ла-Манша, — заявил он. — Собираюсь сегодня вечером отправиться в Париж.

— Отлично. Но скажите, что вы обо всем этом думаете теперь?

— Скажу так: пока слишком рано выступать с окончательным мнением, хотя, как я убедился, нам придется очень нелегко.

— Почему же?

— Проблема в уликах против Феликса, сэр. Они весьма убедительны. Естественно, я преисполнен уверенности, что мы справимся со всеми трудностями, но для этого потребуется приложить поистине титанические усилия. Слишком мало аргументов в его пользу, как вы и сами знаете.

— А тот шок, который он пережил при вскрытии бочки? Вы разговаривали с врачом по этому поводу?

— Да. Он подтверждает, что приступ с ним случился подлинный и серьезный, но полагаю, сэр, мы не можем особо рассчитывать на этот факт.

— Странно. Мне аргумент представлялся неоспоримым и крайне важным. Давайте рассмотрим его детально. Основная составляющая часть шока — это удивление. В нашем случае столь сильное изумление могло вызвать только содержимое бочки. Следовательно, Феликс не знал, что в ней находится. Это не он уложил в бочку труп, поэтому, несомненно, невиновен в убийстве. Так?

— Допускаю логику в ваших рассуждениях, сэр. Но вот только любой толковый прокурор камня на камне от нее не оставит, как ни прискорбно. Понимаете, в шоке присутствует больше элементов, чем одно только удивление. Есть ведь еще и страх. И кто-то, несомненно, будет утверждать, что Феликс в большей степени испытал ужас при вскрытии бочки, нежели удивился ее содержимому.

— Но отчего ему было пугаться, если он заранее знал, что лежит внутри?

— Объяснение очень простое, сэр. Дело в том, что он увидел далеко не то, чего ожидал. Он ведь укладывал в бочку тело женщины практически в том же виде, в каком она предстала перед ним живой. Но до вскрытия бочки труп пролежал в ней много дней. Он подвергся частичному разложению и приобрел за это время поистине ужасающий облик, совершенно непохожий на прежнюю мадам Буарак. И Феликса обуял панический страх, когда это зрелище открылось его глазам. Кроме того, он, как заявит прокурор, наверняка готовился изобразить изумление, что в сочетании с искренним ужасом произвело столь мощное воздействие на психику.

Клиффорду прежде даже в голову не приходила столь жутковатая картина, и мысль о том, что она может оказаться правдивой, заставила его поежиться от дискомфорта. Если даже самый сильный аргумент в пользу Феликса опровергался с такой легкостью, то перспективы на оправдание их клиента начинали выглядеть совершенно безнадежными. Но вслух он предпочел всего этого не высказывать.

— Если вы не сможете обеспечить улики, подкрепляющих избранную нами стратегию защиты, — произнес он, — то нам придется срочно искать ей замену.

— Я вполне способен найти все, что вам требуется, сэр, — отвечал сыщик. — Хотел лишь еще раз подчеркнуть, насколько в этом деле все сложнее, чем выглядит на первый взгляд. Значит, я пересекаю пролив сегодня и надеюсь уже скоро сообщить вам хорошие новости.

— Спасибо, мы тоже всем сердцем на это надеемся.

Они пожали друг другу руки, и Ла Туш удалился. Тем же вечером с вокзала Чаринг-Кросс он выехал в сторону Парижа.

Глава 25

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Путешественник с большим опытом, Ла Туш, как правило, отлично выспался во время ночных поездок по железным дорогам. Но не всегда. Порой случалось, что монотонное покачивание вагона и стук колес не убаюкивали его, а, наоборот, стимулировали работу мозга. И нередко, когда он лежал на полке спального вагона экспресса дальнего следования, в голове зарождались самые блестящие идеи. Вот и этой ночью он пристроился на полке в купе первого класса поезда Кале — Париж, и хотя со стороны могло показаться, что этот человек вял и расслаблен, его ум напряженно трудился, всесторонне рассматривая стоявшую перед Ла Тушем нелегкую задачу.

Смертельный
груз

Задачей номер один в его программе являлась новая проверка алиби Буарака. Ему было известно все, что предприняла полиция, и он решил начать с повторения расследования, проведенного Лефаржем. Хотя в данный момент он еще не видел, в чем искать ошибку, возможно, допущенную детективом Сюрте, и питал надежду натолкнуться по ходу дела на улику, мимо которой прошел предшественник.

Пока же не стоило даже задумываться о правильности порядка своих действий, поскольку проверить алиби Буарака в первую очередь его попросили клиенты. Но потом ему предоставлялась полная свобода выбора методов и способов ведения следствия в соответствии с собственными критериями и опытом.

Ла Туш вновь мысленно обратился к тому, что считал важнейшим фактом в этом случае, — к обнаружению трупа в бочке. Он начал методично отделять четко установленные детали от домыслов и предположений. Прежде всего: тело находилось внутри бочки, когда ее доставили к пристани Святой Екатерины. Далее: его не могли уложить в бочку во время перевозки от товарной станции на рю Кардине до лондонской гавани. Здесь существовала полная ясность. Зато при рассмотрении всех остальных перемещений бочки открывался широкий простор для догадок и фантазий. Предполагалось, что с Северного вокзала ее доставили до рю Кардине на гужевой повозке. На чем основывалось предположение? На трех фактах. Во-первых, бочку увезли с Северного вокзала на повозке с запряженной в нее лошадью. Во-вторых, она подобным же образом оказалась на рю Кардине. В-третьих, именно такое транспортное средство находилось бы в пути ровно столько времени, сколько на самом деле занял переезд.

Вывод казался логичным, но все же... Ему приходилось напоминать себе, что им противостоял человек незаурядных способностей, кем бы он ни был. А не могло ли все обстоять иначе? На телеге бочку сначала доставили в некий расположенный поблизости дом или сарай, где внутрь уложили тело. Затем ее на более быстрой грузовом автомобиле перевезли в дом или сарай рядом с товарной станцией и вновь переставили на

другую гужевую повозку. Да, вариант казался не самым правдоподобным, но ведь ничто и не было достоверно установлено, как того хотелось бы сыщику. Ему необходимо разыскать кучера, привезшего бочку на товарную станцию. Тогда он точно выяснит, где в бочку поместили труп, а значит, и место совершения убийства — Лондон или Париж.

Отметил Ла Туш и другой важнейший аспект дела. Письма, фигурировавшие в деле (а их насчитывалось несколько), могли быть или подделаны, или нет. В случае подделки никто не смог бы сразу определить, чья это работа. Но имелось в наличии письмо, не являвшееся подделкой. Послание, полученное Феликсом, если верить его показаниям, от Ле Готье, отпечатали на машинке, которую можно идентифицировать. И едва ли большой погрешностью против истины было бы умозаключение, что человек, напечатавший письмо, и есть убийца. Найди машинку, и велика вероятность выйти через нее непосредственно на преступника.

И еще одно, продолжал размышлять Ла Туш. Если Буарак виновен, не выдаст ли он себя каким-нибудь опрометчивым поступком? Детектив припоминал один случай за другим из своей прошлой практики, когда виновный в преступлении человек уже по прошествии длительного времени делал нечто уличавшее его или возвращался на место преступного деяния, о котором вроде бы не мог знать. Сколько негодяев попали за решетку, поплатившись за собственные ошибки! Не стоило ли взять и Буарака под наблюдение? Ла Туш, взвесив за и против, решил в итоге вызвать во Францию пару своих агентов и поставить перед ними эту задачу.

Так он определил для себя четыре направления при ведении расследования, из которых первые три должны непременно привести к необходимым достоверным результатам. И когда поезд замедлил ход, въехав в пределы французской столицы, у него было ощущение, что он имеет четкий план своей будущей работы.

Затем начался период монотонных и почти бессмысленных трудов. Ла Туш проявил все свое умение, тщательность, упорство, но итогом его долгой и кропот-

ливой деятельности стало лишь окончательное подтверждение правдивости показаний Буарака.

Начал он с официанта в Шарантоне. Подойдя к теме беседы крайне осторожно, Ла Туш нарисовал перед ним полную живых деталей картину — невиновного человека арестовали по ложному обвинению в убийстве, постепенно вызывая в собеседнике искреннее сочувствие к несчастному. Затем он принялся играть на корыстолюбии, пообещав щедрое вознаграждение за информацию, способную спасти его клиента, и унял любые тревоги, заверив, что ни единое слово из заявления ни при каких обстоятельствах не будет использовано во вред информатору. Официант, производивший впечатление уравновешенного и честного человека, был с сыщиком откровенен, с готовностью отвечал на любые вопросы Ла Туша, твердо держался тех же показаний, какие дал прежде Лефаржу, за исключением одной детали. Мсье Буарак — сразу же опознанный по фотографии — обедал в кафе примерно в половине второго, сделав телефонные звонки в два разных места. Официант признался, что слышал номера, которые тот заказывал. Но, как и раньше, он не был уверен относительно дня недели, склоняясь к мысли, что дело было в понедельник, а не во вторник, хотя допускал вероятность ошибки. Своей линией собеседник держался твердо, и Ла Туш понял: этот человек говорит правду.

Но, повторив в целом то же, что он сообщил Лефаржу, официант добавил одну подробность, которая могла быть важной. На вопрос, запомнил ли он заказанные телефонные номера, работник кафе сказал, что у него остались в памяти последние две цифры одного из них: 45. А запомнились они ему по той простой причине, что совпадали с телефонным кодом самого кафе — «Шарантон-45».

Однако вспомнить номер целиком или телефонную станцию, куда последовал вызов, он не сумел. Официант и с Лефаржем собирался поделиться этими сведениями, но визит детектива из самого Сюрте вскружил ему голову, и он забыл на время о цифрах, поняв свою оплошность лишь позднее.

Что до Ла Туша, то для него свериться с телефонным справочником было делом нескольких секунд. Номер

дома Буарака на авеню де л'Альма не подошел, но стоило ему отыскать координаты фирмы по производству промышленных насосов, как все прояснилось: «Нор-745».

Снова алиби подтвердилось. Не мог же официант нарочно придумать историю с цифрами? И Ла Туш покинул кафе, убедившись, что Буарак в самом деле там обедал и дважды звонил оттуда.

Но уже по дороге в Париж до сыщика дошло: что, если официант прав и Буарак побывал в кафе днем в понедельник, а не во вторник? Как можно проверить это?

Он вспомнил, как Лефарж подошел к проверке. Тот попросту встретился с людьми, которым звонил Буарак, — с дворецким и с сотрудником компании, — они оба несколько не сомневались в дате. Ла Туш решил последовать примеру Лефаржа.

Начал он с дома на авеню де л'Альма, где повидался с Франсуа. К его немалому удивлению, старик искренне огорчился, узнав об аресте Феликса. Они встречались всего несколько раз, но, значит, было нечто в личности Феликса, вызвавшее у слуги, как и у многих других людей, уважение и даже некоторую расположенность. А потому Ла Туш избрал с ним ту же тактику, что и с официантом, объяснил, что действует в интересах подозреваемого, после чего Франсуа проявил самое горячее желание помочь тому по мере своих сил и возможностей.

Но и здесь все, что удалось получить Ла Тушу, подтверждало показания Буарака. Франсуа помнил телефонный звонок и не сомневался, что он говорил именно со своим хозяином. Голос звучал хорошо знакомый, и день Франсуа назвал без колебаний. Это был вторник. Дворецкий в памяти связывал разговор со слишком большим числом других мелких событий вторника и не мог перепутать даты.

Данные Лефаржа верны, отметил про себя сыщик, возвращаясь по авеню де л'Альма. Буарак действительно звонил домой из Шарантона в половине третьего во вторник. Но все равно надо продолжать начатое, подумал он.

И Ла Туш направился к главному зданию компании промышленных насосов «Эврот». В точности следуя манере поведения Лефаржа, он издали пронаблюдал,

как Буарак покинул территорию предприятия. Потом зашел в офис и попросил о встрече с мсье Дюфрейном.

— Боюсь вас огорчить, мсье, но мне показалось, что он уже ушел с работы, — сказал клерк. — Впрочем, если вы ненадолго присядете, я проверю, так ли это.

Ла Туш последовал совету и сел в кресло, не без восхищения оглядывая просторное помещение конторы: мебель из полированного тика, высокие вертикальные ряды шкафов, уставленные папками и справочной литературой, многочисленные телефоны, неумолчно стрекочущие пишущие машинки. Но особенно на него произвели впечатление трудолюбивые и явно очень компетентные сотрудники фирмы. На мгновение Ла Туш вышел из роли всего лишь живой думающей и рассчитывающей варианты машины. Ничто человеческое не было чуждо частному сыщику, и если Ла Туш не оказывался предельно сосредоточен на крайне важном деле, то обладал поразительно наметанным глазом на хорошеньких девушек. Вот почему, бегло оглядев обширную комнату, он остановил взгляд на сидевшей во втором ряду машинистке лет двадцати двух или двадцати трех. Надо признать, выглядела она действительно прелестной. Миниатюрная, темно-волосая, вероятно, живая и веселая вне работы, с восхитительной ямочкой на подбородке. Одетая скромно, как предписывала обстановка в офисе, она ухитрилась смотреться элегантно и даже не без шика. Весь ее облик удовлетворил бы и более взыскательного знатока женской красоты, чем наш детектив. Она сверкнула на него своими темными, выразительными глазами, а потом, чуть вздернув маленький задорный носик, снова погрузилась в труды.

— Мне очень жаль, но мсье Дюфрейн отправился домой, почувствовав недомогание. Он рассчитывает вернуться к работе через пару дней, и тогда непременно встретится с вами в любое удобное для вас время.

Ла Туш вежливо выразил благодарность клерку за быстрый ответ, пообещав вернуться позже. Потом он метнул последний взгляд на отвернувшуюся в сторону головку с копной роскошных темных волос и вышел наружу.

Отсутствие на месте управляющего стало досадной помехой в расследовании. Однако, пусть это и означало задержку в проверке алиби на день или два, у него всегда оставалась возможность перейти к другим целям, наметенным еще по дороге в Париж. К примеру, необходимо было разыскать возницу, доставившего бочку с Северного вокзала на рю Кардине. Теперь Ла Туш размышлял, как ему лучше взяться за эту задачу.

Он отправился на главную товарную станцию, представился дежурному, объяснив причину своего появления. Тот проявил исключительную доброжелательность, и после небольшой паузы в его кабинет вошли те же два грузчика, с которыми некоторое время назад беседовал Лефарж. Ла Туш подробно расспросил их, но не получил никакой новой информации. Они повторили прежние утверждение, что легко узнали бы кучера, если бы довелось встретиться с ним опять, но к описанию его внешности не смогли ничего добавить.

Потом Ла Туш перебрался на Северный вокзал. Здесь ему повезло найти того самого кладовщика, который выдал бочку чернобородому мужчине по имени Жак де Бельвиль. Но сыщика подстерегало очередное разочарование: ни кладовщик, ни его подручные, которых тщательно опросил Ла Туш, не помнили кучера, правившего телегой, забравшей бочку, а потому не могли сказать, был ли он похож на мужчину, доставившего груз на товарную станцию.

Несколько сбитый с толку, Ла Туш зашел в кафе, заказал бокал пива и принялся обдумывать следующий шаг. Лефарж поступил правильно, когда дал объявление в газетах. По сведениям, полученным от французских властей, он помнил, что все объявления, помимо других изданий, были опубликованы в газете «Ле Журналь», и понял, что ему необходимо просмотреть тексты и понять, почему объявления не принесли ожидавшихся результатов.

Ла Туш отправился в редакцию и попросил разрешения взглянуть на старые номера. Объявления были составлены толково и грамотно. Он захватил с собой копию каждого, а их набралась почти дюжина. Затем, вернувшись в отель, лег на кровать и принялся просматривать снова.

Они отличались формулировками, размерами и типами шрифтов, расположением на газетных полосах, но их содержание сводилось к одному. Необходима информация о личности кучера, который примерно в шесть часов вечера в четверг первого апреля доставил бочку на товарную станцию близ рю Кардине. В каждом объявлении была обещана награда от одной до пяти тысяч франков, содержалось заверение, что кучеру предоставленные о нем сведения не причинят никаких неприятностей.

После двух часов скрупулезной умственной работы над объявлениями Ла Туш пришел к выводу, что никаких очевидных изъянов они не содержали. Он не нашел возможности улучшить тексты, составленные Лефаржем, и не заметил в них недостатков, из-за которых могла быть неудача с их публикацией.

Почувствовав усталость, Ла Туш решил до конца дня полностью выбросить из головы все мысли об этом деле. Он совершил продолжительную прогулку по бульварам, неспешно поужинал в ресторане, а потом отправился в кабаре «Фоли-Бержер», где провел приятный вечер.

На обратном пути в гостиницу ему пришло в голову, что до встречи с мсье Дюфрейном в офисе фирмы «Эврот» он вполне может отправиться ненадолго в Брюссель и проверить другую часть алиби Буарака. И следующее утро застало его уже в поезде, направлявшемся в бельгийскую столицу, куда он прибыл около полудня. Сразу же взяв такси до отеля «Максимилиан», Ла Туш там пообедал, после чего провел тщательную работу с персоналом гостиницы. Ему показали копии карточек постояльцев, которые каждый бельгийский отель обязан заполнять и предоставлять полиции. Он бесспорно убедился, что Буарак действительно снял здесь номер на указанную им ночь. Еще памятуя о визите Лефаржа, сотрудник службы размещения без труда вспомнил о звонке Буарака и твердо держался своей прежней истории до последней детали. Ближе к вечеру Ла Туш сел в поезд на Париж, весьма разочарованный результатами своей поездки.

На тот случай, если управляющий заводом насосов вернулся к работе раньше, чем предполагал, сыщик отправился туда. Снова дождался ухода мсье Буарака и по-

просил о встрече с мсье Дюфрейном. Тот же проворный клерк встретил его, сообщил, что мсье Дюфрейн действительно этим утром уже на рабочем месте, опять попросил присесть, взяв визитную карточку посетителя. В ожидании Ла Туш вдруг вспомнил о девушке, которая так понравилась ему в прошлый раз, но о чьем существовании он успел напрочь забыть. Сыщик посмотрел в другой конец комнаты.

Молодая особа сидела на прежнем месте, но лица ее сейчас невозможно было разглядеть, потому что она склонилась над своей внушительного вида печатной машинкой. Ла Туш, поддавшись на мгновение романтическому настроению, сказал бы: нет, она не печатала, а играла на ней, как на прекрасном музыкальном инструменте. Но сейчас что-то явно случилось с механизмом, и девушка возилась с какой-то его деталью, подкручивала один из винтов. Но сыщику не дали времени вдоволь полюбоваться красотой молодой женщины. Клерк поспешно вернулся и объявил, что мсье Дюфрейн готов его принять. Ла Туш послушно проследовал за ним в кабинет начальника.

Мсье Дюфрейн выразил полнейшую готовность помочь сыщику, но не смог сообщить ему ничего, что уже не было бы известно Ла Тушу прежде. Он повторил сказанное Лефаржу почти слово в слово. Управляющий подтвердил звонок Буарака около половины третьего во вторник. Голос он узнал безошибочно и нисколько не сомневался в дате.

Ла Туш вышел на улицу и медленно побрел в сторону своего отеля. Теперь уже становилось ясно: алиби Буарака выглядело непроверяемым, и сыщик в этот момент не представлял себе, что еще может предпринять для его проверки. Ничего не дали и все усилия Маллета и Фэрола — тех двух своих агентов, которых он приставил незаметно следить за Буараком. Тот вел себя безукоризненно и до сего момента не совершил ни единого поступка, способного вызвать малейшие подозрения. Когда Ла Туш писал подробный отчет о проделанной работе для Клиффорда, он впервые отчетливо ощутил сомнение в возможном благоприятном исходе своего расследования.

Глава 26

ПЕРВАЯ ВАЖНАЯ УЛИКА

Завершив свой рапорт, Ла Туш надел шляпу и вышел на рю де Лафайет. Опустив письмо в почтовый ящик, он собирался перейти на южный берег реки и провести вечер с давними друзьями. Разумеется, сыщик пребывал в самом мрачном настроении. Выводы, к которым Ла Туш неизбежно пришел под давлением обстоятельств, станут источником огромного разочарования для Клиффорда, а если версия виновности Буарака рассыплется, сыщик, как и адвокат, не видел, на чем еще можно построить защиту обвиняемого.

Ла Туш медленно двигался вдоль тротуара и мысленно продолжал прокручивать подробности дела. Заметив на противоположной стороне улицы ящик для почты, он повернулся, чтобы пересечь проезжую часть. Но стоило ему сделать первый шаг, как словно молнией его пронзила мысль, заставившая буквально окаменеть. Пишущая машинка, которой пользовалась молодая красавица в офисе Буарака, была совершенно новой. В силу своей профессии Ла Туш, обладавший особой наблюдательностью, обратил внимание на этот факт. Как обычно, он подмечал даже мелкие детали окружавшей его обстановки. Но только сейчас до него дошло, какое невероятно важное заключение из этого следует. Лефарж в поисках машинки, на которой могли отпечатать письмо Ле Готье, проверил все, к каким имел доступ Буарак. А если эта новая машинка как раз и заменила старую? Вдруг письмо Ле Готье отпечатали на старой машинке, а потом избавились от нее, чтобы Лефарж — этот вечно всех подозревавший полицейский — получил совершенно другие образцы шрифта? Это давало обильную пищу для размышлений. Сумей Ла Туш подтвердить внезапную догадку, и ему не придется разочаровывать требовательного работодателя. Он сунул конверт с отчетом в карман, задержав отправку до того, как изучит открывшиеся перед ним возможности.

На мгновение им овладели сомнения. В конце концов, любая контора рано или поздно заменяла старые пишущие машинки новыми, и пока нет никаких оснований полагать, что и в данном случае замена не была продиктована элементарными интересами бизнеса. Но все же идея оказалась слишком заманчивой, и от нее сыщик не мог так просто отмахнуться.

Он решил провести дополнительное расследование, прежде чем отправить в Лондон свой рапорт. Ему всего-то и требовалось установить, когда приобрели новую машинку, и если дата не вызовет подозрений, эту ниточку тоже придется посчитать никуда не ведущей.

Ла Туш задумался, с какой стороны лучше взяться за такое дело. Сначала ему показалось, что проще всего будет встретиться с машинисткой и задать ей свой вопрос в лоб. Но потом он понял: если ее ответ подтвердит его версию, потребуются дополнительные поиски, о котором никак не должен узнать Буарак. Следовательно, приходилось пускаться в ход дипломатию.

А дипломатические способности были заложены в Ла Туше самой природой. Ему не потребовалось много времени, чтобы разработать план. Он посмотрел на часы: 17.15. Поторопившись, он имел все шансы еще застать хорошенькую машинистку на работе.

И вот из окна кафе, которое уже не впервые служило укрытием для детективов, преследовавшим свои цели, он взялся наблюдать, как сотрудники конторы стали постепенно расходиться по домам. Но избранная Ла Тушем особа долго не появлялась, и он уже начал опасаться, не упустил ли ее, когда она все же показалась в воротах предприятия. С ней шли две девушки. Осмотревшись на улице, все трое повернулись и грациозными походками направились в сторону центра города.

Дав им отойти на некоторое расстояние, Ла Туш двинулся следом. Девушки ненадолго задержались перед входом на станцию метро «Симплон», после чего миленькая машинистка начала спускаться по ступенькам, а ее подруги пошли дальше. Ла Туш тоже бросился вниз как раз вовремя, чтобы заметить, как фигурка в сером платье свернула в проход с указателем

в сторону «Пор-д'Орлеан». Он купил билет и проследовал на нужную платформу, где собралось много народа. Разглядев в толпе девушку, Ла Туш сразу затерялся в гуще людей, наблюдая, но держась на почтительной дистанции, чтобы не быть замеченным.

Вскоре пришел поезд, и девушка вошла в вагон. Ла Туш расположился в соседнем. Стоя в самом конце его, он мог видеть свой объект сквозь стекло, оставаясь, как он знал наверняка, вне поля ее зрения. Они миновали одну, две, пять станций, когда она поднялась с сиденья и направилась к двери, собираясь выйти. Ла Туш совершил аналогичный маневр, заметив на схеме на стене вагона, что следующая станция не являлась пересадочным узлом. Как только поезд с рывками и скрежетом тормозов остановился, Ла Туш стремительно выскочил из вагона и быстро поднялся на улицу. Перейдя на противоположную ее сторону, он заметил киоск, где купил вечернюю газету. Остановившись, опираясь на стойку киоска, заметил, как девушка вышла из метро и двинулась вдоль улицы. По-прежнему держась другой стороны, он осторожно направился вслед и продолжал наблюдение до тех пор, пока через два квартала она не вошла в маленький и очень скромный с виду ресторанчик.

«Если она собирается ужинать одна, — подумал Ла Туш, — то мне невероятно повезло». Он выждал, когда ей подали уже второе или третье из заказанных блюд, и только потом зашел в ресторан.

Зал оказался узким, длинным, уходившим далеко от окон, и его дальний угол освещали электрические лампы. Ряды столов с мраморными столешницами выстроились по обе стороны от прохода, и у каждого стояли по шесть плетеных кресел. Стены украшали зеркала с грязноватыми рамами белых и золотистых тонов. В другом углу располагалась крохотная эстрада, на которой выступало музыкальное трио девушек.

Заведение оставалось полупустым. Ла Туш быстрым взглядом окинул помещение и заметил машинистку, в одиночестве сидевшую за третьим или четвертым столиком от эстрады. И он направился к ней.

— Надеюсь, мадемуазель не имеет возражений? — пробормотал он и поклонился, избегая встречаться с ней взглядами, усаживаясь в кресло почти прямо напротив нее.

Ла Туш сделал заказ, а затем с совершенно беззаботным видом огляделся по сторонам. Его взгляд остановился на девушке. Словно неожиданно узнав ее, он изобразил невероятное удивление и склонился в еще одном поклоне.

— Мадемуазель должна заранее извинить меня, если я ошибаюсь, — сказал он самым светским тоном, — но, как мне кажется, мы уже встречались прежде. Хотя формально не познакомились.

Девушка вопросительно вскинула брови, но промолчала.

— Это было в офисе мсье Буарака, — напомнил сыщик. — Вы, надо полагать, не обратили на меня внимания, зато я заметил, как вы работали на замечательной новой пишущей машинке.

Мадемуазель явно не испытывала желания поощрять продолжение разговора. Она лишь передернула плечиками, но ничего не сказала. Ла Тушу пришлось взять всю инициативу на себя.

— Должно быть, большая дерзость с моей стороны так навязывать себя, мадемуазель, но спешу заверить, что во все не собираюсь к вам приставать. Дело в другом — я изобрел новое устройство для пишущих машинок и теперь стремлюсь узнать мнение специалиста, как только встречаю такого человека. А кто лучше разбирается в подобных вопросах, чем машинистка? Позволит ли мне, мадемуазель, описать устройство и выяснить ее точку зрения?

— Почему бы вам не обратиться со своим изобретением прямо к производителям машинок? — холодно поинтересовалась девушка.

— А потому, мадемуазель, — ответил Ла Туш с видом искренней симпатии к собеседнице, — что я пока сам не уверен в ценности своего новшества. Оно обойдется производителям недешево, и они пойдут на расходы только в том случае, если машинистки сами изъявят желание пользоваться им. Именно поэтому я и хочу собрать как можно больше отзывов профессионалов.

Теперь она его слушала, хотя все еще не слишком заинтересованно. Но Ла Туш не стал дожидаться более живой реакции, а тут же взялся за чертеж на оборотной стороне меню.

— Вот в чем состоит моя идея, — он принялся на словах описывать последнюю модель табулятора, с конструкцией которого случайно оказался знаком. Девушка смотрела на него снисходительно и с некоторым подозрением во взгляде.

— Ваше изобретение в точности напоминает табулятор «Ремингтона», — все так же холодно заметила она.

— Простите, мадемуазель, но вы можете ошибаться. Меня заверяли, что ничего подобного пока не существует.

— Вас ввели в заблуждение. Я точно знаю, потому что пользуюсь вашим так называемым изобретением уже несколько недель.

— Не может быть! Но ведь это значит, что меня кто-то опередил, и все мои усилия потрачены совершенно впустую!

Ла Туш выглядел таким огорченным, что девушка невольно немного оттаяла.

— Вам будет лучше зайти в магазин фирмы «Ремингтон» и попросить показать их новейшую машинку. Тогда вы сможете сравнить свой табулятор с тем, который ставят они.

— Спасибо, мадемуазель, я непременно так и поступлю завтра же. Значит, вы сами работаете на «Ремингтоне»?

— Да, на их десятой модели.

— И что, это уже старая модель? Простите мое любопытство, но давно ли ваша фирма пользуется ею?

— Не знаю, давно ли ее купили для нашей конторы, поскольку приступила к работе там всего шесть или семь недель назад.

Шесть или семь недель! А убийство было совершено уже более шести недель назад! Простое совпадение? Или нечто большее, чем обычная случайность?

— Должно быть, бизнесмену приносит огромное удовлетворение, — продолжал более расслабленным тоном Ла Туш, — когда его дело разрастается и приходится нанимать дополнительных машинисток. Могут только позавидовать тому чувству, которое испытал мсье

Буарак, давая объявление о приеме на работу, и его удаче, что на объявление откликнулись именно вы.

— Завидовать тут совершенно нечему, — в голос девушки, наоборот, вернулись чуть снисходительные и холодные интонации, — поскольку вы ошиблись дважды. Бизнес мсье Буарака вовсе не расширился, и я всего лишь заменила уволенную девушку. Кроме того, никакого объявления он не давал. Меня просто прислали к Буараку из школы машинисток «Мишлен» на рю Скриб.

Ла Туш понял, что получил необходимую информацию: по крайней мере, всю, какую могла ему дать эта девушка. Он продолжал в основном одностороннюю беседу еще несколько минут, а потом, энергично распрошавшись и с многочисленными поклонами, покинул зал ресторана. До отеля он добрался, уже зная, как ему продолжить расследование.

На следующее утро он повторил тактический прием предыдущего вечера. Заняв наблюдательную позицию в кафе рядом с насосным заводом незадолго до полудня, он следил за тем, как работники один за другим отправлялись обедать. Сначала показался Буарак, потом Дюфрейн, после чего потянулась целая толпа рабочих, служащие, машинистки. Он вновь увидел свою знакомую в компании тех же двух девушек. За ними следовал шустрый старший клерк. Наконец поток совсем иссяк. Минут через десять детектив пересек улицу и снова зашел в контору компании. Там уже не было никого, кроме оставшегося дежурить младшего клерка.

— Добрый день, — сказал Ла Туш приветливо. — Я хотел видеть вас, чтобы получить некоторую информацию, а за доставленные хлопоты готов заплатить двадцать франков. Вы мне поможете?

— Какая информация вас интересует, мсье? — спросил мальчик, который едва ли вышел из подросткового возраста.

— Я работаю управляющим на целлюлозно-бумажной фабрике, и мне сейчас очень понадобилась хорошая машинистка. Как я узнал, недель шесть назад от вас ушла одна квалифицированная молодая дама, верно?

— Да, мсье. Мадемуазель Ламбер.

— Точно, теперь я вспомнил ее фамилию, — сказал Ла Туш, который, напротив, только сейчас постарался запомнить ее. — Но мне необходимо навести о ней конфиденциальные справки, — продолжил он, понизив голос, словно их могли подслушивать. — Скажите, почему она ушла?

— Она не сама ушла, мсье. Ее уволили, хотя я толком не понял за что.

— Уволили?

— Да, мсье. У нее случилась размолвка с мсье Буараком, нашим исполнительным директором. Но ни я сам, ни другие сотрудники — никто не знает, из-за чего они так крупно повздорили.

— Признаюсь, я слышал об увольнении. Потому-то она меня и заинтересовала. Дела моей фирмы идут сейчас из рук вон плохо, и я подумал, что если найду машинистку с несколько подмоченной репутацией, она может согласиться пойти ко мне на зарплату, которая окажется меньше обычной. Вот и выгода для нас обоих. Ведь так она получит хотя бы какую-то работу.

Юный клерк молча кивнул, и Ла Туш продолжил:

— А информация мне требуется самая простая. Нужен лишь адрес этой молодой особы, чтобы встретиться с ней. Вам он известен?

Юнец помотал головой:

— Боюсь, что нет, мсье. Я понятия не имею, где она живет.

Ла Туш изобразил глубокую задумчивость.

— Так как же мне разыскать ее? — спросил он. Но поскольку клерк не предложил никаких вариантов, после паузы Ла Туш сам себе ответил: — Наверное, для начала хорошо бы выяснить, когда именно ее уволили. Это будет полезно. Вы можете помочь мне узнать дату?

— Вы же сами знаете — шесть недель назад. Впрочем, точную дату установить нетрудно. Нужно лишь поднять старые ведомости по зарплате. Только вам придется подождать. Присядьте пока.

Ла Туш поблагодарил его и сел, надеясь, что поиск закончится прежде, чем вернутся другие служащие кон-

торы. Ожидание не затянулось. Буквально через три или четыре минуты младший клерк вернулся.

— Она покинула нас в понедельник пятого апреля, мсье.

— А долго она здесь проработала?

— Почти два года, мсье.

— Весьма вам признателен. Скажите только, как ее имя?

— Элоиза, мсье. Элоиза Ламбер.

— Тысячекратное спасибо! Но я вынужден умолять вас не упоминать о моем визите в разговорах с коллегами. Мне сильно повредит, если пойдут слухи, что мое предприятие переживает кризис. Вот то, что я вам обещал, — и он протянул юноше двадцать франков.

— Этого слишком много, мсье. Я был рад оказать вам услугу совершенно бесплатно.

— Уговор дороже денег, — небрежно бросил детектив и, сопровождаемый ответными благодарностями, покинул офис.

Вот теперь это уже становится интересно, подумал Ла Туш, когда снова вышел на улицу. Буарак увольняет машинистку в тот самый день, когда бочка прибывает к пристани Святой Екатерины. Интересно, не в тот ли день в конторе появилась новая пишущая машинка? Нужно разыскать эту Элоизу Ламбер.

Но как ее найти? Несомненно, где-то в недрах конторы сохранилось личное дело с адресом, но поскольку он считал крайне нежелательной любую утечку информации о своих подозрениях, то предпочел не прибегать к этому источнику данных. В таком случае каков выход из положения? Он видел только один — объявление в газете.

Зайдя в ближайшее кафе, сыщик за бокалом пива набросал такой текст: «Мадемуазель Элоизу Ламбер, стенографистку и машинистку, просят срочно связаться с мсье Джорджем Ла Тушем в отеле «Швейцария» на рю де Лафайет, чтобы узнать приятные для нее новости».

Он перечитал написанное, и ему тут же пришла в голову иная идея. Ла Туш взял другой лист бумаги и сделал новый вариант: «Мадемуазель Элоизу Ламбер,

стенографистку и машинистку, просят срочно связаться с мсье Гийомом Фанелем в отеле «Сент-Антуан», чтобы узнать приятные для нее новости».

— Если Буараку ненароком попадется на глаза это объявление, мое имя не должно в нем фигурировать, — сказал он сам себе. — На пару дней я перестану быть Джорджем Ла Тушем и заодно проживу в «Сент-Антуане».

Сыщик отослал текст объявления в несколько газет сразу, а потом отправился в гостиницу «Сент-Антуан» и заказал апартаменты на имя Гийома Фанеля.

— Комнаты понадобятся мне только с завтрашнего дня, — предупредил он службу размещения.

Следующим утром Ла Туш заселился. И уже скоро в дверь его гостиной постучали. Вошла высокая изящная девушка лет двадцати пяти. Она не блистала особой красотой, но обладала приятной внешностью и улыбчивым, добрым лицом. Ее со вкусом подобранное, хотя и неброское платье свидетельствовало о том, что потеря работы не повергла ее в глубокую нужду.

Ла Туш поднялся навстречу и приветствовал гостью поклоном.

— Мадемуазель Ламбер? — спросил он с радушной улыбкой. — Я мсье Фанель. Не желаете ли присесть?

— Я прочитала ваше объявление в «Ле Суар», мсье, и вот — пришла.

— Весьма признателен, что откликнулись на мой зов так скоро, мадемуазель, — сказал Ла Туш, опускаясь в кресло, — и я не отниму у вас много времени. Но прежде чем объяснить суть дела, можно ли мне узнать, та ли вы самая мадемуазель Ламбер, которая еще недавно работала машинисткой в конторе завода фирмы «Эврот»?

— Да, мсье. Я работала там без малого два года.

— Простите, но чем вы можете подтвердить это? Простая формальность, уж извините, но в интересах своих клиентов я обязан соблюсти ее.

На лице девушки появилось удивленное выражение.

— Даже не знаю, как мне это сделать, — сказала она. — Видите ли, я совсем не ожидала такой необходимости.

Между тем Ла Туш вообразил, что, вопреки всем предосторожностям, Буарак мог пронюхать о его затее и послать к нему девушку с придуманной историей. Но последний ее ответ как раз вполне удовлетворил его. Будь она подставным лицом, девушку заранее снабдили бы нужными документами.

— Ладно, к черту формальности, — он улыбнулся. — Думаю, ничем не рискую, доверяясь вам. Могу я задать вам еще один вопрос? Пока вы еще работали там, была ли приобретена новая пишущая машинка?

На лице девушки отразилось еще более заметное удивление.

— Станный вопрос. Но да, мсье, «Ремингтон» десятой модели.

— А можете точно сказать, когда это произошло?

— Конечно. Я покинула офис пятого апреля в понедельник, а новая машинка появилась за три дня до того — в пятницу второго числа.

Вот это уже была очень важная новость! Ла Туш теперь не сомневался, что надо продолжать беседу дальше. Ему следовало выяснить у девушки всю необходимую информацию, но опять-таки возникала потребность в дипломатии, поскольку он должен был соблюдать полную конфиденциальность.

Он снова улыбнулся и кивнул.

— Простите великодушно, мадемуазель, но мне хотелось убедиться, что разговариваю именно с той девушкой, которая мне нужна. И я задал вам три вопроса, проверяя, знаете ли вы ответы на них. А теперь настало время сообщить вам о себе и в чем суть дела. Однако прежде всего я должен попросить вас сохранить в секрете все, что вы от меня узнаете.

Гостя выглядела все более изумленной, но ответила:

— Хорошо, мсье, даю вам слово.

— В таком случае могу сообщить вам следующее. Я — частный детектив, нанятый компанией, торгующей пишущими машинками, чтобы расследовать случаи весьма необычного... Я стараюсь подобрать другое определение, но не могу, — необычного сабота-

жа и мошенничества, имевшие место в последнее время. Непостижимым образом у некоторых из купленных у нас машинок стали возникать непредсказуемые дефекты. Казалось бы, мелочи, которые не мешают пользоваться ими, но не позволяют создавать наилучшие образцы машинописи. Вы меня понимаете? Неравномерность печати, отклонение некоторых букв от строго горизонтальной линии и прочее. Моим клиентам очень не хотелось бы подзревать своих конкурентов в стремлении ухудшить репутацию своей компании, но другого объяснения не найти. Мне подумалось, что такой человек, как вы, способны дать необходимую информацию, и фирма уполномочила меня передать вам сто франков в качестве вознаграждения за оказанную помощь.

Выражение удивления все еще не покидало лица девушки, когда она ответила:

— Я с радостью расскажу вам все, что знаю, мсье, без всякого вознаграждения. Но пока не понятно, что именно от меня требуется. Боюсь, я не обладаю той информацией, в которой вы нуждаетесь.

— Думаю, мадемуазель, при желании вы вполне способны мне помочь. Только разрешите задать вам еще несколько вопросов. Согласны?

— Конечно.

— Тогда первый вопрос. Не могли бы вы описать ту машинку, которой вы пользовались до приобретения новой?

— Это был «Ремингтон» номер семь.

— Меня интересует несколько другое, — отреагировал Ла Гуш, фиксируя в памяти новую подробность. — Я, разумеется, знаю, что речь идет о седьмой модели, поскольку с ней-то и возникли проблемы. Мне же надо выяснить, не имела ли та машинка каких-то изъянов или других особенностей, отличавших ее от других таких же.

— Нет, не думаю, — задумчиво ответила девушка. — Хотя были кое-какие дефекты. Например, изображение буквы S на клавише слегка развернулось вправо, а еще я заметила три царапины вот здесь, — и она в воздухе указала ладонью на боковую сторону воображаемой пишущей машинки.

— Значит, вы сможете узнать ту машинку, если увидите снова?

— Безусловно.

— А теперь припомните, пожалуйста, мадемуазель, какими были особенности шрифта. Возможно, дефекты букв, отклонения строки от горизонтали или нечто подобное?

— Ничего такого, что бы сильно бросалось в глаза. Машинка была уже старая и не современная, но все еще исправная. Правда, мсье Буарак считал иначе, но я придерживаюсь своего мнения.

— Что именно говорил об этом мсье Буарак?

— Он обвинил меня в небрежности. Но на самом деле все получалось совершенно нормально, а в некоторых мелочах уж никак не было моей вины.

— Я абсолютно в этом уверен, мадемуазель. Но, быть может, вы расскажете мне, что произошло?

— Здесь и рассказывать особенно не о чем. Мне поручили большую работу — длинный список спецификаций для завода насосов в Аргентине. Я закончила и, как обычно, положила материалы на стол мсье Буараку. Через несколько минут он вызвал меня и спросил, как я посмела дать ему на подпись столь неопытно отпечатанный документ. Не понимая, в чем заключается неопытность, я поинтересовалась, на что конкретно он жалуется. Мсье Буарак указал мне на совершенно незначительные дефекты — главным образом на неровность некоторых строк, на чуть размытые контуры двух или трех букв. Думаю, ни я сама, да и никто другой не обратил бы на это внимания.

Мсье Буараку пришлось объяснить, что причина не в моей небрежности. Просто машинку нужно было немного подновить. Но он обвинил меня в том, что я печатала, слегка нажимая на клавишу верхнего регистра, сама того не замечая, но, мсье Фанель, уверяю вас, я не делала ничего подобного. Когда я сказала об этом мсье Буараку, он сначала задумался, потом извинился и заявил, что мне необходима новая машинка. Он почти сразу позвонил в магазин, и в тот же день после обеда нам доставили «Ремингтон» десятой модели.

— А что случилось со старым седьмым номером?
— Тот же мужчина, который привез новую машинку, забрал старую с собой.

— И на этом ваш спор закончился.

— Да, закончился, мсье.

— Простите, если я ошибаюсь, но ведь вас уволили из-за какого-то недоразумения и разногласий с мсье Буарак, не так ли?

Девушка покачала головой.

— Вовсе нет, — ответила она. — Ничего подобного не было. Просто в следующий понедельник, то есть через два дня после переполоха с машинкой, мсье Буарак уведомил меня, что начинает реорганизацию офиса, и ему отныне нужно иметь одной машинисткой меньше. А поскольку я нанялась на работу позже остальных, то мне и предстояло уйти. Он сказал, что приступает к изменениям немедленно, и потому хотел, чтобы я подала заявление об уходе сразу же. Компенсируя отсутствие положенного предварительно уведомления, он велел выплатить мне вперед месячное жалованье, а потом написал великолепную рекомендацию, которая, кстати, у меня с собой. Мы с ним расстались вполне по-дружески.

В документе, показанном девушкой, говорилось:

Настоящим я имею честь и удовольствие засвидетельствовать, что мадемуазель Элоиза Ламбер работала в моей фирме стенографисткой и машинисткой в период с августа 1910 по 5 апреля 1912 года, полностью удовлетворяя всем требованиям, предъявляемым мной и моим управляющим. Она проявила себя аккуратной, трудолюбивой сотрудницей, в совершенстве владеющей своей профессией, обладая превосходными манерами в общении и безукоризненной дисциплиной. Она вынуждена покинуть нашу компанию по причинам, которые не зависят от нее, а лишь в силу сокращения нами штата работников. Я расстаюсь с ней с величайшим сожалением и готов с уверенностью рекомендовать ее любому будущему работодателю.

(Подпись): Рауль Буарак,
исполнительный директор.

— Рекомендация действительно весьма лестная для вас, мадемуазель, — прокомментировал прочитанное Ла Туш.

Он ненадолго вышел в соседнюю комнату апартаментов, служившую спальней, и прикрыл за собой дверь. Затем достал из блокнота образец почерка Буарака и сравнил подпись с той, что тот поставил под своими показаниями. Тщательный анализ удовлетворил его: подпись на рекомендательном письме была подлинной. Он вернулся к девушке и отдал ей документ.

— Спасибо, мадемуазель. А теперь не могли бы вы постараться припомнить кое-что еще? Не приходилось ли вам в последние дни работы печатать письмо несколько необычного содержания? О крупном выигрыше в государственную лотерею и об отправке денег в Англию в некой бочке?

— Нет, мсье, ничего подобного я не печатала, — ответила машинистка, откровенно пораженная таким вопросом.

Ла Туш пристально следил за ней и удостоверился, что у нее не возникло подозрений в правдивости его истории, и в том, за кого он себя выдавал. Однако странность его вопросов и дотошность сыщика могли позже породить у девушки подозрения. А потому, чтобы этого не случилось, он продолжил разговор о седьмой модели «Ремингтона». Спросил, не заметила ли она каких-либо признаков, что механизм кто-то втайне разбирает на части, а закончил заявлением: вероятно, в данном случае произошла ошибка, и подвергнувшаяся столь детальному обсуждению машинка не относилась к числу тех, которые интересовали детектива. После чего Ла Туш записал ее домашний адрес и вручил сто франков. Сперва для вида отказываясь, деньги она все же взяла.

— Но только никому ни слова, как договорились, мадемуазель, — напутствовал он машинистку на прощание.

Новая информация, полученная Ла Тушем, была, мягко говоря, интересна. Если история мадемуазель Ламбер правдива — а он не имел оснований подвергать ее слова сомнению, — то некоторые действия мсье

Буарак требовали объяснения. Его обвинения машинистки в небрежности выглядели совершенно необоснованными, а весь эпизод выглядел как попытка найти благовидный предлог, чтобы избавиться от пишущей машинки. Кроме того, поспешное увольнение машинистки не могло быть вызвано реорганизацией работы офиса. В таком случае любой начальник обязан предоставить сотруднице возможность продолжать работу еще по меньшей мере месяц. Ненормальность ситуации еще более выдавал тот факт, что Буарак нашел ей замену буквально на следующий день. Расплачиваясь по счету в отеле, Ла Туш размышлял так: быть может, он делал слишком поспешные выводы и проявлял излишнюю подозрительность, информация, бесспорно, заслуживала более тщательной и детальной проверки. Он вызвал такси и попросил отвезти его в самый крупный магазин пишущих машинок фирмы «Ремингтон», рассчитывая, что именно там приобретал технику Буарак.

Услужливому продавцу он объяснил:

— Я бы хотел купить подержанную машинку. Можете показать мне имеющиеся у вас в наличии?

— Конечно, мсье. Следуйте за мной, пожалуйста.

Пройдя через главный торговый зал, они оказались в еще более просторном помещении позади него, где на полках стояло невероятное количество пишущих машинок всех размеров и образцов, как целых, так и нуждавшихся в ремонте. Ла Туш неспешно осматривался, интересуясь моделями и ценами на них, но при этом острым глазом ведя поиск клавиатуры со скошенной буквой S. Однако немедленных результатов ему добиться не удалось, поскольку «Ремингтонов» номер семь не попадалось вообще. Даже здесь все машинки были более позднего типа.

Он вновь обратился к продавцу:

— Все это для меня дороговато. Дело в том, что я директор обычной частной школы, и мне всего лишь нужна машинка, чтобы ученики могли изучить расположение клавиш. Подойдет даже самый старый вариант, если будет стоить дешево. У вас есть более давние модели?

— Само собой, мсье. Мы располагаем еще несколькими прекрасными образцами седьмой модели и даже, по моему, пятой. Пройдемте дальше.

Они зашли на склад, где хранился уже почти антиквариат. Здесь Ла Туш продолжил поиски перекошенной S. И наконец он обнаружил ее. Причем заметил не только сдвинутую вправо букву, но и те три царапины на боковине, о которых упомянула мадемуазель Ламбер.

— Думаю, эта мне подойдет, — сказал он. — Не могли бы вы снять ее со стеллажа и дать осмотреть как следует?

Затем сыщик сделал вид, что с интересом изучает машинку.

— Да, — спустя некоторое время подвел он итог осмотру, — она мне определенно нравится, если только исправна. Хорошо бы сделать пробу.

Он вставил в машинку лист бумаги и напечатал несколько слов. Вынув лист, взгляделся в буквы и расположение строк.

И даже у столь опытного и сдержанного человека, каким был Ла Туш, едва не вырвался торжествующий возглас. Потому что, судя по всем приметам, именно на этой машинке отпечатали письмо Ле Готье!

Он вновь повернулся к продавцу.

— Кажется, все в порядке, — сказал он. — Я беру ее.

Ла Туш расплатился и получил квитанцию. Потом попросил разрешения побеседовать с управляющим магазином.

Далее он отвел этого джентльмена в сторонку и заговорил с ним самым доверительным тоном:

— Я хотел просить вас, мсье, оказать мне услугу не совсем обычного свойства. Мной только что приобретена вот эта пишущая машинка, но, прежде чем я увезу ее, мне хотелось бы, чтобы вы ее осмотрели и снабдили меня некоторой информацией. Нарушу конфиденциальность и объясню причины столь странной просьбы. На самом деле я — детектив, работающий в интересах человека, обвиненного в тяжком преступлении, которого, как полагаю, он не совершал. Некое письмо, от установления авторства которого во многом зависит его судьба, было отпечатано, если я не ошибаюсь, именно

на этой машинке. Прошу простить, что не могу вдаваться в дальнейшие подробности. Но точная идентификация машинки в данном деле насущно необходима. Вот почему я хотел просить вас особо пометить ее, а также сообщить, каким образом она оказалась в вашем магазине. Этим вы меня весьма обяжете.

— Я с удовольствием выполню вашу просьбу, мсье, — отозвался управляющий, — но при условии, что мне не придется давать показаний в суде.

— Уверен, до этого не дойдет. Идентификацию машинки никто не осмелится подвергать сомнению, насколько мне подсказывает опыт работы. Моя просьба к вам — всего лишь дополнительная мера предосторожности.

Управляющий нанес на машинку метку и записал ее серийный номер.

— А если вам необходимо узнать, как она попала к нам, — сказал он Ла Тушу, — то придется немного подождать.

Он ушел к себе в кабинет и вернулся через несколько минут с листком бумаги.

— Данная пишущая машинка поступила к нам из компании промышленных насосов «Эврот», — он сверился с текстом на листке, — второго апреля сего года. Она была приобретена ими у нас же несколько лет назад, но в указанный день они обменяли ее на более современную модель номер десять.

— Глубоко признателен вам за помощь, мсье. Со своей стороны обещаю сделать все возможное, чтобы данное дело не причинило вам никаких дальнейших хлопот.

Поймав такси, Ла Туш отвез машинку к себе в отель на rue de Лафайет. Там отпечатал еще одну пробную страницу и с помощью сильного увеличительного стекла сравнил шрифт с имевшейся у него фотографической копией письма Ле Готье. Сравнение полностью удовлетворило его. Он добыл именно ту машинку, которая была столь необходима.

Успех искренне обрадовал его. Чем больше он вникал в ситуацию, чем тверже становилась уверенность: придирки Буарака имели единственную цель — избавиться от пишущей машинки. А мадемуазель Ламбер

он уволил только потому, что она слишком много знала. В случае если полиция станет наводить более детальные справки у него в офисе, он будет чувствовать себя гораздо спокойнее, избавившись от нежелательной свидетельницы.

Но в чем же состояла тщательно скрываемая цель, которую преследовал Буарак? Детектив видел только одну вероятность. Буарак знал, что письмо Ле Готье отпечатали именно на этой машинке. А если знал, то не запрашивался ли вывод: он сам отправил письмо Феликсу. А если письмо отправил он, то, значит, и был виновен. Ла Туш все больше проникался убеждением в этом.

Но потом его поразила другая мысль. Все вроде бы указывало на вину Буарака, но как же тогда быть с его прочным алиби? Оно выглядело неопровержимым и подтверждало невиновность Буарака. Хорошо, допустим, он невиновен. А пишущая машинка? Возникла крайне противоречивая дилемма, и Ла Туш все больше запутывался в ней.

Он еще долго предавался размышлениям и начал склоняться к заключению, что обнаружение пишущей машинки вовсе не становилось таким уж мощным подспорьем, чтобы выручить из беды его клиента. Хотя на первый взгляд оно указывало на умышленные действия Буарака, но тот мог очень легко выстроить свою защиту. Ему ничего не стоило держаться той же истории, которую рассказала мадемуазель Ламбер: качество работы машинки перестало соответствовать высоким требованиям, предъявляемым фирмой Буарака к внешнему виду своих документов. У него был аргумент, что он давно хотел приобрести современное печатающее устройство, а случай с тем неряшливым документом лишь заставил быстрее принять решение. Что же касалось уволенной машинистки...

Хотя девушка казалась спокойной и достойной доверия, одному богу известно, о чем она могла умолчать. По ее собственным словам, у нее случилась размолвка с боссом, тогда она, вполне вероятно, проявила дерзость и несдержанность. В любом случае у Буарака найдется своя версия происшедшего между ними, и установить истину окажется практически не-

возможно. А хвалебную рекомендацию объяснит просто: девушка ему не нравилась, он хотел избавиться от нее, но ни в коем случае не желал сломать ей жизнь. Он может даже признать, что специально придумал мнимую реорганизацию, чтобы психологически облегчить для нее увольнение.

Теперь о письме Ле Готье. Буарак станет отрицать, что ему о нем известно, и Ла Туш не представлял себе, как опровергнуть подобное утверждение. Обвинение же легко могло выдвинуть версию, по которой Феликс подкупил одного из клерков, чтобы тот перепечатал для него текст на пишущей машинке из офиса Буарака с целью бросить на управляющего тень подозрения. Если Феликс был виновен, подобная уловка выглядела вполне в духе преступника.

В итоге Ла Туш пришел к окончательному выводу, что по-прежнему не собрал достаточно улик, чтобы обвинить Буарака и оправдать Феликса. Он должен был сработать лучше, чтобы разоблачить лживость алиби. Для этого ему прежде всего необходимо разыскать кучера той повозки.

Глава 27

ДИЛЕММА ЛА ТУША

В ту ночь Ла Тушу не спалось. Было душно, и в воздухе, казалось, витала нервная напряженность. Массы синих-черных туч, сгустившихся в небе на юго-западе, предвещали грозу. Сыщик ворочался в постели с боку на бок, не находя удобной позы, его сознание бодрствовало, мозг активно работал.

Он перебирал в памяти объявления, которые опубликовал Лефарж в поисках возницы. В них обещалось вознаграждение за информацию о личности кучера, доставившего бочку на товарную станцию у рю Кардине. Кто, размышлял он, если учитывать обстоятельства дела, мог откликнуться на подобное объявление? По сути, всего лишь два человека — сам кучер и тот

человек, который нанял его. Больше ни одна живая душа не могла ничего знать об этом. Понятно, что наниматель ни в коем случае не пожелает выдать себя, как ничего не расскажет и кучер, если ему хорошо заплатили или еще каким-то образом смогли заставить хранить тайну. Вот почему, заключил Ла Туш, объявления не дали результатов.

И только когда он пришел к столь неутешительному выводу, его осенила блестящая идея. Главная ошибка объявлений состояла в том, что они адресовались не тем людям. Вместо того чтобы обращаться за помощью к кучеру, не лучше ли было бы воззвать к его коллегам, к тем, кто его хорошо знал? Или даже к постоянному работодателю кучера, поскольку было очевидно, что им не мог быть ни Буарак, ни Феликс, возможно, нанявшие повозку для выполнения всего лишь одной поездки. Ла Туш вскочил с постели, включил свет и начал составлять текст своего рода циркулярного письма.

Вот что у него получилось:

Уважаемый сэр!

Невиновному человеку угрожает наказание за якобы совершенное им убийство, и он весьма нуждается в определенной информации. Подобные сведения могут быть предоставлены кучером — чисто выбритым мужчиной с заостренными чертами лица и с седыми волосами. Если среди ваших работников есть (или был до марта сего года) возница с похожей внешностью или вам таковой знаком, настоятельно прошу сообщить мне об этом. Я — частный детектив, представляющий интересы обвиняемого. Гарантирую, что кучеру не грозят никакие проблемы с законом, как и прочие неприятности. Напротив, я готов заплатить 5 франков каждому, кто придет ко мне по указанному ниже адресу в любой день между 20.00 и 22.00, а для того, кто даст мне необходимую информацию, вознаграждение составит 500 франков.

Повторив прием, хорошо сработавший в случае с мадемуазель Ламбер, Ла Туш не стал указывать своего подлинного имени и адреса. Он подписался под письмом

Смертельный груз

как Шарль Эпей, а обратным адресом назвал отель «Арль» на рю де Лион.

На следующее утро он побывал в магазине, торговавшем канцелярскими принадлежностями, где можно было сделать нужное количество копий письма, запечатать их в конверты с пометкой «Конфиденциально» и разослать управляющим всех транспортных предприятий Парижа. Потом отправился на рю де Лион и под именем Шарля Эпея снял номер в отеле «Арль».

Затем он доехал на метро от площади Бастилии до товарной станции поблизости от рю Кардине. И после продолжительных поисков нашел двух друзей-грузчиков, снимавших бочку с повозки в тот четверг почти два месяца тому назад. Объяснив им, что разыскивает кучера, сыщик предложил им по пять франков в день, если они согласятся дежурить в его номере отеля с восьми до десяти вечера, чтобы опознать возницу, когда он все-таки явится. Грузчики весьма охотно приняли условия выгодной для них сделки. В тот же вечер они провели первое дежурство, но безуспешно. Чисто выбритый и седой мужчина с узкими и заостренными чертами лица так и не пришел.

Когда Ла Туш вернулся в свою постоянную гостиницу, его ожидало письмо от Клиффорда. Полиция сделала два важных открытия. Первое, как давно понял Ла Туш, они рано или поздно не могли не сделать. Было установлено, что именно Феликс был тем студентом школы живописи, влюбленным в ныне покойную мадам Буарак и даже был недолго обручен с ней. Таким образом в руки обвинения попали новые факты, свидетельствовавшие против Феликса.

Заслуга в получении другой информации принадлежала исключительно инспектору Бернли. Ему удалось разыскать кучера, доставившего бочку с вокзала Ватерлоо утром той роковой среды, а уже на следующий день перевезшего ее на Чаринг-Кросс. Как выяснилось, оба поручения выполнил один и тот же человек.

События развивались следующим образом. Примерно в 19.30 во вторник вечером смуглый, иностранной внешности джентльмен с черной бородкой клинышком нанес визит в контору мистера Джонсона,

владельца крупной компании грузовых перевозок, расположенной на Ватерлоо-роуд, и нанял на два следующих дня повозку с возницей, арендовав на тот же период пустовавший поблизости сарай. Кучеру он дал указание встретиться с ним в 10.00 на вокзале Ватерлоо, то есть утром в среду. По прибытии поезда из Саутгемптона, куда причаливал паром, мужчина получил адресованную ему бочку и велел погрузить на телегу. Затем повозку укрыли в сарае, лошадь распрягли и отправили на конюшню. Чернородый джентльмен сказал кучеру, что тот до конца дня может отдыхать, но должен явиться на следующее утро в четверг и отправить бочку в Париж с вокзала Чаринг-Кросс. Он вручил работнику сумму, достаточную для оплаты перевозки и десять шиллингов вознаграждения для него самого. Когда возница поинтересовался, куда в Париже должна быть доставлена бочка, ему было сказано, что на ней будет точно оформленный адрес. Так и получилось — утром к бочке оказалась прикреплена новая бирка с указанием имени Жак де Бельвиль и адреса: багажное отделение, Северный вокзал. Кучер оставил чернородого одного с телегой и бочкой в сарае, а следующим утром, как было поручено, отправил груз в Париж.

На вопрос, сумеет ли он опознать нанимателя, кучер ответил, что, скорее всего, сможет. Однако опознание закончилось неудачей. При очной ставке с Феликсом возница заявил, что художник очень похож на того чернявого иностранца, но не мог с уверенностью это подтвердить.

Новости весьма заинтриговали Ла Туша, и он сидел до глубокой ночи, куря и размышляя, насколько вписываются новые факты в те версии преступления, которые они прежде обсуждали с Клиффордом. Если обвинение было право, то именно Феликс нанял повозку в 19.30 во вторник. Таким образом, бочка находилась в его полном распоряжении примерно с 11.00 в среду до 7.00 на следующее утро, и у него имелись две возможности поместить в бочку труп. Он мог либо раздобыть другую лошадь и отвезти бочку в «Сен-Мало», где во дворе, окруженном высокой стеной, в полном уединении изъяс скульптуру и подменил ее мертвым телом,

Смертельный
груз

и затем вернул бочку в сарай. У него была и другая возможность — укрыть труп в двухместном автомобиле, доехать до сарая и совершить подмену там. К сожалению, как понимал Ла Туш, в любой интерпретации вскрывшиеся факты лишь подтверждали версию о виновности Феликса.

Но одновременно они открывали новый отрезок времени для установления алиби Феликса, еще не проверенный — с 19.30 во вторник вечером. Хотя сыщик тут же вспомнил рассказ Феликса о том странном образе жизни, какой он вел всю ту неделю, и понял, что с алиби не следует связывать особых надежд. Поиски, предпринятые и им самим, и Клиффордом, пока ничего не дали.

Затем детектив мысленно обратился к выдвинутой Клиффордом версии о виновности Буарака. И сразу же отметил, как новости повлияли на вопрос, связанный с его алиби. До этого момента алиби рассматривалось как нечто целое. Проверенные и не поддававшиеся проверке факты рассматривались одинаково. Считалось, что в наиболее важные для дела дни Буарак находился в Париже и в Бельгии, а значит, никак не мог оказаться в Лондоне. Но теперь возникал вопрос о конкретном отрезке времени. В 19.30 во вторник бородатый мужчина пришел в компанию Джонсона на Ватерлоо-роуд. Но в 14.30 того же дня Буарак находился в Шарантоне. Ла Туш сверился со справочником, содержащим расписание поездов по всей Европе. Один из экспрессов прибывал на вокзал Виктория в 19.10, что позволяло путешественнику из Парижа как раз успеть к указанному времени в контору перевозчика грузов. Но вот только экспресс отправлялся из Парижа ровно в полдень. Это абсолютно исключало, что Буарак мог бы совершить такое путешествие. Но ведь следовало помнить и о пишущей машинке...

Ла Туш снова оказался перед прежней, неразрешимой пока дилеммой. Если Буарак виновен, то как он обеспечил себе алиби? А если невиновен, то зачем поспешил избавиться от машинки? Размышления причиняли сыщику поистине душевные муки, но он все больше преисполнялся решимости найти разгадку, каких бы нервов и трудов это ни стоило.

Следующим вечером он вновь отправился в отель «Арль», чтобы в компании двух грузчиков дожидаться появления остролицего кучера с седой головой.

Он уже получил несколько ответов на свое письмо. В некоторых из них сообщалось, что транспортное предприятие никогда не имело в своем составе работников, подходивших под описание. В других указывались предполагаемые кандидатуры, их имена и адреса. Ла Туш принялся составлять отдельный список, планируя посетить тех, кто сам не откликнется на объявление.

И пока он занимался этим, объявился первый визитер. Мужчина был сед, чисто выбрит, но вот черты его лица не отличались приметной заостренностью. Грузчики немедленно подали заранее условленный знак, что это не тот человек. Ла Туш был вынужден заплатить обещанные пять франков и выпроводить гостя, пометив его в списке как уже отработанного свидетеля.

После первого посетителя люди потянулись один за другим, и к десяти часам Ла Туш с грузчиками успели повидать четырнадцать кучеров. Каждый почти полностью подходил под словесный портрет, вот только грузчики никого не опознали. На следующий вечер в номер пришли десять человек, днем позже еще четверо, но с тем же негативным результатом.

Потом принесли еще одно письмо от Клиффорда. Адвокат описывал, насколько его поразили ум и уровень образования кучера, который выполнял перевозки бочки по Лондону. Его несказанно удивило, что человек таких способностей занимался столь простой работой, а потому Клиффорд пригласил возницу в гости не без тайной надежды узнать его историю. И сделал открытие настолько важное, что оно, по мнению адвоката, могло привести их к успешному завершению расследования. Кучер по имени Джон Хилл охотно поведал об этапах своей жизни. Еще четыре года назад он являлся констеблем в столичной полиции. С прекрасным послужным списком Хилл мог рассчитывать на хорошие перспективы в будущем. Однако затем у него, к несчастью, возник крупный конфликт с вышестоящим офицером. Хилл не особенно вдавался в подробности, но, как понял

Клиффорд, дело было сугубо личным и касалось одной девушки. Но все закончилось дракой в служебное время, причем Хилл признает, что виноват был сам, совершенно потеряв тогда самообладание. Его уволили из полиции, и после долгих утомительных поисков новой работы он не нашел ничего лучше нынешнего занятия.

«Все это можно было бы воспринимать только лишь как жизненную неудачу отдельного человека, — писал далее Клиффорд, — но в случае с Хиллом есть один факт, который поможет нам найти ключ к разгадке преступления. Как бывший полисмен, он обладает повышенной наблюдательностью и во внешности мужчины с бочкой подметил деталь, крайне полезную для установления его личности. Когда работодатель расплачивался с ним, Хилл разглядел на тыльной стороне первой фаланги указательного пальца его правой руки небольшой шрам, оставшийся, по всей вероятности, от ожога. Он уверен в этом и готов поклясться, что такая особая примета реально существует. Я спросил, сообщил ли он об этом следователям. Нет, ответил Хилл. С некоторых пор он не слишком жалуется полицию, а потому лишь отвечал на заданные ему вопросы, не стремясь делиться ничем добровольно. Когда же он понял, что я являюсь оппонентом официальных властей, то дал эту информацию мне, и, насколько можно судить, с удовольствием выступит свидетелем в суде, если сможет опровергнуть выдвинутые полицией обвинения».

Затем Клиффорд совершил напрашивавшийся при подобном повороте событий шаг. Он отправился в камеру и, проверив руки Феликса, не обнаружил на них никаких шрамов.

Поначалу Ла Тушу тоже показалось, что скоро в деле будет поставлена жирная точка. Новые показания определенно доказывали невиновность Феликса. Ему останется только осмотреть руки Буарака, и если он найдет на пальце описанную отметину, убийство окажется раскрытым.

Однако по зрелому размышлению он понял, насколько сложнее все обстоит. От алиби Буарака невозможно просто так отделаться. Пока в нем не найдено изъяна, любой смысленый юрист сможет настаивать на

невиновности Буарака. Для присяжных алиби перевесит любые доводы, а показания бывшего полицейского можно легко дискредитировать. Даже сам по себе способ, с помощью которого они получили от него информацию, неприязнь Хилла к официальным властям в значительной степени ослабят убедительность его показаний. Будет заявлено, что он попросту придумал несуществующий шрам, чтобы сбить следствие с верного пути. Положим, присяжные не поверят в такое предположение, но алиби все равно станет основой для наиболее вероятной версии, уличающей истинного виновника убийства.

И тем не менее для Ла Туша стало ясно, что он должен предпринять немедленно. Необходимо осмотреть руки Буарака, и если шрам обнаружится, следует показать его Хиллу.

А потому около одиннадцати часов утра сыщик взял такси, выбрав машину с водителем, производившим впечатление человека сообразительного. Доехав до конца рю Шампионнэ, он вышел, предварительно объяснив шоферу, что тому положено делать. Через несколько минут Ла Туш занял ставшую привычной позицию у витрины кафе, не сводя глаз с двери офиса насосного завода через дорогу. В соответствии с договоренностью такси медленно кружило поблизости, готовое к его услугам в любой момент.

Примерно без четверти двенадцать Буарак вышел и неспешно направился в сторону центра города. Ла Туш незаметно последовал за ним, держась противоположного тротуара. Такси ехало чуть позади. Затем наступил момент, когда сыщику осталось лишь похвалить самого себя за предусмотрительность. Как только Буарак дошел до угла, он немедленно поймал другое такси, сел внутрь и сразу же машина двинулась в путь на приличной скорости.

Потребовались буквально две секунды, чтобы Ла Туш занял место в дожидавшемся его такси и велел водителю следовать за впереди идущей машиной.

Преследование продолжалось вдоль Больших бульваров до ресторана «Беллини» на авеню де л'Опера, куда вошел сначала Буарак, а затем и его «тень».

Популярный и поистине огромный ресторан оказался на две трети заполнен клиентами. Еще от дверей

Ла Туш заметил, как Буарак занял столик в одной из ниш у окна. Сыщик уселся поближе к кассе и заказал комплексный обед, причем попросил принести счет заранее — он, дескать, ограничен во времени и мог даже поспешно удалиться, не закончив с едой. Ла Туш принялся с аппетитом поглощать пищу, хотя постоянно держал исполнительного директора в поле зрения.

Этот господин явно никуда не торопился, и Ла Тушу пришлось подольше растянуть время за чашкой кофе, прежде чем тот поднялся из-за стола. Сразу несколько человек покидали ресторан одновременно, и у кассы даже образовалась небольшая очередь. Ла Туш сумел оказаться следующим за Буараком. И когда бизнесмен расплачивался, Ла Туш разглядел его пальцы. Шрам оказался точно в описанном месте!

«Вот наконец и наступила полная ясность, — подумал детектив, прекратив слежку. — Все-таки нам нужен Буарак! Я свою работу завершил!»

Но чувство тревоги почти тут же вернулось. Действительно ли его работа закончена? Достаточно ли этой улики, чтобы изобличить Буарака? Ведь все по-прежнему упиралось в алиби. Это проклятое алиби постоянно напоминало о себе, угрожая обратить любой успех в поражение.

Вот почему, хотя Ла Туш не сомневался больше в виновности Буарака и был уверен, что именно он нанял в Лондоне кучера с повозкой, для полной убежденности не хватало очной ставки, чтобы провести формальное и окончательное опознание. Поскольку фактор времени приобретал особое значение, Ла Туш нашел возможность позвонить Клиффорду, чтобы поскорее обсудить вопрос. Они сошлись на том, что, если это окажется возможным, Хилла следовало бы отправить в Париж уже сегодня вечерним поездом. Два часа спустя от адвоката пришла телеграмма с известием — поездка организована.

И уже на следующее утро Ла Туш встретил на Северном вокзале поезд, доставивший пассажиров с английского парома, и радостно приветствовал высокого, темноволосого мужчину с небольшими усиками. За завтраком сыщик объяснил Хиллу суть своего плана действий.

— Сложность заключается в том, чтобы вы смогли рассмотреть Буарака, а он вас при этом не заметил, — подытожил Ла Туш. — Ему не следует знать, что мы сели ему на хвост.

— Это мне понятно, сэр, — кивнул Хилл. — Но вы придумали, как осуществить подобное опознание?

— Лишь в общих чертах. Думаю, если приклеим вам фальшивую бороду и вы наденете очки, он едва ли узнает вас. Кроме того, вы совершенно иначе оденетесь. Тогда наверняка сможете повторить мой трюк: пообедать с ним в одном ресторане, встать рядом к кассе и рассмотреть его руки, когда он станет расплачиваться.

— Превосходная идея, сэр, проблема только в том, что я совершенно не ориентируюсь в Париже и не знаю, как мне себя вести в ресторане столь высокого класса.

— Вы не говорите по-французски?

— Совершенно.

— Тогда я попрошу своего агента Маллета сопровождать вас. Он подскажет, что и как надо делать, при этом вам не придется ничего говорить.

Хилл снова кивнул:

— Так действительно будет лучше всего, сэр.

— Что ж, отлично! А теперь позвольте мне немедленно заняться вашей маскировкой.

Они проехали по нескольким магазинам, и в результате Джон Хилл обновил свой гардероб с головы до ног. Затем заглянули к известному мастеру театрального грима, где ему приклеили окладистую черную бороду и пышные усы. Образ завершило пенсне с простыми стеклами вместо линз. И когда через час Хилл стоял перед Ла Тушем в номере отеля, радикально изменив свой облик, в нем никто, даже из близких знакомых, не узнал бы бывшего полисмена из Лондона, а тем более простого кучера.

— Блестяще! — не удержался от восклицания сыщик. — Вас сейчас не признала бы даже собственная матушка.

Ла Туш заблаговременно вызвал телеграммой Маллета, и помощник уже дожидался их. Ла Туш представил мужчин друг другу и вновь рассказал о сути предстоявшей им задачи.

— Тогда время не ждет, — сказал Маллет. — Если вы готовы, Хилл, надо приниматься за дело сразу.

Они вернулись менее чем через три часа. Их миссия завершилась абсолютным успехом. Они направились напрямиком в «Беллини», рискуя предположить, что Буарак обедает там каждый день. И не ошиблись. Ближе к полудню исполнительный директор вошел в ресторан и занял, вероятно, тот же столик у окна. А на выходе они повторили маневр Ла Туша. Хилл, вставший прямо за спиной Буарака во время расчета с кассиром, разглядел его пальцы. И мгновенно узнал шрам. Впрочем, еще до этого фигура и манера Буарака двигаться не оставили у него сомнений: это тот самый человек.

Вечером Ла Туш угостил Хилла хорошим ужином, щедро ему заплатил и отправил ночным поездом в Лондон. Затем вернулся в отель, раскурил сигару и лег на кровать. Он продолжал биться над вопросом алиби.

Теперь Ла Туш твердо знал: алиби сфабриковано. Вне всяких сомнений, в 19.30 во вторник Буарак находился в Лондоне. А значит, он никак не мог все еще оставаться в Шарантоне в 14.00. В этом состояла основная загвоздка, и сыщик не мог пока объяснить и опровергнуть данный факт.

Он взял лист бумаги и составил повременной список местонахождений Буарака, о которых им теперь стало определенно известно. Во вторник в 19.30 он пришел в гужевую транспортную контору Джонсона на Ватерлоо-роуд в Лондоне. На следующее утро, в среду, с десяти до одиннадцати часов он вместе с Хиллом доставил бочку с вокзала Ватерлоо в сарай. Причем в промежутке Буарак никак не мог покинуть Лондон. Следовательно, он находился в английской столице с половины восьмого вечера вторника до одиннадцати утра в среду. А в 23.00 тем же вечером уже оказался в отеле «Максимилиан» в Брюсселе. Это то, что было установлено точно и достоверно.

Могло ли все происходить именно в это время? Пока со вторником ничего не складывалось. Хорошо, возьмем тогда только среду. Мог человек, находившийся в 11.00 в Лондоне, оказаться в 23.00 тем же вечером

в Брюсселе? Ла Туш взял «Континентальный справочник Брэдшоу». Да, вполне мог. Отправление из Лондона в 14.20, прибытие в Брюссель в 22.25. По крайней мере такое его перемещение было возможным. Путешественник, прибывший в Брюссель тем поездом, без труда добрался бы до отеля «Максимилиан» примерно в одиннадцать часов вечера, как и подтвердила служба размещения. Затем Ла Туш перешел к отчету Буарака и вспомнил, что его рассказ о том, как он провел тот день, не был подкреплён свидетельскими показаниями. Он сообщил Лефаржу о поездке в гости к брату в окрестности Мехелена, когда совершенно забыл об отъезде родственника в Швецию. Ни один человек не мог подтвердить этого. Буарака не видела там ни домработница брата, как и никто другой. Ла Тушу не потребовалось особых умственных усилий для заключения: исполнительный директор насосного завода вообще не приезжал туда. Нет, он уехал из Лондона только в 14.20.

Но затем детектив вспомнил о телефонном звонке. Якобы из какого-то кафе в старой части Брюсселя Буарак позвонил и забронировал для себя номер. Сделано это было около восьми часов вечера. Но в то время Буарак еще не мог оказаться в старом Брюсселе. Он находился в пути из Лондона.

Ла Туш снова перелистал «Брэдшоу». В какой точке остановился бы человек в 20.00, если он выехал с вокзала Чаринг-Кросс в 14.20? И тут его осенила мысль, и он понял: паром прибывал из Англии в Остенде в 19.30, а поезд на Брюссель отходил только в 20.40. Буарак звонил в гостиницу из Остенде!

Вот как все просто! Элементарный, но гениально точный расчет! И только потом Ла Тушу припомнилось, что Лефаржу не удалось подтвердить, что Буарак действительно обедал в кафе на бульваре Анспах, как и его пребывание в зрительном зале театра Де Ла Монне на опере «Троянцы». «Определенно, — подумал детектив, — теперь я наконец иду по верному следу».

Со средой разобрались, но все еще оставалась трехлетняя проблема вторника. Что же произошло в кафе Шарантона?

В самый подходящий момент на Ла Туша накатила новая волна вдохновения. Он разобрался с телефонным трюком, проделанным в среду. А нельзя ли и звонки вторника объяснить подобным же образом?

Он уже отметил прежде, что путешественник, выехавший из Парижа в полдень и прибывший на вокзал Виктория в Лондоне в 19.10, лишь с трудом мог успеть добраться до Ватерлоо-роуд к 19.30. Обдумав этот вопрос еще раз, Ла Туш внезапно понял важнейшую причину прихода в транспортную контору именно в такое время. Очень поздно! Человек, собиравшийся нанять там повозку, пришел бы раньше, но у него такой возможности не было. Он добрался до Лондона только в начале восьмого.

Затем Ла Туш вернулся к проблеме телефонных звонков вторника. Где, задался он вопросом, чувствуя все нараставшее возбуждение, находился бы в 14.30 пассажир, выехавший из Парижа в полдень? К разочарованию сыщика, тот поезд прибывал в Кале только в 15.31, а в 14.30 еще мчался на всех парах где-то между Аббевилем и Булонью. Из поезда же Буарак никак не смог бы никуда позвонить. Отсюда вытекало: он не ехал тем экспрессом.

Применив тактику, которая сработала для одного дня, Ла Туш рассчитывал получить такие же результаты для другого и установить, что Буарак звонил из какого-то пункта на своем маршруте. Например, из Кале. Но у него ничего не получалось, хотя детектива не оставляло чувство, что он все ближе подходит к разгадке этой головоломки.

Он снова просмотрел расписание движения пассажирского транспорта. Выделенный им с самого начала поезд действительно добирался до Кале в 15.31, а паром отчаливал в 15.45. Промежуток составлял четырнадцать минут. Напрашивался следующий вопрос: достаточно ли этого времени, чтобы успеть сделать два междугородних звонка? Едва ли, решил он. И стал размышлять, как поступил бы сам, если бы перед ним встала та же проблема, что и перед Буараком.

И внезапно понимание пришло. Что могло быть проще, чем отправиться более ранним поездом и сделать остановку в Кале продолжительней? Как это вписывалось во временные рамки?

Париж, отправление 9.50
Кале, прибытие 13.11
Кале, отправление 15.45
Виктория, прибытие 19.10

Если Буарак поступил именно так, в его распоряжении в Кале имелось более двух с половиной часов, которые он мог использовать в намеченных целях. Ла Туш был убежден, что теперь он точно нашел решение.

Но ведь Буарак звонил из Шарантона. При этой мысли сыщик пал духом, но всего лишь на мгновение. До сих пор он оказывался прав во всем и теперь тоже найдет объяснение для последней шарады.

Так и случилось. Официант в Шарантоне считал, что обслуживал Буарака в понедельник. И он не ошибался! Каким-то образом предприниматель сделал вид, что звонил по телефону. Иного варианта быть не могло.

Затем еще одна мысль пришла в голову Ла Тушу. Ведь телефонистка при междугороднем звонке всегда называет место, откуда звонят, верно же? Если бы Буарак звонил в свой офис из Кале, диспетчер так и сказала бы перед соединением: «Вас вызывает Кале». Но тогда каким же образом удалось Буараку ввести в заблуждение дворецкого и управляющего своей фирмы?

Да, возникла новая проблема. Но Ла Туш на время отвлекся от нее и стал обдумывать способы проверки своей версии.

Он снова побывает в Шарантоне, объяснит официанту особую важность даты, когда Буарак обедал в их кафе, и, быть может, на сей раз тот сможет припомнить какие-то детали, которые прояснят вопрос. Затем в беседах с Франсуа и Дюфрейном нужно узнать, не произносила ли телефонистка фразы типа «Вас вызывает Кале». Все это нужно проделать весьма тонко, отметил Ла Туш, чтобы не насторожить Буарака, если один из этих двоих захочет упомянуть о разговоре с сыщиком. Пусть не в Париже, но на телефонной станции в Кале он точно сможет установить, какие звонки делались из одного города в другой в строго определенный день и час. Вероятно, кто-нибудь опознает Буарака по фото-

Смертельный
груз

графии и заявит, что именно он и был звонившим. И в заключение Ла Туш проведет проверку в Остенде по поводу звонка в Брюссель.

Подобное расследование даст достаточно данных либо для подтверждения, либо для опровержения версии.

На следующее утро Ла Туш был в Шарантоне для беседы с официантом.

— Определение точной даты, когда этот господин побывал у вас, приобрело особое значение, — сказал он. — И я готов заплатить двадцать франков, если вы сможете внести полную ясность.

Официанту явно хотелось отработать обещанное вознаграждение. Он надолго задумался, но в итоге снова признался, что не помнит ничего, позволяющего уточнить дату.

— Вы хотя бы запомнили, что он заказывал на обед? Быть может, это освежит вашу память? — не отставал от него упрямый сыщик.

После очередной минутной глубокой задумчивости официант покачал головой.

— Или какую-то мелкую подробность. Смену скатерти, упавшую на пол салфетку — хоть что-нибудь подобное?

Сначала официант в очередной раз отрицательно помотал головой, но затем на его лице вдруг засияла радостная улыбка.

— А ведь вы правы, мсье, — поспешно заговорил он. — Теперь я вспомнил. Ваша подсказка облегчила воспоминание. Когда тот господин был здесь, у нас одновременно обедал мсье Паско. Он обратил внимание на незнакомца и потихоньку спросил меня, не знаю ли я, кто это. Мсье Паско вам поможет.

— Кто такой этот мсье Паско?

— Аптекарь, мсье. Его заведение расположено на этой же улице несколькими домами ниже. Он иногда обедает у нас, когда его супруга отправляется по магазинам в Париж. Если пожелаете, мсье, я отправлюсь к нему вместе с вами, и мы вдвоем наведем справки.

— Буду весьма признателен.

Им пришлось пройти всего несколько десятков ярдов, чтобы оказаться в местной аптеке. Мсье Паско ока-

зался сильно облысевшим, крупного телосложения мужчиной с величавой манерой держать себя.

— Добрый день, мсье Паско, — с уважением приветствовал его официант. — Я привел с собой своего близкого друга. Он — частный детектив и занимается сейчас важным расследованием. Помните того господина с черной бородой, который обедал у нас в кафе, когда вы не так давно почтили нас своим посещением? Он занимал маленький столик в алькове, а потом стал звонить по телефону. Помните? Вы еще спросили у меня, кто он такой.

— Положим, помню, — пробасил аптекарь в ответ. — И что с того?

— Моему другу необходимо уточнить, в какой день недели это произошло, и я подумал, быть может, вы сумеете назвать ему дату.

— А с какой стати я должен был ее запомнить?

— Видите ли, мсье Паско, если в тот день вы обедали у нас, значит, мадам Паско отлучилась в Париж. Вы сами рассказывали об этом. Такое событие могло остаться у вас в памяти.

Самовлюбленный аптекарь казался заметно раздраженным тем фактом, что какой-то официант позволил себе обсуждать подробности его семейной жизни при постороннем. И Ла Туш поспешил смягчить натянутую обстановку.

— Если вы, мсье Паско, сможете мне помочь, я буду вам более чем признателен. Наверное, мне следует рассказать, что я действую в интересах невинного человека, арестованного по подозрению в совершении тяжкого преступления. — Он нарисовал перед аптекарем живописный портрет жертвы, в его описании Феликс выглядел опутанным сетями зла, а также сделал деликатный намек на возможность получить крупное денежное вознаграждение.

Мсье Паско заметно оттаял.

— Разрешите мне только проконсультироваться с мадам, — сказал он, сдержанно поклонился и ушел внутрь дома. Вернулся он очень скоро.

— Теперь я и сам вспомнил дату, мсье. Мадам тогда отправилась в Париж для деловой встречи со своим ад-

вокатом, о чем даже была сделана запись. Речь идет о по-недельнике двадцать четвертого марта.

— Нет слов, чтобы выразить вам, мсье, всю мою благодарность, — душевным тоном произнес Ла Туш и жестом фокусника, практически незаметным со стороны, передал аптекарю купюру достоинством в двадцать франков. Сыщик ликовал. Ему удалось пробить брешь в несокрушимом алиби.

Оставив аптекаря и официанта тоже весьма довольными результатами встречи с ним, Ла Туш устремился к пристани, где взшел на борт речного трамвайчика, доставившего его к мосту де л'Альма. Пройдя вдоль авеню, он позвонил в дверь дома Буарака и уже минуту спустя уединился с Франсуа в малой гостиной.

Какое-то время они вели беседу на самые общие темы, после чего Ла Туш как бы невзначай сказал:

— Кстати, о том телефонном звонке, который мы недавно обсуждали с вами, Франсуа. У меня не отложились в памяти ваши слова о том, откуда именно звонил вам мсье Буарак. Почему-то вспомнился сначала Кале, но потом я подумал, что вы упомянули о Шарантоне. Видите ли, мне нужно написать отчет о своей работе, в котором факты следует излагать с предельной точностью.

Дворецкий выглядел озадаченным, но и заинтригованным.

— Странно, мсье, что вы задаете подобный вопрос, поскольку я, кажется, вообще не упоминал об этом. Но, знаете, мне тоже сначала померещилось слово Кале. Телефонистка вроде бы сказала: «Ответьте на вызов из Кале». Меня это удивило, поскольку я не знал о намерении хозяина уехать из Парижа. Но я ослышался, потому что, когда мы начали разговор с мсье Буарак, на мой прямой вопрос: «Вы звоните из Кале?» — он ответил: «Нет, я говорю с тобой из Шарантона». Теперь я уверен в своей ошибке. Старческая глухота, а потому по телефону не всегда все слышу правильно. Вот и принял Шарантон за Кале. По мне, так и разницы никакой. Любопытно только, что вы совершили такую же ошибку.

— Да, интересное совпадение, — согласился Ла Туш. — Почти как те истории о передаче мыслей на рассто-

янии, о которых сейчас часто пишут в газетах. Тем не менее я вам признателен за подтверждение о Шарантоне, — и он сменил тему разговора.

Следующий визит он нанес на телефонную станцию. Там поначалу не хотели давать ему нужную информацию, но после встречи с начальником отдела, которому сыщик показал свое удостоверение и конфиденциально посвятил в суть расследования, ему удалось получить нужные данные. В Кале отправили запрос телеграфом, и после затянувшейся паузы он узнал: в 14.32 и в 14.44 в указанный вторник были сделаны звонки в Париж. Заказали их из общедоступного почтового отделения, а номера сообщили следующие: «Пасси-386» и «Нор-745». Когда Ла Туш убедился, сверившись еще раз со справочником, что это были номера телефонов дома мсье Буарака и конторы фирмы «Эврот» соответственно, он с трудом удержался, чтобы не рассмеяться во весь голос.

Странно, подумал он, почему Лефарж пренебрег столь элементарной проверкой мнимых звонков из Шарантона? Но потом понял: надлежащим образом регистрировались только междугородние звонки, а Шарантон официально являлся частью Парижа.

Полученной информации в поддержку его версии оказалось более чем достаточно. Ла Туш мог еще навести справки в Остенде, но посчитал, что в этом уже нет особой необходимости.

Глава 28

КЛУБОК РАСПУТЫВАЕТСЯ

Когда Ла Туш решил загадку фальшивого алиби Буарака, он вновь посчитал свою работу законченной. Но как это часто случалось прежде, размышления привели его к заключению, что все обстоит не столь уж хорошо. Да, он полностью установил виновность Буарака для себя. А вот сумеет ли убедить суд, предъявив свои улики? В деле все еще оставалось слишком много неясностей.

Смертельный
груз

И одну из них он сможет устранить, только разыскав кучера, доставившего бочку на рю Кардине. А посему решил вновь сосредоточиться на этой задаче.

С тех пор как он разослал свое письмо владельцам и управляющим всех транспортных фирм города, ему довелось лично встретиться и побеседовать с двадцатью семью гладко выбритыми, седовласыми и остролицыми кучерами. Но совершенно безрезультатно. Нужного ему человека среди них не оказалось. А поскольку уже были получены ответы на все письма, он с неохотой вынужден был признать — его план потерпел неудачу.

Но в тот вечер, когда Маллет пришел со своим регулярным отчетом о слежке за перемещениями Буарака и двое сыщиков детально их обсудили, случайное замечание помощника навело Ла Туша на идею, которая прежде не приходила ему в голову.

— А почему вы считаете, что кучер непременно служил в специализированной транспортной фирме? — спросил Маллет. Ла Туш приготовился раздраженно ответить: «Потому что именно в транспортных фирмах люди обычно нанимают повозки», но осекся, как только до него дошел смысл вопроса подчиненного.

В самом деле, почему? Из многих тысяч транспортных средств, курсировавших по Парижу, лишь небольшая часть принадлежала крупным специализированным компаниям. Значительно большее их число находилось в собственности самых разных фирм, заводов, фабрик и прочих организаций. И не потому ли попытка найти возницу по объявлению закончилась ничем? Если кучера подкупили, чтобы он использовал повозку своего хозяина в личных корыстных целях, тот едва ли был заинтересован в огласке. Ла Тушу теперь казалось, что именно подобного хода и следовало ожидать от человека со складом ума, каким обладал Буарак.

Но если дело обстояло именно так и кучер поневоле вынужден был хранить секрет, то как же его найти и заставить сказать правду?

Размышляя над этой задачей, Ла Туш успел выкурить две сигары, после чего пришел к выводу, что использованный ранее метод в определенном смысле пока-

зал свою эффективность. Его лишь следовало применить в более широком масштабе.

Такие же письма необходимо разослать хозяевам всех фирм и предприятий Парижа. Тогда он точно обнаружит необходимого ему человека. Вот только объем работы казался едва ли осуществимым.

Однако тем же вечером сыщик обсудил проблему с двумя грузчиками товарной станции, которые обладали острым умом и проявляли неподдельный интерес к расследованию. Он заставил их вновь подробно описать телегу, доставившую бочку, а потом, воспользовавшись подробным справочником, пометил фирмы, которым с наибольшей вероятностью могло принадлежать такое транспортное средство. Когда Ла Туш закончил, в списке все равно оставалось порядка тысячи названий, но теперь их количество не выглядело столь безграничным.

Поначалу сыщик долго раздумывал над возможностью решить вопрос путем публикации рекламного обращения в прессе. В результате он счел за благо отказаться от подобной идеи. Объявление мог заметить Буарак и принять свои меры, чтобы истина так и не стала известна никому. А потому Ла Туш снова обратился в ту же компанию, торговавшую канцелярскими товарами, чтобы дать им еще одно необычное задание: не только разослать его циркулярные письма каждому из тысяч работодателей в определенных отраслях бизнеса, но и обрабатывать ответы, сообщая ему краткие итоги. И хотя он не питал особого оптимизма по поводу успеха своего очередного начинания, но все же надеялся добиться поставленной цели.

Впрочем, у самого Ла Туша и двух его друзей с товарной станции следующие три вечера оказались предельно насыщенными работой. Седовласые кучера повалили в отель «Арль» буквально толпой, по несколько десятков кандидатов сразу. Управляющий гостиницы даже начал поговаривать о выселении беспокойного постояльца и о возмещении стоимости вконец испорченных ковровых дорожек. Но все встречи оказались напрасными. Нужного человека они так и не дождались.

Только в самом конце третьего дня Ла Тушу переслали из канцелярской компании ответ на его письмо, который мгновенно вызвал самое пристальное внимание.

«Получив ваше письменное обращение от 18 числа сего месяца, — писал менеджер фирмы «Коро и сыновья» с рю де Риволи, — спешу уведомить вас, что в штате наших сотрудников имеется человек, внешность которого до конца марта нынешнего года полностью соответствовала вашему описанию. Его зовут Жан Дюбуа. Проживает: район Ле-Аль, рю Фалез, дом 18Б. Однако с того времени он перестал бриться, отпустил густую бороду и усы. Мы настоятельно просили его связаться с вами».

Могло ли оказаться простым совпадением, что прежде гладко брившийся кучер начал отращивать бороду сразу же после доставки бочки? — размышлял Ла Туш. Когда же прошло еще два дня, а упомянутый в письме человек так в отеле и не появился, сыщик решил навестить его сам.

Следующим вечером он оставил Маллета и одного из грузчиков разбираться с посетителями в гостинице, а сам в компании второго рабочего отправился на поиски Дюбуа. Рю Фалез оказалась узким и грязным проулком между высокими и мрачными домами с облезлыми фасадами. Одним словом — трущобы. Добравшись до номера 18Б, Ла Туш поднялся наверх и постучал в ветхую дверь, выходящую на темную каменную лестничную клетку. Открыла ему неряшливо одетая женщина, которая встала на пороге в черном дверном проеме и ждала, чтобы он заговорит первым. Ла Туш обратился к ней в своей обычной обходительной манере:

— Добрый вечер, мадам. Не здесь ли проживает мсье Жан Дюбуа, работник компании «Коро и сыновья»?

Женщина кивнула в ответ, но войти не пригласила.

— У меня есть для него кое-какая работенка. Нельзя ли повидаться с ним?

— Его шас тут нету, мсье.

— Какая неудача для меня, хотя и для него тоже. Не подскажете, где я смог бы его найти?

Женщина пожала плечами.

— Мне-то окудова знать, мсье, — она говорила невыразительно и монотонно, словно постоянная борьба за существование лишила ее интереса к жизни.

Ла Туш достал бумажку в пять франков и сунул ее в руку женщины.

— Разыщите его для меня, — сказал он. — Мне нужно кое-что сделать, и ему это по силам. Никаких проблем с законом, а я ему хорошо заплачу.

Женщина колебалась. Потом после паузы спросила:

— Ежели я расскажу, где его найти, вы меня не выдадите?

— Ни в коем случае, даю слово. Я найду его как бы случайно.

— Тогда идите сюда, мсье.

Она заставила его спуститься и снова выйти на затрапезную улочку.

— Это вона где, мсье, — указала женщина. — Видите кафе с разноцветным стеклом в окне? Он как раз шас тама, — и не дожидаясь его реакции, скользнула назад во мрак подъезда своего дома.

Двое мужчин вошли в кафе и оказались в просторном зале, сплошь уставленном небольшими столиками, с баром в одном углу и танцплощадкой в дальнем конце. Вольготно усевшись неподалеку от входа, они заказали выпить.

Среди клиентов в кафе были пятнадцать-двадцать мужчин и несколько женщин. Кто-то читал газеты, некоторые играли в домино, но большинство собрались группами и беседовали. Ла Туш острым взглядом пробежал по посетителям, и ему на глаза почти сразу попался нужный им мужчина.

— Это он, Шарко? — спросил он у своего спутника, указывая на низкорослого, болезненного с виду и уже немолодого человека с неопрятной седой бородой и усами.

Грузчик украдкой посмотрел в ту сторону. Потом, оживившись, энергично кивнул.

— Да, мсье. Это наш парень. Борода его малость изменила, но я почти на все сто уверен — он самый.

Интересовавший их субъект пристроился к компании, в которой крепкого сложения громогласный мужчина с большим носом толкал речь; что-то о преимуществах социализма. Ла Туш подошел и тронул седовласого за руку.

— Мсье Дюбуа?

Кучер вздрогнул, и в его глазах отчетливо промелькнул испуг. Но он сумел ответить с чувством собственного достоинства:

— Да, мсье. Но, как мне кажется, мы с вами не знакомы.

— Моя фамилия Ла Туш. И вы мне нужны на пару слов. Не хотите выпить со мной и моим приятелем?

Он указал на Шарко, своего компаньона-грузчика с товарной станции, и провел Дюбуа к их столику. Страх больше не был замечен на лице кучера, но он все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Молча они расселись по стульям.

— Что будете пить, Дюбуа?

Когда их новому седобородому другу принесли заказ, Ла Туш склонился совсем близко к нему и заговорил, понизив голос:

— Как я полагаю, Дюбуа, вы уже догадались, что мне от вас нужно. Но вначале хочу дать обещание: вам нечего бояться, если будете со мной честны. Более того, я заплачу сотню франков, если получу от вас исчерпывающие ответы на свои вопросы. А нет — то, учитывая мои тесные связи с полицией, вам придется тоже близко познакомиться с ней.

Дюбуа поежился и неуверенно пробормотал:

— Не пойму, о чем это вы толкуете, мсье.

— Чтобы вы все поняли, я во избежание недоразумений поясню: мне нужно узнать, кто нанял вас, чтобы доставить бочку на товарную станцию в конце рю Кардине.

Ла Туш пристально следил за собеседником и не мог не заметить, как тот всем телом вздрогнул, побледнел, а в глазах снова появился страх. Было ясно, что он понял, в чем суть вопроса. Невольное движение выдало его с головой.

— Клянусь, мсье, мне невдомек, что вы имеете в виду. О какой бочке ведете речь?

Ла Туш склонился еще ближе.

— Скажите мне, вы знаете, что лежало в той бочке? Нет? Так вот, я вас просвещу. В ней находилось тело женщины, причем убитой. Вы ни о чем не догадались,

читая газеты? Неужели не поняли, что именно о той бочке, которую вы привезли на станцию, так много писала в последнее время пресса? А теперь решайте. Вам грозит арест за соучастие в убийстве и сокрытие преступления. Этого вы хотите добиться?

Мужчина побледнел. Капли пота проступили на его лбу. Он пытался убедить Ла Туша в своем полнейшем неведении об этом деле. Сыщику пришлось оборвать его:

— Да бросьте вы свои сказки, Дюбуа! Ваше соучастие — установленный факт, а если о нем еще не стало известно, то вы все равно скоро перетрусите и сдадитесь властям сами. У вас кишка тонка, чтобы справиться с такой проблемой. Так доверьтесь мне. Рассказывайте все начистоту и не только получите сто франков, но и гарантию, что избавлю вас от неприятностей с вашим работодателем. А если откажетесь, я отправлюсь отсюда напрямик в Сюрте. Поэтому не тяните резину. Решайте скорее, как собираетесь поступить.

Мужчина, охваченный паническим ужасом, молчал.

Ла Туш достал из кармашка свои часы.

— Даю вам ровно пять минут, — сказал он, откинувшись на спинку стула и раскурил сигару.

Отведенное время еще не истекло, когда Дюбуа заговорил.

— Если я все расскажу, меня не арестуют? — переспросил он.

Теперь на него было жалко смотреть.

— Разумеется, нет. Я нисколько не стремлюсь причинить вам неприятности. Дайте нужную информацию и идите на все четыре стороны с сотней франков в кармане. Но только попробуйте обмануть меня, и уже завтра вас начнут обрабатывать следователи из Сюрте, чтобы усадить за решетку.

Блеф сработал как нельзя лучше.

— Я все расскажу вам, мсье. Всю правду. Как было на самом деле.

— Отлично, — сказал Ла Туш. — В таком случае нам лучше перебраться в более удобное и уединенное место. Мы отправимся ко мне в отель, а вы, Шарко, — обратился он к грузчику, — возвращайтесь на рю де Лион, чтобы сообщить Маллету и своему другу: нужный

человек обнаружен. Кстати, вот заработанные вами деньги и даже чуть больше обещанного.

Шарко поклонился и поспешно ушел, а Ла Туш вывел кучера на оживленную улицу и поймал такси, доставившее их на рю де Лафайет.

— Итак, пора начинать, Дюбуа, — сказал детектив, когда они оба сели в кресла в его номере.

— Я выложу всю правду, как на исповеди, мсье, — сказал кучер, и по его взволнованному, но серьезному тону Ла Туш понял, что сейчас ему уже можно верить. — Причем не стану отрицать, что поступил дурно, пусть мне грозит наказание. Просто искушение оказалось слишком велико. Я тогда подумал: вот легкий способ срубить денег, никому не причинив зла. Потому что это факт, мсье. Ведь я сам никому не навредил.

Он откашлялся.

— Случилось все в понедельник, мсье. Двадцать девятого марта я оказался в Шарантоне, доставив туда груз фирмы мсье Коро. Там зашел в кафе, чтобы пропустить бокальчик пивка. И вот пока я пил, ко мне подошел мужчина и спросил, не моя ли повозка стоит на улице. Я отвечал, что принадлежит она мсье Коро, а мое дело управлять ею. «Мне как раз нужна телега для небольшого дельца, — сказал он, — а тащиться в Париж, чтобы обратиться в транспортную контору, это такая морока! Если вы меня выручите и избавите от лишних хлопот, я вам хорошо заплачу». «Никак не могу, мсье, — отвечал я. — Если хозяин узнает, то вышвырнет меня с работы». «А как он узнает? — спросил мужчина. — Я ему ничего не расскажу, и вы тоже, верно?» Мы с ним еще потолковали. Я сначала долго отказывался, но потом он все же уломал меня. Признаюсь, что не должен был использовать повозку в своих интересах, но уж очень он меня соблазнял. Сказал, что на все это уйдет примерно час, а я получу десять франков. Вот я и согласился.

— Как выглядел тот мужчина?

— Среднего роста с черной бородкой клинышком, очень дорого одетый.

— И какую работу он вам поручил?

— В следующий четверг в половине пятого вечера я должен был приехать по указанному им адресу, погрузить

бочку, а потом ждать на углу рю де Лафайет неподалеку от Северного вокзала. Сказал, что там найдет меня и скажет, куда отвезти бочку.

— Так все и случилось?

— Да. Я приехал первым, подождал минут десять, и он появился. Снял с бочки прежнюю бирку и прибил новую, которую принес с собой. Затем велел доставить бочку на товарную станцию в конце рю Кардине и отправить в Лондон. Вручил деньги, чтобы оплатить фрахт, и мои десять франков. Пригрозил, что, если бочка не окажется в Лондоне, тогда он сообщит мсье Коро о моих проделках.

История оказалась совсем не той, какую ожидал услышать Ла Туш и она вызывала у него все большее удивление.

— Какой адрес он вам дал? Откуда вы должны были забрать бочку?

— В точности не запомнил. Но это был большой угловой дом на авеню де л'Альма.

— Что?! — взревел Ла Туш, в волнении вскакивая с места. — Вы говорите, на авеню де л'Альма?

А потом громко расхохотался.

Вот, значит, как! Бочка, прибывшая на пристань Святой Екатерины, то есть бочка с трупом, была доставлена на станцию вовсе не с Северного вокзала, а напрямиком из дома Буарака! Насколько же глупо было с его стороны даже не подумать о такой возможности! Все стало понятно. Буарак убил свою жену в собственном доме. А потом там же уложил тело в бочку, отправив ее на имя Феликса. После стольких трудов и мучений Ла Туш получил необходимые доказательства, полностью оправдывавшие Феликса, и показания, которые приведут на виселицу Буарака!

Открытие такого факта привело его в состояние величайшего возбуждения. На мгновение все в этом деле выглядело яснее ясного, но затем, как и прежде, наступило отрезвление. Ла Туш поразмыслил и понял, сколь многое пока оставалось необъяснимым. Но как только он закончит с Дюбуа, у него будет время разобратся в ситуации во всех деталях.

Ла Туш постарался получить от Дюбуа как можно более подробные показания, но новой информации они почти не дали. Стало лишь ясно, что кучер понятия не имел, кем был на самом деле его искуситель. Единственной фамилией, которую запомнил возница, была фамилия Дюпьер, потому что Буарак велел ему сказать, что повозку прислали за бочкой, принадлежавшей фирме Дюпьера. На вопрос, читал ли Дюбуа объявление с обещанием награды как раз за те сведения, какие он только что сообщил, седовласый кучер признался, что читал, но побоялся откликнуться на него. Сначала его пугала вероятность лишиться работы, если хозяин узнает эту историю, а затем настораживал слишком большой размер вознаграждения. Возница был не так уж прост и сообразил, что, сам того не понимая, стал соучастником какого-то преступления. Он подозревал ограбление, пока не прочитал в газетах, что на самом деле обнаружили в бочке. И зная теперь за собой вину в пособничестве в сокрытии трупа, жил последние недели как в кошмарном сне. Он каждый день ожидал прихода полиции, которой стала известна роль кучера в этом деле. Не добившись от Дюбуа ничего более значимого, Ла Туш, не скрывая презрения к этому человеку, отпустил его, не забыв вручить обещанные сто франков.

У сыщика появилась возможность в одиночестве все обдумать и постараться найти недостающие ответы на многочисленные вопросы. Ла Туш начал размышлять о перемещениях бочки. Каким образом она попала в дом Буарака? Совершенно ясно, что ее прислали из фирмы Дюпьера. Это была та самая бочка, в которой Буараку доставили заказанную им скульптурную группу. Бочка покинула салон Дюпьера в воскресенье, когда состоялся званый ужин, в тот же день оказавшись в кабинете Буарака.

И находилась там до следующего четверга. За это время скульптуру достали, а внутрь поместили труп. Бочка затем совершила путешествие в Лондон, была перевезена Феликсом в «Сен-Мало», чтобы в итоге попасть в руки офицеров Скотленд-Ярда.

Все так. Но как быть тогда с той бочкой, которую встретили на вокзале Ватерлоо, чтобы отправить обратно на Северный вокзал?

Как виделось Ла Тушу, это могла быть только другая бочка, а значит, в деле две, а не одна, как считалось прежде. Он попытался отследить перемещения второй бочки. Она покинула двор демонстрационного зала Дюпьера вечером во вторник, достигнув Ватерлоо на следующее утро, а еще днем позже — в четверг — была отправлена назад в Париж, прибыв на Северный вокзал в 16.45. Сыщик всегда исходил из предпосылки, что именно эта бочка поступила оттуда на товарную станцию близ рю Кардине. Теперь выяснялась ошибочность подобного вывода. Тогда куда же делась вторая бочка?

Подобно вспышке молнии Ла Туша озарила мысль — с Северного вокзала ее перевезли к Дюпьеру. Он перепроверил хронологию дела. Все верно. Дюпьер получил свою бочку в тот четверг вечером, но только в фирме решили, что доставили ее из дома Буарака. После этого смутные очертания всего дьявольски задуманного и осуществленного плана начали вырисовываться перед Ла Тушем, и сыщик принялся воссоздавать картину происшедших событий.

Буарак, как теперь нетрудно было догадаться, подозревал о намерении жены сбежать от него к Феликсу. Буквально лишившись рассудка от ненависти и ревности, он убивает ее. Затем, поостыв и успокоившись, осознает, что теперь у него на руках труп. Как ему поступить с ним? Он вспоминает о бочке, стоящей в кабинете, и понимает: лучшего способа незаметно вывезти тело из дома вообразить невозможно. Он извлекает скульптуру, а вместо нее помещает в бочку труп. Потом встает вопрос, куда бочку отправить. И коварная мысль приходит ему в голову. Он сумеет еще и отомстить Феликсу, заставить горевать, послав бочку ему. Затем возникла более поразительная идея. Если устроить так, чтобы полиция обнаружила труп у Феликса дома, то не логично ли предположить, что того заподозрят, арестуют и даже казнят? Воистину отвратительный план отмщения за всего лишь моральные страдания! Буарак печатает письмо от Ле Готье. Замысел состоит в том, чтобы заставить художника вести себя в высшей степени странным и подозрительным образом. Он непременно попадет на

заметку полицейским. Скотленд-Ярд начнет действовать и обнаружит труп.

Ла Туш ощущал полную правдоподобность своих догадок, но его все еще тревожил вопрос относительно второй бочки. Однако постепенно и он стал обретать для него ясность.

Буарак получил от Дюпьера бочку со скульптурой. Но поскольку эта бочка отправилась к Феликсу, то возникла надобность во второй, чтобы вернуть в художественный салон. Причем бочку следовало вернуть пустой и без особых задержек, иначе подозрение падает уже на Буарака. Как ему добыть ее?

Ла Туш понял, что вся сложная махинация со второй бочкой была затеяна с единственной целью — решить для Буарака эту проблему. Буарак заказал скульптуру, подделав почерк Феликса. Ла Туш вспомнил, что заказ оформили на того же сорта бумаге, что и письмо Ле Готье, а это доказывало один и тот же источник составления документов. Буарак сам встретил вторую бочку в Лондоне, укрыл в заброшенном сарае, где извлек и уничтожил скульптуру, а тару затем вновь отправил в Париж. Несомненно, что на Северный вокзал он подменил бирку, чтобы к Дюпьеру бочка прибыла словно бы из его собственного дома. Еще одну такую же подмену он совершил, когда отправил бочку не железной дорогой до Ватерлоо, а морем через Руан. Это объясняло показания Дюбуа, что Буарак заменил бирку, встретив телегу на углу рю де Лафайет, и фальсификацию адреса, обнаруженную клерком пароходства Броутоном.

Чем дольше Ла Туш размышлял над своей версией, тем более был уверен, что ему удалось установить истину. Но и сейчас ему приходилось признавать, что в деле оставались неясные моменты. Когда и где было совершено убийство? Удалось ли мадам сбежать вместе с Феликсом? И если да, то как муж сумел вернуть ее? Живой или уже мертвой?

Как отпечаток письма о заказе статуи оказался среди кипы промокательной бумаги на столе у Феликса? Если мадам убили в Париже, то каким образом булавка с бриллиантами попала в «Сен-Мало»?

Но несмотря на эти и некоторые другие затруднения, Ла Туш мог быть доволен достигнутым прогрессом, решив, что теперь самого краткого расследования окажется достаточно, чтобы окончательно подтвердить справедливость его выводов и снять последние остававшиеся вопросы.

Глава 29

ДРАМАТИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА

Через три дня после обнаружения кучера Дюбуа, его показаний и разгадки тайн, окутывавших преступление, Ла Туш получил письмо, весьма заинтриговавшее его. Оно пришло на адрес отеля.

*Авеню де л'Альма,
рю Сен-Жан, дом 1*

26 мая 1912 г.

Уважаемый мсье!

В связи с вашими визитами в этот дом и расследованием смерти моей покойной хозяйки спешу уведомить, что по чистой случайности обнаружил сведения, которые, уверен, представят для вас немалую ценность. Они объясняют природу звука закрывшейся двери, который, если помните, я услышал около часа ночи после званого ужина. Полагаю, моя информация поможет полностью снять подозрения с вашего клиента, хотя, боюсь, она прямо не указывает на другого человека как на возможного убийцу. Поскольку мсье Буарак сегодня ужинает в городе, а вся остальная прислуга отправилась на праздник в честь свадьбы одной из горничных, дом остается без присмотра, и я не имею возможности лично явиться к вам, но надеюсь, вы изыщите любое удобное время вечером, чтобы заглянуть сюда и выслушать то, о чем мне удалось узнать.

С глубочайшим почтением,

Ваш Анри Франсуа.

Смертельный
груз

«Это просто поразительно! — подумал Ла Туш. — Стоит добыть почти всю необходимую информацию для раскрытия дела, как неизбежно появляется новая. И вот наглядный пример. Пока я целую вечность бился над загадкой и у меня ничего не сходилось, Франсуа не делал никаких полезных открытий. А теперь, когда все сделано и уже ничто не может представлять особой важности, он неожиданно предлагает свою помощь».

Он посмотрел на часы. Время близилось к пяти часам вечера. Едва ли мсье Буарак отправлялся из дома ужинать раньше восьми. Если прибыть вскоре после этого, вероятно, удастся застать Франсуа одного и выслушать его новости.

Интересно, думал он, что такого примечательного мог обнаружить дворецкий? Если его открытие действительно касалось загадочного звука закрывшейся двери, как он обещал, оно способно было внести дополнительную ясность в последовательность событий той трагической ночи.

Но внезапно сыщика молнией пронзила неожиданная мысль. А подлинное ли это письмо? Он никогда прежде не видел образца почерка дворецкого и потому не мог судить на основании одного письма. Насколько правдоподобным выглядело содержание? Не очередной ли это трюк с фальсификацией, в которых так поднаторел Буарак? Неужели бизнесмен пронюхал, что он, Ла Туш, разоблачил его, и подстроил ловушку? Письмо же преследовало цель попытаться заманить сыщика в дом, где и он сам и все собранные им доказательства окажутся в полной власти хозяина.

Картина представлялась зловещей, и Ла Туш несколько минут обдумывал вероятность такого исхода. Он склонялся к тому, чтобы отвергнуть подобную идею, ведь любое покушение на его жизнь или свободу стало бы слишком рискованным предприятием для самого Буарака. Если убийца действительно догадался о нависшей над ним угрозе, он скорее собрал бы все свои сбережения и поспешил исчезнуть, пока еще не поздно. Но в то же время Ла Туш осознавал, насколько глупо пренебрегать элементарными мерами предосторожности и личной безопасности.

Он взялся за телефон и позвонил в дом на авеню де л'Альма.

— Попросите, пожалуйста, к аппарату Франсуа, — сказал он, когда его соединили.

— Не могу, мсье, — последовал ответ. — Он на время ушел. Обещал вернуться к половине восьмого.

— Спасибо. А с кем я разговариваю?

— Меня зовут Жюль, мсье. Я — лакей. И дом оставлен под мою ответственность до возвращения Франсуа.

Не совсем обычная ситуация, но вроде бы нормальная и не вызывавшая подозрений. Ла Туш был почти спокоен, хотя в голову упрямо лезли сомнения. А потому он решил, что ему лучше иметь сопровождающего. И сыщик сделал еще один телефонный звонок.

— Это ты, Маллет? Кто из вас сейчас не на дежурстве? Ты сам? Тогда я нуждаюсь в твоей компании сегодня вечером для небольшой прогулки. Можешь приехать ко мне к семи часам? Мы поужинаем и отправимся на экскурсию.

Когда Маллет прибыл, Ла Туш показал ему письмо. Мнение подчиненного полностью совпало с точкой зрения босса.

— Не думаю, что это засада, — сказал он, — но с Буараксом никакие предосторожности не будут излишними. На вашем месте я бы захватил с собой «коккериль» или каким оружием вы пользуетесь.

— Я так и сделаю, — кивнул Ла Туш и сунул автоматический пистолет в карман.

До дома на авеню де л'Альма они добрались в четверть девятого, и Ла Туш позвонил. К их немалому удивлению и разочарованию, дверь открыл Буарак собственной персоной. Казалось, что он как раз намеревался уходить, потому что на нем были шляпа и распахнутый плащ с пелериной, под которым виднелся пиджак вечернего костюма. Правую руку он обмотал окровавленным носовым платком и выглядел раздраженным. Казалось, что этот человек в любой момент может потерять контроль над собой. Он вопрошающе уставился на детективов.

— Не могли бы мы побеседовать с Франсуа, мсье? — вежливо осведомился Ла Туш.

— Разумеется, если готовы подождать несколько минут, — ответил Буарак. — Я собрался отправиться ужинать, но очень некстати порезал руку. Пришлось послать Франсуа за врачом, который остановит кровотечение. Он уже скоро вернется. Если желаете подождать, пройдите в его комнату — четвертая дверь справа.

Ла Туш секунду колебался. Вдруг это все-таки оказалось западней? Обнаружить Буарака дома и притом одного... Несомненно, это несколько подозрительные обстоятельства, хотя порез выглядел вполне реальным. Ла Туш заметил, как красное пятно все больше растекается по платку.

— Так что же, мсье? Я не могу держать дверь открытой вечно. Будьте любезны либо войдите, либо, если для вас предпочтительнее, возвращайтесь позже.

Ла Туш принял решение. Они оба были вооружены и готовы ко всему. Когда он входил в холл, его левая рука лежала в кармане, держась за рукоятку многозарядного пистолета, исподволь направленного на бизнесмена.

Хозяин дома закрыл за ними дверь и повел в сторону комнаты Франсуа. Внутри царил тьма, но Буарак вошел первым и включил свет.

— Заходите и садитесь, господа, — сказал он. — Мне бы хотелось поговорить с вами до возвращения Франсуа.

Ла Тушу все меньше нравился оборот, который принимали события. Поведение Буарака вызывало у него все большие подозрения. Но затем он снова напомнил себе: их двое — он один; они вооружены и держатся настороже. А потому опасаться им было нечего. Кроме того, ловушка не выглядела очевидной. Буарак первым вошел в темную комнату.

Между тем хозяин сдвинул поближе друг к другу три кресла.

— Будьте добры, присаживайтесь, господа. Я расскажу вам то, что вы хотите узнать.

Сыщики подчинились. Ла Туш продолжал держать подозреваемого на мушке.

— Джентльмены! — начал разговор Буарак. — Должен сразу извиниться за тот небольшой обман, к которому мне пришлось прибегнуть. Но, уверен, когда

объясню вам, в какой чрезвычайно сложной ситуации я оказался, вы если не простите меня, то хотя бы поймете мои мотивы. Прежде всего мне известно, кто вы такие и для чего прибыли в Париж.

Он сделал небольшую паузу. Но не услышав ни слова в ответ от собеседников, продолжил:

— Я прочитал ваше объявление, мсье Ла Туш, относительно мадемуазель Ламбер и сильно призадумался. А когда я заметил, как мсье Маллет и его коллега следят за мной, это дало мне еще больший повод для размышлений. В результате я сам нанял частного сыщика, который выяснил для меня ваши личности и цель пребывания здесь. Узнав, что вам удалось разыскать мадемуазель Ламбер, я понял: скоро вы найдете пишущую машинку. И оказался прав. Мой детектив доложил о том, как вы приобрели подержанный «Ремингтон» седьмой модели. Затем я попросил проследить за тем извозчиком Дюбуа и выяснил, что его вы тоже нашли. Не могу удержаться, чтобы не сделать вам комплимент, мсье Ла Туш. Вы очень умно подошли к решению этих проблем.

Он снова прервался, глядя на гостей нерешительно.

— Мы вас внимательно слушаем, мсье Буарак, — сказал Ла Туш, чтобы прервать молчание.

— Поэтому я и начал с извинений за свой трюк с письмом от Франсуа. Его написал я сам, опасаясь, что если оно придет от моего имени, вы можете заподозрить подвох и не явиться.

— Вполне естественно, подобного рода подозрения приходили нам в голову, — заметил Ла Туш. — И должны предупредить вас, мсье Буарак, что мы оба вооружены, — Ла Туш достал пистолет из кармана и положил на стол у себя под рукой. — Если вы дадите нам хотя бы малейший повод, будем стрелять, не дожидаясь дальнейших разъяснений.

Бизнесмен грустно улыбнулся:

— Я несколько не удивлен вашей подозрительностью. Разумная мера предосторожности, хотя абсолютно лишена оснований, а потому вы никоим образом не могли обидеть меня. Поскольку к любому делу я подхожу скрупулезно и тщательно, должен сделать еще одно признание. Порез на моей руке — тоже

обычный трюк. Я просто выдавил в носовой платок тюбик жидкой красной краски. Это понадобилось, чтобы объяснить мое появление в холле в одиночестве, когда раздался ваш звонок в дверь. Опять-таки меня вынудила необходимость. В противном случае вы могли отказаться войти.

Ла Туш кивнул:

— Сделайте милость, продолжайте.

Для мужчины своих лет Буарак сейчас выглядел до странности старым и изможденным. В его черной шевелюре местами пробивалась седина, щеки запали, выражение лица казалось глубоко печальным, а глаза смотрели серьезно и устало. И хотя говорил он спокойно и негромко, его явно охватили эмоции, и потому Буарак, казалось, не мог подобрать слова. Но затем, в отчаянии взмахнув рукой, он нашел в себе силы продолжить:

— Мне было нелегко решиться рассказать вам все, но, увы, я сам заслужил такую муку. Не стану ходить вокруг да около: я пригласил вас сюда сегодня вечером, чтобы сделать признание. Да, господа, вы видите перед собой глубоко несчастного, во всем виновного человека. Я убил ее, совершил убийство той жуткой ночью после званого ужина. И с тех пор не знал ни секунды покоя. Я страдал так, как вы себе даже представить не можете. Меня словно низвергли в ад. За последние несколько недель я постарел заметнее, чем за годы нормальной жизни. А теперь, когда к моим личным мучениям добавилась мысль о неотвратимом наказании, которое станет результатом вашего расследования, у меня не осталось больше сил терпеть. Этому невыносимому напряжению пора положить конец. И поэтому после долгих раздумий я решился выступить с признанием и покаянием.

Ла Туш уже не сомневался в серьезности намерений и искренности этого человека. Но его подозрения еще не до конца развеялись. И он задал вопрос, который напрашивался сам собой:

— Но почему вы для этого пригласили нас сюда, мсье Буарак? Гораздо логичнее было бы отправиться в Сюрте и поговорить с мсье Шове.

— Знаю, мне так и следовало поступить. Но подобный вариант показался мне чуть легче. Поймите, господа, даже здесь, сидя в своем собственном доме,

рассказывать об этом очень тяжело. А там, в присутствии многочисленных официальных лиц, среди которых наверняка нашлось бы немало глупцов, зная, что твои слова записывает стенографистка... Я бы не смог заставить себя говорить. А вам расскажу все, отвечу на любые вопросы, чтобы потом ко мне не приставали с этим. Надеюсь только, что мой конец наступит скоро. Вы сделаете все необходимое, на суде я признаю свою вину. Согласны?

— Да, мы вас выслушаем.

— Я буду вам за это весьма признателен.

Буарак с заметным усилием взял себя в руки и потом продолжал говорить тихо, не позволяя эмоциям захлестывать себя:

— Боюсь, мое заявление займет продолжительное время, поскольку мне придется начать издалека, чтобы вы смогли понять обстоятельства, приведшие к столь страшной развязке. Значительная часть истории вам уже известна. Вы знаете, что моя жена и Феликс полюбили друг друга еще в школе живописи, но ее отец отказался дать разрешение на их брак. Затем я сам стал жертвой очарования Аннетты и попросил ее руки. Она и ее отец скрыли от меня то, что произошло в художественной школе. Мое предложение рассмотрели благосклонно, и мы поженились. Полагаю, вы выяснили и другое: с самого начала наша семейная жизнь не сложилась. Я всем сердцем любил Аннетту, но она оставалась ко мне совершенно равнодушна. Не стану вдаваться в детали. Очень скоро я понял, что она вышла за меня, поддавшись приступу отчаяния после разрыва помолвки с Феликсом. Аннетта причинила мне огромные моральные страдания, хотя я прекрасно понимал истинные мотивы. Ее поступки не были заранее обдуманы или злонамеренны. Она, вероятно, сама не представляла, насколько силен окажется удар для меня.

Отчуждение между нами становилось все глубже. Совместная жизнь постепенно превратилась в сплошное испытание. А потом я познакомился с Феликсом и пригласил его к себе домой. Лишь много недель спустя я узнал, что он и был тем молодым человеком, в которого моя жена влюбилась студенткой школы живописи. Однако вам не следует считать, что кто-то из них

совершил бесчестный поступок в отношении меня. Они вели себя достойно. Жена превратила мое существование в муку, это верно, но она не сбежала с Феликсом, да и он сам, насколько мне известно, никогда не предлагал ей ничего подобного. Они вновь стали близкими друзьями, но не более того, если только я не заблуждаюсь. В этом им можно отдать должное, что и делаю вполне искренне.

Но со мной все обстояло совершенно иначе. Полностью лишенный возможности стать счастливым в собственном доме из-за отвратительного поступка жены, теперь позвольте называть вещи своими именами, которая вышла за меня замуж, хотя любила другого человека, я поддался искушению искать счастья на стороне. И по воле случая встретил ту, с кем действительно мог бы познать такое счастье. Вам никогда не выведать ни ее имени, ни каким образом я ухитрялся встречаться с ней, не вызывая ни у кого подозрений. Скажу только, что постепенно в наших отношениях наступила та стадия, когда уже ни она, ни я не могли продолжать тайную жизнь, встречи украдкой, свидания с многочисленными предосторожностями. Ситуация стала нестерпимой, и я решил положить ей конец. В вечер званого ужина я внезапно понял, что для меня открывается путь к свободе.

Но прежде чем я перейду к рассказу о событиях той ужасной ночи, хотел бы сразу отбить у вас охоту заняться поисками моей возлюбленной в стремлении переложить на нее часть ответственности за трагедию. Могу одновременно сообщить: я и здесь потерпел поражение. Через неделю после того, как продал душу дьяволу и совершил омерзительное в своей жестокости преступление, она простудилась. Простуда перешла в воспаление легких, и через четыре дня ее уже не было в живых. Так я впервые ощутил, что такое кара небесная. Но это касается меня одного, и ее имя не будет запятнано. Вы никогда не узнаете его.

Голос Буарака стал еще тише. Он говорил теперь монотонно и бездушно, произнося фразы почти механически, и все равно его слушатели не могли не понимать, что только стальная воля удерживает его от нервного срыва.

— В вечер званого ужина, — продолжил он, — я случайно встретил Феликса в холле, когда он только что пришел, и отвел его к себе в кабинет, чтобы показать одну гравиюру. Мы действительно обсуждали бочку, в которой мне только что доставили небольшую скульптурную группу, но я не давал ему никакой информации, где и как можно приобрести такую же. Все, что стало известно о событиях того вечера до времени вызова меня на работу, — чистая правда. Как верны были и мои опасения относительно долгой задержки на заводе, хотя освободился я значительно раньше, чем предполагал.

Я уехал оттуда около одиннадцати, воспользовался метро, сделал пересадку на «Шатле», но остальные мои показания в полиции были ложью. Никакой американский друг не похлопал меня по спине, когда я вышел из вагона, — этого человека в природе не существует. Мою прогулку с ним по набережной Орсе, продлившуюся до площади Согласия, проводы его в Орлеан и возвращение до дома пешком — все это я придумал, чтобы отчитаться, чем занимался между четвертью двенадцатого и часом ночи. На самом же деле в этот промежуток времени произошло вот что. Я совершил пересадку на станции «Шатле» и доехал до авеню де л'Альма. У своего дома был без двадцати или без четверти двенадцать.

Я достал свой ключ от входной двери и уже поднимался по лестнице портика, когда заметил, что одна планка жалюзи в том окне гостиной, которое выходило в сторону крыльца, не закрылась полностью, и сквозь нее на темную улицу проникала яркая полоса света. Она как раз располагалась на уровне моих глаз, и потому я невольно заглянул внутрь комнаты. То, что я увидел, заставило меня застыть на месте и продолжить наблюдение. В кресле у дальней стены гостиной сидела моя жена, а спиной ко мне стоял Феликс, низко склонившийся к ней. Они были одни, и по мере того, как я наблюдал за ними, у меня зародился план, заставивший бешено колотиться сердце. Уж не возродилась ли интрижка между моей женой и Феликсом? — подумал я. Но даже если нет, не в моих ли интересах считать, что их взаимная любовь вспыхнула с новой силой? Я смотрел не отрываясь. Через какое-

то время Феликс выпрямился во весь рост и начал что-то говорить с очень серьезным видом, активно жестикулируя, что было его обычной привычкой. Затем моя жена вышла из гостиной и, вернувшись очень скоро, передала ему какой-то небольшой предмет. Я находился слишком далеко, чтобы разглядеть его, но мне показалось, что это были свернутые в тугую трубочку банкноты. Феликс аккуратно убрал деньги в карман, а потом они оба повернулись и направились в сторону холла. Прошли всего лишь секунды, но я успел укрыться в тени за колонной, затем входная дверь открылась.

«О, Леон, — услышал я голос жены, который буквально дрожал от охвативших ее чувств, — насколько же ты добрый человек! Я так рада, что ты помог мне сделать это!»

Судя по голосу Феликса, он тоже испытывал волнение.

«Моя милая леди, для меня большое счастье оказать вам услугу. Вы же знаете, что всегда и во всем можете положиться на меня!»

И он спустился по лестнице на улицу.

«Вы мне напишете?»

«Незамедлительно», — отозвался Феликс и ушел.

Когда дверь закрылась, на меня нахлынула волна жгучей ненависти, бешеной неприязни к этой женщине, которая разрушила мою жизнь. Кроме того, она была несокрушимым препятствием на моем пути, не давая возможности для обретения счастья. Столь же яростно я ненавидел в тот момент Феликса, который, пусть и бессознательно, стал причиной моих жизненных неудач. И тогда я почувствовал, словно... Хотя скорее так и было на самом деле. Я не просто почувствовал это. Сам дьявол вселился в меня. Внутри как будто заледенело, а ощущение возникло такое, что я покинул собственное тело и наблюдал со стороны за кем-то другим. Взявшись за ключ, бесшумно открыл дверь и последовал за женой в гостиную. Ее чуть усталая, небрежная походка, когда она шла через комнату, только распалила мой гнев. Насколько же хорошо было мне знакомо каждое ее движение! Именно так — устало и небрежно — Аннетта всегда встречала меня по возвращении с работы. У нее

находилась для меня лишь холодная вежливость, тогда как она могла делать все совершенно иначе...

Жена дошла до кресла и повернулась, чтобы снова сесть. И только тогда заметила меня. У нее даже вырвался легкий крик.

«Рауль! Как же ты напугал меня! Ты только что вернулся?»

Я дернул с головы и отшвырнул в угол шляпу. Она разглядела выражение моего лица.

«Рауль! — воскликнула Аннетта снова. — В чем дело? Почему ты так странно выглядишь?»

Я же стоял и пристально смотрел на нее. Внешне сохранял совершенно спокойный вид, но внутри кровь растекалась по венам словно расплавленный металл, а мой мозг буквально пожирало адское пламя.

«Ничего особенного не произошло, — сказал я ужасно грозно и хрипло, как будто эти слова произнес чужой мне человек. — Так, пустяки. Просто муж возвращается с работы и видит, как жена развлекается с любовником».

Она отшатнулась назад, как от удара, и тяжело упала в кресло. Потом снова подняла на меня свое сильно побледневшее лицо.

«О, Рауль! — сказала жена с дрожью в голосе, задышав от страха. — Но ведь это неправда, клянусь тебе! Неужели ты мне не веришь, Рауль?»

Я подошел к ней ближе. Ненависть овладела мною настолько, что ослепила, оглушила, лишила способности чувствовать хоть что-то, помимо злобы. Должно быть, это читалось в моих глазах, потому что страх жены превратился в панический.

Она попыталась закричать, но из внезапно пересохшего горла вырвались лишь звуки, подобные рыданию. Лицо стало белее полотна. Капельки пота выступили на лбу.

А я уже стоял рядом. Руки тянулись вперед, и я почувствовал нежную кожу ее шеи, когда мои большие пальцы сдавили... В ее глазах мелькнул ужас от осознания происходящего, я смутно помню, что она пыталась вцепиться мне в лицо...

Я прекратил душить ее. Мой мозг отказывался мне подчиняться. По-прежнему создавалось впечатление, что я смотрю на себя издалека и не узнаю. Она была мертва. И я ненавидел ее больше, чем когда-либо прежде. Мне доставляло удовольствие видеть жену мертвой, читать застывший в глазах ужас. А он? Как же я ненавидел того, кто украл мою любовь и отравил всю жизнь! Сейчас же пойду, догоню его и тоже убью. Уничтожу так же, как и эту женщину. И я, спотыкаясь, слепо стал двигаться в сторону двери.

Но вселившийся в меня дьявол не дремал и подsunул мне другой, гораздо более хитроумный план. Феликс хотел завладеть ею, что ж, пусть ему она и достанется. Живой увести Аннетту от меня не вышло, тогда пусть получит ее мертвое тело.

Мсье Буарак сделал вынужденную паузу. Последние фразы он уже произносил высоким, пронзительным голосом, яростно жестикулируя, дав волю эмоциям.

Казалось, он совершенно забыл о своих слушателях, подхваченный потоком жутких воспоминаний, и заново переживал чудовищную сцену, еще раз погружившись в тот убийственный и неподконтрольный ему транс. После краткого молчания он снова собрался с мыслями и продолжал более спокойным тоном:

— Я решил отправить труп Феликсу не только для того, чтобы насытить свою ненависть, но в надежде, избавившись от тела, навлечь подозрение в убийстве на него. Однако во что же мне упаковать мертвую жену для отправки в Лондон? — гадал я. И почти сразу вспомнил, что в кабинете стоит прекрасная бочка, в которой мне только что доставили заказанную статую. Она была достаточно велика, сделана из толстого дерева и скреплена мощными стальными кольцами. Бочка идеально подходила для моих целей.

Я сразу же пошел в кабинет и распаковал скульптуру. Затем совершенно хладнокровно перенес туда тело и поместил внутрь бочки. Идеи, как отвести подозрения от себя, непрерывно приходили мне в голову. Я снял с жены вечерние туфли, поскольку они являлись бы свидетельством, что она не покидала дома. Затем сно-

ва заполнил бочку опилками, основательно утрамбовав их, поскольку тело занимало значительно больше места, чем статуэтка. Излишек опилок я собрал веником в совок, хранившийся под лестницей в холле, и ссыпал в мешок, положив его затем под замок в один из шкафов. Под конец я вернул на место верхнюю крышку бочки. Когда я завершил работу, никто не смог бы заподозрить, что ее содержимое успели подменить.

В мои намерения входило создать полное впечатление о бегстве жены с Феликсом. Для этого необходимо было срочно решить две задачи. Прежде всего избавиться от той ее верхней одежды, в которой она, скорее всего, ушла бы из дома. Поэтому я взял с собой статуэтку, ее туфли и поднялся к ней в спальню. Вечерние туфли небрежно бросил рядом с постелью, словно она в спешке сменила их. Взял ее шубу, шляпу, пару уличных туфель и вместе со скульптурой отнес в свою комнату. У меня не оставалось особого выбора, где все это спрятать, кроме пары пустовавших дорожных чемоданов, а потому я уложил статуэтку в один из них, а одежду — в другой, заперев на замки.

Затем необходимо было сфальсифицировать записку, якобы написанную женой, в которой она признавалась в любви к Феликсу и объявляла об отъезде с ним. Я не мог составить текст тогда же, а потому на время вложил в пустой конверт какое-то собственное старое письмо, адресовал самому себе, подделав почерк Аннетты. И оставил на рабочем столе в кабинете.

Я потратил на все это примерно сорок пять минут, и время близилось к часу ночи. Оглядевшись, чтобы убедиться, не упустил ли чего из вида, направился к выходу из гостиной. В этот момент заметил, как что-то блеснуло позади кресла, в котором жену настигла смерть. Я подошел ближе и увидел бриллиантовую брошь на булавке, по всей видимости отцепившуюся от платья во время попыток жены сопротивляться. Меня прошиб холодный пот при мысли, что я чуть не прошел мимо нее. Ведь обнаружение броши кем-то другим совершенно лишило бы правдоподобия мою версию и могло привести меня на эшафот. Не имея пока никаких идей относительно украшения, я спрятал его в карман жилета.

Затем надел пальто и шляпу и, выходя на улицу, громко хлопнул дверью. Дошел до Елисейских Полей и вернулся обратно домой, снова воспользовавшись своим ключом. Как и надеялся, звук захлопнувшейся двери не остался неслышанным, и дворецкого я застал в полной растерянности, поскольку он понял, что моя жена исчезла. Я поспешил подтвердить его опасения, солгав о ее отъезде в Швейцарию. Как вы поняли, Франсуа мне не поверил, решив, что Аннетта сбежала с Феликсом.

Большую часть той ночи я провел в кабинете, вырабатывая план действий. Прежде всего следовало позаботиться о бочке. Ее мне прислали от Дюпьера, и необходимо было вернуть им такую же пустую, чтобы не выдать себя. Но где взять еще одну?

Скоро мне стало ясно, что существует только одна возможность получить такую же бочку для безопасного возврата. Надо было заказать подобную статуэтку и надеяться, что ее упакуют и пришлют точно так же. Но по очевидным причинам я никак не мог сделать новый заказ сам. И тогда родился замысел написать письмо от имени несуществующего заказчика, поручив доставить скульптуру в багажное отделение одного из вокзалов, где и хранить до выдачи персоне, которая предъявит свои права на нее. Так я смог бы получить бочку, не выдав своего подлинного имени.

Однако этот план меня не удовлетворил. Оставалась опасность, что полиции удастся отследить мои перемещения. Я снова все тщательно обдумал и понял, что если закажу статуэтку от имени Феликса, то мои проблемы окажутся решены разом. Ему придется встретить бочку, которую отправлю ему я, и он не сможет потом отрицать сделанный им же заказ. Но вот только мне нельзя было указывать имени и правильного адреса Феликса, поскольку в таком случае он получил бы обе бочки сразу, а моим задачам это никак не соответствовало. И в итоге родилась известная вам схема. Убедившись предварительно в наличии похожей скульптуры, я написал письмо с заказом, подделав почерк Феликса и дав его фальшивый адрес. В понедельник вечером подбросил письмо в почтовый ящик фирмы «Дюпьер

и Си», во вторник утром позвонил им, уточнив, каким маршрутом последует бочка, чтобы самому встретить ее в Лондоне и укрыть в сарае. Впрочем, это вы смогли выяснить, насколько мне известно.

— Минуточку, пожалуйста, — вмешался Ла Туш. — Вы излагаете все чересчур быстро. Я не понимаю отдельных деталей. Вы сказали, что, убедившись в наличии похожей статуэтки, написали на нее фальшивый заказ, а потом оставили конверт с ним в почтовом ящике Дюпьера, так? Смысл этого поступка ускользает от меня.

— Ах, вы все-таки не сумели разобраться во всех нюансах дела, мой дорогой сыщик! Тогда объясню. Я ведь подделал письмо с заказом, еще находясь в Париже. Но Дюпьеру следовало считать, что заказ был прислан из Лондона, иначе неизбежно могли возникнуть нежелательные для меня подозрения. Эту задачу мне не составило труда решить. Я наклеил на чистый конверт марку с письмом, полученного ранее из Англии с лондонским гашением, дорисовав отсутствовавшую часть почтового штемпеля с помощью обычной свечной сажи. А в ночь с понедельника на вторник отправился в Гренель и опустил конверт в почтовый ящик фирмы Дюпьера. На следующее утро, получив его, они даже не заподозрили, что гашение на английской почтовой марке — частично подделано.

Хотя они оба понимали, что видят перед собой жестокого и циничного преступника, Ла Туш и Маллет поневоле оказались поражены хитроумной ловкостью трюка. Полицейские в один голос подтверждали, что заказ на скульптуру поступил во вторник из Лондона. А это означало: его могли отправить не позже понедельника. Поскольку в тот день в Лондоне находился только Феликс, а Буарак не покидал Парижа, то лишь один из них и мог быть заказчиком. Как же элементарно следователей обвели вокруг пальца! Детективы могли только удивляться, что план Буарака не увенчался полнейшим успехом, хотя сами не желали себе в этом признаваться.

— Но откуда взялись следы чернил на промокательной бумаге? — все еще недоумевал Ла Туш.

— Я посчитал необходимым не только убедить Дюпьера, что заказ поступил из Лондона, но и со-

здать четкие доказательства, подтверждающие авторство Феликса. И вот как я поступил — не только написал письмо, но и снял второй экземпляр под копирку. Как вы догадались, во время визита в Лондон я тайком наведалься в «Сен-Мало», где в моем распоряжении оказались чернила и перо Феликса. Мне оставалось лишь обвести копию заказа свежими чернилами и промокнуть. Так я создал необходимую мне улику, хотя и чисто иллюзорную.

Слушатели нехотя отдавали должное гениальной простоте обманного приема. Отпечаток письма на промокательной бумаге выглядел неопровержимым доказательством, а на деле являлся результатом ловкости рук, полученным без особых ухищрений. Как же все казалось легко, если ты знаешь суть произошедшего!

— Теперь вы внесли ясность в этот вопрос, благодарю, — произнес Ла Туш.

— Я встретил бочку в Лондоне и перевез в заброшенный сарай, — продолжал бизнесмен. — Отпустив кучера, вскрыл ее, достал скульптуру, переложил в привезенный с собой чемодан. Затем снял с бочки бирку, спрятав в карман, а взамен снабдил груз другой биркой с адресом на Северный вокзал и с получателем в лице мифического Жака де Бельвиля. Как вы понимаете, роль Жака де Бельвиля тоже пришлось сыграть мне.

Поскольку вы отыскиали Дюбуа, моего кучера, то должны знать, каким образом я подменил бочки, отправив ту, в которой лежал труп, прямо из своего дома Феликсу, в то время как вторую, опустошенную в Лондоне, возвратил фирме Дюпьера. Эта часть моего плана вам ясна, как я полагаю?

— Да, более чем.

— Так я избавился от тела и переслал его Феликсу. Но мне хотелось не только причинить ему боль при вскрытии бочки и обнаружении трупа. Мне теперь требовалось гораздо больше. Нужно было посеять у полицейских подозрения, чтобы они взяли Феликса под наблюдение и пресекли любые его попытки избавиться от трупа. Ведь в таком случае он уже никогда не сумел бы доказать свою невиновность, полностью избавляя меня от ответственности за содеянное. Для достижения такого результата требовалось соткать вокруг него

подлинную паутину улик, из которой он не смог бы выбраться. И постепенно в моей голове возникали идеи, как добиться этого.

Для начала понадобилось настоящее прощальное письмо жены, конверт для которого я подготовил и якобы нашел у себя в кабинете. Собрав все образцы почерка Аннетты из ее письменного стола, я подделал послание и предъявил его французской полиции. Сохранив письмо на всякий случай, я уничтожил образцы почерка жены, чтобы его не с чем было даже сравнить, если бы возникло подозрение в фальсификации.

Затем я стал тщательно обдумывать, как заставить Феликса встретить бочку с трупом и при этом вызвать подозрения у полицейских. И у меня родился план, детали которого вам тоже известны. Так случилось, что тремя неделями ранее я попал в кафе «Золотое руно» с сильнейшим приступом головной боли, а потому укрылся в глубокой нише, чтобы обеспечить себе полнейшее уединение и покой. Через какое-то время в то же кафе пришел Феликс и увлекся беседой с большой группой своих знакомых. Меня они видеть не могли, зато я слышал каждое слово из их разговора и узнал о намерении Феликса и Ле Готье поучаствовать в розыгрыше тиража государственной лотереи. Мне сразу пришла в голову мысль воспользоваться этим, и я составил текст письма якобы от Ле Готье с упоминанием лотереи, чтобы все в нем выглядело правдоподобным. Потом написал что-то вроде квитанции о возврате долга, упомянув сумму, которую собирался вложить в бочку. С содержанием письма и квитанции вы знакомы. Оба документа я вложил в свою записную книжку для дальнейшего использования.

Следующим вечером, в понедельник, я сделал вид, что распаковал бочку. Достал скульптуру, спрятанную позапрошлой ночью в дорожный чемодан, и водрузил на стол в кабинете. На полу вокруг бочки я просыпал самую малость опилок из мешка, желая, если бы возникли подозрения, показать, что бочку вскрыли только в понедельник вечером, а значит, тело не могло оказаться в ней сразу после званого ужина в субботу. Как вы знаете, эта уловка тоже сработала. Кроме того, я снял с бочки бирку и убрал в карман.

Смертельный
груз

Заново сняв крышку, я вложил в бочку пятьдесят два фунта и десять шиллингов. Я рассчитывал, что если бочку в Англии откроет полиция, детективы посчитают: Феликс сам вложил внутрь деньги для подтверждения версии присылки ему груза из-за границы. Причем французским деньгам я предпочел английские соверены, чтобы усилить подозрения против Феликса. По моей логике, полицейские неизбежно пришли бы к выводу, что в смятении и в страхе после убийства Феликс напрочь забыл, из какой страны он документально получил бочку.

Вызвав в кабинет Франсуа, я показал ему распакованную скульптурную группу и велел выдать бочку представителям фирмы Дюпьера, если за ней кого-то пришлют. Затем, уведомив его, что уеду из дома на пару ночей, я на следующее утро ранним поездом отправился в Лондон.

В тот же понедельник я купил накладную бородку и заgrimировал себя под Феликса, сохраняя маскировку до самого возвращения. В поездку я захватил с собой тот дорожный чемодан, куда сложил одежду жены, и, находясь на борту парома, нашел тихое место на нижней палубе, где, никем не замеченный, выбросил ее вещи за борт. Прибыв в Лондон, я отправился в транспортную компанию и нанял повозку, чтобы перемещать бочку в следующие два дня. Хотя об этом вам известно. Затем я поехал в «Сен-Мало» — поместье Феликса, которое мне удалось найти лишь после продолжительных поисков. Наблюдение показало, что в доме никого не было. Я попытал счастья с окнами, и мне повезло — одно из них оказалось не заперто изнутри. Открыв его, я забрался внутрь и прошел в кабинет. Там при свете электрического фонарика я обвел свежими чернилами копию поддельного письма с заказом на скульптуру и воспользовался промокательной бумагой Феликса. У меня не было сомнений, что ее обнаружат и так подтвердится его заказ, отправленный в фирму Дюпьера.

Предвидел я и основную сложность. Защитники Феликса будут настаивать на его невиновности, поскольку у него не только отсутствовал мотив для убийства, но он был бы последним человеком в мире, кто пошел бы на такое преступление против любимой жен-

щины. Таким образом, для меня вопросом жизни и смерти стало создание мотива, побудившего обвиняемого к убийству. С этой целью я сфальсифицировал еще одно письмо, якобы написанное девушкой, с которой Феликс поступил бесчестно. Сняв его для придания естественного вида, я сунул листок в карман одного из пиджаков Феликса. У меня были основания надеяться, что при обнаружении письма полиция посчитает его причиной ссоры: моя жена прочитала его и обрушила гнев на Феликса, что и стало причиной ее смерти. Феликс же, вырвав у Аннетты письмо, поспешил сунуть его в карман, а потом совершенно забыл о существовании изобличающей улики. Я еще оставался в кабинете, когда меня осенила одна идея. Нашлось применение для броши, отколовшейся от платья моей жены. Побрякушка ведь естественным образом упала позади кресла, в котором несчастная сидела в момент гибели, и я решил подыскать точно такое же место в той комнате. Подобная улика послужит лишним подтверждением, что ее убили именно там, решил я. И мой взгляд упал на кресло, стоявшее перед портьерой, закрывавшей какую-то дверь. Сразу стало ясно, что это именно то, что нужно. Я бросил булавку на пол, но она зацепилась за нижний край портьеры. Там она оказалась скрытой при небрежном осмотре комнаты, но я не сомневался, что, тщательно обыскивая, полиция найдет драгоценность. Не переместив в доме ни одного предмета и не оставив никаких следов своего визита, я вернулся в Лондон.

Таким был мой план, и если бы не ваш ум и опыт, он бы увенчался успехом. Есть еще вопросы, оставшиеся вам неясными?

— Как мне кажется, только один, — отозвался Ла Туш. — Обслуга слышала, как в понедельник вы якобы говорили по телефону с дворецким и управляющим на заводе из кафе в Шарантоне. Но настоящие звонки вы сделали только во вторник из Кале. Как удалась имитация?

— Очень просто. Я заранее заготовил небольшой деревянный клинышек, который не позволял рычагу подниматься, когда с аппарата в кафе снимали трубку. Таким образом соединения с телефонной станцией не происходило, а я лишь изображал разговор. Еще вопросы есть?

— Думаю, больше нет, — сказал Ла Туш, вновь с огорчением почувствовав, что наряду с презрением и отвращением не может не испытывать и восхищения изобретательностью и ловкостью этого мерзкого человека. — Вы сделали исчерпывающее заявление.

— О, оно еще далеко не исчерпывающее, — сказал Буарак. — Осталась еще пара вопросов, которые я хотел бы с вами обсудить. Прочитайте вот это, например.

Он достал из кармана письмо и протянул Ла Тушу. Оба сыщика склонились, чтобы рассмотреть листок, но как только они сделали это, раздался легкий щелчок, и отключился свет. Послышался звук, похожий на падение кресла, в котором только что сидел Буарак.

— Блокируйте дверь! — выкрикнул Ла Туш, вскочив на ноги и нащупывая в кармане свой фонарик. Маллет метнулся к двери, но наткнулся в темноте на кресло и упал. Когда Ла Туш включил фонарик, они успели лишь увидеть, как дверь захлопнулась. Донесся приглушенный издевательский смех. В замке провернулся ключ.

Ла Туш, не целясь, выстрелил сквозь деревянные панели, но снаружи не послышалось больше ничего. Маллет добрался до дверной ручки, но при первом же прикосновении она попросту отвалилась. Державшие ее шурупы были заранее вывернуты.

Дверь открывалась только вовнутрь, и оказавшимся теперь в плену сыщикам не за что было уцепиться на ее ровной поверхности. Выбить же дверь наружу в сторону коридора было невозможно — она плотно прилегала к мощному косяку. Тяжелые дубовые доски, из которых дверь была изготовлена, не оставляли надежды расколоть ее.

— Окно! — воскликнул Ла Туш, и они оба повернулись в ту сторону.

Жалюзи поддались легко, но снаружи окно прикрывала стальная решетка из расположенных близко друг к другу прутьев. Мужчины навалились на нее всей тяжестью своих тел. Но Буарак ценил надежные вещи, решетка стала непреодолимым препятствием. Ни один из прутьев не удавалось даже отогнуть.

Они несколько секунд стояли в полном смятении, стараясь восстановить дыхание, а потом Маллет сумел

разглядеть в темноте выключатель, рычажок которого находился в опущенном положении. Маллет поднял его, и хотя комнату не залил ожидаемый поток света, помощник Ла Туша сумел разглядеть что-то весьма примечательное.

— Посветите сюда фонариком, Ла Туш! — воскликнул он. Они оба увидели, что к рычажку выключателя присоединена тонкая рыболовная леска. Практически невидимая даже при ярком освещении, она была протянута вдоль стены и внизу сквозь небольшое отверстие уходила под пол. Любой, кто потянул бы за нее из подвала, отключил бы в комнате свет.

— Не понимаю, — сказал Ла Туш. — Значит, у него все-таки был сообщник?

— Нет! — все тем же повышенным тоном ответил Маллет, взяв у босса фонарик. — Взгляните-ка вот сюда!

Он указал на кресло, в котором прежде сидел Буарак, теперь опрокинутом на бок. К его левому подлокотнику была тоже привязана леска, уходившая сквозь дыру под пол.

— Уверен, что они соединены!

Любопытство на мгновение возобладало над растерянностью и страхом. Ла Туш снова передвинул рычажок выключателя, а Маллет потянул за леску у подлокотника. Они отчетливо услышали, как выключатель шелкнул вновь.

— Гениальный мерзавец! — пробормотал Маллет. — Леска другим концом привязана к электрическому щиту в подвале, и теперь свет отключился повсюду.

— Беритесь за дело, Маллет, — приказал Ла Туш. — Каждая секунда дорога. Нам надо срочно выбираться отсюда.

Они вместе атаковали дверь, вложив всю свою силу. Толкали ее снова и снова, но совершенно безрезультатно. Дверь оказалась слишком прочной.

— Что это за запах, как думаете? — спросил заметно напуганный Маллет.

— Думаю, газ из кухни. Или дрова тлеют в камине гостиной.

— Быть может, позвать на помощь через окно?

— Бесполезно. Окна комнат прислуги выходят лишь во внутренний двор.

Потом оба поняли, что за запах до них доносится. Нервы были напряжены до предела, кровь застыла в жилах от страха, и они панически с удвоенной отчаянной энергией набросились на дверь. В комнату все обильнее проринак дым от горевшего дерева.

— Боже милостивый! — вскрикнул Маллет. — Он поджег дом!

Казалось немыслимым, чтобы дверь могла выдержать столь яростный напор. Если бы она открывалась наружу, то давно слетела с петель, никакой замок не удержал бы ее. Они раз за разом пытались выломать дверь. Крупные капли пота скатывались по лицам. А задымление все увеличивалось — дым проникал в комнату через щели.

— Посветите фонариком вот сюда! — внезапно воскликнул Ла Туш.

Достав пистолет, он выпустил несколько пуль в личину замка.

— Только не надо тратить все патроны! Сколько их у вас?

— Еще два осталось.

— Лучше побереечь.

Замок был сломан, но дверь продолжала оставаться на месте. Действия мужчин становились более бессмысленными и суетливыми, и тут Маллету пришла в голову идея. У дальней стены стоял тяжелый старомодный диван.

— Давайте используем его как таран!

В комнате Франсуа уже густо витали облака дыма. Он забивал легкие, щипал горло, мешал дышать. При скудном освещении и в дыму действовать быстро уже не получалось. Однако они перетаскили диван к двери, подняли, раскачали и что было сил обрушили на нее. Они повторили удар во второй, затем в третий раз, но только после четвертого раздался треск ломающейся древесины.

Им показалось, что они добились своего, но мгновение спустя поняли свою ошибку. Им удалось вышибить только одну из нижних досок справа.

— Теперь надо сломать доску слева, а затем — центральную!

И хотя сыщикам казалось, что они все делают с лихорадочной поспешностью, на каждое движение уходило немало времени. Между тем дым проникал в комнату

все сильнее. А затем Ла Туш различил звук, вселявший подлинный страх: горевшее дерево потрескивало где-то совсем близко.

— У нас остались считанные секунды, Маллет, — выдохнул он, утирая пот со лба.

Уже в полнейшем отчаянии они обрушили всю тяжесть дивана на левую доску. Она устояла. Оба молчали, но в глубине души подозревали, что скорее сломается диван, чем дверь.

— Посветите мне. Быстро! — хрипло крикнул Маллет. — Или с нами скоро все будет кончено!

Теперь уже помощник достал свой автоматический пистолет, поднес ствол как можно ближе к доске и разрядил все семь пуль из обоймы в нее. Ла Туш мгновенно понял замысел подчиненного, выпустив оба оставшихся у него заряда туда же. Доска была испещрена девятью сквозными отверстиями.

В ушах сыщиков стоял неумолчный монотонный звон, легкие почти отказывались им служить, когда, казалось бы, совсем слабым движением мужчины нанесли по доске последний удар. И треск дерева больше их не обманул. Они могли выбраться сквозь образовавшуюся брешь наружу.

— Уходите первым, Маллет! Поспешите! — заорал Ла Туш, покачнувшись назад, словно был мертвецки пьян.

Но ответа не услышал. Сквозь густые клубы дыма он увидел, что помощник недвижимо распластался на полу. Последнее усилие слишком дорого обошлось ему.

У Ла Туша тоже все плыло перед глазами. Он не мог больше мыслить связанно. Почти не соображая, что делает, он ухватил Маллета за руку и подтащил ближе к бреши в двери. Затем выбрался наружу сам и развернулся, чтобы помочь сделать то же самое коллеге. Вот только звон в ушах теперь стал невыносимо громким, тяжесть в груди сделалась нестерпимой, и его поглотила тьма. Лишившись сознания, он рухнул, так и оставшись на пороге между коридором и комнатой Франсуа.

Стоило ему упасть, как наверху мелькнул красный огонек, язык пламени пробился сквозь потолок и стал яростно и стремительно распространяться по нему.

ЭПИЛОГ

Когда Ла Туш пришел в себя, он обнаружил, что лежит под открытым небом, а над ним склонился Фэрол — второй из его помощников. Ла Туш мгновенно вспомнил об оставленном в беде коллеге.

— Где Маллет? — прошептал он чуть слышно.

— В безопасности, — ответил Фэрол. — Мы вынесли его из дома как раз вовремя.

— А Буарак?

— Полиция ведет на него охоту.

Ла Туш лежал неподвижно. Он находился в тяжелом состоянии. Однако свежий воздух быстро вернул его к жизни, и уже скоро он смог сесть.

— Где это я? — вскоре спросил он.

— За углом от дома Буарака. Там сейчас работает пожарная бригада.

— Расскажите мне, что видели.

Рассказ Фэрора оказался достаточно коротким. Буарак в этот день неожиданно вернулся домой около трех часов дня. Вскоре после этого сыщик с удивлением заметил, как дом один за другим покинули слуги. Все происходило более чем странно. Двое мужчин и четверо женщин уехали на извозчиках и на такси, причем увозили с собой много багажа. Последним около четырех часов вышел Франсуа с чемоданом в руке. Его сопровождал Буарак. Франсуа запер дверь, передав затем ключи хозяину. Мужчины пожали друг другу руки, сели в ожидавший каждого из них транспорт и разъехались в разных направлениях. Становилось очевидным, что дом закрывали надолго.

Фэрол, непрерывно державший в своем распоряжении такси, последовал за Буараком. Тот добрался до вокзала Сен-Лазар, отпустил машину и вошел в здание. Но покупать билет не стал. Несколько минут он прогуливался по залу ожидания, а затем вышел через боковую дверь. Он доехал на метро до станции «Альма», прошел пешком вдоль улицы, после чего, украдкой оглядевшись по сторонам, открыл дверь своего дома и вошел в него. Фэрол уже понимал: что-то здесь нечисто. Он остановил свою машину на некотором расстоянии и продолжал наблюдение.

Его изумление только возросло, когда он увидел, что к дому подъехали Ла Туш и Маллет, как один из них нажал на кнопку звонка. Фэрол бросился вперед, желая предупредить об опасности, но опоздал. Они вошли, и дверь за ними закрылась. Тревожась все больше и больше, Фэрол ждал и через продолжительный промежуток времени увидел Буарака, покидавшего дом в одиночестве. Уверенный теперь, что случилось нечто непредвиденное, Фэрол решил не следовать за Буараком, а немедленно сообщить о подозрительных событиях в Сюрте. Оттуда сразу же отправили машину с несколькими агентами, и они прибыли к дому одновременно с Фэролом, которому нужно было сделать телефонный звонок из ближайшего кафе. Из окон второго этажа уже просачивался дым, и один сотрудник Сюрте уехал, чтобы вызвать пожарных, а остальные попытались взломать дверь дома. Чтобы проникнуть внутрь, им понадобились немалые усилия. Сквозь густую завесу дыма они разглядели Ла Туша, распростертого на пороге комнаты Франсуа. Двоих сыщиков успели вынести из дома в последний момент, когда пламя уже бушевало в холле.

— Нам необходимо срочно отправиться в Сюрте, — сказал Ла Туш, успевший прийти в себя.

Двадцать минут спустя мсье Шове располагал всеми фактами, и поиски Буарака приняли более целенаправленный характер.

Ла Туш еще некоторое время конфиденциально беседовал с шефом Сюрте о том, как ему удалось найти ключи к тайне. Причем мсье Шове оказался не только изумлен, но и заметно пристыжен столь вопиющей ошибкой, которую допустили его люди, да и он сам.

— Вот ведь дьявольски умное отродье! — воскликнул он. — Как искусно он сумел внушить нам полнейшее доверие к себе. Но мы до него доберемся, мсье Ла Туш, не сомневайтесь. Из города ему не выбраться. Сейчас уже перекрыты все пути.

Обещание шефа оказалось выполнено даже раньше, чем ожидал он сам. Новости пришли буквально через час. Уверенный, что находится в полной безопасности, поскольку уничтожил тех людей, которые, как он полагал, могли доказать его виновность, после поджога дома Буарак отправился напрямик в свой любимый клуб. Туда на всякий случай послали агента для проверки. И каково же было его удивление, когда он увидел Буарака преспокойно сидевшим на диване с сигарой в зубах. Бизнесмен совершил отчаянную попытку избежать ареста и даже стрелял в полицейского. Лишь осознав, что его участь предрешена, он направил ствол пистолета себе в висок. И уже никто не смог помешать ему пустить себе пулю в голову.

Так закончил свою жизнь один из самых коварных и хладнокровных преступников, с которыми доводилось прежде сталкиваться детективам из Сюрте и Скотленд-Ярда.

А Феликс оказался вознагражден за свои страдания и мучения самым непредсказуемым образом. Королевский адвокат Хеппенстол, который в процессе общения проникся к своему клиенту глубоким уважением, заказал ему портрет своей жены. В процессе работы над портретом художник познакомился с дочерью адвоката, и двое молодых людей влюбились друг в друга. Шесть месяцев спустя они без особого шума поженились, а поскольку невеста обладала весьма значительным приданым, Феликс смог бросить неблагодарную работу и перебраться в новое поместье «Сен-Мало», расположенное на ласковом берегу Средиземного моря. Там он счастливо проводил свое время, наслаждаясь обществом жены и продолжая трудиться над давно задуманным шедевром, остававшимся пока неосуществимой мечтой.

Содержание

Часть 1

ЛОНДОН

Глава 1. СТРАННЫЙ ГРУЗ	7
Глава 2. ИНСПЕКТОР БЕРНЛИ ИДЕТ ПО СЛЕДУ	25
Глава 3. НАБЛЮДАТЕЛЬ НА СТЕНЕ	39
Глава 4. ПОЛУНОЧНАЯ БЕСЕДА	48
Глава 5. ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ МИСТЕРОМ ФЕЛИКСОМ	56
Глава 6. ИСКУССТВО ИСКАТЬ И НАХОДИТЬ	68
Глава 7. БОЧКА НАЙДЕНА	85
Глава 8. ВСКРЫТИЕ БОЧКИ	97

Часть 2

ПАРИЖ

Глава 9. МСЬЕ ШЕФ ПОЛИЦИИ	106
Глава 10. КТО ЖЕ НАПИСАЛ ПИСЬМО?	118
Глава 11. ФИРМА «ДЮПЬЕР И СИ»	130
Глава 12. НА ВОКЗАЛЕ СЕН-ЛАЗАР	138
Глава 13. ВЛАДЕЛИЦА ПЛАТЯ	149
Глава 14. ПОКАЗАНИЯ МСЬЕ БУАРАКА	159
Глава 15. ДОМ НА АВЕНЮ ДЕ Л'АЛЬМА	167
Глава 16. ИНСПЕКТОР БЕРНЛИ В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ.	178
Глава 17. ВОЕННЫЙ СОВЕТ	193
Глава 18. ЛЕФАРЖ ОХОТИТСЯ В ОДИНОЧКУ	206
Глава 19. ПРОВЕРКА АЛИБИ	220
Глава 20. ОБЛИЧАЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА	236

Часть 3

ЛОНДОН И ПАРИЖ

Глава 21. ЗАЩИТНИКИ ФЕЛИКСА	250
Глава 22. НОВАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ МИСТЕРОМ ФЕЛИКСОМ.	260
Глава 23. МИСТЕР КЛИФФОРД ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ ...	280
Глава 24. МИСТЕР ДЖОРДЖ ЛА ТУШ	291
Глава 25. РАЗОЧАРОВАНИЕ	301
Глава 26. ПЕРВАЯ ВАЖНАЯ УЛИКА	310
Глава 27. ДИЛЕММА ЛА ТУША	328
Глава 28. КЛУБОК РАСПУТЫВАЕТСЯ	345
Глава 29. ДРАМАТИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА	357
Эпилог	380

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Крофтс Фримен Уиллс

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ГРУЗ

Роман

Ответственный редактор *Е. Трушечкина*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Л. Панина*
Корректор *М. Мазалова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: **www.ast.ru**
E-mail: neoclassic@ast.ru
VKontakte: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.08.2017. Формат 84x108 ^{1/32}.
Гарнитура «Newtop». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж экз. Заказ №

Самая известная книга Фримена Уиллса Крофтса — классика «золотого века» английского детектива!

Необычный груз приходит из Парижа в лондонский порт: из бочки с биркой «скульптура» высыплются золотые монеты, а в глубине видна изящная женская рука, но не из мрамора, а из плоти. Полиция незамедлительно приезжает в порт, но бочка исчезла...

Дело ведет инспектор Бернли из Скотленд-Ярда. Чтобы узнать личность таинственной жертвы и поймать убийцу, ему предстоит проследить весь запутанный маршрут бочки между Парижем и Лондоном по морю и железной дороге.

Непревзойденный мастер фантастических алиби.

«The New York Times Book Review»

Из всех писателей «золотого века» Фримен Уиллс Крофтс — признанный мастер сюжета. Для тех, кто неравнодушен к запутанным головоломкам.

«The Daily Mail»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-093759-2

9 785170 937592